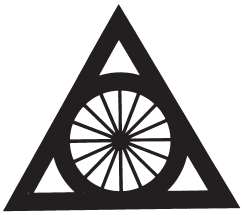
Й о г Р а м а н а н т а т а

УПРАЖНЕНИЯ ЙОГИ ДЛЯ РАЗВИТИЯ ПАМЯТИ

практическое руководство для развития и укрепления памяти и обретения ясности сознания

3-е издание, исправленное и дополненное

Нижний Новгород

Издатель Москвичев А. Г.
2020 год

Настоящая публикация подготовлена к печати Йогом Раманантатой.
В издании сохранены характерные особенности
авторской орфографии, пунктуации и стиля.

УДК 294.527
ББК 86.41
КТК 001
Р21

Йог Раманантата
Р21 Упражнения йоги для развития памяти / Йог Раманантата, Н. Новгород:
А. Г. Москвичев, 2020. — 426 с.
ISBN 978-5-6044808-9-2

Эта книга – доступное, всеобъемлющее руководство по развитию памяти. Оно основано на комплексном подходе, включающем информацию о механизме запоминания и систему упражнений, направленных на максимальное использование этого механизма. Память – самый высший и самый ценный дар разума, а мы её совсем не ценим, не бережём. Хуже того, иные и рады бы вести себя по-другому, да не знают как подступиться, ибо руководство взять негде. Теперь, наконец, такое руководство есть, и всякий, кто будет ему следовать, незамедлительно добьётся на этом поприще успеха.

Данная методика гарантирует улучшение пространственной памяти и ориентации, памяти на лица, числа, даты, события, имена и т.д. Значительное место в книге отведено вопросу о множественности существований, о памяти прошлых воплощений. На большом количестве интересных примеров автор убедительно показывает: чтобы сделать свою жизнь ярче, богаче, успешнее, нужно научиться не только запоминать, но и вспоминать.

Данное пособие не только принесёт практическую пользу, но и изживёт множество предрассудков и ходячих мнений в вопросах затронутой области. Самый злостный предрассудок здесь состоит в убеждении, будто память в детстве и юности хороша, а потом всё слабеет и в конце концов сводится на нет. Почему это не так и какие есть основания для оптимизма, Вы сможете узнать на данных страницах. В свете сказанного нетрудно понять, сколь бесценным сокровищем оказывается для каждого настоящее руководство по уходу за памятью. Для широкого круга читателей.

ISBN 978-5-6044808-9-2

© Москвичев А. Г.,
издание, оформление, 2020
© Йог Раманантата,
перевод, составление,
комментарии, редакция, 2020

ПРЕДИСЛОВИЕ

У вас хорошая или плохая память? Право, здесь есть над чем задуматься. Ведь, по словам Мирабо, «верная и деятельная память удваивает жизнь».

Память – самый высший и самый ценный дар разума, его самый острый инструмент, а мы её совсем не ценим и не бережём. Хуже того, иные и рады бы вести себя по-другому, да не знают как подступиться, ибо руководство взять негде.

Теперь мы, наконец, даём такое руководство – монографию Йога Рамачараки «Культура памяти: наука наблюдения, запоминания и припоминания», – и всякий, кто будет ему следовать, незамедлительно добьётся успеха на этом поприще.

Вот книга, которая не только принесёт практическую пользу, но и внесёт ясность в разбираемую тему, – в чём нужда, надо сказать, назрела уже давно: ведь из-за слабости памяти каждому по сто раз на дню приходится заново «изобретать велосипед»; книга, которая изживёт предрассудки и ходячие мнения.

Самый злостный предрассудок в данной области состоит в убеждении, будто память связана с возрастом: в детстве и юности она-де хороша, а потом всё слабеет и в конце концов чуть ли не вовсе сводится на нет, а весь ум растворяется в маразме. Вздор!

Просто в детстве и юности человек поставлен в такие условия, что должен неуклонно интеллектуально расти и развиваться, должен постоянно упражнять и обогащать свою память – в эти годы жизни сия задача имеет для него первостепенное значение. Но в последующем акценты смещаются, память в зрелые годы всё менее и менее упражняется и в конце концов лишается всякого упражнения. Именно отсутствие упражнения и интереса, а вовсе не возраст, постепенно ввергают человека в умственную апатию и маразм. А годы – пустое.

Хрестоматийный пример – римский сенатор и писатель Катон, который начал изучать греческий (а ныне – древнегреческий) язык, когда ему минуло 90 лет, и сильно в нём преуспел.

Ослабление внимания и памяти, происходящее от названной причины, связано и с ещё одним крайне неприятным явлением – тем, что по мере прибавления лет бег времени для человека всё ускоряется. То есть объективно скорость движения времени, разумеется, остаётся неизменной, но субъективно человек ощущает его *ускорение*. Лучше всего этот предмет разбирается Шопенгауэром в его «Афоризмах житейской мудрости». От себя лишь скажем, что причина столь досадного явления кроется в прогрессирующей рассеянности внимания и в прогрессирующей же неспособности человека к сосредоточению – симптомы, роднящие подобное состояние с идиотизмом.

Надо сказать, что такому положению вещей сильно содействует нынешний уклад жизни с его однообразием, задёрганностью и хронической усталостью, с постоянными покушениями на ясность сознания и разворовыванием внимания, чему сильно содействуют своей болтовнёй радио и телевидение. Отметим, что перед последними особенно беззащитны как раз люди преклонного возраста. В результате сила восприятия неизбежно падает, а память слабеет. Всё меньше импульсов извне поступает в сознание. Временны*е* интервалы между этими импульсами выпадают, что и является причиной для *иллюзии ускорения* времени.

При таком положении дел оказывается, что если человек прожил 17 лет, то он прожил половину – причём лучшую половину – своей жизни, потому как общая сумма впечатлений от последующих 60-80 лет качественно и количественно будет лишь равняться сумме впечатлений первых 17 лет. Кто мудр и наблюдателен, вполне сможет оценить глубину только что сказанного.

Таким образом, чтобы субъективно замедлить бег времени (в скобках отметим, что это замедление может быть продлено до очень значительного предела), человеку необходимо *постоянно* (а не только в юности) упражнять внимание и наблюдательность, развивать и совершенствовать память и её остроту.

И ещё одна аксиома: создавать себе привычки – ошибка. Чем меньше у человека привычек, тем он (во-первых) свободнее,

тем острее (и это во-вторых) сознаёт он окружающее и тем (это, наконец, в-третьих) лучше работают у него внимание и память. Всё это неизбежно означает, что время для него течёт субъективно медленнее, чем для остальных смертных, а, стало быть, он и успевает больше, и жизнь его оказывается насыщеннее, интереснее и богаче. Привычки, притупляюще действуя на органы чувств человека, парализуют его внимание, память и волю, делают его слепым и глухим к тому, что его окружает. Человек становится биологическим автоматом и перестаёт быть человеком в действительном смысле этого слова.

Нелепо принимать всерьёз человека с плохой памятью. Наша память – это мы сами, это наше прошлое, настоящее и наше будущее, это всё, что мы сделали, и всё то, что мы ещё создадим. И если наша память слаба, то нас как бы нет. В соответствии с этим, для человека, который смысл жизни видит в «убиении времени», слабость памяти должна представляться не злом, а, напротив, величайшим благом.

Ещё раз утвердим сказанное ранее: хотите долго прожить и много пережить – развивайте в себе наблюдательность и сосредоточенность, укрепляйте свою память. Способ достижения этого – упражнение. Внимание, сосредоточенность и память являются способом замедлить бег времени и, таким образом, – способом продлить свою жизнь. Это, разумеется, будет *относительным*, а не *абсолютным* её продлением, к которому так стремится вульгарный ум. Относительное продление, безусловно, важнее абсолютного: «Важно не сколько лет за плечами, а набрался ли ума человек», – говорит пословица.

Тот не мудрец, у кого слабая память. Цепкость памяти – для мыслителя первейшее благо. Хорошая память обогащает ум, а умному человеку недостаточно просто быть умным: ему ещё необходимо обогатить и украсить свою память мудрыми и прекрасными мыслями лучших людей всех веков и народов. Человек с хорошей памятью, работающей в направлении запоминания афоризмов, становится мудрее. Читая книги, он доходит до идеи самоусовершенствования (умственного, физического, нравствен-

ного), что является качественным скачком на пути развития личности.

Здесь мы подошли непосредственно к теме второй части нашей книги. Потому что вспоминать – так уж вспоминать. Ведь, по мысли Платона, всякое серьёзное знание есть не столько результат последнего опыта, опыта последних дней и лет жизни, сколько *припоминание* – т.е. опыт прежних наших жизней, прежних воплощений. Вполне естественным, с точки зрения йогов, будет углубить тему памяти, перейдя от просто совершенного пользования этой способностью к применению её в деле *самопознания*. Свами Анантананда говорит: «Мы – результат своего прошлого, неизбежное последствие наших дел и мыслей. Поэтому наша память – это мы сами: наша личность, наши возможности, наше мышление, наше отношение к людям – всё связано с памятью. Чем наша память сильнее, тем более мы являемся самими собою, тем сильнее наша помощь миру».

Реальное владение памятью поможет нам многое понять в самих себе и многое о себе узнать. Вспомнив своё далёкое прошлое, мы сможем увидеть и предназначенное нам будущее. Самопознание также поможет нам уразуметь *иллюзорность* смерти. И как не сказать здесь исполненные глубочайшего смысла слова Л.Н.Толстого: «Когда подумаешь о том, что будет с душою после смерти, нельзя не подумать и о том, что было с душою до рождения. Если ты идёшь куда-нибудь, то, наверное, откуда-нибудь ты вышел. Так и в жизни. Если ты пришёл в эту жизнь, то откуда-нибудь. Если жил прежде, то будешь жить и после».

В итоге глубоких размышлений и благотворных переживаний, с которыми мы неизбежно сталкиваемся на указанном пути, у нас, в конце концов, неизбежно вырабатывается некое новое миропонимание, совершенно особое мироощущение, которое позволит нам понять своё истинное место и задачи в этой жизни, научит нас лучше понимать и больше ценить наших попутчиков, сопровождающих нас на пути совместного духовного восхождения.

Свами Анантананда говорит об этом так: «Все наши встречи здесь не случайны. Мы все что-то значим друг для друга. Мы

знали друг друга прежде и продолжим наше общение в вечности. Поэтому для нас так важно отдавать друг другу лучшее, что в нас есть, и изживать в себе остатки дурного, которые мешают другим наслаждаться нашим обществом».

Завершает всё уникальная подборка мыслей и наставлений величайшего индийского мыслителя – Свами Вивекананды. Вот поистине йогическое руководство в действии!

В свете сказанного нетрудно понять, сколь *бесценным сокровищем* оказывается для каждого выпускаемая нами в свет книга об уходе за памятью и тайнах затронутой области. Данная книга, без сомнения, облегчит жизнь каждому, так как в ней заключается глубокая истина.

Ом Рамананда

Часть Первая

Й о г Р а м а ч а р а к а

КУЛЬТУРА ПАМЯТИ: НАУКА НАБЛЮДЕНИЯ, ЗАПОМИНАНИЯ И ПРИПОМИНАНИЯ

Глава Первая

ПРЕДСОЗНАНИЕ

Предсознательная область разума – вместилище памяти и хранилище впечатлений, получаемых от пяти внешних чувств. – Взаимоотношение между памятью и предсознанием. – Многочисленные примеры как доказательство тому, что ничто и никогда не забывается и что забытое всегда может припомниться при соответствующих условиях. – Все наши впечатления, скрываясь и накопляясь вне нашего обыденного сознания, ждут лишь подходящего момента для своего пробуждения. – Новый свет на проблему воспитания памяти.

Вполне ясных представлений о природе памяти или о законах, управляющих способностью помнить и вспоминать, мы ещё не имеем, хотя нам и известно нечто в отношении обширной области разума, называемой психологами *предсознательным полем мышления*. Прежде думали, что разум сознаёт всё в нём происходящее, но теперь лучшие современные мыслители призна*ют*, что в процессе мышления самосознание является лишь незначительной частью. Весьма существенная роль в сфере мышления отводится также бессознательным идеям, впечатлениям, чувствам и мыслям. В настоящее время установили вполне, что всякий сознательный акт имеет за собою многое, что лежит в сфере предсознательной; иначе говоря, за каждым сознательным действием скрывается что-то другое, относящееся к предсознанию или надсознанию.*

Ошибочность прежнего мнения, что разум сознаёт всё, видна уже из того, что для достижения своего предельного самосознания разум требует много времени и упражнения, и действительно сей факт налицо: самосознание ребёнка много разнится

* Не следует путать эти понятия мистической психологии с подсознанием, которое является областью действия инстинктов и роднит человека с животным. Разница между *сознанием* (интеллектом), *подсознанием* (инстинктом) и *надсознанием* (интуицией, наитием) уже достаточно объяснена в других наших книгах, но по необходимости мы скажем ещё несколько слов чуть ниже. (*Й.Р.* – <здесь и далее: *Йог Рàманантáта*>)

в своих суждениях от самосознания взрослого человека. Кроме того, внешний мир в отношении времени и изменяемости можно считать чем-то более постоянным, нежели самого человека; между тем, такое одинаковое и неизменное действие внешнего мира на человека воспринимается им в разное время его жизни совершенно различно; в этом может убедиться всякий, сравнив впечатления детства с позднейшими впечатлениями от одного и того же явления.

За пределом сознания находится обширная область предсознания и надсознания, и она заключает в себе много таинственного, привлекающего внимание психологов и прочих мыслителей, оказавших своими трудами огромное влияние на идеи нашего времени. По их вычислениям, едва ли десять процентов ежедневного процесса мысли производится сознательно, остальная же мыслительная работа совершается в области «бессознательного» или предсознания. Так называемое нами *сознательное мышление* представляет собой как бы горные вершины, выступающие над поверхностью океана, тогда как основная часть горной гряды лежит на его дне и скрыта от взора внешнего наблюдателя океаническими водами. Мы словно находимся беспросветной ночью в тёмном лесу, наши факелы бросают лишь незначительный круг света, вне которого более широкое кольцо полутеней, а далее идёт уже непроглядная тьма. Между тем в этой-то тьме и полутенях совершается громадная работа, и её результаты, когда то нужно, врываются в световой круг, называемый сознанием.

Память – это прежде всего одна из функций нашего предсознательного мышления. Громадная кладовая памяти именно и находится в обширной области предсознания. От момента получения какого-нибудь впечатления и до момента вторичного его появления в поле сознания работают силы предсознания. Так получается и так откладывается нами впечатление.

Куда же оно откладывается? Не в область сознания – тогда бы оно было всегда перед нами, укладывается оно именно в области предсознания между другими впечатлениями и так старательно, что мы с трудом потом находим его, когда оно понадобится.

Где же лежит оно иногда целыми годами, отделяющими момент укладки впечатления от момента следующего за этим извлечения его? В громадной кладовой предсознания. Что же происходит, если мы хотим вызвать какое-либо впечатление снова?

Воля приказывает «рабочим», занимающимся в этой кладовой, отыскать и вынести на свет когда-то спрятанное впечатление. Чем тщательнее научились они прятать полученные ими вещи и замечать их места, тем скорее они при надобности и вынесут их на свет.

Нельзя рассматривать сознание как синоним разума. Если рассматривать сознание и разум как понятия равнозначные и исключить понятие предсознания, то у нас не будет возможности объяснить, где в продолжение известного состояния сознания находится остальная часть разума; куда скрылись все прочие части умственного орудия, кроме тех, что находятся в употреблении. Поле сознания в отдельные моменты очень ограничено, как будто, смотря в телескоп или микроскоп, мы видим только то, что находится в поле зрения нашего прибора; всё остальное в это время как бы не существует. Разум воспринимает идеи, впечатления постоянно, но мы их ещё не сознаём, пока они не появляются в поле сознания.*

---

* Сегодня, в пору программирования и кибернетики, мы, быть может, в состоянии несколько яснее выразить нашим читателям разницу между сознанием, предсознанием и надсознанием. Сознание (интеллект) – это всего лишь *оперативная память*; предсознание (память) – это *жёсткие диски*, с записанной на них информацией и техническими средствами, позволяющими её быстро укладывать и отыскивать; и, наконец, подсознание (инстинкт) – это *операционная система с программами* командования и управления.

Для пользы дела, наверное, имеет смысл углубить и продолжить эту аналогию. Вообще аналогия – чрезвычайно эффективный инструмент познания. Способность мыслить аналогиями не только развивает воображение, но и бесконечно раздвигает наш умственный кругозор.

Так вот, в нашей аналогии процессор вместе с корпусом и электрооборудованием представляет собой *физическое тело* индивида, наделённого искусственными сознанием, предсознанием и подсознанием. При этом электрооборудование компьютора (включая провода и кабели) представляет в данной системе органы, ответственные за функции дыхания, кровообращения, пищеварения, усвоения и выведения.

Описанная нами система, как понимает читатель, всё ещё оказывается неполной: в ней отсутствует самое главное – интуитивный ум, наитие, душа,

Есть предположение, что всякое полученное впечатление, всякая возникающая мысль, всякий совершаемый поступок – где-нибудь да остаются в предсознательном складе нашей памяти, и, стало быть, ничто не забывается окончательно. Многое уже, повидимому, совершенно забытое по прошествии ряда лет, вновь приходит в область сознания, вызываясь к жизни ассоциацией мыслей, желанием, необходимостью или усилием. Конечно, многие умственные впечатления не вернутся никогда в область сознания, потому что к этому не представляется необходимости, но они останутся навсегда в области предсознания, властно влияя на наши мысли, идеи и поступки. Другие впечатления в ожидании своей очереди будут скрыты в тайниках памяти подобно свету и теплу, таящихся в пластах каменного угля, который лежит на обнажённых слоях земной поверхности и ожидает лишь времени, когда он будет употреблён в дело.

В отдельные моменты нами сознаётся лишь очень небольшая часть того, что сохраняется в нашей памяти. Иногда многое, что является как бы забытым и что мы часто силимся припомнить, возвращается помимо нас в область сознания словно по собственному произволу. Мы часто стараемся вспомнить какую-нибудь вещь, но она ускользает, и мы прекращаем усилия, но спустя некоторое время эта мысль вдруг ярко вспыхивает в нашем сознании. Кажется, что наше желание что-нибудь вспомнить побуждает к труду молчаливых работников предсознания, а потом, когда мы уже совсем забыли о своём желании, они возвращаются, торжественно принося желаемое впечатление. Кроме того, случайное слово постороннего лица в состоянии открыть нам обширное поле воспоминаний, давно уже утерянных нами из вида. Часто мы видим во сне давно забытые лица, слышим и узнаём голоса, звук которых давно уже заглох. Многие случаи так забываются, что, кажется, никакое усилие воли не может вызвать их

Высшее «Я». Что же в данной системе должно выступить в функции этого наиважнейшего начала? Это начало в данной системе, как и в системе физического человека, целиком привходяще. Здесь в его функции выступит оператор, работающий на данном компьюторе; его сознание, воля и личность. (*Й.Р.*)

снова, но они, однако, крепко держатся где-нибудь в предсознании и какой-нибудь выходящий из ряда побудитель, усилие или особое физическое состояние выносят их снова на поверхность с такою ясностью, словно они только что произошли.

В горячечном бреду люди говорят о том, что уже давно забыто, о чём они едва ли вспомнят по выздоровлении, но что, если справиться, окажется действительно бывшим в их молодости или детстве. Утверждают, что перед глазами утопающего возникает вся его прошедшая жизнь, и много интересных заметок по этому поводу собрано в известнейших трудах по новейшей психологии. Сэр Фрэнсис Бофор, спасённый из воды, утверждает: «Казалось, каждое событие моей жизни в обратном порядке пронеслось у меня в памяти, картина ширилась, и я видел перед собою будто панораму всей своей жизни».

Кольридж рассказывает, что одна молодая женщина, не умевшая ни читать, ни писать, заболев горячкой, заговорила по-латыни, по-гречески и по-еврейски. Записаны были целые цитаты; смысл их было крайне затруднительно разобрать ввиду слабой их связи одной с другою. Лишь немногие из еврейских фраз её можно было отнести к библейским изречениям, прочие же скорее принадлежали языку раввинов. Женщина эта была крайне невежественна, почему и не могло быть речи об обмане, и её сочли бесноватой. Однако, один врач, сомневавшийся в возможности такого беснования, решился раскрыть эту тайну и после многих усилий узнал, что она с девяти лет была в услужении у старого священника. Последний имел привычку ходить взад и вперёд по галерее, смежной с кухней, и цитировать вслух тексты из сочинений раввинов, а также греческих и римских Отцов Церкви. Ознакомившись с его книгами, нашли в них все произнесённые девушкой стихи. Горячка явилась побудителем для предсознания, чтобы обнаружить некоторые из старейших её сокровищ.

Карпентер рассказывает об одном английском священнике, посетившем замок, в котором, насколько тот помнил, он никогда прежде не был. При приближении к воротам ему представилось, что он был здесь когда-то и видел, как ему казалось, не только ворота, но

и ослов у арки и людей возле неё. Сильно поражённый таким обстоятельством, он несколько времени спустя обратился к своей матери, надеясь, что она сможет отчасти объяснить это приключение. Она рассказала, что когда ему было года полтора, она в большой компании отправилась с ним в этот замок, посадив его на осла; часть компании села завтракать под аркой, а ребёнок был оставлен внизу с прислугой и ослами. Вид ворот при вторичном посещении вызвал старые воспоминания детства, показавшиеся ему сном.

Аберкромби рассказал об одной даме, доживавшей свои дни в деревне. Из Лондона к ней привезли проститься её маленькую дочь и после короткого свидания увезли обратно. Мать умерла, а дочь выросла, совершено не помня своей матери. Уже в преклонном возрасте ей случилось снова посетить тот дом, где умерла её мать, и даже войти в ту самую комнату, не зная, что именно здесь скончалась она. Войдя в комнату, она остолбенела, а когда присутствующее при этом лицо спросило о причине её испуга, она сказала, что вполне ясно вспоминает, что когда-то была здесь и что дама, лежавшая в противоположном углу и, по видимости, опасно больная, склонилась над нею и плакала. Итак, впечатление сохранилось в кладовой предсознания детского разума, оставаясь неизвестным, пока его владелица уже сама не достигла преклонных лет. При виде комнаты это впечатление возобновилось, и память выдала одну из своих тайн.

Вот самые убедительные доказательства того, что ничто не забудется совершенно, если только оно воспринято разумом. Никакое впечатление, раз пережитое, не прекратит своего существования. Оно не затеряно, но только потускнело и продолжает существовать по ту сторону области сознания, куда снова может возвратиться много времени спустя, усилием ли воли или ассоциацией.

Хотя многие воспоминания и не возобновляются никогда ни при посредстве воли, ни при посредстве ассоциации, но впечатление всё-таки существует и влияет так или иначе на наши мысли и действия. Если бы можно было спуститься в глубину предсознательного мышления, то мы нашли бы там всякое полученное когда-нибудь впечатление, каждую мысль, возникшую в нас, и воспоминание о

каждом своём поступке. Всё это заключается там хотя и невидимым, но оказывающим своё влияние на нас. Благодаря нашим вчерашним мыслям, словам и действиям, благодаря тому, что мы видели и слышали, мы и являемся сегодня таковыми, а не иными.

Человек есть результат своего прошедшего. Нет ни одного впечатления, поступка или мысли в нашей прошедшей жизни без того, чтобы они не имели своей доли влияния на образование интеллектуальных или моральных особенностей нашей жизни. Наши настоящие мысли и мнения являются в значительной степени следствиями длинного ряда незаметных опытов прошедшего, хотя и давно забытых и никогда не приходящих нам на память.

В последующих главах этой книги мы займёмся вопросом об упражнении предсознания, о тщательном сохранении, запоминании тайников, где хранится то или другое впечатление, и скором розыске и предъявлении желаемого по приказанию воли. Мы увидим, что память поддаётся неограниченному улучшению, упражнению и развитию; сознавая, что *ничто не забывается навсегда*, мы уразумеем и возможность улучшить искусство воспринимать впечатления, сохранять их и снова извлекать. Мы увидим, что чем яснее запечатлевается что-либо в предсознательной области мышления, тем тщательнее оно и сохраняется и тем легче его вызвать в область сознания.

Мы увидим, с каким успехом можно приучить работников предсознания разыскивать и находить желаемое и как можно направлять их действия к исполнению наших приказаний.

* * *

Глава Вторая

ВНИМАНИЕ И ВНИМАТЕЛЬНОСТЬ

Закон психики, согласно которому сила первичного впечатления определяет степень запоминания и припоминания. – Данная сила находится в полном соответствии с вниманием, которое уделяется предмету, производящему впечатление. – Примеры и иллюстрации. – Выяснение сущности внимания и роли интереса в связи с воспитанием памяти.

Интенсивность первоначального впечатления определяет степень последующих воспоминаний или припоминаний и пропорциональна вниманию, с которым относятся к предмету, производящему впечатление, – это является психологическим законом.*

Испытания, оставляющие наиболее постоянные и резкие впечатления в нашем мозгу, суть именно те, на которые мы обратили наиболее сильное внимание. Однако многие авторитеты идут дальше, утверждая, что внимание – наиболее важная умственная привычка и что каждый человек имеет возможность развить известную степень гениальности, развивая силу сосредоточенного внимания, способного к неограниченному возрастанию при непрестанном упражнении.

Было уже сказано, что наибольшую разницу между умом отдельных лиц в гораздо большей мере составляет различие в степени внимания, нежели различие в отвлечённой способности рассуждать, и что внимание является лучшей половиной интеллекта.

Предсознательная часть разума сохраняет все впечатления, получаемые органами чувств, независимо от наличности внима-

* Самюэль Джонсон формулирует эту проблему вполне однозначно: «Запоминать умеет тот, кто умеет быть внимательным». К.Д.Ушинский продолжает ту же мысль: «Внимание – это та единственная дверь нашей души, через которую всё, что есть в сознании, непременно проходит». Если внимание, если сила восприятия падает, то, с одной стороны, ухудшается память, а, с другой, время летит для нас быстрее, но проходит бессодержательно и неэффективно. (*Й.Р.*)

ния, но так как такие впечатления обыкновенно не входят в сознание при посредстве памяти, то ввиду их малой пользы они как бы не существуют. Итак, для наших целей мы можем признать, что без определённой степени внимания мы не сохраним продолжительного впечатления.

Исходя из этого, мы можем сказать, что недостаточно, чтобы предмет произвёл впечатление при посредстве чувства на мозг, но, чтобы запомнить что-нибудь, в момент первичного впечатления необходимы внимание и сознательность.

Для пояснения разницы между сознательным вниманием и простым получением впечатлений через органы чувств вообразим себя на одной из людных улиц большого города. Тысячи предметов являются перед нашим зрением, тысячи звуков воспринимаются нашим мозгом при посредстве слуха, обоняние тоже получает впечатления, осязание также не бездействует, потому что мы можем сталкиваться с людьми и натыкаться на какие-то предметы. Среди такого хаоса зрительных впечатлений, звуков, запахов, при возможности восприятия самых разнородных впечатлений мы можем, однако, быть заняты одним определённым зрелищем, одним звуком, даже мыслью, а всё прочее, окружающее нас, как бы не существует. И всё, что мы потом вспомним об этом времени, будет именно тот предмет, на который мы исключительно смотрели, или тот звук, к которому мы прислушивались, или та определённая мысль, которая занимала нас в этот момент.

Бóльшая часть нами видимого, слышимого, чувствуемого почти тут же и забывается, потому что мы относимся к этому с очень незначительной степенью внимания. Говорят, что слабая память есть слабое внимание и что привычка к наблюдению – двойник памяти. Мы коснёмся этого в другой части нашей книги, где укажем и упражнение для развития внимания и ухода за ним.

Может ли человек одновременно сосредоточиваться на нескольких предметах – вопрос, в котором мнения расходятся. Высшие авторитеты, однако, сходятся в том, что разум может одновременно заниматься лишь одним предметом, но переходить от одного предмета к другому он может попеременно и с изумитель-

ной быстротой, которая может навести на мысль, будто человек в состоянии разделить внимание между двумя предметами и более. Некоторые люди дела одарены способностью делать сразу три или четыре дела, но в действительности они лишь развили в себе способность быстро переходить от одного предмета к другому. Гранвилль, упоминая об этом, говорит, что такого рода умственная гимнастика нередко заканчивается самым печальным падением, из-за которого такой умственный гимнаст надолго оказывается лишён возможности пользоваться своими незаурядными способностями.

Бэн подводит итог всему сказанному, говоря: «Никогда не следует забывать, что человеческий разум в одно время может заниматься лишь одною вещью, хотя и можно переключать внимание и таким образом схватить сразу два или более предметов».

Когда разум сосредоточен на одном предмете, то мы невосприимчивы к зрелищам и звукам, которые в другое время тотчас же привлекли бы наше внимание. Человек, погружённый в какое-либо определённое занятие, не заметит проходящих чрез комнату лиц или не услышит боя часов, рядом с ним находящихся. В публичной библиотеке Чикаго автор наблюдал десятки людей, которые, углубившись в чтение, повидимому, не воспринимают ни зрелищ, ни звуков и не сознают времени; погружённые в свои книги, они не замечают встающих или садящихся вокруг них людей и не соображают, что время уже закрывать библиотеку, и для этого нужно их тронуть за плечо и попросить удалиться. Некоторые люди так погружаются в свои думы, что далеко проезжают собственную станцию по железной дороге. В пылу битвы раны в первое время обыкновенно не замечаются. Рассказывают, что Генри Клей, намереваясь говорить об очень важных вопросах и желая ограничить время своего выступления, просил одного из своих друзей остановить его по истечении указанного им срока. Он, однако, так увлёкся своею речью, что его друг так и не мог привлечь его внимания и, не зная что делать, несколько раз пребольно уколол Клея булавкою в ногу. Но тот, не обращая на это внимания, ещё долго продолжал говорить, хотя из ноги даже

показалась кровь. Впоследствии он рассказывал, что отнюдь не сознавал стараний приятеля привлечь его внимание и действительно сильно разбранил того за неисполнение своей просьбы. Один известный французский писатель в ночь Св.Варфоломея так, говорят, углубился в свою работу, что не слыхал побоища даже под своими окнами. Другой итальянский учёный был настолько занят своими опытами, что не слыхал шума сражения на городских улицах и, выйдя уже ночью из дома, был поражён тем обстоятельством, что город занят войсками Наполеона, а австрийцы оставили свои позиции. Про Сократа рассказывают, что однажды, отправившись добровольцем в военный поход, он остановился на дороге, погружённый в свои философские размышления; простояв часа четыре и разрешив занимавший его вопрос, он вдруг увидел себя посреди равнины оставленным ушедшим вперёд войском.

Если вы желаете посвятить всё своё внимание какому-нибудь предмету, то по возможности выбирайте время и место, с тем чтобы ваш ум был свободен от всех посторонних впечатлений. Ведь если вы хотите заинтересовать своего знакомого каким-нибудь важным делом, не отправитесь же вы к нему, когда он чем-то занят, и вам не придёт в голову принудить его разобрать ваш вопрос, если он погружён в другие соображения. Вы подождёте, когда он будет относительно свободен от прочих занятий, в уверенности, что будете иметь тогда внимательного слушателя. Только люди, умеющие сосредоточивать своё внимание, могут бросить своё занятие и тотчас же посвятить всё внимание другому предмету. Понятно, что память следует за вниманием, и лучше запоминаются те вещи, впечатления от которых получены, когда ум находится в покое и не занят ничем посторонним.

Цельное, нераздельное внимание даёт изумительно ясные впечатления, укрепляет умственные способности и даёт им силу, которой оне не обладали бы при обыкновенных условиях. Если сосредоточить своё внимание на больной части тела, то боль усиливается. Замечено, что если сосредоточить внимание на какой-нибудь части тела, то можно вызвать в ней всякое ощущение.

Установлено, что можно усилить кровообращение в любой части тела, если сосредоточить на ней внимание. Если мы желаем получить наиболее полное и ясное впечатление от какого-нибудь предмета, то мы должны сосредоточивать на нём своё внимание. Это сосредоточение может усиливаться от намеренных упражнений.

Люди большого интеллекта отличаются и развитой способностью внимания, между тем идиоты и глупцы обыкновенно лишены всякого внимания. Стало быть, память великих людей наполнена сильными интенсивными впечатлениями, вводимыми ими в область сознания при их ежедневных занятиях, тогда как человек с недостаточным вниманием обладает лишь незначительным запасом знания, постоянно ощущая недостаток в нём.

Знание наше о предмете ограничивается лишь тем, что мы помним его. Стало быть, знание всякого зависит от его памяти. А так как память зависима от внимания, то внимание есть первичный фактор знания. Развив своё внимание, и мужчина и женщина будут щедро за это вознаграждены. Научитесь делать одновременно лишь одно дело, но делать его *наилучшим* образом. Сосредоточивая наше внимание и интерес на одном предмете, мы будем работать с успехом и удовольствием. Мы узнаем всё, что следует знать по данному вопросу. Хорошо сказано Честерфильдом: «В течение дня для всего хватит времени, если мы будем делать только одно дело; но и года будет для вас недостаточно, если вы попробуете делать два дела сразу». Лорд Берлей того же мнения, когда говорит: «Наикратчайший способ исполнить много дел – это делать в одно время лишь одно дело».

Вышеупомянутой теории как бы противоречит тот факт, что многие люди размышляют лучше всего, если они при этом выполняют какое-нибудь лёгкое занятие, например, шьют, вяжут, разрезают книгу, рассматривают картину, курят и прочая; но эти кажущиеся исключения только подтверждают правило: внимание, отвлекаясь от главной мысли, переходит к более лёгким за-

нятиям, предъявляющим наименьшие требования и не отвлекающим внимания далеко от главной мысли. На самом деле то более лёгкое занятие даёт мысли в этих промежутках некоторый отдых. Поэтому, если вам трудно сосредоточивать своё внимание на каком-либо предмете, возьмитесь в то же время за какую-нибудь лёгкую работу. Пусть только такая вспомогательная работа будет *легка*, потому что всё серьёзное раздвоит внимание.

Изучая какой-нибудь предмет, мы получим наилучшие результаты, если направим своё внимание на различные подробности, не отдавая всего внимания предмету в его целом. Мы получаем наиболее полное впечатление благодаря нашей способности анализа и абстракции. Мы лучше узнаём предмет как целое, изучая его подробности. Говоря словами доктора Геринга: «Специализация – мать знания». Прежде, чем изучить и выполнить сложное действие, человек должен научиться выполнять каждую составную часть этого действия. Узнав, как выполнять каждую часть, он будет уже в состоянии выполнить и целое. Те же самые принципы приложимы и к умственным познаниям и приобретению впечатлений.

Тем, кто не приучился сосредоточивать своё внимание на одном предмете, приобретение новых привычек кажется трудным и утомительным. Но дело облегчают упражнения, и со временем вы найдёте, что внимание станет сосредоточиваться автоматически, не требуя ни малейшего усилия. Внимание и способность к сосредоточению могут быть настолько развиты упражнением и практикой, что будут проявляться бессознательно, если в том явится необходимость. Раз вы будете нуждаться в сосредоточенном внимании, оно у вас появится. То же самое и относительно мысленного анализа. Приобретите только умственную привычку, и ваш разум будет следовать ей. Только бы проложить интеллектульную тропу, а разум уже по ней пойдёт. Упражнение и постепенное совершенствование – вот и весь секрет успеха в достижении интеллектульного развития.

* * *

Глава Третья

ПОЛУЧЕНИЕ ВПЕЧАТЛЕНИЙ

Законы приобретения впечатлений. – Как приобретать и сохранять ясные впечатления. – Различие между вниманием произвольным и непроизвольным. – Восприятие впечатлений органами внешних чувств. – В чём состоит приучение чувств к быстрому восприятию и как сохранить его памятью. – Необходимость тщательного наблюдения и прочая. – Многочисленные примеры удивительной памяти, достигнутой лицами всех возрастов, времён и народов благодаря целенаправленному и разумному упражнению запоминающей способности. – Замечательные истории и случаи, иллюстрирующие данный вопрос.

В одной из предшествовавших глав было сказано, что предсознательная способность нашего разума принимает каждое впечатление и складывает его в свою огромную кладовую. Но получаемые впечатления по существу очень различны. Некоторые очень ясны и сильны; другие несколько слабее; третьи совсем неясны и поверхностны. Сила впечатления зависит от интереса, с которым к нему относится наш разум в момент его восприятия, и от количества волевого внимания, сосредоточенного на нём. Предмет интересный или же тот, к которому отнеслись со вниманием, оставляет более резкое впечатление, нежели предмет, мало или даже совсем не возбуждающий интереса; и впечатление это при надобности воспроизводится гораздо скорее.

Сравнивая предсознание с кладовой, можно сказать, что внимание, с которым мы относимся к предмету, воспринимаемому нашим разумом при посредстве органов чувств, определяет размер и ценность вещи, отдаваемой на сохранение. Интерес же, пробуждающийся в момент получения впечатления, придаёт ему окраску. Запомните: внимание определяет размер, интерес же – окраску.

Когда человек желает вынести наружу спрятанную в кладовой вещь, то ему гораздо легче разыскать большой предмет, чем маленький, и легче рассмотреть ярко-красный, чем бесцветный. Понятно, что хорошие вещи сложены в порядке и систематично,

а прочие свалены кое-как и лежат в беспорядке. Тщательное и заботливое сохранение имущества облегчает, конечно, и розыск требуемого предмета, но всё-таки размер и окраска сделают вещь саму по себе более заметной.

Частые извлечения предмета наружу не только ведут к знакомству с местом его хранения, но и увеличивают его размер и усиливают окраску, так как при извлечении на нём всякий раз сосредоточивается известное количество внимания и интереса. Внимание же определяется как «сосредоточивание сознания». Сознание, подобно солнцу, разливающему лучи на бесчисленное множество предметов, может распространяться на целый ряд вещей и может сосредоточиться на определённом предмете, как и лучи солнца могут быть собраны стеклом в пучок. Вполне понятно, что степень внимания и служит мерой впечатления, производимого на предсознательную область нашего мышления.

Психологи различают произвольное и непроизвольное внимание. Непроизвольным вниманием называется внимание, сосредоточенное с минимальным усилием или, пожалуй, без всякого усилия воли. Произвольное внимание сосредоточивается исключительно усилием воли. Животные и неразвитые люди обладают незначительным запасом волевого внимания или совсем его не имеют, но непроизвольное внимание свойственно им во всём своём объёме. Развитые люди обладают в высшей степени произвольным вниманием, способность развивать это последнее, кажется, и есть одно из первичных отличий человека от животных; степень произвольного внимания указывает и на степень развития, занимаемую человеком. Многие редко заходят дальше порога произвольного внимания.

Непроизвольное внимание является врождённым свойством людей и животных. Произвольное внимание есть следствие развития воли. Животные, дети и неразвитые люди едва ли заинтересуются предметом настолько, чтобы удержать на нём своё внимание больше секунды. Развитой же человек усилием воли может направить своё внимание на предмет вовсе не интересный и держать его на нём, пока не закрепит в своей памяти нужные

сведения. И точно так же он может переносить своё внимание с более интересного предмета на менее интересный исключительно одним усилием воли. Действительно развитой человек почти всегда находит в каждом предмете что-либо интересное, и это в конечном счёте и облегчает ему задачу сосредоточить своё внимание; между тем как неразвитой человек подобным предметом не заинтересуется. Развитой человек, стало быть, обладает способностью устранять из области своего внимания ненужный в данный момент предмет и тем очищает поле своего сознания. Этот результат достигается им при посредстве воли, играющей здесь ту же роль, что и в деле сосредоточивания внимания на неинтересном предмете. Неразвитой человек, едва обладающий волевым вниманием, почти всегда оказывается во власти посторонних впечатлений и пребывает в положении ребёнка, смотрящего на представление в цирке, забывающего про родителей и окружающее и следящего только за представлением, пока оно не закончится.

Впечатления получаются при посредстве пяти внешних чувств. Органы чувств разделяются на два разряда: непосредственные и косвенные. Непосредственные органы чувств суть те, что передают впечатления непосредственно мозгу, т.е. органы осязания, обоняния и вкуса. Применяя эти органы чувств, человек приходит в соприкосновение с предметами, производящими впечатление; соприкосновение вполне очевидно в отношении осязания и вкуса и менее очевидно, хотя не менее реально, в отношении обоняния, так как мельчайшие частицы, отделяющиеся от предмета, приходят в соприкосновение с нервом обоняния. Косвенные органы чувств, т.е. глаза и уши, передают впечатление мозгу опосредованно; в этих двух случаях впечатления достигают мозга при содействии световых и звуковых волн.

Впечатления, передаваемые непосредственными органами чувств, с трудом приходят на память, тогда как впечатления, получаемые от косвенных органов чувств, легко припоминаются, и такая лёгкость, при помощи разумного упражнения, доводится до высших пределов. В данный момент вы не можете вспом-

нить настоящий вкус, запах или впечатление от прикосновения, но зато вы легко припомните время и место вкусового, осязательного или обонятельного впечатления, почему вы и узнаёте предмет, встретив его вторично. Эта способность распознавать может быть высоко развита и усовершенствована, стоит лишь вспомнить знатоков чая, вина, сортировщиков шерсти, различного рода экспертов; у них высоко развито чувство вкуса, обоняния, осязания, и в тот момент, когда новое впечатление достигает их мозга, они в самых мельчайших подробностях быстро вызывают в памяти первоначальные впечатления. Но трудно вызвать первичное впечатление вкуса, обоняния, осязания усилием воображения так, чтобы оно напоминало действительность. Кое-кто из исследователей приводит исключения, рассказывая о некоторых гурманах, знатоках вина и прочая, которые усилием воображения будто бы могут вызвать точное впечатление вкуса своих любимых блюд и вин. Сомнамбулы через внушение, повидимому, могут воспринимать такие впечатления. Но обыкновенно трудно вообразить вкус, запах или прикосновение, как мы воображаем звук или зрительное впечатление.

Но при впечатлениях, получаемых от органов зрения и слуха, не представляется подобных трудностей, потому что вы можете не только припомнить явление, но живо нарисовать себе вид или услыхать звук при помощи воображения, подкреплённого памятью. У некоторых эта способность сильно развита, и они в состоянии представить себе какое-нибудь зрелище или услыхать звук так же отчётливо, как в действительности. Художники и композиторы могут служить тому примером.

Нетрудно понять, что при уходе за памятью приобретение ясных и отчётливых впечатлений составляет весьма важное условие. Если нечего припоминать, то память бесполезна. Если вы вспомните наше описание духовной кладовой с различными предметами всех размеров, форм и цветов, вы легко поймёте и то, что психические предметы, для того чтобы их легко было найти когда нужно, должны обладать соответствующими размером, формой и цветом.

Не только органы чувств должны быть приучены к быстрому и лёгкому восприятию впечатлений, так чтобы их легко было вызывать, но и разум надо приучить направлять внимание и интерес на свою работу, чтобы при случае можно было вспомнить мыслительный и психический процесс. Приобретение впечатлений часто идёт двумя или более путями. Например, при чтении напечатанного текста глаза воспринимают впечатление от слов, изречений, страниц, между тем как одновременно другие части нашего разума воспринимают впечатление от мыслей и мнений автора, мыслей и идей самого читающего; заключение получится читателем от переработки и ассимиляции рассуждений автора и от сопоставления их с познаниями, сведениями и мнениями, находящимися уже в его памяти. Все эти впечатления могут быть вызваны памятью соответственно степени развития её в отдельных личностях.

Совершенствование внимания и интереса давало удивительные результаты, и каждый может приобрести это искусство, так что будет удивлён сам и поразит окружающих.

Робер Удэн, знаменитый французский маг, лучшие фокусы которого зависели исключительно от его быстрой наблюдательности и точного внимания, развил эти последние, так же как и память, годами упорных упражнений. Говорят, в свои юношеские дни он быстро проходил мимо какого-нибудь магазина, поспешно и зорко заглядывая в витрину, а затем отворачивался. Спустя несколько шагов, он останавливался, стараясь припомнить и описать возможно большее число виденных предметов. Он нашёл, что постоянная практика настолько увеличила остроту его внимания, что он с каждым днём запоминал всё большее и большее число предметов, выставленных в витрине; таким образом, он непрестанно развивал те части разума, которые сохраняли и снова вызывали впечатления. Говорят, что впоследствии он мог пробежать мимо громадной витрины с выставленными мелкими предметами и получить такое полное, ясное и сильное впечатление, что несколько часов спустя он почти безошибочно описывал любой предмет. Благодаря этой способности Удэн сделался тем,

чем был и чем составил себе состояние. Его память стала как бы фотографической пластинкой, запечатлевающей всё подряд так, как оно есть, и ему оставалось лишь вызвать впечатление и называть предметы, стоящие пред его умственным взором.

Подобный же случай описывает и Р.Киплинг в своём прелестном романе «Ким»: старый учитель Лурган Сагиб готовил мальчика к тайному служению, где быстрое и ясное запоминание предметов было равносильно успеху и имело, стало быть, жизненно-важное значение. Старик вынул из ящика горсть драгоценностей, украшений и прочая и приказал Киму смотреть на них сколько он желает, чтобы постараться затем припомнить их. Здесь же был и другой мальчик-индус, уже подготовлявшийся некоторое время таким образом. Ким нагнулся над подносом и стал смотреть на разложенные на нём драгоценности (числом их было пятнадцать). Он думал, что это легко. Затем поднос закрыли, и мальчик-индус быстро записал, что запомнил. «Под бумагою лежат пять синих камней, один большой, один меньше и три маленьких, – поспешно сказал Ким. – Затем там четыре зелёных камня, один из них пробуравлен; прозрачный жёлтый камень и один, схожий с чубуком. Два красных камня и... и... я насчитал пятнадцать, но два забыл. Дайте вспомнить! Да, там был маленький коричневый предмет из слоновой кости и... и – дайте подумать!» Но дальше дело не шло. «Слушай мой отчёт, – сказал маленький индус, – во-первых, там было два надтреснутых сапфира, весящих, насколько я могу судить, четыре и два карата. Сапфир в четыре карата заострён. Затем туркестанская бирюза, испещрённая зелёными жилками, с двумя надписями, одна золотом, с именем Бога, другая кругом камня стёрта, так как он вынут из старого кольца. Вот пять, синих камней; затем идут четыре блестящих изумруда, один просверлён в двух местах, а другой покрыт маленькой резьбою!» – «Их вес, – спокойно сказал Лурган Сагиб, – три, пять и четыре карата. Кусок зеленоватого старого янтаря и дешёвый обломок европейского топаза. Один бирманский рубин весом пять каратов, без изъяна. Шарообразный, попорченный рубин в два карата. Резная слоновая кость из Китая,

изображающая крысу, сосущую яйцо. И наконец... величиною с боб кристальный шар, вделанный в золото». Ким почувствовал себя очень униженным превосходством маленького индуса. «Как же это у тебя вышло?» – спросил он. «Долгое упражнение – путь к успеху», – был ответ.

Мы советуем вам прочесть эту книгу, в ней много полезного, и посмотреть, как Ким воспользовался советами старого учителя. Это упражнение, очень точно изложенное в великолепном описании Киплинга, очень любимо на Востоке, где оно практикуется в совершенстве многими, как практиковалось и Удэном. Многие из вас могут сделать то же самое, если вы не пожалеете труда и времени для приобретения навыка.

Говорят, что какой-то знаменитый художник на первом сеансе попросту смотрел около часа на оригинал, а потом отпускал его, говоря, что ему возвращаться уже не надо. Затем он месяцами без всяких сеансов писал портрет, поглядывая по временам лишь на пустой стул, где раньше сидел оригинал, и перенося его черты на полотно. Он утверждал, что действительно видел оригинал сидящим на стуле; вероятно, впечатление глубоко врезалось в его память. Понятно, это пример исключительный, но и другие художники развивали в себе те же способности, хотя и не в такой удивительной степени. У китайцев отдельные иероглифы, или значки, для каждого слова, и китайский ученик накопляет в своей памяти большой запас подобных знаков, нисколько этим не затрудняясь. Европейские и американские дети проделывают то же самое, хотя и в меньшем размере, ввиду новой системы обучения чтению. Раньше, когда учились читать, начинали читать слова по слогам и употребляли много времени, чтобы разобрать, например, слово «Константинополь»; теперь же дети мысленно запоминают длину или общий вид слова вместо отдельных букв или слогов, и для них прочитать «Константинополь» так же легко, как и прочитать «Константин», хотя по слогам и «Константин», и «Константинополь» прочесть почти одинаково трудно.

Те же результаты достигаются и музыкантами; многие из них обладали способностью воспроизводить музыку, услышан-

ную лишь однажды, страница за страницей. Какой-то знаменитый композитор, ещё ребёнком, слыхал в одном монастыре знаменитую мессу, подлинник которой держался монахами в секрете. Придя домой, он записал всю мессу, не сделав ни одной ошибки. Монахи простили ему, восхитившись удивительным его даром. Менее крупные музыкальные дарования нередки. И не одна способность памяти делает это возможным, но также и развитая способность слышать и видеть ясно и отчётливо.

Некоторые евреи могут наизусть с любого места повторить весь «Талмуд», который уже сам по себе целая библиотека. Лаланд написал рассказ, где говорится об одном индусе, не понимавшем ни слова по-английски; но когда ему прочли пятьдесят строк из мильтоновского «Потерянного рая», он повторил их с поразительной точностью, а затем проговорил их в обратном порядке. В былые времена при дороговизне книг люди исключительно зависели от своей памяти, и многие развивали невероятную память, что однако не считалось чем-то чудесным, но воспринималось как нечто совершенно обыденное: так и должно было, по тем понятиям, быть с каждым, кто берётся что-либо изучать. В XIII и XIV веках студенты тысячами шли в университеты. Книги были редки и дороги, и преобладал старый обычай заучивать наизусть целые сочинения. Генрих Шлиман в одной из своих работ сообщает, что его память была плоха, но он так усовершенствовал её с помощью непреклонной воли и упорного труда, что в конце концов стал изучать всякий новый язык через каждые полгода и в совершенстве говорил и писал на нём. И всё это в то время, когда он был занят своим торговым предприятием.

Японские дети по меньшей мере в течение двух лет изучают простые иероглифы или буквы прежде, чем начнут читать. Это труднее всего того, что делается в европейских и американских школах, и достигается исключительно упражнением памяти. И такая практика есть причина изумительной памяти японцев. Один из японских писателей, Хирита Атсутона, написал огромное исследование о мифах и легендах своей страны; говорят, будто первые три тома самого исследования и некоторые тома введе-

ния он составил, не заглядывая ни в одну книгу, в которой прежде черпал свои сведения.

Гроциус и Паскаль, как рассказывают, никогда не забывали того, что говорили или о чём подумали хотя бы раз. Кардинал Медзофанти, владевший будто бы сотней различных языков, утверждал, что никогда не забывал раз выученного слова. Есть рассказ про одного старого сельского могильщика, помнившего за 35 лет день каждого погребения на своём кладбище, лета умершего и имена присутствовавших на похоронах.

Сенека в силу своей природной памяти мог повторить две тысячи разрозненных слов в том же порядке, как они были сказаны, хотя и слышал их только раз. Друг его Порций Лаций никогда не забывал речей, произнесённых им, память его удерживала каждое слово. Кинес, посол царя Пирра в Риме, за один день так хорошо изучил имена собравшихся, что назавтра мог приветствовать сенаторов и народ, каждого называя по имени. Плиний говорит, что Пирр знал имя каждого своего солдата. Франциск Лигурийский мог прочитать наизусть все сочинения Бл.Августина, приводя тексты и указывая страницу и строку этих текстов. Фемистокл знал имена всех 20000 граждан Афин. Муреций говорит об одном молодом корсиканце, который мог повторить в прямом и обратном порядке 36000 отдельных слов, слышав их лишь раз. Он говорил, что способен и на большее, но читавшие ему уставали. К этому корсиканцу пришёл как-то молодой человек с плохой памятью. Корсиканец занялся его подготовкой и с таким успехом, что ученик через одну или две недели был в состоянии повторить 500 слов в прямом и обратном порядке.

Мельябацци, великий флорентийский библиофил, обладал замечательной памятью в отношении книг и рукописей. Он знал место, полку и номер каждой книги в своей собственной громадной библиотеке и в других известных библиотеках. Однажды великий герцог Тосканский спросил его, где ему можно найти одну известную, но редкую книгу; тот ответил, что существует только один экземпляр, который находится в «библиотеке великого патриарха в Константинополе, на седьмой полке третьего шкафа,

направо от входа». Жозеф Скалигер менее чем за месяц выучил наизусть «Илиаду» и «Одиссею», а за три месяца выучил сочинения всех греческих поэтов. Рассказывают, что этот человек часто жаловался на свою слабую память.

С помощью упражнения каждый может развить свою способность сосредоточения и внимания по отношению к мыслям и предметам. В следующих главах мы коснёмся этого вопроса, но прежде уделим время тому, как приобретаются впечатления при посредстве органов зрения и слуха.

* * *

Глава Четвёртая

ЗРИТЕЛЬНЫЕ ВПЕЧАТЛЕНИЯ И ПАМЯТЬ

Восприятие впечатлений органами зрения. – Приучение глаза к верному и ясному восприятию впечатлений как главное условие успеха. – Необходимость этого условия в обыденной и деловой жизни, и тем более при воспитании памяти. – Смотреть на вещь и видеть её – это не одно и то же; слабость зрительного восприятия у большинства людей как доказательство данной аксиомы. – Пояснение на примерах способа выработки и развития способности «ясного видения». – Основные правила для воспитания и совершенствования этой способности.

Справедливо и совершенно правильно говорят, что «глаза – окна души», потому как через эти окна разум получает наибольшее число впечатлений. Вы без труда убедитесь, что вопрос об уходе за памятью ближе всего примыкает к приучению разума правильно воспринимать впечатления, полученные при посредстве глаз, нежели при посредстве каких-либо других органов чувств.

Нам нет надобности доказывать нашим читателям первостепенную важность упражнения глаза в получении правильных, ясных и точных впечатлений. Такое упражнение и соответственное развитие дадут прекрасные результаты во всяком деле, во всякой профессии или предприятии. Не только художник и ваятель нуждаются в развитом глазе, но и всякий ремесленник, деловой человек или занимающийся вольной профессией, не развив его, ежедневно страдает от такой небрежности.

Художник не в состоянии творить, не умея правильно наблюдать; писатель не сможет обрисовать наружность героев, характеры и сцены, не обладая острой наблюдательностью; не нужно напоминать ремесленнику о необходимости хорошо видеть предмет. Нет такого занятия, которое не усовершенствовалось бы при развитой способности наблюдения.

Вы намного увеличите свои познания и развлечения, развив искусство восприятия и наблюдения. Например, путеше-

ствуя, люди многое теряют из виду, от них ускользают наиболее интересные вещи из-за неумения ощущать последние. Когда по возвращении они читают описания путешествий по той же местности, они удивляются богатству описаний там, где они не видели почти ничего. Для многих пропадают и лучшие места книги ввиду небрежности их чтения.

Индеец и охотник, живущий в лесу, заметят сломанную ветку, перевёрнутый лист, след там, где непривычный наблюдатель не заметит ничего необыкновенного.

Нам довелось как-то читать про одного купца, который подвергался насмешкам из-за того, что у него служил в приказчиках неучёный человек. Купец был согласен, что его приказчик не умел толком писать, что ошибки в его речи заставили бы содрогнуться от ужаса любого школьного учителя грамматики, что он никогда не читал произведений известных авторов, но зато, говорил купец, он умел «видеть»вещи и закупал ежегодно ценного товара на тысячи долларов и, насколько известно, ни разу не ошибся, не пропустил попорченной вещи или подозрительного товара. Этот человек развил способность восприятия и применял её с пользою.

Далеко не все из нас замечают подробности самых обыкновенных предметов. Многие ли из вас знают, где именно уши у коровы – снизу, сверху, сзади или впереди рогов? Многие ли могут сказать, как слазит кошка с дерева, хвостом или головой? Многие ли знают, с какой ноги начинают бегать лошадь или корова, с задней или же с передней? Многие ли знают, как обозначено число четыре на циферблате их часов? Большинство из вас, не зная ответа, предпочитает в таком случае просто взглянуть на часы.

Знаменитый учёный Агассис* славился умением приучать своих учеников к наблюдательности. Способность восприятия,

* Агассис, Жан-Луи Рудольф (1807-1873) – швейцарский естествоиспытатель. Известен прежде всего своим капитальным трудом по описанию ископаемых рыб («Исследования об ископаемых рыбах», 5 тт., 1833-43 гг.) и исследованиями по систематике вымерших животных. Занимался также исследованиями в области ледникового периода в истории Земли. (*Й.Р.*)

которую он развивал до высокой степени, в значительной мере способствовала успеху большого числа его учеников, которые приобрели себе впоследствии имя и положение. Говорят, что однажды любимый его ученик попросил указать ему добавочное упражнение в этом направлении. Агассис дал ему в банке рыбу с тем, чтобы он внимательно её осмотрел, а затем, придя к нему, рассказал, что видел. Ученик видел и раньше таких рыб и не мог понять, почему наставник дал ему такую пустяковую задачу; он посмотрел на животное, но не увидел ничего нового и интересного. Не найдя профессора, он к своему величайшему неудовольствию должен был оставаться с рыбой в течение нескольких часов. Прождав немного, он принялся её рисовать. Это было довольно легко, пока он не вникнул в подробности. Тогда он, к своему удивлению, обнаружил, что рыба не имела век, и приметил некоторые другие подробности, до сих пор ему не известные.

Когда Агассис вернулся, он был, казалось, в отчаянии, что ученик так немного мог рассказать о рыбе, и попросил его продолжать свои наблюдения в течение ещё нескольких часов. Студент, увидев, что ему не отделаться от этого, прилежно взялся за работу, помня слова Агассиса о том, что «карандаш – самый зоркий глаз». Он находил всё больше и больше интересного в рыбе, и работа его увлекла. Профессор время от времени заходил к нему в комнату и выслушивал новые сообщения студента, но почти ничего не говорил. Он заставил студента проработать три дня над рыбой, и тот был очень удивлён, что сначала так мало видел, тогда как на самом деле было так много интересного. Много лет спустя он сам приобрёл известность и имел обыкновение рассказывать описанный случай с рыбой, замечая при этом, что урок, полученный им при исследовании рыбы, он применял и при рассмотрении подробностей всякого предмета и что приобретённая таким образом привычка дала ценные результаты. Говорят, что Агассис мог читать популярную лекцию о каком-нибудь насекомом вроде кузнечика, так заинтересовывая слушателей, что они увлекались, словно присутствовали на каком-нибудь состязании.

Говорят, что в Лондоне есть места, где приучают молодых воров к быстрому и точному наблюдению. «Профессор», научающий молодых негодяев, кладёт на свою ладонь некоторое количество небольших предметов, например, ключик, пуговицу, кольцо, монету и прочая. На секунду он разжимает ладонь перед своими учениками, которые обязаны не только назвать, но и описать эти предметы. Затем предметы меняются и его ученики должны сразу назвать исчезнувшие предметы. Эти субъекты после известного числа таких уроков отправляются на «работу»под видом нищих. Они стараются заглянуть в конторы, дома, торговые помещения и заметить каждый предмет, находящийся в поле их зрения, его место, замки и т.д. Потом они докладывают о виденном своему старшему, и, если дело стоит труда, устраивается грабёж.

Это весьма напоминает уроки, полученные Кимом и описанные в одной из предшествовавших глав. Те, кто читал увлекательные рассказы Конан-Дойля о Шерлоке Холмсе, вероятно, помнят удивительную наблюдательность этого сыщика-любителя и достигнутые им благодаря этой способности результаты. Шулера также часто бывают хорошими наблюдателями и узнают шансы своего противника по выражению его лица, хотя последний и не сознаёт этого.

В Италии мальчики очень любят игру под названием «морра», которая, при правильном ходе, заставляет мальчуганов настораживаться подобно лисе. В неё играют двое, и она состоит в том, что игроки поочерёдно показывают друг другу несколько пальцев с тем, чтобы один из играющих быстро назвал их у своего противника. Я видел разновидность такой игры в Чикаго у итальянских газетчиков, ожидающих газет возле типографии. Один из них, привлекши внимание другого, быстро протягивал ему кулак с двумя или более вытянутыми пальцами, восклицая «морра». Другой должен был быстро угадать число пальцев, иначе получал увесистый удар пачкой газет по голове. Котюр, знаменитый учитель рисования, советовал своим ученикам смотреть в течение нескольких секунд на какого-нибудь прохожего, а потом попытаться нарисовать его. После некоторой практики такой

способ действия увенчивался успехом. Сначала отчётливо запоминались лишь шляпа или рука, но в конце концов запоминалась вся фигура до малейших подробностей. Нам рассказывали, что в рисовальной школе в Петербурге ученики должны изучать какой-нибудь предмет в продолжение десяти минут, затем тот убирается и ученики стараются зарисовать его по памяти. Уорней, знаменитый учитель, ставил рисуемый предмет в одной комнате, а учеников помещал в другой и время от времени позволял им пойти взглянуть на него.

Гарбиэлли, французский художник, нарисовал очень схожий портрет Джеймса Гордона Беннета, видев того только раз в быстро проехавшем экипаже. Один из наиболее похожих портретов Авраама Линкольна был написан очень талантливым, но мало кому известным художником из Нью-Джерси, горячим поклонником великого президента, которого он видел только раз. Художник так был взволнован, услыхав об убийстве своего кумира, что, дабы прийти в себя, сел за мольберт и на память нарисовал убитого президента. Много лет тому назад, в 1845 г., сгорела старая академия художеств в Филадельфии, и среди других ценных картин погибла картина Мурильо «Римлянка». Почти тридцать пять лет спустя Сарртэн нарисовал её на память. В 1805 г. французские войска взяли одно из лучших полотен Рубенса – именно запрестольный образ в церкви Св.Петра в Кёльне. Местный художник, большой поклонник картины, на память нарисовал копию, которая по подробностям, манере и краскам совершенно походила на оригинал. Впоследствии оригинал был возвращён, его сравнили с копией, но и самый внимательный осмотр не мог открыть никакой сколько-нибудь заметной разницы. В одной из главных гостиниц какого-то большого города находится швейцар, принимающий шляпы у посетителей при входе в столовую. Он узнаёт владельцев сотни шляп безошибочно, сопоставляя лицо со шляпой и запоминая таким образом зрительные впечатления. «Я представляю лицо под шляпой и узнаю, чья это шляпа», – такие объяснения давал он и при выходе каждого посетителя вручал должную шляпу. Многие хозяева гостиниц помнят имена тысячи посетителей.

Есть рассказ о том, как Стивенс, в то время ещё полицейский чиновник в Нью-Йорке, желал удостовериться в личности субъекта, занимавшего комнату, в которую он никого не впускал. И вот Стивенс постучался к нему; дверь приотворилась на несколько дюймов и на одну только секунду. Острые глаза Стивенса в этот короткий промежуток времени осмотрели всю комнату. Он увидел висящие на стенах разного рода платья и признал между ними одежду, бывшую на одном переодетом человеке, которого он искал. Это смогло послужить основанием для ареста. Субъект оказался крупным преступником, которого разыскивала полиция на континенте.

Один известный лондонский полицейский агент учил своих подручных смотреть на многолюдных улицах в обе стороны, потому что замечал, что обыкновенный человек смотрит почти всегда направо.

Глаз, конечно же, сообщает мозгу каждый световой импульс, проникающий в него, и предполагают, что каждое воспринятое таким образом впечатление, как бы ни было оно слабо, всё-таки остаётся. Но память удерживает только те, которые возбудили интерес или привлекли внимание. Мы можем однако так развить свои органы чувств, что впечатления станут восприниматься с ясностью и точностью, и разум тогда будет считать их ценными и заботливо спрячет их, дабы легче было их найти когда надо, вместо того чтобы сваливать в кучу, разыскать в которой их будет невозможно.

Очень немногие бывают внимательными наблюдателями. Средний человек может запомнить предмет лишь в общих чертах, будет помнить, каков его вид, но подробности у него будут отсутствовать.

Интересный предмет возбуждает бóльшую долю внимания, почему и получается более ясное и полное впечатление. Например, представим себе среднего мужчину и женщину, идущих по улице. Другая же женщина, в привлекающем внимание платье, проходит мимо них. Оба замечают её. Мужчина запомнит только, что «на ней было что-то синее», что «её рук почти не было вид-

но из-под рукавов одежды» и что «на ней была большая шляпа». Хорошо, если он помнит хоть это, – многие не заметили бы и рукавов, и вообще полного впечатления не получилось бы. Но зато женщина, шедшая с мужчиною, окажется в состоянии точно определить, как была одета незнакомка; она припомнит отделку, талию, подробности фасона рукавов, юбку, материю, из которой она сшита, фасон, качество и стоимость, шляпу и перья, шёлк и бархат, мелкие детали и т.д. Она сможет описать своей подруге всё, что она видела, и та окажется в состоянии увидеть всё «глазами воображения».

Однако и мужчина, и женщина обладают одинаково хорошим зрением, оба получили фотографически точное впечатление прошедшей женщины и её туалета, но заметьте разницу в их наблюдении. Что обусловливает разницу? Просто тот факт, что женщину занимал туалет и она привыкла обращать внимание на подобные вещи. У мужчины интерес отсутствовал – отсутствовало, стало быть, и внимание. Но, вероятно, мужчина помнил бы, что у прошедшей были блестящие голубые глаза и пышные волосы – разумеется, если он молод. Но интереса можно достигнуть практикой, внимание же не замедлит последовать.

Конечно, вы понимаете, что не глаз требует упражнения, потому что всякий здоровый глаз исполняет свою работу хорошо. Уроки нужны той части вашего разума, которая смотрит через глаз. Глаз лишь камера, разум же – светочувствительная пластинка. Вы хотите развить наблюдательность. Ваше желание пробуждает в вас интерес к предмету и к подробностям, и вы уделяете ему своё внимание. Не забывайте двух важных факторов – интереса и внимания. Но разум ваш привык лениться, и потребуются время, терпение и труд, чтобы заставить его работать как следует.

Для запоминания предметов, во-первых, нужно их видеть полностью, чтобы разум получил ясное впечатление и бережно сохранил его, как ценную вещь. Единственная же возможность достигнуть этого – это развить наблюдательность. Предметы, которые должны остаться в памяти, надо наблюдать внимательно и старательно. Развитие наблюдательности полностью вознаградит

за потраченные время и труд; самая работа неутомительна и сопровождается таким видимым улучшением памяти, что изучающий забывает, что это серьёзная работа, а не череда интересных опытов.

В следующей главе вам будет указан ряд упражнений, способствующих развитию вашей наблюдательности и приучающих вас «видеть» предмет ясно и отчётливо. Эти опыты полезны не только для развития памяти, но и дадут вам такую острую наблюдательность, что вы покажетесь себе и другим гораздо более значительным человеком, чем прежде. Таким образом, вы получите новое своеобразное воспитание.

* * *

Глава Пятая

УПРАЖНЕНИЯ ДЛЯ ВОСПРИЯТИЯ ЗРИТЕЛЬНЫХ ВПЕЧАТЛЕНИЙ

Средства для развития у изучающих наблюдательности и способности ясно видеть, дабы сохранить отчётливые впечатления от встречаемых предметов. – Ряд полезных и интересных упражнений в искусстве видения, способствующих предельной степени развития наблюдательности и памяти. – Люди редко сознают важность данного вопроса для увеличения своей работоспособности и его общественную пользу.

Упражнение Первое

Одно из наиболее простых, но лучших упражнений для развития наблюдательности состоит в умении «видеть» точно самые обыденные вещи. Может быть, это и покажется лёгким, но попробуйте – и вы убедитесь в обратном.

Поставьте перед собою какую-нибудь самую обыкновенную вещь (лучше яркого цвета ввиду того, что таковой легче запомнить). Положим, что это будет книга, яблоко или чернильница. Смотрите спокойно на этот предмет в продолжение некоторого времени, но внимательно и разумно, стараясь запечатлеть его в своей памяти. Затем закройте глаза и попытайтесь припомнить эту вещь с наивозможной точностью. Постарайтесь припомнить её размер, подробности и запечатлейте всё это в уме. Затем откройте глаза, взгляните на вещь ещё раз и посмотрите, чего ещё не хватает вашему умственному образу. Внимательно отметьте эти упущенные подробности, потом снова закройте глаза и постарайтесь усовершенствовать запомненное изображение; снова

смотрите на вещь и продолжайте таким образом до тех пор, пока вам не удастся составить вполне ясный умственный образ данной вещи во всех подробностях. Небольшая практика даст вам удивительный навык в подобных упражнениях; она вознаградит вас вполне за труд и подготовит к дальнейшей работе.

Упражнение Второе

Овладев вполне упражнением N1, возьмите один из изученных вами предметов и, получив точное умственное изображение его, постарайтесь нарисовать его форму и детали. Не страшитесь того, что вы не художник. Мы и не хотим пытаться сделать из вас художника, но хотим развить только вашу наблюдательность и способность запоминать виденное вами. Для первого раза задайте себе что-нибудь лёгкое, и вы вряд ли разочаруетесь. Успешность ваших рисунков будет зависеть не от художественного дарования, но от подробностей, которые вы запомнили и занесли на бумагу. Изумительно, как эти два упражнения развивают наблюдательность и способность запоминания. Через короткое время вы будете способны взглянуть на вещь только раз, а затем сделать её набросок со всеми главными деталями.

Конечно, вы понимаете, что моделью вам должен служить не самый предмет, но его умственное изображение. Заметив все подробности предмета, взгляните на него вторично и посмотрите, не забыто ли что-нибудь; словом, поступайте как в упражнении N1. В обоих упражнениях почаще переменяйте предмет наблюдения, так как это способствует успеху и даст отдых уму.

Упражнение Третье

Начинайте с рассмотра деталей, а не с запоминания общего вида предмета. Говорят, что разумное наблюдение – наиболее трудное искусство. Не старайтесь «воспринять» весь предмет целиком с первого взгляда. Это дело последующих опытов, по достижении вами уже некоторого развития. Воспринимайте отдельные подробности предмета, запечатлевайте их в своём уме, затем приступайте к следующим подробностям и т.д.

Например, возьмите лицо. Досаднее нет ничего, как забывать лица встречаемых вами людей, и многие своими жизненными неудачами обязаны недостатку наблюдательности именно в этом направлении. Ошибка многих из нас заключается в том, что мы пытались запомнить лица в целом, но не в деталях. Начните упражняться на ваших знакомых, затем переходите на посторонних, и в скором времени вы удивитесь лёгкости, с которой запоминаете подробности в наружности других.

Внимательно рассмотрите нос, глаза, рот, подбородок, цвет волос, общую форму головы и т.д. Вы увидите, что вам легко будет припомнить нос у одного, глаза у другого, подбородок у третьего и т.д.

Раньше, чем приступить к этому, сядьте и попробуйте описать наружность кого-нибудь из ваших самых близких знакомых. Вы будете удивлены неясностью вашего представления. Вы ни разу хорошенько не всматривались в них. Если это так, как можете вы надеяться припомнить посторонние лица? Начните с рассмотра каждого встречного и старательного изучения внешности, а затем берите карандаш и постарайтесь на словах описать наружность. Это упражнение очень интересно, и с первых же шагов вы заметите быстрое улучшение.

Подобным же упражнением является детальное наблюдение зданий. Сначала постарайтесь описать какое-нибудь здание, мимо которого вы ходите ежедневно. Вы сможете

составить себе отдалённое понятие его общего вида, формы, цвета и т.п. Но что касается числа окон в каждом этаже, местонахождения и размера дверей, формы крыши, ворот, труб, карнизов, украшений и т.д., то вы увидите, что не в состоянии дать себе ясного в этом отчёта. Вам будет казаться, что вы никогда понастоящему не видели дома, не так ли? Вы просто смотрели на него. Начните же, приглядываясь к находящемуся на вашем пути зданию, воспроизводить позднее мысленно его подробности, и посмотрите, многое ли вы запомнили. На следующий день займитесь этим же зданием и рассмотрите новые детали (а их будет немало); продолжайте таким образом, пока не составится у вас понятие о здании. Это очень ценный способ для развития наблюдательности.

Упражнение Четвёртое

Мы упоминали о способе, которым подготовляли Кима. Наряду с этим мы рассказали об обучении мальчиков-воров. Такому методу должен следовать и наш читатель, он принесёт ему пользу и пробудит интерес, особенно, если вместе будут упражняться два или три человека, потому что дружное соревнование пробуждает и обостряет наблюдательность. Следующий опыт заинтересует вас:

Положите на стол по крайней мере семь вещиц и прикройте их платком. Снимите платок, сосчитайте до десяти, затем, опять закрыв вещи, попросите участвующих в этой игре как можно полнее описать на бумаге виденные предметы. Присутствующих можно подводить к столу поодиночке и давать им записывать впечатления в другом конце комнаты. Со временем число лежащих на столе предметов может быть доведено до пятнадцати. Удивительно, до какого искусства в наблюдении достигают таким образом некоторые лица.

Рассказ о Киме и данной ему работе, хотя и вымысел, но определённо основан на каком-нибудь действительном факте, известном Киплингу, так как подобные упражнения очень обычны в Индии, где таким образом практикуются йоги. Но развитые этим методом способности могут применяться не только к подобным забавам: оне обостряют наблюдательность так, что вы без труда будете видеть много такого, чего другие не заметят, и тем получите значительную подмогу в делах.

К этому разряду упражнений можно отнести и упражнение Удэна, проходившего мимо витрин, а затем припоминавшего выставленные предметы. Мы уже говорили об этом в одной из предыдущих глав. Эти упражнения можно применять как разновидность одного из вышеозначенных. Оно разнообразит работу и способствует развитию наблюдательности и сосредоточения, в то время как наблюдатель бывает окружён посторонними звуками и зрелищами. Многие другие упражнения такого же рода придут на ум изучающему по мере его развития, он найдёт занятие крайне увлекательным, как только приобретёт «навык» в делах такого рода.

Упражнение Пятое

В одной деревне мы наблюдали игру, которая является прекрасным средством для развития наблюдательности. Она несколько отличается от указанных выше упражнений в том смысле, что предметы меняются и надо быстро сосредоточить на них внимание, чтобы получить ясное впечатление. Дело вот в чём: кто-нибудь должен встать за ширму или занавес и на одну секунду показать оттуда какой-нибудь предмет тем, кто стоит по другую сторону. Развившие способность быстро схватывать смогут описать предмет удивительно ясно и подробно. Можно одновременно показывать несколько вещей после того, как упражняющиеся достаточно напрактиковались.

Упражнение Шестое

Показывают упражняющемуся кость домино и просят его назвать число очков не считая, сразу. Потом кладут две кости и т.д. После небольшой практики всякий сможет мгновенно назвать общее число очков. Более лёгкая разновидность этого упражнения состоит в том, что быстро проводят перед глазами упражняющегося карту и просят его назвать её и сказать масть. Сначала следует действовать медленно, увеличивая скорость постепенно, до тех пор, пока для упражняющегося достаточно будет беглого взгляда, брошенного на карту.

Упражнение Седьмое

Многие лица могут схватывать содержание статьи с одного взгляда. Занятые люди, по необходимости просматривающие газеты, обладают такой способностью; мужчины и женщины, занимающиеся журналистикой, часто бывают способны схватить смысл статьи, лишь мельком взглянув на неё. Рецензенты также обладают этой способностью. (Хотя на самом деле рецензенты, если судить по содержанию некоторых рецензий, совершенно не заглядывают в разбираемую книгу.) Писатель, занимаясь публицистикой, должен «пробегать» ежемесячно множество статей. Вначале это отнимает массу времени, но затем тот же результат получается и при быстром просмотре и суммировании содержания лишь по мимолётному взгляду, потому что интересная статья узнаётся уже при быстром просматривании.

Всё дело в практике. Профессор Портер, говорят, мог прочесть с одного взгляда почти половину книжной страницы. Начните с прочтения одним взглядом нескольких слов, затем целых фраз, отрывков и т.п., при развитии психических способностей

следует поступать, как поступают при развитии мускулов: сначала развиваем один мускул, затем другой и так доходим последовательно до целой группы мускулов.

Упражнение Восьмое

Очень полезно составлять в уме описание комнаты и её обстановки. Многие женщины делают это без всяких предварительных указаний, наблюдательность мужчин в этом направлении невелика, и они нуждаются в её развитии. Если вы мужчина и читаете эту книгу с женщиной, она опередит вас в этом и многих других упражнениях. Многие женщины, несомненно, *видят* всякую интересующую их вещь и многие из них никогда не забывают виденного.

Войдите в комнату и произведите быстрый осмотр её обстановки, стараясь заполучить хорошую «психическую» фотографию наибольшего числа предметов, размер комнаты, высоту потолка, цвет обоев, число окон и дверей, стульев, столов, ковров, картин и прочая. Затем уйдите из комнаты и, записав виденное, сравните запись с оригиналом. Повторяйте, пока не добьётесь совершенного результата. С такой практикой вы будете в состоянии точно и без труда описать всякое место, которое посетите, потому что ваша способность наблюдать, будучи подвергнута вышеуказанной тренировке, станет автоматически заносить впечатления.

Упражнение Девятое

Вечером следует сделать обзор ваших дневных занятий и стараться припомнить и записать вещи и лица, с которыми вы

встречались и которых вы видели. Вы удивитесь незначительности того, что вы сможете припомнить поначалу, и количеству того, что вы окажетесь в состоянии помнить после небольшой практики. Это не только искусство припоминания, но и искусство наблюдения. Ваша предсознательная область мышления наконец поймёт необходимость ясно замечать предметы и ставить их на должное место.

* * *

Глава Шестая

ВОСПРИЯТИЕ СЛУХОМ И ПАМЯТЬ

Восприятие впечатлений органами слуха. – Польза от развития данной способности. – Законы, управляющие ею. – Примеры удивительного слуха в связи с памятью и прочая. – Люди, занимающиеся упражнением памяти, обыкновенно пренебрегают развитием слуха, хотя и имеются поразительные примеры силы памяти, зависящей от развития и воспитания внимательного слуха. – В стародавние времена все учения у древних народов – религиозные, философские и правовые – передавались только изустно, причём слуховая память была так изощрена, что теперь показалась бы попросту невероятной, но подобной степени запоминания может достигнуть каждый, кто с должным вниманием отнесётся к означенному предмету.

Хотя мы и пользуемся термином «восприятие» для обозначения познавания чего-либо при посредстве органов зрения, но термин этот одинаково пригоден и для обозначения познавания через посредство слуха. В способности удерживать впечатления, получаемые при посредстве зрения и слуха, существует громадная субъективная разница.

Некоторые лица помнят яснее виденное, другие же слышанное. Один узнаёт старого знакомого, как только его увидит, другой же не узнает лица, но вспомнит человека, услыхав его голос. Нам известны случаи, когда не видавшиеся годами люди узнавали друг друга по телефону. Раз как-то писано было в газетах о каком-то сыщике, который не в состоянии был узнать известного преступника – столь искусно тот переодевался, но как только последний заговорил, он узнал и арестовал его лишь потому, что десять или более лет тому назад однажды слышал его голос. Нам известны мужчины и женщины, узнававшие по голосу своих бывших школьных товарищей, с которыми не встречались с детства, хотя эти детские голоса и заменились уже более зрелыми звуками.

Обыкновенно зрительные впечатления воспринимаются быстрее, но память, повидимому, удерживает лучше слуховые впечатления. Многие из нас помнят слышанное много яснее прочитанного. Но многие исследователи придерживаются мнения, что в деле запоминания, например, лекций зрение помогает слуху студентов, потому что запоминается наружность лектора, его жесты, выражения; в конце концов, пожалуй, и мы согласимся с таким мнением. Но лекция кажется более «живою», если мы слышим её, чем когда читаем её впоследствии напечатанной. Конечно, лучше, если только это возможно, ещё раз прочесть вслух однажды слышанную лекцию или проповедь и таким образом воспользоваться особенностями обоих родов памяти – зрительной и слуховой.

Разумеется, музыканты развили свой орган слуха до высокой степени, и их ухо в состоянии различать едва уловимую дисгармонию или незначительную детонацию от верного звука скрипки. Но и многие другие развили свою слуховую способность до большого совершенства. Машинисты различают малейшее уклонение от обыкновенно производимого машиной звука. Железнодорожные сторожа различают малейшую разницу в звуке рельсов при проходе поезда и узнают чрез это, что не всё в порядке. Машинист сразу узнаёт перемену в шипении паровоза и сейчас же уменьшает давление. Старые лоцманы узнают свисток каждого парохода на своей реке, а жители больших городов распознают колокола различных церквей. Телеграфисты тотчас же узнают на своей линии аппарат новой системы просто по неуловимой разнице в стуке.

В давно минувшие времена, когда письмена были ещё неизвестны, познания от одного поколения передавались другому изустно, от отца к сыну, от учителя к ученику. Слушатель должен был обладать величайшим вниманием и сосредоточенностью, чтобы сохранить таким образом изученное без изменения и, в свою очередь, передать его собственному ученику или сыну. Таким образом, эти ученики в состоянии были повторять громадные тексты, не изменяя и не пропуская ни единого слова. У

древних греков поэмы передавались из поколения в поколение; то же самое было и с древнескандинавскими сагами. Точно так же сохранялись веками философские учения персов и индусов. Восточные учители не доверялись камню и папирусу, но предпочитали тайные свои учения неизгладимо запечатлевать в уме своих учеников, дабы они пребывали там как живая истина.

Рассказывают, что две тысячи лет тому назад какой-то китайский император позавидовал своим усопшим предкам и величию истории своего народа. Он повелел уничтожить все религиозные, исторические и философские памятники минувшего, дабы в будущем всё имело начало со времени его воцарения. Он сжёг все акты и записи, бывшие в империи, включая и труды Конфуция. Прошедшая история народа, таким образом, оказалась уничтожена и живёт теперь в форме преданий, но труды Конфуция остаются существовать непоколебимыми благодаря изумительной памяти какого-то древнего последователя философа, сохранившего в своём разуме преподанные ему в юности учения и скрывавшего их до смерти императора-самодура, после которой учения великого философа были восстановлены им по памяти; она была так совершенна, что когда много лет спустя была найдена древняя рукопись Конфуция, каким-то чудом спасшаяся от костров императора, то увидели, что старый мудрец не пропустил ни одного слова. Современные китайцы воспользовались этим уроком, и некоторые писатели утверждают, что если бы теперь уничтожили всех китайских классиков, то целые миллионы китайцев завтра же восстановят их, потому что знают их наизусть, несмотря на то, что по объёму это равнозначно восстановлению христианской «Библии».*

* Такой же обычай сохранился и в Индии, где, хотя и имеются рукописи, написанные за две тысячи лет, существуют, однако, ученики, которые удерживают на память великие философские трактаты, сохранившиеся от времён, когда ещё письменность не была известна. Санскрит – мёртвый язык, но он сохранился в передаче религиозных и философских учений, и сохранились не только слова, но и произношение, ударение и особенности фразировки. Говорят, что многие современные индусы могут прочесть наизусть «Веды», включающие около миллиона слов. Нужны годы, чтобы запомнить такое количество слов, так как ежедневно выучиваются лишь несколько строчек, которые заставляют повторять

«Каббала» или тайное учение евреев передавалось тем же образом; то же говорят и про друидов.*

Древние греки и римляне были последователями того же приёма запоминания, и приводятся примеры, когда граждане дословно повторяли услышанные ими важные речи.

Согласно Максу Миллеру, весь текст и словарь санскритской грамматики Панини передавался изустно в продолжение 350 лет, пока не был наконец записан. Один лишь этот труд по объёму равен «Библии».

Существуют брамины, могущие прочитать на память всю «Махабхарату», имеющую триста тысяч строк. Славянские баяны древних времён знали наизусть громадные эпические поэмы. Также и американские индейцы запоминают и передают свои мистические сказания нескончаемой длины. Древние законы Исландии не были записаны или напечатаны, но сохранялись в памяти судей и законоведов страны. А легенды их повествуют, что законоведы тех времён держали в памяти не только законы, но и прецеденты, связанные с законами.

Конечно, теперь едва ли требуется подобное проявление памяти, но мы не сомневаемся, что при необходимости современные люди могут достигнуть искусства древних.

Чтение вслух помогает многозапоминанию прочитанного и запечатлению в уме значения слов. Лонжеве говорит: «Чтение вслух придаёт силу анализу, которая неизвестна читающему про себя. Глаза, пробегая страницы, всегда пропускают скучные отрывки и только скользят по опасным местам».

много раз. Урок выучивается изустной передачею, обращений к рукописям не дозволяется. Читатели, наверное, помнят, что сходная идея впоследствии проиллюстрирована Р.Брэдбери в его романе «451 градус по Фаренгейту». (*Й.Р.*)

* Друиды – жрецы у древних кельтских племён Галлии, Британии и Ирландии. Леон Дени в этой связи указывает: «Друиды допускали к посвящению лишь избранных своих учеников, прошедших длительную интеллектуальную и моральную подготовку. Занятия с ними могли длиться долгие годы, если верить тому, что говорят об этом древние авторы, утверждающие, между прочим, что подготовка эта включала в себя знание 20000 стихов. И действительно, стихи, благодаря ритму, более легко закрепляются в памяти, меньше прозы поддаются изменениям, искажениям и дольше сохраняют свой истинный смысл, первоначальную свою оригинальность». (*Й.Р.*)

Но ухо слышит всё. Оно пропусков не делает. Ухо нежнее, восприимчивее, чувствительнее в гораздо большей степени, чем глаз. Слово, которое мы слегка пробегаем и не замечаем, возбуждает обширные предположения при чтении вслух.

* * *

Глава Седьмая

УПРАЖНЕНИЯ В ПОЛУЧЕНИИ СЛУХОВЫХ ВПЕЧАТЛЕНИЙ

Продолжение предшествующей главы о памяти в зависимости от развития слуховых восприятий. – Ряд упражнений для развития и усовершенствования способности восприятия на слух. – Примеры сильно развитых слуховых восприятий как доказательство того, что у большинства людей нет ни развитого в совершенстве слуха, ни достаточного внимания к слуховым впечатлениям, хотя и то, и другое можно развить упражнением. – По мнению авторитетов, добрая половина случаев болезненного расстройства слуха и глухоты является результатом невнимания, оно же есть и причина плохой памяти. – Упражнения, устраняющие этот недостаток. – Содержание данной главы составляет ценная система для запоминания услышанного, основанная на приёме древних индусов, передававших при посредстве её свои тайные учения потомкам.

Дать упражнения для развития слуховых восприятий – это гораздо более трудная задача по сравнению с упражнениями для восприятий зрительных. Развитие слуховых восприятий по системе зрительных принесло бы весьма немного пользы. Нас обвинили бы, пожалуй, в преподавании искусства подражания и чревовещания вместо усовершенствования памяти. Вероятно, вам известно, что чревовещатель может так ловко подражать звукам человеческого голоса, раздающегося с некоторого расстояния, что мы вполне поддаёмся обману. Искусство его на самом деле состоит не только в разумном воспроизведении звуков, но и в развитии столь совершенного слухового восприятия, что он может различать самые неуловимые оттенки и разницу в звуках и, таким образом, способен воспроизвести их. Таким же даром обладают и многие дети и настолько точно воспринимают слышанные звуковые впечатления, что, сохранив их, оказываются способны очень искусно их воспроизвести.

В развитии слуха замечается индивидуальное различие. Некоторые вообще обладают очень острым слухом или воспри-

нимают звуки какого-нибудь определённого рода, но слабо восприимчивы или даже совсем невосприимчивы к музыкальным звукам, тогда как многие музыканты очень несовершенно различают посторонние звуки. Некоторые отлично различают звуки одного рода и с трудом звуки другого.

Положение, высказанное нами в одной из предшествовавших глав, о том, что необходимы внимание и интерес, дабы ум мог получать ясное впечатление, которое могло бы быстро и вызваться, особенно справедливо в отношении слуховых впечатлений. Признанные авторитеты установили, что «половина существующей глухоты – следствие невнимания». Если это так, то вполне понятно, что развивать слуховые восприятия значит *развивать внимание и интерес*. Это будет более понятно, если мы вспомним, что обыкновенно мы совершенно невнимательны к звукам, когда заняты чем-нибудь другим, так как в этом случае звуки, хотя и входят свободно в наше ухо, но разум наш, занятый иным, не сознаёт получаемого впечатления. Часто, однако, мы в состоянии припомнить сказанное и в то время, когда мы не слушали. Это есть действие памяти предсознания, о которой мы говорили в одной из предыдущих глав.

К сожалению, в современной жизни слишком пренебрегают упражнением слуха; развитый слух может доставить нам и большее развлечение, и оказать услуги, так что мы сможем извлечь из него немало выгоды. Вообще говоря, слух способен к развитию в гораздо большей степени, чем какое-либо другое чувство. Он может быть развит упражнениями и соответственным уходом и в то же время запущен при небрежности и невнимании. Американские индейцы обладают таким удивительным слухом или, вернее, так развили его, что слышат шаги приближающегося врага, приложив ухо к земле. Простой шелест листа или треск сучка отчётливо слышатся ими. Дирижёр различает самую незначительную дисгармонию или уклонение от тона или размера в его оркестре и без затруднения укажет сделавшего ошибку. Слепцы, будучи лишены зрения, развили слух до высших степеней. Он у них так остр или, точнее, у них так развито внимание и интерес к звукам,

что они могут назвать предмет, мимо которого идут, по отзвуку своих собственных шагов и таким образом могут отличить неподвижно стоящего человека от фонарного столба.

Ниже мы приведём несколько упражнений для развития слуха. Их цель служить указанием упражняющемуся, который уже сам может изобрести по этому образцу другие.

Упражнение Первое

При прохождении по улице старайтесь схватить и удержать на несколько мгновений отрывок разговора прохожих, услышанный вами. Вы будете удивлены количеству и разнообразию несогласованных между собою фраз, которые вы услышите и удержите в памяти после короткой практики. Всё это – последствие внимания и интереса. Конечно, это упражнение ценно только для практики, потому что улавливаемые фразы едва ли будут иметь значение сами по себе, разве только, если вы не чужды человеческих слабостей.

Упражнение Второе

Старайтесь различать голоса встречаемых людей и вспомнить голос, когда опять его услышите. Каждый человек имеет особый голос, и очень интересно изучать различные типы голосов и их характерные черты. Вы заметите, что у каждого человека своя присущая ему манера произносить и делать ударение на некоторых словах; вы также заметите, что люди различных стран и разных частей одной и той же страны обладают различной интонацией и особенностями произношения. Мы знали людей, много путешествовавших, которые были в состоянии безошибочно определить, из какой части страны

происходит тот или иной человек, услыхав только его голос.* Кроме того, и характер человека часто отражается в его голосе, и изучающий этот вопрос сможет составить очень хорошее представление о духовном облике говорящего. Мы советуем вам посвятить немного времени и внимания этому предмету в свободные минуты.

Упражнение Третье

Очень интересно стоять в таком месте, откуда нельзя видеть говорящих, и стараться различить их голоса и сопоставить их с лицами. Мы слыхали об игре, где несколько лиц садятся за занавеску или за ширму и произносят некоторые слова, заставляя угадывать свои голоса. Находящиеся по другую сторону ширмы стараются угадать говорящих; говорят, что последствия бывают крайне забавны, так как многие затрудняются различить голоса даже своих родных и лучших друзей, между тем как другие, внимательно относящиеся к голосам, могут угадывать обладателя каждого голоса.

Упражнение Четвёртое

Нам известна была одна молодая женщина, служащая большой компании, она могла различить самую незначительную разницу в звуке шагов каждого работника, кабинет которого помещался в одном коридоре с её комнатой. Она уверяла, что каждая походка имеет свои характерные особенности, и доходила даже до утверждения, что характер идущего обнаруживается в его поступи, звуке, происходящем от прикосно-

* Профессор Хиггинс в «Пигмалионе» и доктор Пул в «Оскаре» – наиболее знаменитые примеры этого рода в литературе. (*И.Р.*)

вения ноги к полу. Для желающего изучать характеры и в то же время развивать свой слух представляется обширная область.

Упражнение Пятое

Очень полезное упражнение будет и в том, если прослушать несложную музыкальную вещицу или простую мелодию, а потом пропеть или насвистеть её. Такое упражнение может показаться довольно простым, и тем не менее оно сильно помогает развитию слуха и разовьёт попутно внимание к звукам. Желающие попробовать найдут, что у них развивается новый интерес к мелодиям, и будут наслаждаться музыкой лучше, чем прежде.

Упражнение Шестое

Посещайте всевозможные лекции, проповеди и т.п. и, относясь с наибольшим вниманием к каждой, старайтесь повторить затем всё, что вы запомнили. Перечитывайте речи, разбирайте их и повторяйте возможно больше сказанных фраз. Это не только способствует развитию слуховых восприятий и памяти, но и представляет собой один из наилучших способов стать умелым оратором. Студенты, долго посещающие любимого профессора, постепенно приобретают более или менее его стиль речи, а слушание хороших ораторов разовьёт попутно с памятью слушателя и свободу выражения, значительно превышающую ту, которой он обладал прежде. Это особенно действенно, если ученик будет повторять изречения и выражения, слышанные им. Если упражняться в запоминании отрывков речей хороших ораторов и повторении возможно точнее не только слов, но и выражений, то он найдёт, что развивает в

себе силу выражений и суждений, которые принесут ему впоследствии пользу.

Упражнение Седьмое

Наилучший способ упражнять память в удержании и припоминании слышанного – это тот, который распространён у индусов и других народов в деле передачи их священных и философских учений, способ, которого мы уже касались раньше. Ключ и секрет этого чудесного метода состоит в *начинании с малого, постепенного прибавления и частого повторения*. В других главах этой книги мы подробно разберём эту систему в связи с практикой запоминания печатных страниц и т.д., в этой же главе мы только отчасти коснёмся её. Индусские учителя начинают с повторения ученику одной строчки из «Вед». Последний запоминает основательно строчку, запечатлевая в своём уме слова и их значения, т.е. он видит каждое слово строчки, как будто оно стоит перед ним. Он может повторить строчку с начала и с конца и знает место каждого слова. На следующий день он заучивает другую строку, после чего повторяет и первую, произнося её вместе со второй, и соединяет их таким образом в своей памяти. На третий день прибавляется третья с повторением первых двух и присоединением третьей. И т.д. ежедневно по строчке.

Повторение, конечно, очень важно, потому что заставляет ученика пересматривать выученное и углублять с каждым разом впечатление. Такие частые повторения служат также и для сглаживания строчек, потому что каждая строчка скрепляется с предшествующей и последующей, а всё вместе кажется выученным одновременно, что придаст полноту составному впечатлению.*

* Повторение – одно из основных условий улучшения памяти. Точно так же, как в лесу в результате многократного хождения появляется тропинка, так и в

Позже ученик может заучивать по две строки в день, затем по три и т.д., пока не приобретёт невероятную способность. Но индусские наставники предостерегают от преждевременного ученья слишком большого числа строк в день, потому что память должна приучаться к работе постепенно.

Изучающему этот труд и желающему развиваться в указанном направлении мы посоветовали бы попросить кого-нибудь читать ему ежедневно по строчке и повторять эту строчку, пока она окончательно не закрепится в его памяти. На следующий день ваш помощник должен заставить вас повторить первую строчку и выучить вторую, а затем повторить обе сразу. Лучше начать со строчки какого-нибудь стихотворения. Прослушав строчку один раз, постарайтесь повторить её. Если не можете повторить ясно и полно, прослушайте ещё раз и т.д., пока не будете знать её основательно. Затем повторите несколько раз, пока не убедитесь, что знаете её, и постарайтесь сказать её в обратном порядке. Если вы настолько запечатлели её в памяти, что как бы видите перед собою слова, вам это не покажется трудным, раз вы приобрели навык. На второй день повторите выученную строчку раньше, чем приняться за другую; выучив эту, повторите обе сразу. В следующие дни прибавляйте ежедневно по строчке, имея в виду, что *повторение* представляет собой *наиболее важное условие*. Думайте о значении слов, также как и о словах самих по себе, стараясь нарисовать умственную картину того, что описывается. Задаваться слишком многим зараз не следует. Строчка в день даст вам в скором времени материал, повторение которого не очень будет затруднять вас. Не следует относиться с пренебрежением к видимой простоте и «лёгкости» задачи. Это та же система, по которой индусские ученики учатся запоминать книги, равные по объёму «Библии». Они приобретают это искусство постепенно, постоянным повторением.

памяти – при многократных повторениях остаётся заметный след. Повторения при изучении какой-либо науки или языка – элемент такой же необходимый, как резец в токарном станке или поршень в цилиндрах двигателей внутреннего сгорания. (*Й.Р.*)

Мы вернёмся к указанному индусскому методу в главе о «системе накопления», в связи с запоминанием печатных страниц, но в этой главе, думаем, будет уместно обратить внимание читателя на тот факт, что это лучший способ для развития навыков запоминать услышанное или сказанное в вашем присутствии.

Вы учите не просто строки какой-нибудь поэмы, но вы развиваете и приучаете ухо и разум получать впечатления, сохранять их и вызывать. Вы найдёте, что при таком образе действий ваша слуховая память возрастает с каждым днём. В любом случае труды ваши не останутся без награды.

Если вы найдёте, что интерес ваш к этим опытам ослабевает, то возьмитесь для разнообразия за другую поэму или предмет, но не забывайте повторять по временам и старые строчки. Перемена придаст опыту новую прелесть и поможет вам вернуться к старым строчкам с новым интересом.

* * *

Глава Восьмая

АССОЦИАЦИЯ МЫСЛЕЙ

Предмет данной главы – выяснение вопроса о соотношении мыслей. – Ассоциация как великий психический закон, от которого в значительной степени зависит и способность воспоминания. – Строй наших мыслей подчиняется определённому ритмическому закону, как подчиняются ему морские приливы и отливы. – Наши мысли и впечатления так или иначе связаны между собой, хотя эту связь между ними порой и трудно проследить. – Как внимание, так и ассоциация являются важными факторами в деле развития памяти; да и сам по себе этот предмет крайне занимателен и даёт богатую пищу для размышлений.

Многие из нас, вероятно, думают, что наши мысли, не регулируемые волей, возникают беспорядочно, не повинуясь никакому закону. И это понятно, если мы не видим связи между последовательными группами мыслей. Однако такое мнение далеко от истины. Хотя, может быть, на первый взгляд и не вполне ясно, но всё-таки есть связующее звено между двумя последовательными группами мыслей. Здесь является налицо так называемый закон ассоциаций, который так же неизменен, как закон причины и следствия, и так же постоянен, как закон тяготения. Порядок наших мыслей в такой же степени закономерен, как морские приливы и отливы. Наши мысли всегда, так или иначе, ассоциированы, хотя часто мы и не можем ясно проследить их связь. Оне появляются группами, и каждая группа, в свою очередь, связана с другой группой.

В одной из предшествовавших глав мы говорили о важной роли внимания в деле укрепления и развития памяти. После внимания ассоциация является наиболее деятельным фактором этого развития. Способность памяти удерживать впечатления зависит в высокой степени и от предмета, подлежащего запоминанию, между тем как функции воспроизведения впечатлений зависят от ассоциации, при посредстве которой впечатление связано с дру-

гими воспринятыми раньше впечатлениями. Авторитетные психологи доходят до утверждения, что закон ассоциации играет в области психологии такую же роль, как закон тяготения в области физики. Одно из весьма важных условий развития способности памяти – это привычка к правильной ассоциации.

Впечатления лучше всего сохраняются у нас, когда мы сосредоточиваем внимание на предмете, нами рассматриваемом. При воспроизведении впечатления получаются лучшие результаты, когда мы имеем возможность ассоциировать впечатление, которое хотим вспомнить, с одним или несколькими другими; чем более число согласованных впечатлений, тем легче припоминание. Пока мы не приобретём ясного впечатления, и припоминаемое впечатление не будет совершенно; пока впечатление не приведётся в связь с другими впечатлениями, мы вовсе не будем в состоянии припомнить его.

Закон ассоциации основан на замечательном свойстве впечатления так соединяться с другими впечатлениями, что воспоминание одного впечатления непременно приведёт за собою в поле сознания и другие впечатления, связанные с ним. Бэн говорит: «Ассоциации, которые в одиночку слишком слабы, чтобы вызвать воспоминание, действуют успешно в соединении».

Рибо установил, что «для основания ассоциации служат два главных фактора – сходство и смежность». Ассоциации по сходству зависимы от того факта, что впечатление – безразлично, новое или припоминаемое – имеет стремление восстанавливать раньше приобретённое впечатление, так или иначе с ним сходственное, и таким образом оба связываются в памяти. Первое впечатление может вначале и не ассоциироваться непосредственно со вторым, последнее же может вызваться длинным рядом других ассоциаций, но как только они оба будут сопоставлены рядом, они тесно ассоциируются и будут вызывать друг друга без посредства длинного ряда необходимых ранее ассоциаций. Два впечатления могут восприниматься по отдельности, в различные промежутки времени и в различных местах, но если они тесно снабжены сходством или вниманием, то будут так тесно ассоци-

ированы, как впечатления смежные по времени или пространству. Привычный разум быстро находит сходство, повидимому, между даже сильно различными предметами, и это замеченное сходство запечатлевается в памяти. Для такой памяти нужен лишь какой-нибудь толчок, чтобы вызвать в области сознания длинную цепь ассоциированных мыслей, фактов, случаев, представлений и прочая; с другой стороны, небрежная память, не обращающая внимания на связь предметов, неспособна вспомнить отдельных впечатлений при посредстве законов ассоциации по сходству, а помнит лишь предметы, ассоциированные по смежности.

Ассоциацию по смежности можно сравнить как бы с пересчитыванием связки разнообразных бус, именно в том порядке, как оне нанизаны на нитке, между тем как ассоциация по сходству есть в некотором роде разборка содержимого в ящике, куда положили всё, что относится к разбираемому вопросу, т.е. извлечение вещи за вещью в таком порядке, как оне уложены, независимо от времени их приобретения. Ассоциированные таким образом впечатления быстро припоминаются, если они нам понадобятся, причём случай является первой причиной припоминания всех собранных по данному вопросу сведений и познаний, запечатлевшихся в нашей памяти.

Ассоциации по смежности зависимы от того факта, что впечатление, новое или повторное, имеет стремление вызвать другие впечатления, полученные одновременно или в непосредственной последовательности.

Впечатления, полученные в тесной последовательности, стремятся ассоциироваться и соединятся таким образом, что воспоминание об одном обыкновенно вызывает и другие. Между двумя последовательными впечатлениями является всегда сильная связь. Вообще можно утверждать, что вполне изолированного впечатления не существует. В наличности каждое впечатление есть продолжение предшествующего и начало последующего.

Рибо говорит: «Когда мы читаем или слышим фразу, в начале, например, пятого слова чуется нечто принадлежащее чет-

вёртому. Конец четвёртого слова сталкивается с началом пятого». При ассоциации по смежности некоторые впечатления воспринимаются непосредственно друг за другом, и когда вспоминается одно, оно влечёт за собой и другое, и т.д. от впечатления к впечатлению. Таким образом, какое-нибудь знакомое изречение легко повторить слово за словом, как оно и следует в тексте, но окажется очень затруднительно повторить его в обратном порядке или назвать в отдельности все слова, его составляющие. В стихах конец каждого слова, согласуясь с началом следующего, облегчает повторение их в определённом порядке, потому что каждое слово подсказывает следующее. Ребёнок может быстро сказать наизусть азбуку от А до Я, но предложите ему сказать её от Я до А, и он не сможет, потому что не учил её в таком порядке. Некоторые люди, приобретя достаточное умение в искусстве запоминания, могут повторять сотни слов с помощью этого вида ассоциации, но не в состоянии начать своё повторение где-нибудь с середины. Лейден мог прочесть наизусть целый парламентский акт с начала и до конца, не пропуская ни слова, но не в состоянии был начать с произвольно указанного места, не прочтя предварительно предыдущего.

Многие выработанные системы мнемоники основаны на законе ассоциации по смежности; но хотя эти системы и другие, основанные на законе ассоциации по сходству, часто полезны для запоминания и вполне остроумны, всё-таки оне скоро оказываются затруднительными и скорее затемняют, чем развивают память. Не стараясь следовать таким системам, изучающему было бы однако полезно упражнять способность восприятия согласованных впечатлений, потому что гораздо легче припомнить впечатления, если они тесно связаны по смежности с другими впечатлениями. Эта способность может развиться от упражнений, предназначенных сосредоточивать внимание на воспринимаемом впечатлении и на другом, тут же следующим за ним или предшествующим ему, так, чтобы они оба в полном смысле слова слились воедино. Потом можно прибавлять и другие впечатления, пока они все не свяжутся настолько, что воспоминание одного повлечёт за собой и

остальные. Чем теснее ассоциация, тем легче припоминание; чем скорее ассоциация возникла, тем прочнее связь. Если два впечатления не соединены быстро и тесно, всегда может случиться, что между ними явится непредвиденная мысль, которая и запутает ассоциацию по смежности.

Уяснение великого закона ассоциации впечатлений показывает, что когда мы хотим сохранить единичный факт так, чтобы быстро припомнить его, мы должны ассоциировать его с каким-нибудь другим впечатлением, уже ранее воспринятым. Чем более мы можем ассоциировать какой-либо факт с другими, уже известными фактами, тем скорее представится нам возможность припомнить его; и чем более ассоциаций будет иметь внечатление, тем лучше.

Вещи, которые в действительности ассоциируются по смежности, но которые ассоциированы по сходству, могут быть ассоциированы по смежности припоминанием их по сходству несколько раз подряд в одном и том же порядке, потому что здесь оне подпадают под закон ассоциации по смежности так же, как и под закон по сходству; чем сильнее и обширнее сходство, тем легче припоминание. Кажется, что ценное свойство помнить разнообразные факты – свойство, присущее начитанным и наблюдательным людям, – обязано своим существованием тому обстоятельству, что люди эти могут находить сходство между совершенно различными фактами и способны быстро переходить от одной группы фактов к другой, что невозможно для человека, не развившего способности ассоциировать по сходству. Первые, действительно, схватывают свободный конец мысли и затем просто разматывают клубок.

* * *

Глава Девятая

ВСПОМИНАТЬ, ПРИПОМИНАТЬ И УЗНАВАТЬ

Троякая деятельность разума, принимаемая часто за одно и то же. – Различие и определение точного значения каждого термина. – Воспоминание как процесс памяти, при котором сохраняемые впечатления проявляются в нашем сознании без усилия воли – по ассоциации, сходству и прочая. – Припоминание как волевой процесс памяти. – Узнавание как процесс, при котором видимая или слышимая вещь представляется нам уже известной, потому что раньше мы видели или слышали её.

Три слова, служащих названием данной главы, часто употребляются для обозначения одного и того же процесса. Отчасти это верно относительно двух первых слов. Но всё же каждое из них выражает определённое понятие и обозначает различные процессы, происходящие в памяти.

Словом «вспоминать» обозначается тот процесс, когда сохраняемые впечатления снова возвращаются в сознание без усилия воли, лишь по ассоциации, сходству и прочая. «Припоминать» же обозначает тот процесс, когда человек усилием воли старается вызвать сохраняемое впечатление. Вспоминать, на первый взгляд, явление чисто механическое, тогда как припоминать – действие волевое, сопровождаемое нередко громадным усилием. «Узнавать» обозначает процесс, когда мы слышим или видим вещь, которую мы знаем уже, которую слышали или видели раньше. Это сознательное ассоциирование впечатления, получаемого нами в данный момент, с тем, которое мы получили раньше. Если мы видим предмет дважды и во второй раз не «знаем», что видели его раньше, мы не узнаём его и память сохраняет два различных впечатления от одного и того же предмета. Если впоследствии мы признаем тождество этих двух впечатлений, они сольются в одно. Авторитетами установлено три следующих закона воспоминания.

1. Свойство всех впечатлений – это оживлять предшествовавшие впечатления однородного характера, но предшествовавшее впечатление не будет этим способом введено снова в сознание, если только оно не является достаточно отчётливым или же не было многократно вызываемо и таким образом усилено.

2. Несознаваемо однородное впечатление, полученное тем же образом, что и предшествовавшее, будет сохраняться как отдельное впечатление. Но если предшествовавшее впечатление вызвано во время получения второго при сознании их однородности, оба впечатления ассоциируются в памяти и будут сохраняться вместе.

3. Когда восстанавливается одна часть ассоциированной группы впечатлений, другая часть при желании может восстановиться с наименьшей затратой усилия; восстановление одного впечатления облегчает восстановление любого впечатления, полученного одновременно с ним без отношения к сходству.

При рассматривании первого закона мы не должны забывать, что один человек может заметить сходство между видами, другой же не увидит никакого сходства.

Понятно, что разница эта исчезает при применении названного закона. Если сходство не замечено или не сознано, то в процессе воспоминания отсутствует и ассоциация.

Вообще процесс воспоминания является предсознательным, и мы не сознаём, что он происходит. Мы можем быть погружёнными в свои мысли, которые одна за другой будут проноситься в нашем сознании, но мы не будем в это время сознавать их связи или ассоциации. Тем не менее мы часто в состоянии проследить их ход и можем увидеть тончайшую связь между различными предметами наших мыслей. Мы можем начать, например, со стола и закончить, думая о чём-нибудь совершенно другом, находящемся даже в отдалённой части света.

Когда мы вспоминаем что-нибудь, это обыкновенно случается потому, что ассоциация естественна, тесна и непосредственна. Когда же мы принуждены припомнить что-нибудь, мы должны прибегать к помощи воли, чтобы найти связь и ассоциацию

между целым рядом предметов, пока не придём к утерянному впечатлению. Процесс воспоминания едва ли требует сознательного мышления, между тем как при процессе припоминания оно необходимо. Первый процесс непосредственный, второй же – подчинённый.

Мы уже сказали, что очень трудно снова вызывать впечатление, которое было воспринято поверхностно, между тем как впечатление, воспринятое ясно и отчётливо при посредстве внимания, вызывается сравнительно легко. Но слабое впечатление может усилиться от частого повторения, пока и не сделается столь же отчётливым, как впечатление, ясное с самого начала и легко припоминаемое.

Впечатления, воспринятые при важных обстоятельствах, запечатлеваются ясно и сравнительно легко припоминаются.

Мы хотим обратить ваше внимание на одно важное обстоятельство, касающееся оживления впечатлений, и на вытекающее отсюда усиление первичных впечатлений путём частого оживления их. Вполне ясно, что суть всей силы процесса заключается в сознательном оживлении первичного впечатления, задерживании его в поле сознания при помощи внимания и отсылки обратно в хранилище предсознания подкреплённым новым количеством сосредоточенного на нём внимания. Сознательное оживление предшествующего впечатления вместе с новой долей сосредоточенного на нём внимания гораздо ценнее продолжительного рассматривания самого предмета, дающего это впечатление. Конечно, созерцать предмет несколько раз хорошо потому, что это открывает подробности, которые не были включены в первое впечатление. Нами уже об этом было сказано в главе о зрительных восприятиях и упражнениях.

Итак, когда при виде какого-нибудь предмета вы припоминаете какое-либо прежнее впечатление и таким образом ассоциируете его, старое впечатление делается частью нового, так что разделить их уже трудно. В нашей памяти масса неиспользованного, без дела лежащего материала, который мог бы принести нам большую пользу, если бы нам представился случай

ассоциировать его. Мы иногда принимаемся за новый предмет размышлений и ассоциируем и соединяем группы несвязанных фактов, лежавших до сих пор без употребления в нашем душевном хранилище. Припоминание всегда сопровождается усилием воли найти цепь ассоциаций, которую мы желаем припомнить. Процесс этот, может быть, займёт лишь долю секунды, так как ум работает быстро и цепь ассоциаций образуется скоро. Но часто проходит значительное время, прежде чем мы припомним желаемое; иногда же мы должны признать, что не в состоянии вызвать впечатление, хотя бывает и так, что предсознание, получив приказание, продолжает работать и вносит впечатление в область сознания, когда мы уже и забыли о своём желании вызвать его.

Припоминая впечатление, часто случается припоминать обстоятельства и место восприятия желаемого впечатления, или то, что было до или непосредственно после припоминаемого. Разум инстинктивно напрягает все силы, чтобы закончить серию вызываемых впечатлений.

Что же касается узнавания, то мы должны различать две фазы – *полное узнавание* и *частичное*. Встречая человека, раньше нами виденного, мы узнаём его, т.е. вспоминаем его имя, кто он, чем занимается и прочая; иначе говоря, мы узнаём его полностью. Если же мы встречаем человека, лицо которого мы вспоминаем, но имя не помним, или даже узнавая лицо и вспоминая имя, не можем вспомнить, кто он и кто он был при нашей встрече, то, значит, мы только частью узнали его. Нам случилось как-то слышать об одном господине, встретившемся с дамой, лицо которой он хотя и узнал, но вспомнить фамилии не мог. Чтобы выйти из этого неприятного положения, он прибегнул немедленно к старой хитрости: «Сударыня, я забыл, как правильно пишется ваша фамилия. Не будете ли вы любезны напомнить мне?» – сказал он. – «С удовольствием, – отвечала дама, – она пишется Д-ж-о-н-с». Когда мы встречаемся с человеком, обращающимся к нам и называющим нас по имени, но сами смутно его узнаём, мы, пробыв в его обществе некоторое время, лихорадочно «подыскиваем ему место», а затем какой-нибудь намёк вдруг даёт нам недоста-

ющую ассоциацию, и мы ясно вспомним всё, что когда-либо знали об этом человеке.

Есть разница между воспоминанием и узнаванием. Нередко мы очень долго отыскиваем хорошо известную вещь и вдруг находим её на месте, мимо которого проходили несколько раз и где не могли не «видеть» её. Дело в том, что способность наша узнавать работала неудовлетворительно, и хотя мы видели предмет, но не могли узнать его. Обстоятельство это может быть устранено тем, что нам следует отчётливо нарисовать в уме предмет, который мы ищем, и это даст нам возможность узнать его, как только он попадётся нам на глаза. Такой способ применим к любому предмету, как бы знаком он нам ни был, потому что если психический образ недостаточно ясен, мы не узнаем его, даже глядя непосредственно на него, так как наша память заключает в себе только его имя, а не образ. Муж может долго искать в толпе свою жену и не находить, хотя он будет смотреть прямо на неё: беспокойство его стёрло у него её психический образ.

* * *

Глава Десятая

ОБЩИЕ ПРИНЦИПЫ ОТНОСИТЕЛЬНО ВПЕЧАТЛЕНИЙ

Тринадцать общих правил, от которых зависят впечатления. – Эти правила заключают в себе всю область впечатлений, их восприятие, сохранение и припоминание. – Зная эти принципы, мы вполне ясно можем представлять себе и сам предмет, служащий объектом процессов памяти. – Формулирование каждого принципа в связи с объяснениями и примерами.

Глава эта, при внимательном изучении, даст прекрасное понимание теории и практики ухода за памятью и опять-таки окажется богатой пищей для размышлений. Следующие принципы дадут вам общее понятие о законах, управляющих восприятием, сохранением и оживлением впечатлений, полученных памятью. Для изучающего они, вероятно, будут интересными и помогут ему запечатлеть в уме законы, управляющие психическими процессами, известными нам под названием «памяти». Многое из того, что говорится в этой главе, изложено другими словами в других частях нашей книги, но мы думаем, что будет уместным соединить всё это в специальной главе, дабы изучающий мог скорее ассоциировать один принцип с другим, ему близким.

ПРИНЦИП I. ***Пользуйтесь сосредоточением так, чтобы получалось впечатление достаточно интенсивное для быстроты последующего оживления его.***

Как мы уже объяснили в предшествовавших главах, необходимо, чтобы ум был прямо направлен на предмет, впечатление от которого мы желаем сохранить в памяти, с тем чтобы иметь возможность припомнить его с наименьшим усилием впоследствии. Говоря вообще, сила впечатления прямо пропорциональна количеству интереса и внимания, уделяемых самому предмету. Соот-

ветственно этому, крайне важно на практике развивать внимание и интерес, дабы иметь способность сохранять отчётливое впечатление. Поступая так, мы постепенно приобретаем хорошую память.

ПРИНЦИП II. ***Заносить в память первое впечатление следует точно, а не расплывчато.***

Очень многое зависит от остроты первого впечатления. Первичное впечатление есть основание, на котором возводятся все последующие, и если оно неотчётливо, то очень трудно окажется исправить небрежность впоследствии, потому что при этом должно произойти вычёркивание первоначального впечатления и создание нового первичного, так как иначе в памяти будет полный беспорядок. Поэтому при получении первого впечатления от какого-нибудь предмета вам следует сосредоточить на нём возможно большее внимание и интерес.

ПРИНЦИП III. ***Включать во впечатление слишком много подробностей зараз не следует.***

При соблюдении этого принципа изучающий избегает лишней работы и потери энергии. Лучший способ – наметить сначала главные черты предмета, затем присоединять к ним следующие, менее крупные подробности; потом переходить к ещё менее важным и закончить сравнительно незначительными деталями. При составлении общего понятия предмета, подлежащего изучению, некоторые из подробностей будут выделяться более ясно. Сначала изучать предмет следует в главных его чертах, затем переходить к второстепенным, которые выступят более резко по изучении главных, и т.д., пока не изучится весь предмет во всех его подробностях. Таким образом получится полное представление о предмете с самого его «основания», так что вам будет вполне легко припомнить любую из его частей и в то же время вы сможете сознавать отношение этой последней к каждой из остальных.

Это единственный разумный способ изучения. Следуя этому методу, вы будете рассматривать изучаемый предмет как дерево. Начните с основания, мысленно представляя его как бы стволом, затем принимайтесь за более толстые ветви, потом приступайте к прутьям и наконец – к листьям. Начиная изучение нового предмета, лучше прочесть сначала наиболее элементарное руководство по данному вопросу; изучив его, принимайтесь за более серьёзное и т.д. Многие делают ошибку, читая сперва наиболее сложное руководство; последствия обыкновенно таковы, что они не знают вопроса подробно, а имеют лишь смутное понятие о целом. Некоторые преподаватели советуют старательно изучить тот или иной вопрос по какому-нибудь энциклопедическому словарю и лишь затем приниматься хотя бы за самую элементарную книгу. По закону природы мы прежде «ползаем» и только потом начинаем уже «ходить». Закон этот распространяется и на процессы изучения и запоминания.

ПРИНЦИП IV. ***Часто оживляя впечатление, вы увеличиваете тем его интенсивность.***

Весь вопрос ухода за памятью до такой степени зависит от одного этого принципа, что устранение его означало бы крушение и всего нашего здания. Помните, что речь идёт о *сознательном оживлении* первичного впечатления, а не о получении повторного.* Этим способом впечатление делается не только интенсивнее, но и воля привыкает к вспомогательной деятельности и чрез короткое время оживление впечатления делается автоматическим; постоянным оживлением впечатление всё сильнее закрепляется в памяти и оживляется с наименьшей затратой усилия. Следуя пер-

* Если на первых порах это всё-таки представляет для вас трудность, то мы порекомендовали бы такой способ: не надо бояться получения повторного впечатления, просто перед тем, как производить его, сознательно проведите работу припоминания, оживите первичное впечатление. Это позволит значительно увеличить силу грядущего повторного впечатления, и лишь после приступайте к нему. Выработайте у себя *привычку* к такому порядку получения вторичного впечатления – и благие результаты не замедлят сказаться. (*Й.Р.*)

вым трём принципам, вы получите впечатления со значительной степенью ясности, а последовательной практикой и оживлением вы добьётесь удивительно глубокого и длительного впечатления от наблюдаемого предмета. Один из передовых западных исследователей этого вопроса иллюстрирует данный принцип встречей одного человека с незнакомцем, с которым он проводит целый вечер и которого оказывается не в состоянии узнать несколько дней спустя. Этот автор обращает внимание наше на то, что если постороннее лицо видеть только по пять минут, но зато в течение четырёх недель, то его окажется легче узнать впоследствии, так как это повторное впечатление крепко запечатлеется в уме.

ПРИНЦИП V. ***При желании оживить какое-либо впечатление, не следует прибегать к самому предмету, так как при этом впечатлению придаётся наибольшая интенсивность.***

Мы касались этого принципа в главе о зрительных восприятиях. Суть здесь в том, что впечатление должно оживляться без посредства самого оригинала, а лишь мысленно по мере возможности. Конечно, вы можете найти, что не знаете некоторых подробностей; тогда необходимо вернуться к предмету и пополнить впечатление, но всё-таки сперва следует стараться припомнить то, что было уже замечено, и таким образом придать впечатлению большую интенсивность. Постепенно запоминаемые подробности нужно припоминать точно таким же путём, вследствие чего каждое следующее оживление впечатления будет заключать в себе более подробностей и будет более полным. Если вы будете смотреть на предмет ежедневно в течение месяца, вы не будете знать о нём даже и половины того, что узнали бы, старательно изучив его в первое время и пытаясь потом мысленно воспроизводить его в воображении или на бумаге при помощи карандаша, и если следовали бы такому способу действия ежедневно в течение недели, подмечая с каждым разом новые подробности. Таким образом, обзор второго дня доставил бы подробности, которые не произвели достаточно интенсивного впечатления накануне, но

которые присоединяются при достаточно внимательном наблюдении к впечатлению первого дня. «Непрослушанный урок быстро забывается».*

ПРИНЦИП VI. ***Лучше стараться оживить первое впечатление предмета, нежели пытаться получить новое.***

Этот принцип вполне сходен с предшествующим; он учит, что нам должно больше полагаться на свою память, чем обращаться к предмету, как только найдём, что не можем достаточно быстро припомнить подробности. Пользуйтесь памятью, через что укрепите её, вместо того чтобы пользоваться ею только тогда, когда к этому принуждает отсутствие самого предмета. Поступать иначе – это всё равно, что постоянно переписывать таблицу умножения, дабы она каждый раз оказывалась под рукой, когда нам нужно перемножить пару чисел; хотя, конечно, так действовать легче, чем раз и навсегда выучить таблицу умножения или упражнять память. Если мы зависим от новополученного впечатления, а не от оживления старого, мы никогда ничему толком не научимся и постоянно будем принуждены учить свой урок снова и снова.

ПРИНЦИП VII. ***Начиная в первый раз изучать что-либо и не имея ещё первичного впечатления, полезно думать об аналогичном впечатлении, чтобы установить умственную ассоциацию.***

В некоторой степени этим принципом облегчается получение впечатлений от нового предмета, потому что, сопоставляя последний с чем-нибудь уже известным, вы имеете преимущество ассоциации и выгоду связи нового впечатления с другим, уже запечатлённым в вашем уме. Это то же, что и рассматривание новой подробности предмета и введение её в следующее оживлённое

* Мы настаиваем также на том, что неотстоявшееся знание всегда непрочно, а застоявшееся – бесплодно. Знание – это отнюдь не то, что мёртвым грузом и совершенно без всякой полезности лежит в памяти, но то, что, находясь в ней и обладая практической ценностью, совершенно свободно и без всяких помех переходит в ум и обратно, в память. (*Й.Р.*)

впечатление, чрез что приобретается преимущество первичного сильного впечатления и является как бы гвоздь, на который можно повесить новое впечатление. Если вы встречаетесь с человеком, у которого фамилия Томсон, и находите трудным запомнить его фамилию, то полезно думать, что этот человек носит ту же фамилию, что и ваш близкий друг, у которого тоже фамилия Томсон, чего вы никогда не забываете. Таким образом, два человека и их фамилии связаны в вашей памяти, и вам будет очень легко вспомнить фамилию нового знакомого, составив такую ассоциацию. При изучении нового предмета следует стараться сопоставить его с предметом, уже для вас известным и наиболее близко с ним ассоциированным. Если вы можете связать предмет с чем-нибудь ему подобным, новый предмет станет в вашем уме частью старого, и вы уже не будете с ним обращаться как с новым пришельцем. Разум, по всей видимости, консервативен, и лучше обращаться с новым знакомым, если его знает какой-нибудь старый.

ПРИНЦИП VIII. ***Полезно бывает установить серию умственных ассоциаций так, чтобы одно из впечатлений могло оживить следующее из той же серии и т.д.***

Раз одна из частей одного и того же целого оживлена, разум очень быстро вызывает и остальные части, и образованная таким образом из некоторого числа предметов цепь, каждое звено которой – часть одного целого, свободно будет перебираться нами в том и другом направлении независимо от того, с какого звена мы начали. Полезно составлять из различных частей одного целого серию, размещая части эти в возможно более логическом порядке. Новая часть, введённая впоследствии на должное место, будет припоминаться так же легко, как и старая. Действие ассоциаций при припоминании поразительно. Для ребёнка гораздо легче запомнить букву Н, если он знает М, потому что он ассоциирует Н с этой последней. И мы увидим, что память наша при ассоциировании предметов во многих отношениях удивительно похожа на память ребёнка, когда тот заучивает азбуку или таблицу умножения.

Если вы не в состоянии вспомнить что-либо в любой момент, самое лучшее иметь свободный конец нити, которую вы будете сматывать, пока не наткнётесь на желаемое; это заставило бы среднего человека называть наугад улицы в центре города, но если он начнёт с первой, он назовёт их по порядку без особых затруднений. Точно также для ученика легче назвать президентов Соединённых Штатов или королей Англии, если он начнёт с Вашингтона или Вильгельма-Завоевателя. Но попросите его назвать их в разбивку, он запутается. Мы находим, что вещи, которые лучше всего нами помнятся, соединены в нашей памяти с чем-нибудь непосредственно предшествующим им или же следующим за ними, т.е. так или иначе имеющим прямое отношение к припоминаемой вещи. При составлении умственных серий руководствуйтесь всегда порядком азбуки или списка президентов; закрепите хорошенько в своей памяти первый предмет, затем переходите ко второму и т.д.

ПРИНЦИП IX. ***При изучении или исследовании какого-либо предмета следует пользоваться всеми своими способностями.***

Ценность этого принципа ясно будет видна, если мы вспомним, что каждая способность даёт нашему разуму отдельное впечатление, и когда мы пользуемся не одной, а многими способностями при изучении предмета, мы получаем столько же отдельных впечатлений, сколькими способностями мы пользовались.* При старании запомнить какое-нибудь название или число нам очень поможет то обстоятельство, если мы напишем его и изучим при посредстве зрения, так как здесь у нас получаются абстрактное впечатление предмета, впечатление звуковое и зрительное. При припоминании его нам может помогать общее понятие его, его звук или впечатление от его названия, написанного буквами. Многие декламаторы утверждают, что расположение некоторых

* К.Д. Ушинский говорит: «Педагог, желающий что-нибудь прочно запечатлеть, должен позаботиться о том, чтобы как можно больше органов чувств – глаз, ухо, голос, чувство мускульных движений и даже, если возможно, обоняние и вкус – приняло участие в акте запоминания». (*Й.Р.*)

слов и фраз появляется перед их умственным взором, будто перед ними находится страница, с которой они читают. Проповедники, пишущие свои проповеди и изучающие их по рукописям, говорят, будто видят положение каждого параграфа и каждого слова, которое они хотят произнести, как оно являлось в рукописи. Публичные ораторы подтверждают то же.

Многие не могут запомнить названия, не повторив его несколько раз вслух. Много примеров применения этого принципа представится вам, если вы будете заниматься развитием памяти.

ПРИНЦИП X. ***Слабые способности сильно улучшаются от надлежащего упражнения.***

При затруднении припоминать впечатления, первоначально полученные путём какой-либо слабой способности, полезно начать упражнять эту способность с той целью, чтобы она была в состоянии заносить более сильные впечатления. Другие главы этой книги укажут вам много методов и способов для такового упражнения. При развитии известного количества способностей вы будете получать большее число интенсивных впечатлений и найдёте в силу этого более лёгким припоминать желаемую вещь, потому что б*о*льшая часть впечатлений усилилась и при желании может быть вызвана с большей лёгкостью.

ПРИНЦИП XI. ***Трудность при припоминании какого-либо впечатления преодолевается старанием оживить впечатление, полученное одновременно с первым, или же старанием припомнить какое-либо ассоциированное с ним понятие.***

Пример применения этого принципа даёт нам человек, который не в состоянии припомнить имени или фамилии. Несмотря на все старания, фамилия не попадает в область его сознания. Тогда он начинает перебирать азбуку, то и дело останавливаясь и задумываясь над каждой буквой. Случается часто, что мысль о первой букве фамилии приводит на память и самоё фамилию.

Начальная буква имени часто вспоминается яснее, чем остальные, приходящие на ум лишь после того, как припомнилась первая. Если этот способ не помогает, попробуйте другой, стараясь вспомнить самого человека, его наружность, разговор, время и место, где вы вначале услыхали его имя, и т.д., а если это название предмета, применяйте то же правило и старайтесь припомнить обстановку, свойства предмета и прочая.

ПРИНЦИП XII. ***При припоминании какого-нибудь впечатления следует подумать о какой-либо определённой вещи, связанной с ним, и пересмотреть другие, полученные около того же времени, впечатления. Это лучше, чем стараться припомнить его неясно.***

Если принцип XI применяется вами без заметного успеха и вы не можете припомнить ни одного впечатления, полученного в то же время или ассоциированного с первым, то вам следует стараться припомнить впечатление чего-либо связанного тем или иным образом с припоминаемым предметом и, по возможности, обстоятельство, при котором было получено впечатление. Вообразите себя в положении и при обстоятельствах, бывших при получении этого впечатления, и нередко через это у вас побудится к деятельности ход мыслей, который и вынесет в поле сознания желаемое впечатление.

ПРИНЦИП XIII. ***Если первичное впечатление припоминается непроизвольно после первой безуспешной попытки припомнить его произвольно, заметьте его ожившее впечатление для последующего пользования.***

Непроизвольное припоминание вещи, которую разум вначале отказывался припомнить, является, конечно, усилием предсознательной его функции, но при внимательном исследовании окажется, что оно вошло в поле сознания вслед за другой мыслью, хотя связь между ними и незаметна на первый взгляд. Запоминая ожившее его впечатление, т.е. то, которое вошло в поле со-

знания как раз перед ускользавшим впечатлением, вы вернёте его по желанию, несмотря на промежуток времени, который пройдёт после того, как слово снова забудется. Отметив же неясную связь, вы откроете целое поле для мысли, и у вас будет ключ к дальнейшему познанию громадной области памяти.

* * *

Глава Одиннадцатая

СИСТЕМА НАКОПЛЕНИЯ ЗНАНИЙ

Удобная, практичная и легко усвояемая система для развития памяти, каковая, по мнению автора, является единственным и лучшим методом в деле совершенствования памяти в целом. – Это новейшее изложение древней системы, употреблявшейся в Индии, Греции, Галлии, Исландии и других странах для развития ума учеников и позволявшей им сохранять в памяти как легенды, так и религиозные, философские и правовые учения своего народа. – С помощью этой системы они легко запоминали сочинения, по объёму равные «Библии». – Полное руководство к применению этой системы для развития памяти.

Каждый, старательно изучивший предмет «ухода за памятью» и не имеющий предвзятого мнения, обыкновенно соглашается, что метод, названный нами «системой накопления», есть единственная естественная система развития памяти. Она не зависит от каких-либо уловок, намёков и прочая, но исходит из той теории, что развитие памяти должно итти постепенно и лёгкими переходами. Она имеет в виду развитие непосредственно самой памяти, а не перегружение её «методами». Её основная мысль та, что память, подобно мускулам, должна развиваться постепенно, при помощи лёгких, постоянно повторяемых упражнений. Это не метод фокусов для запоминания, но система развития и упражнения памяти, пока та не будет способна припоминать, не прибегая к фокусам или искусственным методам. Такое же постепенное развитие наблюдается и в природе; всё живое развивается постепенно от семени до полного расцвета. Одновременно эта система способствует запоминанию наиболее обширных предметов.

«Система накопления» не нова. Это лишь обновлённая древняя система, бывшая в употреблении у народов Востока для приучения памяти сохранять безошибочно тайные философские и религиозные учения. В других частях нашего труда даны многочисленные примеры чудесных проявлений памяти древних и

проявлений современных, показывающих, что нет основания предполагать, будто эти проявления не могут случиться и в наше время. Причина прекращения практикования старой системы заключается в том, что в былые времена, до изобретения книгопечатания, очень немногие умели писать, да и рукописи могли свободно затеряться, уничтожиться, а учёные боялись доверять своё учение пергаменту или какому-либо другому, находившемуся под рукою материалу для письма. Таким именно образом они упражняли память своих учеников, пока эти последние не оказывались в состоянии запомнить книги, б*о*льшая часть которых по объёму превосходила «Библию». Из других глав вам уже известно, что философские, религиозные сочинения и даже законы передавались именно так в течение многих столетий, совсем не будучи записаны. Даже и теперь таким способом ещё передаются ритуалы тайных обществ ввиду того, что правила последних запрещают писать или печатать некоторые части этих ритуалов.

С изобретением печатания, когда стало уже очевидным, что можно напечатать тысячу копий одной и той же книги, и чрез это уменьшилась возможность её потери, сама собой устранилась и необходимость изустной передачи учений, а с нею и древнее искусство заучивания наизусть. Люди находят излишним запоминать вещи, которые всегда можно найти в книгах у себя на полке. Они не учли того, что, изъяв из употребления старую систему, они теряют не только искусство запоминать объёмистые сочинения, но и искусство управлять памятью для запоминания обыденных вещей; вывод ясен: в наше время человек с хорошей памятью оказывается редкостью; даже более того: многие склонны считать, что хорошая память – это какая-то ненормальность и что вполне естественно обладать плохой памятью.* Они не сознают, что каждый человек может развить свою память далеко за пределы того, чем он сейчас обладает. Конечно, некоторые люди помнят лучше других, но человек с плохой памятью может при

* Точно так же и глупцы на полном серьёзе полагают, что глупость, бездарность и посредственность – вполне нормальное состояние человечества, а ум, всякого рода одарённость и гениальность – нездоровая аномалия. (*Й.Р.*)

развитии её соответственными упражнениями помнить гораздо лучше человека, обладающего памятью хорошей, но не подкрепляемой упражнением.

«Система накопления» отличается от других систем тем, что она не учит, как вспомнить вещь по её ассоциации с другой вещью, вспоминаемой легче, или с вещью, уже запечатлевшейся в памяти. Вместо этого она старается так развить, укрепить и усовершенствовать ум, чтобы он с лёгкостью мог передавать памяти всё, что угодно, и так же легко припоминать забытые вещи при помощи воли.

Одна из прекрасных сторон в этой системе – та, что, упражняясь, вы в то же время снабжаете память ценными сведениями и знаниями и, снабжая её интересными вещами, одновременно развиваете и самую память. Надо, таким образом, помнить, что огромное значение системы заключается не просто в искусстве запомнить длинные поэмы, речи и прочая, но в развитии и укреплении самой памяти. И эта система не только развивает у памяти способность сохранять впечатления в уме, но упраздняет необходимость припоминания, так как быстро вызывает то, что было запомнено. Результаты серьёзного изучения и применения этой системы таковы: 1) специально изученная вещь легко запоминается, долго помнится и быстро припоминается; 2) замечается непрестанный рост способности запоминания и 3) способность припоминания при посредстве воли заметно возрастает и усиливается.

«Система накопления» основывается на той теории, что способность запоминания и припоминания может сильно возрастать от системы прогрессивных упражнений и *частого пересматривания*.

Пусть изучающий выберет для запоминания что-либо для себя интересное или что ему нравится. Любимая поэма при достаточной своей обширности – хороша. Для одних, например, хорошо подходит книга псалмов или сборник поговорок; для других же легче запоминать стихи «Библии», чем стихотворения. Начинайте с одного библейского стиха или одной строфы поэ-

мы, при условии, что она будет иметь не более 4-6 строк. Если она длиннее, разделите её на части, каждая из которых должна заключать указанное число строк. Заучите хорошенько отрывок, так чтобы вам можно было быстро его декламировать и понимать все его части. Учить следует не только звук, но и печатный вид его; его главные слова, их размещение и значение; словом, *учите его*, на первый день этого будет достаточно.

На следующий день должно припомнить и повторить вслух вчерашний отрывок. Затем, выучив тем же образом следующий, повторите оба отрывка вместе.

На третий день следует пересмотреть выученное и заучить мысленно третий и, присоединив к первым, повторить все их вместе.

Упражнение это следует продолжать в течение месяца, заучивая и прибавляя по отрывку ежедневно и часто повторяя сразу всё выученное. Никакое повторение не будет слишком частым. Вся суть в повторении, и не следует уклоняться от этой части работы. Постоянным прибавлением запоминаемых отрывков развивается способность *запоминания*, тогда как постоянным повторением достигается развитие и укрепление возможности лёгкого припоминания. Приобрести хорошее, ясное умственное впечатление не всегда просто и легко, но для вас умение помещать и выносить вещи, спрятанные в вашей умственной кладовой, является жизненною необходимостью. Это не только знакомит вас с отдельными предметами, выносимыми ежедневно, но и развивает также «сноровку» находить требуемые предметы в умственной кладовой и выносить их, когда нужно, на свет.

Вначале вам, вероятно, придётся часто прибегать к книге, чтобы прибавить упущенное слово или строчку. Это не должно охлаждать вас, потому что скоро вы преодолеете свою неловкость. Напрягать понапрасну память, чтобы припомнить ускользнувшую строчку или слово, не следует. Если нужно, обращайтесь как можно чаще к книге, потому что это лучше, чем пропускать забытые слова или сомневаться в их правильности. Не следует учить небрежно, но настойчиво, точно и безусловно правильно. Настаивая на этом с самого начала, ум быстро приобретает та-

кую способность. Не следует пропускать ни одного дня. Для вас будет гораздо удобнее выучивать немного строк ежедневно, чем большее количество через известный промежуток времени. Воля и память укрепляются правильными упражнениями и практикой. Вся серия упражнений служит для развития и укрепления силы воли изучающих, а приобретённая таким образом сила будет полезна и для работы другого рода.

Со второго месяца начните заучивать две строфы в день вместо одной. Весь второй месяц продолжайте заучивать по две строфы ежедневно с повторением как раньше выученных, так и выученных в первый месяц, пока не освоитесь совершенно с системой двух строф. Вы обнаружите, что работа второго месяца по трудности не отличается от первого. Две строфы усваиваются так же хорошо, как и одна. Вы увидите, что ваша память опередила прирост работы, и вам уже легко заучивать три или даже четыре строфы в день, но придерживайтесь двух и не пытайтесь итти дальше. Успешность этой системы во многом зависит от того, что она по примеру самой природы развивает изучающего *постепенно*. Надо помнить, что секрет возрастания силы припоминания заключается только в *повторении*.

С третьего месяца принимайтесь за три строфы, поступая как и раньше и увеличивая ежедневно ваш запас с повторением того, что уже заучено. На четвёртый месяц учите по четыре строфы в день и т.д. Понятно, есть предел такому постоянному приросту, о котором сказано будет немного ниже. Предел этот колеблется в зависимости от индивидуальности изучающего, но и самые отсталые могут достичь изумительного искусства при крайне небольшом усилии, следуя лишь методу последовательного прогрессирования.

Если спустя несколько месяцев заучивание будет требовать больше времени, чем вы можете ему посвятить, то оставьте дальнейшее заучивание и займитесь исключительно повторением. Позднее, если у вас не будет времени даже на повторение всего, то разделите заученное на две половины, повторяя первую часть сегодня, а вторую завтра.

Если спустя некоторое время заучивание новых строф будет утомлять, то хорошо на время прекратить эту часть упражнения, но продолжать только повторение, употребляя на него всё время, назначенное на заучивание. Иногда та часть мозга, которая работает над получением впечатлений, возмущается против естественного труда, но зато другая его часть, припоминая уже заученное, является ясной и вполне готовой к работе.

Изучающему будет видно, какой способ исполнения этой работы подходит к его характеру. Он может разнообразить и улучшать предлагаемый нами план; но лишь при условии – не упускать повторения. Прекратите изучение наизусть новых строф, но отнюдь не прекращайте повторения. Увеличивающаяся сила памяти заключается в частом повторении. Повторение, сначала несколько утомительное, вскоре будет доставлять вам удовольствие и радость от сознательного увеличения силы воли, придающей этому занятию большой интерес.

При неимении у вас времени для выполнения всего здесь указанного, вам можно и изменить план, заучивая указанным способом мелкие стихотворения и заканчивая каждое так, чтобы помнить его во всякое время, а потом переходите к другому, посвящая ему всё своё время и внимание. Но, выучив второе, повторите и первое. Продолжайте повторять заученное в часы досуга и при удобном случае и посвящайте вашу каждодневную работу новому, пока оно не будет выучено в совершенстве. Упражняйтесь в припоминании вещей, заученных вами в прошлом, так как частым припоминанием вы укрепляете эту способность.

При неимении у вас времени для выполнения повторения возьмитесь за что-нибудь другое, отличное от первого, но не забывайте при случае повторить и старое.

Впоследствии вы, вероятно, заметите, что некоторые строфы вспоминаются легче других. Оставлять трудных не следует, хотя бы вам и пришлось тратить на них времени больше, чем на лёгкие. Вы должны упорно работать над трудными, так как, укрепляя этим слабые стороны вашей способности запоминания или припоминания, вы кроме того вырабатываете добавочную силу воли.

Занимаясь по этой системе несколько месяцев, вы убедитесь в возможности удержать в памяти при наименее частом повторении всё что пожелаете; изменяя план занятий в зависимости от увеличивающейся способности, повторяйте хорошо выученное лишь один раз за большой промежуток времени. Но полезно повторять небольшой отрывок *чего-либо* ежедневно, чтобы дать какое-нибудь упражнение для новых способностей.

Придёт время, когда вы, как мы уже говорили, сознаете, что дошли до предела в количестве строф, которые возможно запомнить зараз. Нельзя же вам вечно итти дальше, каждый месяц прибавляя по ежедневной строчке. По достижении этого времени прекратите ежемесячное прибавление и остановитесь. Продолжая учить и повторять, всё-таки ограничьте ваши строчки наивысшим легко запоминаемым числом. Нужно помнить, что главная цель опыта не в том, сколько можно сделать, но в том, чтобы дать вам необходимую практику и развитие. Приостановив на время свои занятия и не увеличивая числа строк, вы, однако, внезапно увидите, что память ваша может преодолеть и гораздо большую, чем дневная, работу. Но что бы вы ни делали, беритесь за малое. Во всяком случае вы найдёте, что способность ваша *припоминать* возрастает, повидимому, беспредельно.

Выучите хорошенько одно и тогда уже беритесь за другое. Лучше знать в совершенстве одну вещь, чем несколько – плохо. Не следует переходить к новой строфе, не преодолев старую. Не следует торопиться и браться за слишком многое сразу.

Ученик обыкновенно бывает слишком горяч. Начиная с пылкостью, он скоро устаёт, не уйдя ещё далеко. Лучше придерживаться малого и развиваться естественно, подобно растению, которое превращается из зародыша в побег, из побега формирует ствол, потом ветви, листья и, наконец, цветы.

Усталым приниматься за это упражнение не следует, ибо при таких условиях вам не получить ясных впечатлений и не запомнить ясно и отчётливо. Утро, как утверждают многие, – самое подходящее время для этих упражнений.

* * *

Глава Двенадцатая

СИСТЕМА ДЕСЯТИ ВОПРОСОВ

Новый рациональный метод для получения из области предсознания сведений, накопленных ранее, но не использованных за недостатком системных навыков архивации и соответствующего метода для их извлечения. – Сознательное применение данной системы даст вам громадный запас духовных сведений по вопросам, о которых первоначально вы имели лишь смутное понятие. – Эта система расширит ваш кругозор и даст замечательные результаты. – Глава эта касается также и «аналитического запоминания».

У каждого человека в его предсознательной кладовой имеется громадный запас сведений и познаний. Хоть что-нибудь да знает он о всяком предмете, который когда-либо привлёк его внимание или интерес даже в самой малой степени. Характер и количество такого знания, конечно, много зависит от степени внимания, сосредоточенного на нём, и произведённого при этом наблюдения. Но даже человек с самой поверхностной наблюдательностью собрал много ценного материала, о существовании которого он и не подозревает. Сведения накоплялись механически, а попытки воскресить их отсутствовали ввиду того, что человек в своей повседневной жизни не нуждался в них.

Если бы разумной практикой мы случайно сознали все сокрытые знания, мы дали бы уму нашему полезную работу, увеличили бы нашу способность припоминать, расширили бы кругозор ценных познаний, развили бы способность рассуждения, сравнения и прочая и стали бы лучше ознакомленными с самыми разнообразными предметами. Извлекая эти сберегаемые воспоминания, мы оказываемся вынуждены классифицировать их, ставить их в надлежащую друг от друга зависимость, сравнивать, замечать ассоциации, извлекать выводы и применять при этом многие умственные способности, которые являются следствием умственного развития. Уподобляясь же каким-то скрягам, спрятавшим свои драгоценности подальше, мы никогда больше не увидим своих духовных сокровищ и ещё менее воспользуемся ими.

Все вы, конечно, слыхали о заключённых, о людях, осуждённых жить вдали от друзей, обречённых на полное одиночество. Принуждённые взирать внутрь себя, они извлекают из тайников своей души знания, которые были спрятаны там, и, выходя из заключения, обладают степенью умственного развития, далеко превосходящей ту, какою обладали раньше.* Есть много примеров тому, что политические заключённые писали свои наиболее интересные труды как раз в пору заточения, не имея под рукой ни одной книги для осведомления и черпая все сведения исключительно из громадной кладовой предсознания.** Бывает и так, что некоторые лица без особого намерения наблюдают окружающее их и делают заключения. Спустя много лет, сделавшись писателями, они пользуются своими старыми, давно забытыми впечатлениями прошлого и излагают их, рисуя обществу живую картину той обстановки, среди которой когда-то жили сами. Пример такого позднейшего использования собранных знаний даёт нам Дюма в своём хорошо известном романе «Граф Монте-Кристо». Он выводит в нём старого политического узника, аббата Фария, который, целыми годами лишённый общества людей, воскрешает свой запас знаний для пользы и поучения своего товарища по тюрьме Эдмона Дантеса. Возбудив интерес и внимание этого последнего, аббат заставляет его сосредоточиться и развиться из красивого, но невежественного матроса в образованного светского человека с солидными познаниями. Старый аббат, сохранивший в своём уме знания, приобретённые в течение всей жизни, черпает их снова оттуда для блага Дантеса. Рассказ, конечно, является плодом фантазии, но при наличии подходящих условий и лиц для достижения тех же результатов не представляется ничего невозможного.

От восстановления скрытых впечатлений получается и другой хороший результат. Чрез это пробуждается в человеке интерес

---

* Альбер Камю, в одном из своих романов, по этому поводу замечает: «Человек, проживший на свободе хотя бы один день, без труда мог бы прожить сто лет в тюрьме: ему хватило бы воспоминаний на то, чтобы не скучать». (*Й.Р.*)

** Хрестоматийный пример этого рода – Ленин, написавший лучшие свои работы в тюремной камере. (*Й.Р.*)

к предмету, о котором идёт речь, и его ум подготовляется к восприятию новых впечатлений того те рода, а запас знаний, относящихся к данному вопросу и к вопросам, связанным с ним, сильно увеличивается. Таким образом, простое направление внимания на предмет, устраняя человека от посторонних мыслей и впечатлений, приведёт в его поле сознания много интересных впечатлений и важных сведений. Но, следуя систематическому плану для извлечения впечатлений, вы ещё более увеличите свою способность припоминания и в то же время разовьёте свой ум в отношении систематического мышления, классификации, анализа и т.д.

Автору довелось вновь «открыть» следующую систему *воскрешающей мысли*, найденную полезной как им самим, так и всеми теми, кому он разъяснил её сущность. Она проста, но замечательно действенна, и непрестанное пользование ею вознаградит вас, без сомнения, за время и труды, потраченные на её изучение. Она увеличивает работоспособность мозга, являясь наиболее действительным методом воспитания.

Система состоит из десяти вопросов; при применении их к занимающему вас предмету и при ответах, даваемых на них, вы выносите в поле сознания все сведения, касающиеся данного предмета, и соответственно пользуетесь ими. Следующий набросок даст вам понятие об этой системе. Вначале надо выяснить самый предмет, а потом предложить себе десять вопросов и по порядку на них ответить.

Вопросы, касающиеся предмета

1. Его происхождение и суть.
2. Причины его происхождения.
3. Его история.
4. Его качества и характеристические черты.
5. Предметы, связанные с ним и относящиеся до него.
6. Его употребление и применение.

7. Что он доказывает.
8. Его результаты и следствия.
9. Его конец и возможная будущность.
10. Ваше общее мнение о нём и причины этого мнения.

Вы убедитесь, что эта система вопросов прояснит все ваши прежние впечатления относительно данного предмета, а также заставит вас классифицировать, привести в порядок, обсудить, рассмотреть и определить его различные свойства. Она разовьёт у вас способности припоминания, мышления, изучения и наблюдения. Каждый вопрос наведёт вас на что-либо, и, покончив таким образом с самим предметом, вы увидите, что ваши сведения о нём значительно расширились. Кроме того, запомнив характер вопросов, вы при дальнейших своих наблюдениях и изучении какого-либо другого предмета, естественно, будете согласовывать всё с этими вопросами.

Не испытав этой системы, не отказывайтесь от неё ввиду её кажущейся простоты. Воспользуйтесь ею при подходящем случае хотя бы на одном предмете, и вы увидите всю её полезность. Понятно, искусство вызывать впечатления ответом на вопрос по мере практики будет всё возрастать, пока ум полностью свыкнется с этим процессом. Испытайте эту систему не откладывая, и, повторив её относительно того же предмета неделю спустя, вы найдёте большое улучшение, словно запас впечатлений по данному вопросу у вас возрос за указанный промежуток времени. Объяснение этого заключается в том, что ваши вопросы заставили работать работников предсознания, трудящихся над извлечением сокровищ из глубины кладовой. Ваши вопросы стали для них приказанием воли, и эти маленькие работники занялись выполнением повелений, в то время как сознание ваше было занято другим.

Аналитическое запоминание

Желая вначале ознакомиться с каким-нибудь предметом, разделите его по частям и исследуйте каждую часть в отдельности, после чего у вас получится понятие о предмете как о чём-то целом. Такое умственное расчленение принудит к деятельности ваши способности, а вместе с тем и заставит память получать резкие впечатления, которые будут быстро припоминаться впоследствии.

Даже самый незначительный анализ предмета настолько уясняет его значение, что ум легко и быстро его схватывает и прочно удерживает. Это установленный факт. Лучший способ исследовать вещь состоит в том, что нужно задавать себе вопросы о ней. Лучший путь к уяснению познания о предмете – это поставить вышеуказанные вопросы, и наилучшее средство запечатлеть что-либо в уме – это задавать себе вопросы, обнаруживающие всё значение данной вещи.

Примером может служить следующий анализ начала известного стихотворения:

В сей жизни мы завёрнуты в вуаль
Иллюзий сладких для слепого.
Всего страшнее на земле – печаль;
Всего печальней – страх земного.

Расчленяя и анализируя данный стих, мы получим такие вопросы и ответы на них:

«О ком здесь говорится?» – «О нас».

«И что происходит с нами?» – «Мы оказываемся завёрнутыми в вуаль».

«Когда это происходит?» – «В здешней нашей жизни».

«Что же это за вуаль такая?» – «Это вуаль иллюзий».

«Какого рода суть эти иллюзии?» – «Оне сладкие для слепого, т.е. *приятные для невежд*».

«О чём говорится далее?» – «О том, что всего страшнее на земле, и о том, что всего печальнее».

«И что же на земле самое страшное?» – «Самое страшное – это печаль».

«А что самое печальное?» – «Страх *земного*, т.е., повидимому, боязнь жить в этом мире по его законам и стремление уйти от мира, отгородиться от него».

Разбирая так данные строфы и вникая в смысл задаваемых себе вопросов и в ответы на них, вы едва ли когда-нибудь забудете их. Оне навсегда запечатлеются в вашем уме.

В приведённом отрывке главным словом является, конечно, причастие «завёрнуты», выступающее частью составного именного сказуемого. Все другие слова лишь уясняют его содержание. Всякий глагол как слово, показывающее действие или состояние, запечатлевается в уме скорее в силу связанных с ним представлений, другие же слова соединяются с ним по закону ассоциации, что помогает памяти дорисовывать значение и развитие дальнейшего смысла самого глагола. При заучивании наизусть чего-либо воспользуйтесь таким анализом для уяснения главного значения содержания изучаемой вещи, вследствие чего и работа ваша значительно упростится.

* * *

Глава Тринадцатая

ПАМЯТЬ НА ЧИСЛА, ХРОНОЛОГИЮ И ЦЕНЫ

О развитии памяти в отношении повседневной и деловой жизни человека, столь для него важной. – Забывать годы, числа, цены и прочая – для многих не только неприятность, но и причина неудачи в делах вместо ожидаемого успеха. – В чём причины слабости памяти в данной области и каковы методы для её улучшения. – Ценные упражнения и указания для изучающих относительно их памяти на числа, цены и прочая.

У разных лиц бывает и различная память по отношению к числам, годам и ценам; различие это зависит от неодинаковой степени развития математических способностей. Лицо, широко развившее эти способности, будет неизменно сохранять ясное и прямое впечатление чисел и всего, связанного с ними, тогда как лицо со слабо развитыми способностями найдёт трудным помнить что-либо подобное. Усиленно занимаясь умственными вычислениями, и последние, однако, могут развить эту способность. Лицам с такими слабыми способностями рекомендуется купить самую элементарную арифметику, употребляемую в начальных классах школ, и внимательно изучить её, проделывая каждую предложенную задачу. Проходя в день по уроку, вы увидите чрез некоторое время, что у вас развивается интерес к числам и что вы помните их гораздо лучше, чем прежде. Такая практика приносит отличные результаты, и развитие, приобретённое указанным путём, устойчиво, а способность будет продолжать развиваться и в будущем, занося более ясные впечатления цифр и всего, связанного с ними.

Хронология

Тем, кто запоминает или припоминает года с трудом, полезно рисовать умственное изображение года, относящееся к ка-

кому-либо событию. Например, желая запомнить год открытия Колумбом Америки, для вас будет нетрудно представить Колумба, стоящего на берегу новооткрытой земли с числом 1492 над его головой. Или, запоминая год провозглашения независимости Соединённых Штатов, представьте себе колокол свободы с надписанным 1746 годом на нём. Чтобы запомнить год гражданской войны, воображайте форт Сумпер с числом 1861 сбоку. Год смерти Наполеона легко запоминается умственным представлением его могилы с вырезанным на ней 1821 годом. Рисуя умственную картину какого-нибудь события, вам будет полезно писать на бумаге жирным шрифтом и самое число, внимательно всматриваясь в него. Затем, закрывая глаза или отвернувшись, оживлять это впечатление. При повторении этого несколько раз воспоминание о числах сильно закрепляется в уме.

Нам рассказывали об одном ученике, который помнил год избрания и год освобождения от должности каждого президента Соединённых Штатов лишь потому, что на лбу портрета каждого в своём учебнике он писал соответствующие числа; но мы такой способ не рекомендуем. Ясное умственное изображение может нарисовать всякий средний человек, а при сильном впечатлении числа, сопровождаемом изображением лица или предмета, последнее будет воспринято и удержится, так что их появление в поле сознания вызовет и ассоциированный с ними год.

Вышеуказанный способ применялся с большой пользой лишь теми, у кого хорошая «зрительная память». Лицам же с хорошей «слуховой памятью» год для его запоминания лучше повторять вслух. Некоторые находят легче запоминать года с помощью стихов, которые и выучивают наизусть. Средний ученик без труда может сочинить подобные стишки; многие важные года и события запоминались таким путём.

Но из всех вышеозначенных методов запоминания хронологии мы предпочитаем первый, т.е. метод «зрительного созерцания» или формирования в уме изображения года в связи с лицом или предметом, имеющим к нему отношение. Это легче, чем кажется, и при небольшой практике делается автоматически.

Каждому возможно нарисовать воображаемую картину почти всякого исторического события и портреты главнейших исторических лиц.

В том случае, когда изучающему надо запомнить много важных годов, хорошо связывать имена лиц или событий с данным числом, следуя закону ассоциации впечатлений. Говоря постоянно о «Ватерлоо 1815», «Бородино 1812» или «Гастингсе 1066», вы неразрывно свяжете года этих битв с самими событиями, причём оба впечатления сольются. Понятно, необходимо частое повторение событий и соответственных годов для запечатления их в уме. При ассоциировании года и события таким путём с самого начала ассоциация эта не доставит вам особенных затруднений. Точно так же можно ассоциировать фамилии и имена: «Вашингтон и Джордж; Наполеон и Бонапарт». Если бы мы услыхали спустя много лет имя Вашингтона или фамилию Наполеона, составив до этого ясное впечатление фамилии первого или имени второго, то мы иногда забывали бы выученные после слова, но, выучив их вместе, память наша будет рассматривать их как одно. Если бы учителя всегда говорили «Ватерлоо 1815», ученики никогда не забывали бы года битвы, пока помнили бы её название.

Цены

Вышеуказанный способ образования воображаемой картины ассоциированием числа с предметом очень важен для конторщиков, продавцов и прочих, чья работа требует запоминания цен товара. Во многих случаях конторщику действительно можно «видеть» цену товара, оживляя впечатления несколько раз взглядом на соответствующий товар. Мы слыхали про одного молодого человека, служившего в громадном колониальном складе и рисовавшего такого рода умственное изображение для каждого нового тюка товара, поступающего на склад. Мысль о товарах у него всегда связывалась с обозначенной на них ценой. Если

кто-либо спрашивал у него цену «Беккерова шоколада», он припоминал пакет с обозначенной на нём ценой и знал таким путём цену сотни предметов, обращаясь к ним только мысленно. При перемене цен он «вынимал» старое умственное изображение, «вставляя» его снова с обозначением новой цены. Теперь, более двадцати лет спустя, он может усилием мысли вызвать изображение и цену большей части товаров, сложенных в старом складе, так как впечатление является умственным изображением предмета и цены на нём. Память на места имеет он изумительную, так что может восстановить в уме отделения старого склада, в которые помещает товары, как они были двадцать лет тому назад, с соответствующими ценами. При желании ассоциировать цену с видом товара умственное представление последнего повлечёт за собой воспоминание о первом, причём даже сами числа являются пред «умственными глазами».

Числа

Прочие числа, кроме хронологических и цен, могут ассоциироваться со всяким предметом, с которым они естественно связаны. Но раз такой подходящий предмет, с которым можно было бы связать число, отсутствует, то нужно ограничиться лишь методом простого «созерцания». Этот метод состоит в том, что данное число фотографируется в уме, пока последний не воспроизведёт все детали и форму числа, как детали и общий вид какой-нибудь картины. Вам следует представить себе числа, написанные жирным белым шрифтом на чёрном поле. Не упускайте умственной картины, пока вы не будете полностью видеть её своими «умственными очами». Искусство это возрастает с практикой. Но однако было бы лучше ассоциировать числа с какими-нибудь подходящими предметами. Теория такого «созерцательного» метода с ассоциацией или без неё основана на том факте, что, во-первых, многие умы воспринимают и удерживают зрительные

впечатления гораздо скорее и лучше, чем простую абстрактную идею без конкретного изображения, и что, во-вторых, закон ассоциации даёт умственной картине с числом возможность легко возвращаться в поле сознания, когда эту картину требует мысль о предмете.

* * *

Глава Четырнадцатая

ПАМЯТЬ НА МЕСТА

Об умственной способности, которая, будучи хорошо развитой, даёт человеку возможность инстинктивно ориентироваться в незнакомых местах и при недостатке которой человек принуждён блуждать даже в местах, хорошо ему известных. – Способ развития этой способности ввиду её важности для человека. – Указания, примеры и упражнения. – Внимательное изучение данной главы много улучшит ваше умение ориентироваться в пространстве и разовьёт вашу память на места.

У некоторых людей очень развита бывает способность применяться в незнакомой местности и легко находить верную дорогу в последней. Люди эти никогда не заблудятся, словно в сознании их находится некий компас или какой-то иной путеводный прибор. Относительно места и пространства они запоминают всё: саму местность, направление, положение, их физические особенности. У других это чувство развито в меньшей степени; а у третьих как будто отсутствует вовсе. Последние с трудом находят верный путь, не будучи в состоянии привыкнуть к чужим местам, и постоянно сбиваются с дороги.*

Однако чувство местности, как и всякая иная способность, может быть также развито правильным упражнением и практикой. Обыкновенно, когда это чувство развито слабо, мы и не интересуемся данным вопросом и не обращаем на него внимания, почему и впечатления от мест оказываются слабы и неполны, а отсюда уже и слабая память.

При слабой памяти на места и слабой способности ориентироваться на местности вам следует развить в себе таковые. Для этого вы должны внушать себе «интерес» к местам и направлени-

* Синдром *пространственного идиотизма* и впрямь может оказаться причиной нешуточных неприятностей как для жителя современного города, так и для того, кто живёт или оказался на «сельских просторах». (*Й.Р.*)

ям. Вам следует подмечать и наблюдать. Без интереса успеха вы не достигнете. Вам следует чаще оглядываться и замечать границы, которые вами пройдены, направление, в котором вы проехали, и предметы, которые встречались на пути. Вы должны оглядываться и «видеть» предметы. Если вы находитесь в городе, то замечайте угловые дома и их особенности. Остановившись на несколько минут на углу, осмотритесь на счёт положения, где вы стоите. Охотно принявшись за такую работу, вы заинтересуетесь ею, и вскоре она станет для вас приятной. Прежде ваша ошибка заключалась в том, что вы не замечали вещей, мимо которых проходили. Человек с развитой способностью применяться к местности «бессознательно» замечает встречные предметы, но вам должно выработать привычку относиться к ним «сознательно», пока такая внимательность не станет «второй натурой» вашего разума.

Изучайте дорожные или обыкновенные карты и совершайте по ним воображаемые путешествия. Проследите направление рек от начала до устья. Делайте в воображении путешествия по железной дороге, отмечая свой путь по карте. Если вы дома, занимайтесь по какому-нибудь учебнику географии; если же выходите, замечайте предметы, направления, верстовые столбы и прочая.

Если вы находитесь в большом городе, приобретите план последнего и внимательно изучайте его. Начните с какого-нибудь определённого места на карте и идите к какому-нибудь другому пункту, замечая названия улиц, по которым идёте, не забывая заметить и направление их. Затем пройдите обратно по той же дороге, тщательно наблюдая должные повороты. Совершите ту же прогулку по карте, но другим путём. Такое упражнение удивительно обостряет чувство местности и направления. Следует запоминать и названия улиц в том порядке, как оне обозначены на плане. Таким образом, вам вполне можно будет ознакомиться с городом, где вы живёте. В свободное для вас время или когда вы предпринимаете большую прогулку или путешествие, возьмите свою карту, прежде чем двинуться в путь, проследите по ней маршрут предстоящего путешествия и толком изучите его. Когда вы пойдёте потом по тому же направлению, вы невольно

заметите пересекающиеся улицы; благодаря предшествующей мысленной прогулке по карте даже незначительная практика этого рода покажется вам интересной, если к тому же прогуляться по незнакомому кварталу.

Карту заучивать от времени до времени хорошо как целиком, так и по частям. Смотря на карту, изучайте и её детали. Убрав карту, постарайтесь потом нарисовать её в общих чертах и указать на наибольшее число интересных на ней пунктов. В заключение же прибавьте и все частности, раз оне имеют друг к другу отношение. Цель черчения карты, конечно, запечатлеть места и направления в памяти, но отнюдь не сделать из вас картографа или чертёжника. Попрактиковавшись таким образом, вы заметите, что карта, после того как вы посмотрели на неё в течение нескольких минут и отложили в сторону, будет являться перед вашим умственным взором, как только вы закроете глаза. Быть может, первый опыт нарисовать такую умственную карту и не будет удачен; но откройте глаза, взгляните на неё ещё раз, заметив то, что упустили в своём воображении. Затем, снова закрыв глаза, дополните недостающее. После немногих попыток вы достигнете возможности воспроизвести карту в уме с тою же точностью, с какой чертите её на бумаге.

Школьники иногда делают такие умственные изображения своих географических карт, много облегчая тем свои занятия географией. Долженствуя описать какую-нибудь область, они вызывают в воображении её карту и рассказывают, как будто имея таковую перед собою в действительности. Повидимому, такое изучение карты мало вяжется со способностью ориентироваться. Но вы впоследствии увидите, что оно развивает ваш интерес и тем усиливает способность ориентации. Имейте в виду, что ходите и путешествуете вы с открытыми глазами, а потому и должны замечать, куда идёте, а после воображаемых путешествий по карте такая задача будет уже интересовать вас.

Об одном американском путешественнике, ездившем по Европе в большой компании, рассказывают, что спутники его скоро заметили, до какой степени подомашнему он чувствовал себя в

совершенно чужих и незнакомых ему и им городах, зная не только названия главных улиц, но и местонахождение различных достопримечательностей, а также и дорогу к ним. Казалось, будто он уже раньше посещал эти места, хотя в действительности это было его первое путешествие за границу. Удивлённые спутники попросили его объяснить такое обстоятельство, и он им сказал, что прежде, чем отправиться в какой-нибудь город, он брал карту с путеводителем и со вниманием изучал её, примечая общий план, направления и прочая; специально же замечал расположение вокзалов и гостиниц, где он хотел останавливаться. После чего с закрытыми глазами припоминал эти места, мысленно прогуливаясь между ними. Получаса ему хватало, чтобы ознакомиться с таким «положением» и без затруднения отыскивать нужную дорогу. Таким способом он изучил Кёльн, Прагу, Вену, Дрезден, Лондон, Париж и другие города.

Карты, изученные с интересом, становятся для вас реальностью и составляют связь между действительностью и мысленной картиной. Нужно помнить, что, упражняясь как указано здесь, вы развиваете не только память, но и самую способность, от умения которой удерживать ясные впечатления зависит память.

Всякая способность может развиться с помощью интереса и практики. Раз вы помните это, ключ ко всякому самопознанию и совершенствованию находится в ваших руках.*

* * *

* Резюмируем сказанное. При отсутствии интереса к какому-либо вопросу, мы обращаем мало внимания на всё с ним связанное, в результате чего и впечатления оказываются слабыми и неполными, отсюда и слабость памяти в данной области и отсутствие знаний в ней.

Ни в какой области невозможно достичь успеха при отсутствии интереса: интерес пробуждает внимание, внимание производит наблюдательность, наблюдательность мобилизует умственные процессы, их результаты и выводы выкристаллизовываются как знания в памяти. (*Й.Р.*)

Глава Пятнадцатая

ПАМЯТЬ НА ЛИЦА

Способность запоминать лица встречаемых людей. – Важность памяти на лица в повседневной, деловой и общественной жизни. – Слабая память на лица часто влечёт за собою неприятные последствия. – Эта способность также поддаётся развитию и упражнению. – Данная глава посвящена развитию такого рода памяти с указанием на причины её слабости и на лучшие способы её укрепления. – Примеры и упражнения.

Способность запоминать лица у разных людей опять-таки весьма различна. Для многих нужно видеться с человеком несколько раз, чтобы узнать его по наружности. Некоторые слишком легко забывают хорошо знакомое лицо, хотя не видели его каких-нибудь два-три года. С другой стороны, многие узнают лица людей, встретившихся им однажды, и раз полученное впечатление, кажется, остаётся навсегда, подвергаясь частым оживлениям. Такая способность особенно сильно развита у полицейских, сыщиков, у содержателей гостиниц и прочих, т.е. людей, профессия которых заставляет их встречаться со многими и в чьих интересах помнить и узнавать тех, с кем они встречаются. Это ценный дар, потому что новый знакомый будет к вам очень расположён, раз вы быстро узнаёте его. И обратно, неспособность узнавать людей может быть воспринята как обида и даже заставить их относиться к вам с нерасположением.

Недостаток развития этой способности показывает, что человек не особенно энергично пользовался той частью своего ума, которая замечает внешность и наружность людей, с которыми ему приходилось сталкиваться. Подобный человек может лишь *смотреть на других*, но не *видеть их*. Встречающиеся им лица не интересуют их, а они сами не уделяют им должного внимания. Правило, что *если слабый интерес, то слабое и внимание*, и *если слабое внимание, то и слабая память*, всецело приложимо здесь.

Человек, желающий развить в себе эту способность, должен начать с *изучения* лиц, интересоваться ими и относиться к ним со вниманием. Таким образом, вся наблюдательность будет сосредоточена на внешности и наружности людей, и вскоре будет заметен большой успех. Таким людям можно было бы предложить изучение какого-нибудь элементарного сочинения по физиогномике, что усилит в них интерес к изучению лиц, способствующий улучшению памяти в этом направлении.

Для развития наблюдательности в отношении лиц (конечно, если вам это действительно нужно) вам следовало бы изучать лицо каждого встречающегося человека, примечая общую форму головы и лица его, а также носа, рта, подбородка, лба и в то же время постоянно думая: «*Я узнаю вас, когда увижу опять*». Такая мысль побудит волю приобрести ясное и отчётливое впечатление.

Приобретение интереса к этому, а также и внимательное изучение человеческого лица вознаградит всякого за потраченные время и труд, тем более и потому, что с упражнением памяти вы получите также знания по физиогномике, особенно, если займётесь изучением элементарного руководства по этому предмету.

Мало людей, которые могли бы вполне ясно вспомнить отсутствующего приятеля, и их попытка описать наружность будто бы близкого знакомого окажется тем забавнее. Попытайтесь проделать это сами – и вы увидите, как мало вы в самом деле можете припомнить, хотя при встрече и узнаёте его. Опишите на память, если можете, глаза, нос, рот вашего наилучшего друга.

Взгляните на первого встречного и заметьте, высок или низок у него лоб, узок или широк; каковы его брови, прямые или дугообразные и какого цвета; какой у него нос – орлиный, римский, греческий, курносый; мал ли его рот или велик; хороши ли или плохи его зубы, велики или мелки они; есть ли у него борода или усы, длинные они или короткие и прочая. Поступайте так при виде всякого лица, примечайте подробности, как будто вам нужно составить о нём доклад и как будто ваша карьера зависит от полноты и правильности отчёта. Изученное так лицо человека не

забывается. Несколько подобных упражнений очень полезны для развития недостающей всем способности. Вы начнёте различать черты лица и, понятно, воспринимать их, потому что заинтересовались этим. Пробудившийся интерес даст и ясное впечатление, а последнее поведёт и к более лёгкому припоминанию.

Затем упражняйтесь в вызывании в уме лиц встречавшихся вам людей, рисуя их в уме. Усвоив искусство воспроизводить мысленный образ встречаемых вами лиц, вам будет легко узнать человека даже после значительного промежутка времени. Повторное же оживление мысленного изображения равнозначно встречам с данным лицом. Вы, наверное, замечали, как легко вспомнить и нарисовать мысленное изображение фотографии или портрета и как трудно вызвать в уме то же лицо, как оно есть в действительности.

Однако всё дело в привычке, и после нескольких упражнений вам так же легко будет припомнить живое лицо, как и его портрет. Мы слыхали про одного художника, обладавшего даром физиономиста; он чрезвычайно быстро делал наброски лиц. Секрет его состоял в том, что он разбил на разряды всевозможные носы, глаза, рты, подбородки, брови, форму лица и прочая, и каждый такой разряд отмечал определённой цифрой. Он осматривал быстро лицо позирующего для уяснения себе выражения и общего облика, отмечая скоро в своём уме разряд каждой черты, как-то: форма лица – 1; глаза – 8; брови – 2; нос – 3; рот – 4; подбородок – 7 и т.д.

Изучая лица, вы невольно и скоро станете делить их на разряды, что будет способствовать и вам стать хорошим физиономистом и увеличит интерес и удовольствие от выполняемой задачи. Выше нами уже были указаны некоторые примеры удивительной памяти на лица.

В итоге мы скажем, что способность замечать и помнить лица может развиваться как и всякие другие способности и что тайна этого развития лежит в следующем: интересуйтесь лицами, изучайте их, внимание последует за интересом, а память за вниманием.

* * *

Глава Шестнадцатая

ПАМЯТЬ НА ФАМИЛИИ И ИМЕНА

Способность запоминать фамилии и имена встречаемых людей. – Важное значение хорошей памяти на имена и неприятности, связанные с плохой памятью этого рода. – В данной главе разбирается вопрос о причинах и средствах, и внимательное изучение изложенных в ней правил даст, без сомнения, большое улучшение памяти на имена. – Разумное упражнение самой способности будет иметь результатом и её улучшение. – Примеры и упражнения.

Способность запоминать имена и фамилии у разных людей также весьма различна. Для многих трудно запомнить фамилии даже своих лучших друзей, другие же обладают удивительной способностью запоминания имени и фамилии почти каждого, с кем они встречаются. Такая способность сильно содействовала успеху многих общественных деятелей, развивших её, как говорят, до невероятных пределов.

В предшествующих главах этой книги мы уже указывали примеры о людях, обладавших изумительной памятью на имена. В дополнение можно было бы привести ещё сотни хорошо известных случаев.

Разные политические деятели по необходимости должны были развивать такую способность. Джеймс Блен и Генри Клей обязаны своей известностью искусству запоминать имена случайных знакомых и называть их по имени, встретив их только раз. Маколей о Томасе Уортоне говорит: «С этим великим человеком, называвшим даже башмачника по фамилии, бороться было почти невозможно». У Наполеона удивительная память на имена и лица заставляла солдат ещё больше любить его. Поразительной памятью на имена обладал и Аристотель; про Перикла же говорят, что он знал по имени каждого гражданина Афин.

Человек, быстро припоминающий имена и фамилии, имеет в своём распоряжении сильное оружие для завоевания людских симпатий, почему каждому полезно развить эту способность. Память на имена может так же развиваться, как и всякая другая способность ума или известная часть тела, т.е. вниманием и упражнением. Удовлетворяясь сожалением, что они обладают слабой памятью в отношении чего бы то ни было, многие люди совсем ничего не предпринимают ради её улучшения. Раз человек сознаёт, что он может возвыситься от постепенного упражнения и практики той или иной способности, он тем открывает себе дверь в великое будущее.

Приобретение ясных и отчётливых впечатлений является первым условием в деле развития памяти на имена. Неоднократно случалось, что много помогает при этом повторение вслух имени лица, с которым мы только что познакомились, т.е. здесь мы прибегаем к памяти слуха. Ошибка многих заключается ещё и в том, что они не думают об именах встречающихся с ними людей. Они не дают самому имени запечатлеться в уме, потому что всё внимание направлено на общий вид или наружность незнакомца, его занятия, поступки и т.д.

Такая небрежность приводит всегда к тому, что позднее мы бываем не в состоянии припомнить его имя и фамилию. И это бы ещё полбеды, но, привыкнув небрежно относиться к фамилиям других, мы теряем вместе с этим и ту память на лица, которою обладаем, так как подобное небрежное отношение ни на чём так скоро не отражается, как на памяти. Вообще говоря, память, повидимому, действует согласно правилу, что, если человек не интересуется тем, что имеет, то ей незачем и заботливо сохранять это.

Если вам затруднительно оживлять заново впечатление имён и фамилий, то будьте уверены, это потому, что вы мало уделяли им внимания. Начинайте интересоваться ими. Разбирайте имена; думайте о них; обращайте внимание на их особенности, сходство и различие их и т.д. Есть книги, показывающие происхождение всевозможных имён и читаемые некоторыми с большим интересом. Мы утверждаем, что никто из читавших такую

книгу с интересом не окажется когда-либо в затруднении при воспоминании имён. Он будет их помнить уже по одному тому, что они для него что-нибудь значат. Он будет отмечать их в памяти, как отмечает себе названия товаров, которые продаёт, или названия чего-либо другого, что его интересует. Каждое имя и каждая фамилия имеют своё происхождение и значение, и очень интересно провести какое-нибудь имя чрез все его изменения в отношении первоначального.

У нас на памяти семья в Пенсильвании, предки которой, носившие фамилию *Buchley*, были выходцами из Германии. Рассеявшиеся по стране внуки мало-помалу усвоили произношение своих соседей-англичан, и потому различные ветви этого семейства различным образом изменили первоначальную фамилию. В настоящее время насчитывается 21 вариант этой фамилии.* Ещё несколько поколений – и сходство между фамилиями окончательно пропадёт: здесь выпадет буква, там изменится произношение. Мы были в затруднении запомнить с первого раза эту фамилию, но, услыхав от старого члена семьи историю данного семейства, мы уже не затруднялись помнить каждого, носящего эту фамилию в её настоящем или видоизменённом виде.

Мы так затруднялись запомнить очень длинную немецкую фамилию одного купца, с которым у нас были деловые отношения, пока не заметили, что его фамилия в переводе значила «Кроличья шкура» (по-английски: *rabbitskin*); после этого затруднение исчезло и мы вспоминали фамилию купца так же легко, как фамилию Смит.

Мы приводим эти примеры лишь для того, чтобы показать, как различно мы относимся к фамилии, когда ею интересуемся. Найдя что-либо сходственное с данной фамилией, вам нетрудно будет вспомнить и самую фамилию. Человека с фамилией Кузнецов** легко запомнить, думая о кузнеце за работою с молотом

* Beachaleys, Beachlys, Beechlys, Beeshleys, Backlees, Bickleys, Bockleys, Backleys, Buckleys, Beecklys, Beachles, Beackleys, Beachlys, Beechlys, Beekleys, Beckleys, Bickles, Bukles, Peachys, Peaches, Pecks.

** Отступая в данном случае от подлинника, мы взяли на себя смелость дать вместо английских фамилий русские, дабы встать на почву русских понятий в

и наковальней. Точно так же запоминаются и ей подобные фамилии, происходящие от названий, указывающих, вероятно, на специальность того или иного родоначальника рассматриваемой фамилии, например: Плотников, Столяров, Сапожников, Мельников и прочая. По ассоциации идей легко запомнить фамилии, происходящие от названий животных, как Волков, Медведев, Зайцев и другие.* Тому же правилу запоминания следуют фамилии, происходящие от названий растений: Дубов, Ромашин, Чесноков, Огурцов, Черешнев и другие, которые легко сопоставляются с соответствующими деревьями, травами, цветами и плодами. Вообще в большей части фамилий всегда можно найти какое-нибудь сопоставление или ассоциацию, указание на что находится уже в самих словах или понятиях, от которых эти фамилии происходят.

Нам известна была женщина, которая не могла запомнить фамилию одного человека – г-на Hawk'a [по-русски буквально значит «ястреб. – *Й.Р.*], пока не узнала о страстной привязанности этого господина (кстати сказать, священника) к курам и цыплятам. Как только у неё явилась ассоциация между ястребом и похищенными последним цыплятами, она уже не встречала более трудности в припоминании этой фамилии. Подобная нелепая связь способствует запоминанию иногда очень хорошо, в особенности если у человека есть чувство юмора.

Но все вышеупомянутые методы в лучшем случае могут лишь способствовать запоминанию. Наилучший же путь – это начать относиться внимательно к фамилиям людей, с которыми встречаетесь, и таким образом приучать ум относиться с интересом к последним и сохранять о них ясные впечатления. Направляя внимание на фамилию, силою воли запечатляйте её в памяти. Интересуйтесь фамилией, думайте о ней и уделяйте ей своё внимание. Затем старайтесь связать её с вашим впечатле-

---

отношении происхождения фамилий; однако способ запоминания как тех, так и других остаётся одинаковым, т.е. оне сопоставляются или ассоциируются с теми предметами или признаками, от названия которых оне происходят, если, конечно, такая связь логически возможна. (*Й.Р.*)

* Конечно, здесь важно не особенно увлекаться, чтобы не переусердствовать. Ведь многим ещё памятен чеховский анекдот о «лошадиной фамилии». (*Й.Р.*)

нием о наружности данного лица. Мы когда-то знали человека, который почему-то всегда усматривал некую связь фамилии с носом её обладателя, и его ум, повидимому, вполне удовлетворялся подобной несколько странной связью. Результатом было то, что при виде носа человека ему приходила в голову и фамилия его, а когда он думал о фамилии, то невольно в воображении его рисовался и нос её обладателя. Расставшись с человеком, старайтесь припомнить его наружность в связи с именем и фамилией, сливая их в одно целое. Вызывая умственный образ какого-нибудь г-на Антонова, только что встреченного вами, повторите несколько раз «Антонов, Антонов», как бы давая усилием воли название этому новому для вас образу, а стало быть, и встреченному вами лицу. Вы скоро заметите, что такие упражнения возбуждают ваш интерес к фамилиям людей, а непрестанное внимание оставляет ясные впечатления, и при получении последних воспоминание или припоминание последуют без труда.

Некоторые найдут удобным припоминать имена писателей, вызывая представление об их книге или стихотворении и связывая их с именем самого писателя. Способ этот можно разнообразить, сопоставляя имя, (отчество) и фамилию писателя с заглавием книги или произведения и никогда не разделяя их, например: «Гамлет» Вильяма Шекспира, «Характеры» Жана Лабрюйера, «Фауст» Вольфганга Гёте, «Дубровский» Александра Сергеевича Пушкина, «Три мушкетёра» Александра Дюма, «Книга песен» Генриха Гейне, «Книга духов» Аллана Кардека, «Портрет Дориана Грея» Оскара Уайльда и прочая. Подобная связь явится причиной того обстоятельства, что, говоря или думая о произведении, вы невольно вспомните имя и фамилию автора.

Некоторые находят удобным пользоваться преимуществом зрительного впечатления и по возможности записывают название и смотрят на него некоторое время, потом откладывают написанное. Благодаря этому они видят имя умственным взором и, стало быть, помнят звуки и впечатления другого рода. Лучше всего получать впечатление через возможно большее число органов чувств. Говорят, что Луи Наполеон приобрёл свою огромную па-

мять на имена благодаря записыванию их. Его великий дядя не нуждался в таком способе, связывая всегда имя с наружностью человека. Но племянник его, не будучи в состоянии подражать дяде, принуждён был записывать имена и, благодаря этому, скоро приобрёл славу, как бы унаследованную от своего дяди.

Иногда ускользающее название может снова вернуться на память, если только мы сопоставим его с подобным же именем или чем-нибудь другим, имеющим с ним действительную или воображаемую связь. Один господин рассказывал нам, что он помнит прекрасно свою встречу с адвокатом из Филадельфии по фамилии «Townsend» и что эта фамилия постоянно ускользала у него из памяти, хотя он знал и других людей с тою же фамилией. Почему-то он не мог думать о нём как о «господине Таунсенде». Наконец он случайно вспомнил о хорошо известном журналисте, Джордже Альфреде Таунсенде, псевдоним которого был «Cath». После этого он стал называть про себя адвоката псевдонимом его однофамильца и уже не затруднялся вспоминать его фамилию. Достаточно было мгновения, чтобы связать между собою «Cath» с «Townsend».

Все подобные методы обыкновенно не являются самыми лучшими и должны употребляться лишь в исключительных случаях. Лучший способ это *интересоваться именем*. Изучайте имена и фамилии, анализируйте их, и вы увидите, что увеличивающийся интерес повлечёт за собой и более ясные впечатления, а стало быть, и лёгкое припоминание.

Другой излюбленный некоторыми способ, когда им случится «забыть» фамилию или имя, – прочитывать в уме азбуку от «А» до «Я», внимательно останавливаясь на каждой букве. Когда вы доходите, например, до «Л», то забытое имя «Леопольд» или фамилия «Ленский» благодаря начальной букве, за которой по ассоциации последуют и остальные, приходит в область сознания. Другие же разнообразят это, выписывая буквы по очереди, пока желаемая начальная буква не будет узнана. Здесь, стало быть, вспомнить имя помогает зрительная память. Тот же принцип применяется и при обнаружении неправильного правописания

написанного слова, раз мы не можем по слуху или общей памяти вспомнить его правильное начертание.

Иные находили полезным стараться припомнить место встречи с тем лицом, фамилия которого ускользала из их памяти, а также обстоятельства встречи и прочая. Иначе говоря, они переносились воображением в ту обстановку, где произошла встреча, и переживали это обстоятельство в уме вторично. Таким образом им удавалось вспомнить и ускользающее из памяти имя, которое, повидимому, возвращалось в область сознания благодаря такой умственной картине и почти одновременно с нею.

Другие достигали того же, создавая перед умственными очами вид какой-нибудь особенности, замеченной ими в наружности или одежде человека.

Все такие способы пригодны лишь в исключительных или непредвиденных обстоятельствах. Самый же лучший метод – ещё раз повторим напоследок: это *относиться с интересом* к именам и фамилиям. Изучайте, анализируйте их – и впоследствии вы увидите, как возросший интерес повлечёт за собой более ясное впечатление фамилий и, стало быть, более лёгкое припоминание их.

* * *

Глава Семнадцатая

ИСКУССТВЕННЫЕ СИСТЕМЫ ЗАПОМИНАНИЯ

Ряд искусственных систем для воспитания памяти, которые предлагались во все времена и у всех народов. – Сущность главнейших из них. – Их недостатки. – История этих систем переносит читателя во времена Симонида за 500 лет до Рождества Христова, и из неё он усмотрит, как всевозможные «изобретатели» умеют переделывать старое, выдавая его за только что «изобретённое».

Настоящая глава особенно интересна для тех, кто старается найти главную причину какого-либо явления и проследить за её развитием. Отсюда же читатель имеет возможность уяснить себе необоснованность притязаний многих распространённых систем запоминания быть чем-то новым, между тем как на деле оказывается, что «ничто не ново под луной», поскольку это же относится и к «запатентованным» ныне системам.

В продолжение более двух тысяч лет появлялись многочисленные методы заучивания наизусть, которые восхвалялись и усиленно рекомендовались их изобретателями или приверженцами. Многие из них были очень популярны и доставили своим изобретателям громкую славу, а в особенности – много денег. Все такие методы лишь теоретические, на практике очень затруднительны и к тому же поразительно похожи друг на друга, хотя и возникли в разных странах и в разные столетия. Основанием для них служили все те законы, о которых мы уже говорили выше, т.е. законы ассоциации, сходства, смежности, противоположности и прочая. Не отказывая в остроумии изобретателям и приверженцам этих систем, как будто чудом запоминавшим массу разнообразных предметов, вы, ознакомившись подробнее с такими системами, всё-таки вынесете неудовлетворительное о них заключение. Всякий, даже мало знакомый с основными принципами таких систем, может заучить по ним много, но результат в конце

концов окажется плачевным, потому что эти системы, ввиду искусственности их, являются чем-то вроде «фокусов», как бы их ни восхваляли изобретатели и поборники. Главная их беда в том, что, помогая лишь запомнить некоторые вещи, оне сами по себе нисколько не укрепляют и не развивают памяти как таковой, потому что, утомляя в конце концов ум, даже ослабляют и до того посредственную её способность. Большинство таких систем пользуется различными «цепями», «звеньями», «значками» и т.п., с помощью которых связываются подлежащие запоминанию предметы. Вначале как будто дело налаживается, а потом для ученика является непреодолимая трудность помнить все такие «звенья», за которыми сам предмет, быть может, при других условиях запоминаемый легко, теряется для памяти окончательно.

Начало первой «искусственной» системе запоминания положил Симонид, греческий поэт, живший за 500 лет до Р.Х. По рассказам, он был приглашён на пир, где должен был прочитать одно из своих стихотворений. Ближе к концу пира он был вызван из зала каким-то посланцем и с сожалением покинул собрание. Едва он вышел вон, как потолок обвалился, стены порушились и все гости с хозяином во главе были раздавлены. Тела так оказались обезображены, что для родственников не представлялось никакой возможности узнать их, почему и были они в отчаянии, но на помощь им пришёл Симонид, заявив, что он хорошо заметил место каждого гостя и хорошо его помнит. Он сделал план зала и отметил место каждого приглашённого. Так как трупы оставались на местах, то и были легко найдены по его рисунку. Такой случай объясняется одной из систем заучивания наизусть, известных вообще под названием «мнемоника».

Вскоре после этого Симонид изобрёл систему искусственного запоминания, имевшую громадный успех во всей Греции. Основанием его системы было местоположение гостей на пиру. Последователям этой системы предлагалось нарисовать умственную картину здания с подразделением на целые серии комнат, коридоров, прихожих и прочая. Далее следует твёрдо запомнить

все эти подразделения и ассоциировать с ними запоминаемое. Каждая комната имела свой номер, и в неё должна была помещаться подлежащая запоминанию вещь или часть последней. Затем заполнялась другая комната и т.д. Некоторые современные защитники такой системы предлагают своим ученикам запомнить расположение предметов в каждой комнате своего дома и связать их с запоминаемыми предметами или лицами, а потом последовательно переходить умственно из одной комнаты в другую, припоминая, что в них находится в действительности и что связано для запоминания. Впоследствии систему Симонида развил в Риме Метродор, а затем она послужила основой для бесчисленного множества других систем, как древних, так и современных. Каждый новый основатель что-нибудь прибавлял от себя или изменял в частностях, утверждая, что «изобрёл» новую систему.

Несколько столетий тому назад Конрад Цельтий предложил систему, имевшую громадный успех, но в действительности представлявшую собой лишь видоизменение метода Симонида, где комнаты греческого дома заместились буквами.

В конце шестнадцатого столетия Томас Ватсон, английский поэт, изобрёл систему, сходную с вышеупомянутыми, но с заменою комнат и букв мысленною стеною с различными занумерованными частями. Какой-то немец, по имени Шенкель, тоже предложил вариацию этой системы, за что его чуть не казнили, усмотрев в его изобретении колдовство. Преподавая свою систему, он нажил много денег, пока секрет его способа не был обнаружен его же учеником в 1619 году.

Станислав Винкельман в 1848 г. придумал новый вид в области мнемоники, причём его система легла в основание всех последующих систем. Хотя он и использовал с некоторым изменением систему Симонида, но всё же подвинулся дальше, предложив то, что известно теперь под названием «азбуки цифр». Все последующие «изобретатели» предлагали только различные «азбуки цифр», но для нас достаточно будет ознакомиться с этой азбукой в её первоначальном виде.

Азбука цифр Винкельмана

1	2	3	4	5	6	7	8	9	0
B	C	F	G	L	M	N	R	S	T
P	R	V	J					Z	D
W									

Гласные, глухие согласные и немая «H» не принимаются здесь во внимание. Слова передавались согласно выговору, но не написанию. Эта таблица должна была хорошо заучиться, а затем цифры переводились на буквы, а буквы на цифры. Буквы, переведённые с цифр, с прибавлением гласных, обращались в слова, имеющие действительную или воображаемую связь, например, с годом, который хотели запомнить. Некоторые иэ последователей Винкельмана придумали лучшие формы «азбуки цифр», но принцип оставался тот же. Исходя из такой системы, последователям Винкельмана, дабы запомнить и без того легко запоминаемый год или число, приходилось запоминать самые нелепые сочетания букв и слов.

Один из наших знакомых, руководствуясь этой таблицей, запомнил год битвы при Ватерлоо при помощи слов: «*Bonaparte licked*» («Бонапарт побит»): первые буквы этих слов составляют 15 – год битвы. B=1, L=5. Он также запомнил битву при Йорктауне при помощи слов: «*Brave Novices Routed British*» («Храбрые новички разбили британцев»). Начальные буквы означают 1781. Для нашего ума гораздо труднее запоминать все такие звенья и связи, чем самое число. Винкельман пользовался словами «*Big*», «*Rat*» для обозначения 1480 г., хотя раньше нужно знать историю события 1480 года, чтобы уяснить себе связь слов «*Big*» и «*Rat*» («большая крыса»). Другие изобретатели придумали множество остроумных сочетаний такой циферной азбуки, но нам такой принцип мнемоники представляется скорее интересным, чем полезным.

Поляк Беньковский в 1840 г. преподавал систему, где впервые вводилось «взаимоотношение» и тому подобные теории, во-

шедшие и в большинство восхваляемых «современных» систем. В 1845 г. американец Майлс распространял свою собственную систему, в которой среди иных способов предлагалось пользоваться изречениями, относящимися к запоминаемому событию, и последнее слово которых обозначало год, как и в системе «цифровой азбуки». Он также придумал план для запоминания названий знаменитых мест и событий, связывая их с хорошо известными предметами, например, «Borodino» (Бородино) созвучно с «*Barrow a dinner*» («обедайте в долг»). «Saskatchewan» (Саскатчеван) – с «*Sis catch a swan*» («сис, поймайте лебедя») и т.д. Но самым важным его нововведением была «номенклатурная таблица», заменившая «циферную азбуку». Таблица эта состояла из ряда слов, причём каждое из них представляло число от 1 до 100. Заучив такой перечень слов, запоминали и им соответствующие даты.

В 1848 г. немец, д-р Коте, развил систему, впоследствии очень распространённую среди его последователей. Главная её особенность состояла в применении между словами связующих слов, которые не имели бы без них никакого отношения друг к другу. Например, слова «камин» и «лист» могут быть связаны так: «камин» – «дым» – «дрова» – «дерево» – «лист». Слова «подушка» и «чернила» связываются таким образом: «подушка» – «пух» – «перья» – «стальное перо» – «чернила». Впоследствии такую систему вводили многие учителя, окончательно запутывая и разочаровывая своих учеников, которые всё-таки хотели бы развить свою память.

Около 1818 г. Джон Сэмрок применил в Англии систему, основанную на гласных, входящих в названия первых девяти чисел, что, пожалуй, интересно лишь для англичан, но не для всех остальных, и вообще едва ли полезно для развития памяти даже у англичан.

Система «Shedd» (Шед) может, при некотором изощрении, применяться при заучивании дат не только англичанами. Для этого подыскивают фразу, в которой число букв в словах соответствовало бы цифрам даты, например: «Рим сгорел в 64 г. до Р.Х».

Дата 64 запомнится при помощи фразы «сожгли Римъ», потому что первое слово имеет 6 букв, а второе – четыре (в *старом* русском написании – вот вам уже и изощрения! – *Й.Р.*). Год рождения Наполеона – 1769 – можно запомнить при помощи фразы: «и родился смелый командиръ», год его поражения при Ватерлоо – 1815 – фразою «и прозевал я битву». Комичность фраз не мешает делу, даже скорее помогает, но главное, чтобы число букв соответствовало числам даты.

Другие же авторы предлагали запоминать что-либо с помощью рифм или стихов. Остатки таких систем и теперь ещё видны в некоторых грамматиках, где стихами пишутся исключения, правила правописания и прочая.* Такая же система стишков употребительна у студентов-юристов и медиков, с помощью которых они легко группируют различные термины, определения и т.п.

«Фигурная азбука» есть своего рода фокус для довольно простого и успешного заучивания. Она состоит в том, что выписывают подряд числа, например до ста, причём им придают значение букв; затем, если нужно заучить какое-нибудь стихотворение, то переводят буквы на цифры и обратно.

Иногда же применяют закон ассоциации, чтобы связать между собою какие-нибудь предметы с общим соотношением. Например, д-р Уортс придумал слово «*Vibrior*», чтобы запомнить названия и порядок цветов спектра, причем входящие в него буквы являются начальными в словах названия этих цветов, т.е. «*Violet*, *indigo*, *blue*, *green*, *yellow*, *orange*, *red*» (фиолетовый, синий, голубой, зелёный, жёлтый, оранжевый, красный).** Слово «*News*» (новость) состоит из начальных букв стран света: «*North*, *East*, *West*, *South*». Имя вице-президента при Линкольне можно запомнить в таком виде: «abraHAMLINcoln». Запомнить обстоятельство, что Франклин Пирс был 14-м президентом, можно при

* Бесспорным шедевром здесь является каноническое «Уж замуж невтерпёж», хотя хватает и других. (*Й.Р.*)

** Vibrior'у соответствует известная русская фраза: «Каждый охотник желает знать, где сидит фазан», в которой начальные буквы слов также являются подсказкой для запоминания цветов спектра в прямом порядке. (*Й.Р.*)

посредстве начальных букв его имени «F» (fourteenth=14), «P» (president). Примеры эти приведены лишь для того, чтобы показать, сколько существует различных «гвоздей», на которые можно бы повесить запоминаемые предметы, но запомнить которые представляет ещё бо́льшую трудность, чем самые предметы, так что в конце концов природа памяти возмущается против их искусственности.

В заключение можно сказать, что метод Симонида или «система мест» был первым в деле запоминания и живёт и поныне. За ним пришла «фигурная азбука», пользующаяся, хотя и в сильно изменённом виде, большим успехом и в настоящее время. Далее идёт метод заучивания посредством слов с определённым числом букв, он хотя и лёгок, но скоро надоедает и довольно запутан. Наконец метод «соединяющий» – интересен, но для развития памяти непригоден. На все такие системы можно смотреть как на костыли, но отнюдь не как на средства для развития памяти и других, связанных с нею способностей.

Самое лучшее – это планомерно развивать все способности, помогающие в деле восприятия впечатлений и удерживания их, а стало быть, и в их оживлении, причём наравне с ними попутно будет развиваться и память. Мы старались указать в нашей книге все подобного рода способы и думаем, что читатель по прочтении её мог бы с большой для себя пользою применить преподанные нами принципы на практике.

1903 г.

Часть Вторая

Й о г Р а м а н а н т а т а

ПАМЯТЬ ПРОШЛЫХ ЖИЗНЕЙ И МНОЖЕСТВЕННОСТЬ СУЩЕСТВОВАНИЙ

РЕГРЕССИЯ И РЕИНКАРНАЦИЯ

У людей, живущих в нашем суетливом веке, как-то сама собой выработалась убеждённость, что жизнь у человека одна и что со смертью всё для него прекращается. Но философско-мистические учения Востока и Запада всегда утверждали совершенно иное: жизнь у человека не одна, у него бесчисленное множество их. И, стало быть, человек совсем не то, чем он себя считает: он не тело, но дух, а тело − лишь вещь, *до известной степени* ему принадлежащая, которой он пользуется, пока она естественным образом не износится или внезапно непоправимо не сломается, после чего дух (человек) берёт себе новую оболочку и пользуется ею до завершения её естественного срока службы.

Тело, по мнению оккультистов, всего лишь машина, которую человек обязан поддерживать в исправном состоянии: не он создал её, не ему в конечном счёте принадлежит она, и он должен держать ответ за неё перед Создателем. Притом машина эта в силу индивидуальных особенностей её конструкции может быть человеку (духу) либо наказанием, либо наградой. Можно смотреть на физическое тело и как на одежду, в которую дух облачается на время своей жизни в материальном мире.

Вариации этого учения повсеместно встречаем у всех народов, в самые разные эпохи населявших нашу прекрасную планету. Лишь засилье материалистической идеологии на целые столетия заставило забыть его.

Так, например, галлы (предки французов) были совершенно убеждены в том, что жизнь каждого человека есть лишь звено бесконечной цепочки его предыдущих и последующих жизней. В поэтических гимнах барды пели о том, что, существуя извечно, человек не был рождён матерью от отца, но что он был сотворён стихиями природы по воле Божества. Он был червём в земле, рыбой в море, змеёй в песке, птицей в небе, львом в саванне и т.д., пока наконец божественный дух Гвион не выделил его за заслуги среди прочих и не сделал человеком.

И после этого он перебывал бессчётное число раз человеком в разных мирах и на разных планетах и освоил там разные науки и ремёсла, пока не стал наконец тем, кто он есть сейчас.

Галлы считали, что человек − не тело, но дух, а тело его − всего лишь одежда, в которую тот облачается для земной жизни, и что смерть тела − просто очередное освобождение духа от стягивающих его одежд. Поэтому, когда было надо, галлы бесстрашно кидались в сечу, бились, не щадя жизни, и, к удивлению и негодованию врагов, оставляли тела своих павших воинов на произвол судьбы.

Последнее, однако, совершенно логично, если учесть, что для галлов трупы эти были отнюдь не останками любимых и близких, но своего рода порванным тряпьём, от которого носивший его дух почёл за благо избавиться. Любопытен тот факт, что у галлов уверенность в грядущей жизни была настолько велика, что они давали деньги друг другу взаймы с правом отдачи в мире ином.

Примечательно высказывание Г.Р. Хаггарда по этому поводу:

«Учение о перевоплощении, признанное четвертью обитателей Земного шара, не так-то легко отбросить в сторону, особенно если учесть, что оно даёт человеку надежду. Оно в самом деле вполне достойно того, чтоб его рассмотрели внимательнее. Если мудрецы, проповедовавшие его, начиная от Платона, а в действительности − бесчисленные века прежде него, ибо он несомненно позаимствовал его в учениях Востока, если только мудрецы эти правы, то мы, бедные человеки, по крайней мере не появляемся на свет и не исчезаем, словно мошкара летним вечером, но переходим при этой кажущейся смерти к вечно обновлённой жизни. Это как бы верёвочная лестница Иакова, устремлённая в небо, по которой мы мучительно взбираемся вверх. Правда, каждая перекладина её, едва только нога наша от неё отрывается, исчезает без следа. Внизу под нами − мрак и вся бездна Времени, а вверху − также темнота и мы не ведаем что ещё. И всё же руки наши держатся за верёвки, а ноги твёрдо стоят на перекладине, и мы знаем, что не падаем, но поднимаемся, равно как и то, что по природе вещей всякая лестница должна быть к чему-то прикреплена и должна вести куда-то. Невесёлое же занятие, могут

сказать на это, особенно когда одна перекладина так похожа на другую, а всех их так много. И всё же, разве не лучше это, чем просто мыльный пузырь, который хотя и красив, но вот лопнул − и его нет? Право же, жизнь лучше небытия, особенно если это возрастающая, всё более полная жизнь, и если в конце концов она должна привести к некой невообразимой радости, к божественному свету, в котором нам станет виден весь пройденный нами путь и вместе с ним − глубокие основания Жизни и Бытия, к которым лестница наша прикреплена, и врата Вечного Блаженства, в которые она ведёт». (H.R.Haggard, “Allan and the Ice Gods”).

Рассказывают, что герой Второй Мировой войны и крупный военный стратег генерал Паттон был как-то приглашён в Италию осмотреть поле, на котором когда-то произошла самая знаменитая битва времён Второй Пунической войны, шедшей между Римом и Карфагеном, − битва при Каннах. Генерал направился туда в сопровождении целого эскорта официальных лиц и офицеров. Присутствовал там так же и некий полковник, военный историк, задачей которого было в малейших подробностях оживить перед генералом знаменитую битву. Он с рвением принялся за дело, его описания диспозиций войск и их манёвров казались самим совершенством: здесь римские легионы, там слоны Ганнибала, а там ещё − кавалерия Гасдрубала, Ганнибалова брата, пришедшая на подмогу. И тут генерал Паттон, который, нахмурив брови, с чрезвычайным вниманием следил за объяснениями своего учёного экскурсовода, вдруг воскликнул:

− Вовсе нет! Кавалерия Гасдрубала была не здесь. Она была там! − и показал на другой участок поля.

− Дело в том, − ответствовал полковник-историк со всем возможным почтением, на какое был способен, и нимало не раздражаясь, − что касательно этой битвы существует значительное число исторических свидетельств, которые все согласно указывают, что кавалерия Гасдрубала располагалась именно там, где я вам показал, мой генерал.

− Так вот, − с напором воскликнул Паттон, − я вам говорю, что она была не здесь, а там! Я знаю это, потому что... *я был там*!

Это вовсе не было сказано тоном шутки, и почтенная публика так и осталась стоять ошарашенная. Позднее стало известно, − генерал написал об этом в своих мемуарах − что он верил в перевоплощение. Какая же, спрашивается, тайна ему открылось, что произошло внутри него в тот день, дав ему непоколебимую уверенность в своём присутствии на этом именно месте двадцать два века назад? Мы надеемся, что это станет ясно нашим читателям из дальнейшего.

* * *

Итак, что же такое «регрессия памяти»? На языке науки начала нашего века так назывались исследования, имевшие целью выяснить, действительно ли человек живёт в этом мире множество жизней. «Множественность существований» нашла себе блестящее подтверждение в соответствующих опытах, проделанных серьёзными и авторитетными учёными. На этих страницах мы прежде всего хотим познакомить наших читателей с результатами некоторых из этих опытов, имевших место в конце прошлого века и начале нынешнего.

Само по себе обстоятельство, что мы берём подобные, с позволения сказать, «архивные» данные, не означает, будто в этом направлении ничего не было сделано позднее или ранее. Читателю следует учесть, что аналогичные исследования современных изыскателей (Йен Стивенсон, Патрик Друо, Реймонд Моуди и множество других), равно как и современные исследования представителей реаниматологической школы (тот же Реймонд Моуди, Элизабет Кюблер-Росс, Майкл Сабом, Джордж Ритчи и другие), или куда более ранние изыскания философов и исследователей спиритической школы (Аллан Кардек, Леон Дени, Артур Конан-Дойль, Эрнесто Боццано, Чезаре Ломброзо, Вильям Крукс, Оливер Лодж и другие) все льют воду на одну и ту же мельницу, а именно: исходя из совершенно разных точек отсчёта и используя принципиально

разные методы, они все указывают нам на одну и ту же истину − человек не есть тело, он есть душа (или дух), пользующаяся телом как орудием для своего проявления в мире физическом.

Факты, как известно, вещь упрямая, но следует понять и затем помнить, что факты, подобные тем, что мы приводим здесь, не единичны, их число − бесконечность.

Лишь невежество и нелюбознательность мешают нашим современникам познакомиться с ними и по достоинству оценить всю их значимость. И совершенно прав Конан-Дойль, сказавший, что духовная наука достигла теперь такого уровня, когда дальнейшие доказательства становятся излишними и когда вся тяжесть сомнений и опровержений целиком ложится на тех, кто отрицает существование этих явлений. «Но как раз те люди, которые требуют доказательств, как правило, никогда не дают себе труда ознакомиться с теми многочисленными доказательствами, которые уже есть. Похоже, каждый считает, будто весь предмет должен быть пересмотрен заново потому только, что лично ему требуются какие-то сведения», − замечает сэр Конан-Дойль.

* * *

«Закон перевоплощений доказан не только разумом; он также подтверждён и фактами. Опыты полковника Дероша̀ по регрессии памяти, более давние опыты испанских исследователей Фернандеса Колавиды и Эстева Мараты, отмеченные на Конгрессе спиритуалистов в 1900 году, устанавливают, что у людей, погружённых в гипнотический сон, могут быть возбуждены глубокие слои памяти, пассивные и немые в состоянии бдения. В таких случаях субъект вспоминает малейшие подробности своего детства, также как впечатления и ощущения своих предыдущих жизней. Эти исследования мало-помалу выстраиваются в цепь доказательств, утверждающих реальность предыдущих существований человека, и человеческая личность начинает просма-

триваться в совершенно новых ракурсах». (Léon Denis, «Après la Mort».)

Возможность пробудить в сознании субъекта, погружённого в гипнотический транс, забытые воспоминания его детства самым логичным образом подводит нас к возможности восстановить его воспоминания, предшествующие данному его рождению. Этот род фактов был впервые отмечен на Спиритическом Конгрессе 1900 года в Париже испанскими экспериментаторами. Вот отрывок доклада, зачитанного на заседании от 25 сентября указанного года.

«Когда посредством гипнотических пассов субъект был погружён в глубокий сон, Фернандес Колавида, председатель барселонской группы психических исследователей, приказал ей сказать, что она делала накануне, за день до этого, неделю назад, месяц, год и далее, доведя её до поры детства, о котором он и попросил её рассказать во всех подробностях.

Направляемый всё той же волей субъект рассказал о своей жизни в пространстве, предшествовавшей её нынешнему рождению, о смерти, положившей конец предыдущему воплощению, и так, поощряемый тем же образом, субъект вернулся по своим жизням назад вплоть до четвёртого воплощения, в котором она была настоящим дикарём. При каждой смене существования менялось и общее выражение лица субъекта. Чтобы вернуть её назад в нынешнюю жизнь, экспериментатор провёл её в обратном направлении по уже пройденному маршруту, и затем её разбудили.

Некоторое время спустя, без предупреждения, в целях контроля экспериментатор попросил другое лицо усыпить того же субъекта, внушив ей, что предыдущие её рассказы были чистейшим вымыслом. Несмотря на это внушение субъект воспроизвёл всю последовательность четырёх существований, как то было сделано им и в прошлый раз. Порядок пробуждения воспоминаний, их взаимосвязь были идентичны результатам, полученным в ходе первого опыта».

На том же заседании этого Конгресса, Эстева Марата, председатель каталонского Спиритического Союза, заявил, что им

в ходе своих опытов были получены совершенно аналогичные результаты. Он применял те же приёмы, погрузив в состояние гипнотического сна собственную супругу. По поводу сообщения, полученного от некоего духа и имеющего отношение к одной из прошлых жизней субъекта, он смог пробудить в неясном сознании последнего следы его прошлых существований». («Compte rendu du Congrès spirite et spiritualiste de 1900», pp.349-350.)

* * *

Предоставим теперь слово полковнику Альберу Дероша́, наиболее авторитетному исследователю в области регрессии памяти.

«С давних пор было известно, что при определённых обстоятельствах, в частности в приближении смерти, перед умственным взором человека с огромной скоростью проносятся давно забытые воспоминания. Это похоже на то, как если бы ему показывали панорамный обзор всей его жизни.

Я экспериментально установил аналогичный феномен на загипнотизированных субъектах; разница в том только, что я не просто вызываю у них воспоминания, а заставляю этих субъектов войти в те же душевные состояния, которые переживались ими в возрасте, в какой я их помещаю, что сопровождается полным забвением всего, что следует за этим возрастом. Эти трансформации осуществляются при посредстве продольных пассов, обычным последствием которых является углубление гипнотического сна. Изменения личности, если можно так назвать различные этапы существования одного и того же духовного индивида, непременно следуют одно за другим в соответствии со сменою времён. При этом, двигаясь в сторону прошлого, следует использовать продольные, или «усыпляющие», пассы, а для того, чтобы в том же порядке вернуться в настоящее, следует прибегать к пассам поперечным, или «пробуждающим». Пока субъект не вернулся

в своё нормальное состояние, он отличается кожной нечувствительностью. Можно ускорить трансформации, помогая себе суггестией, но всегда нужно проходить те же самые фазы и не двигаться слишком быстро, не то это вызовет жалобы со стороны субъекта, который говорит в таких случаях, что его «мучают» и что он не поспевает за вами.

Во время первых попыток я останавливался в тот момент, когда субъект, доведённый до младенчества, более не мог мне отвечать; я думал тогда, что дальше двигаться уже нельзя. Однако однажды я попытался ещё немного углубить сон, продолжая пассы, и велико было моё изумление, когда, спросив спящую, я оказался в присутствии совсем другой личности, которая сказала мне, что она является душой умершего человека, которого звали так-то и который жил в такой-то стране. С той поры словно был указан новый путь; продолжая делать те же пассы, я оживил умершего и в обратном порядке проследовал по всей жизни воскрешённого к самым её истокам. Здесь опять-таки речь не шла о просто воспоминаниях, которые я пробуждал, это была последовательная смена состояний души, которые я вновь вызывал к жизни.

По мере повторения опытов это путешествие в прошлое осуществлялось всё более быстро, всякий раз проходя через те же самые фазы таким образом, что я мог тем самым возвращаться на несколько существований назад без особого утомления для пациента и для меня самого. Все субъекты, каковы бы ни были их личные мнения в состоянии бдения, демонстрировали череду сменяющихся индивидуальностей, всё менее развитых в моральном отношении по мере того, как мы продвигались вглубь времён. В каждом существовании человек в соответствии с кармическим законом искупал заблуждения предыдущей жизни; при этом время, разделяющее оба воплощения, проходило в среде более или менее наполненной светом, в зависимости от состояния нравственной продвинутости индивида.

Пробуждающие (поперечные) пассы постепенно возвращали субъекта в его нынешнее состояние, проводя его в точности через те же этапы в обратном порядке.

Когда мне и другим экспериментаторам, работающим в иных городах с другими субъектами, удавалось установить, что мы не имеем в данном случае дела с просто грёзами, которые могли бы быть вызваны какими-то случайными причинами, но с устойчивым рядом явлений, имеющих регулярный характер и наделённых всеми видимыми признаками зрения, обращённого в прошлое, то я приложил все свои усилия к тому, чтобы выяснить, насколько это зрение, это видение прошлого соответствовало реальности».

В результате проведённых разысканий полковник Дероша приходит к выводу, который он даёт в следующих выражениях:

«Вполне определённо то, что посредством гипнотических манипуляций можно постепенно провести бо́льшую часть сенситивных особ в эпохи, предшествующие их нынешней жизни, воспроизводя при этом все интеллектуальные и физиологические особенности, характеризовавшие их в указанные периоды жизни, и так вплоть до момента их рождения. Пробуждаются при этом не воспоминания; последовательно вызываются именно те состояния души, в которых данная личность в то время находилась; эти вызывания совершаются всегда в той же самой последовательности и с чередованием соответствующих фаз летаргии и сомнамбулических состояний.

Вполне определённо то, что, продолжая эти гипнотические манипуляции за пределы рождения (при этом даже нет никакой надобности прибегать к суггестии), субъекта проводят через аналогичные состояния его предыдущих воплощений». (Albert de Rochas, «Les Vies successives».)

Нелишне указать на то, что учёные-материалисты (Пьер Жанэ, д-р Питр, д-р Бюро и другие), настроенные, разумеется, враждебно в отношении принципа множественности существований человека, изучая в своё время указанные факты, тем не менее пришли к их подтверждению, и это только ещё раз доказывает, что в опытах исследователей школы полковника Дероша нет места каким-то иллюзиям или сублиминальным фантазиям, но что за ними стоит реальность, определённый закон соответствия,

вполне заслуживающий ещё более внимательного и углублённого изучения (чем, однако, широкая наука, ведомая материалистическими предрассудками, в своё время заняться не пожелала). И поэтому нам показалось необходимым настоять на существенности этих фактов: того требует истина и интересы рода человеческого. Продолжаем наше изложение.

* * *

«Совсем недавно я нашёл в Гренобле и Вуароне трёх субъектов, обладающих сходными способностями, в действительности которых я также мог удостовериться. Когда я провёл их в самое раннее детство, мне пришла в голову идея продолжить делать усыпляющие пассы, затем я сделал пассы пробуждающие, вернув их в нынешний возраст. При этом я был весьма удивлён, услышав, как они последовательно описывают главные события своих прошлых жизней и своё промежуточное состояние между ними. Их указания, остававшиеся всё время неизменными, были столь точны, что я мог заняться соответствующими розысками. Так я установил, что названия мест и фамилии семей, фигурировавшие в их рассказах, действительно существовали, хотя сами субъекты в состоянии бдения не имели об этом ни малейшего воспоминания; правда, в актах гражданского состояния указанных эпох я не смог отыскать никаких следов существования тех безвестных личностей, коими они были прежде». (Mémoire lu à l'Académie delphinale, le 19 novembre 1904, par A.de Rochas).

Подробности вышеуказанных опытов мы заимствуем всё из той же фундаментальной работы нашего авторитетного исследователя − «Жизни, вытекающие одна из другой».

«Эти субъекты не были знакомы друг с другом. Одна из них по имени Жозефина, ей 18 лет, живёт в Вуароне. Не замужем. Другая Евгения, 35 лет, живёт в Гренобле, вдова с двумя детьми; характера апатичного, весьма откровенна, не отличается особым

любопытством. Обе наделены отменным здоровьем и характеризуются в жизни поведением самым примерным. Хорошо зная их семьи, я мог *проверить точность их ретроспективных откровений* на таком множестве примеров и подробностей, которое не представляло бы ни малейшего интереса для читателя. Приведу только некоторые из них, касающиеся Евгении, чтобы стало ясно, о чём идёт речь. Это фрагменты протоколов наших совместных сеансов с д-ром Бордье, директором Медицинской школы Гренобля:

«Усыпив её, я возвращаю её на несколько лет назад. Я вижу, что у неё на глазах появляются слёзы. Она говорит мне, что ей двадцать лет и что она только что лишилась ребёнка... Продолжение пассов. Субъект резко подскакивает в кресле с криком ужаса. Она увидела, как возле неё появились призраки недавно умерших бабушки и тётки. (Появление это, имевшее место в возрасте в который я её привёл, произвело на неё в своё время глубокое впечатление.)

Вот ей теперь 11 лет. Она идёт первый раз на причастие; самые большие её грехи состоят в том, что она иногда не слушается бабушку, и в особенности то, что она без спроса взяла один су в кармане папы; ей было очень стыдно, и она просила у него прощения.

9 лет. − Смерть матери восемь дней назад. Она страшно расстроена. Отец только что отослал её из Винэ, где он работает красильщиком, жить в Гренобль к дедушке, чтобы она научилась там шитью.

6 лет. − Она в школе города Винэ и уже умеет хорошо писать.

4 года. − В свободное от школы время Евгения присматривает за маленькой сестрёнкой. Она начинает складывать палочки и писать некоторые буквы.

Поперечные пассы, ведущие к пробуждению, вынуждают её проходить в обратном порядке через те же этапы и душевные состояния».

«Жозефина из Вуарона, выказала те же особенности касательно почерка в различном возрасте. (Следуют пять образцов, показывающих прогресс в её образовании от 4 до 18 лет.)

До настоящего времени мы шли, так сказать, по твёрдой почве. Мы наблюдали трудно объяснимый физиологический феномен, но который опыты и бесчисленные проверки позволяют рассматривать как твёрдо установленный факт. Сейчас, однако, перед нами откроются новые горизонты.

Мы оставили Евгению в возрасте грудного младенца. Углубляя далее её сон, я установил изменение личности. Она больше не была человеком, но парила в каком-то полумраке, не имея ни мыслей, ни желаний, ни связи с кем бы то ни было. Затем последовали ещё более далёкие воспоминания.

Прежде она была маленькой девочкой, умершей очень рано от лихорадки, вызванной прорезыванием зубов. Она видит своих родителей в слезах, склонившихся над её телом, из которого она смогла высвободиться довольно быстро.

Далее с помощью поперечных пассов я следую в сторону пробуждения. На этом пути она в обратном порядке проходит все отмеченные выше фазы и сообщает мне новые подробности, вызванные моими расспросами. Где-то непосредственно перед своим последним воплощением, она почувствовала, что должна будет начать жить заново в какой-то определённой семье; она приблизилась к той, которая должна была стать её матерью и недавно зачала. Мало-помалу, «дуновениями» она вошла в детское тельце. До семи лет она частично жила за пределами этого физического тела, которое в первые месяцы жизни она видела так, словно бы наблюдала за ним со стороны. Она тогда не очень хорошо различала материальные объекты, её окружающие, но зато видела духов, паривших вокруг неё. Одни, очень яркие, защищали её от других, тёмных и злых, пытавшихся повлиять на её физическое тело. Когда же последним это удавалось, то они вызывали те приступы ярости, которые мамы называют *капризами*».

После этого следуют обстоятельные и весьма интересные подробности, касающиеся иных жизней духа, который в своём последнем воплощении назывался «Жозефиной». Эту часть своего изложения г-н Дероша завершает следующим образом: «Довольно трудно впрочем понять, как сугубо механические

действия, подобные этим пассам, позволяют с абсолютной точностью дойти до определённого момента в жизни человека, каковым является его рождение, и после этого совсем уж невозможно представить, что эти же действия вдруг резко изменяют характер своего результата, чтобы стать лишь источником галлюцинаций». (Albert de Rochas, «Les Vies successives».)

* * *

Мы ничего не добавим к этим комментариям из опасения ослабить тем их силу. Мы предпочитаем перейти прямо к другой серии опытов г-на Дероша, проделанных в Экс-ан-Провансе и изложенных сеанс за сеансом в июльском номере «Анналов психических наук» за 1905 год. (См. также его книгу «Les Vies successives», стр.123-162.)

Субъектом является девушка 18 лет, у неё прекрасное здоровье, она никогда слыхом не слыхала ни о гипнотизме, ни о спиритизме. Мадемуазель Мари Мэйо − дочь французского инженера, умершего на Востоке. Она выросла в Бейруте, где была вверена заботам туземной прислуги; там она научилась читать и писать по-арабски. Затем её перевезли во Францию, и она живёт в Эксе со своей тёткой.

На сеансах в качестве свидетелей присутствовали д-р Бертран, бывший мэр Экса, врач семьи, и г-н Лакост, инженер, которому мы обязаны написанием большей части протоколов. Этих сеансов было очень много. Перечисление фактов занимает в «Анналах» 50 страниц. Первые опыты, предпринятые в декабре 1904 года, касались обновления воспоминаний нынешней жизни. Субъект, погружённый полковником в гипнотический сон, постепенно движется вглубь своего прошлого и вновь видит сцены из детства. В разном возрасте она даёт образцы своего почерка, каковые легко контролируются. В 8 лет она пишет по-арабски, выводя замысловатую вязь, давно уже ею забытую.

Затем начинается реновация предыдущих жизней. Попеременно, идя вспять по цепи своих существований, либо же возвращаясь назад в современную эпоху, субъект, под влиянием гипнотических приёмов, о которых мы уже говорили, проходит туда и обратно через те же этапы, в той же последовательности, в прямом порядке или в обратном с медленностью, которая, по словам полковника, «сильно затрудняет проведение исследований за пределы какого-то определённого числа жизней и личностей».

Симуляция невозможна. Мари пересекает различные состояния гипноза, и в каждом из них она проявляет характерные для него симптомы. Множество раз доктор Бертран удостоверяет каталепсию, контрактуру, полную потерю чувствительности. Мари проводит рукой по пламени свечи, не ощущая его. «Она совершенно не слышит запаха нашатыря. Глаза не реагируют на свет, зрачок никак не отвечает на внезапное приближение к глазу или отдаление от него лампы или свечи». Но зато ярко выражена чувствительность на расстоянии, что по всей видимости доказывает наступление феномена экстериоризации. Процитируем сами протоколы:

«Я возвращаю Мари в её прошлое; так она достигает момента своего рождения. Когда я двигаю её дальше, она вспоминает, что она уже жила прежде; что её звали Линой; что она тогда утонула, что затем она поднялась по воздуху, что там она видела светозарных существ, но что ей не было дозволено говорить с ними. Перед жизнью Лины она находится ещё в состоянии скитальчества, ей очень тяжело, потому что прежде она была «нехорошим» человеком.

В том воплощении она звалась Шарлем Мовиллем. Он был конторским служащим и жил в Париже. В ту пору на улицах постоянно дрались. И он убил многих, и ему это нравилось; он был злым человеком. В те времена на площади отрубали головы.

В 50 лет он оставляет службу в конторе, он болен (Мари кашляет) и вскоре умирает. Он присутствует на собственных похоронах и слышит, как о нём говорят, что он был «гулякой и распутником». Сколько-то времени он остаётся прикован к своему

мёртвому телу. Он страдает; он несчастен. Наконец он переходит в тело Лины».

Другие сеансы восстанавливают жизнь Лины, бретонки: «Я замедлил пассы, когда приблизился ко времени её смерти; дыхание сделалось прерывистым; тело качается, как уносимое волнами и появляются признаки удушья».

Сеанс от 29 декабря 1904 г. Г-н Дероша приказывает: «Снова стань Линой, в ту минуту, когда она утонула». Тотчас же Мари делает резкое движение в кресле; она поворачивается на правый бок, закрывает лицо руками и остаётся в таком положении несколько секунд. Можно подумать, что первая фаза действия совершилась *добровольно*, ибо если Лина умерла в воде, то это утопление было добровольным, было актом самоубийства, что придаёт всей сцене совершенно особый вид, весьма отличный от утопления невольного.

Затем Мари резко поворачивается на левый бок. Дыхательные движения ускоряются и затрудняются; грудь приподнимается с трудом и нерегулярно; на лице выражение отчаяния, в глазах испуг. Она делает глотательные движения, как если бы глотала воду, но это происходит помимо её воли, потому что видно, что она противится этому. В этот момент субъект испускает несколько нечленораздельных криков; она извивается и барахтается, лицо выражает неподдельное страдание, и г-н Дероша приказывает ей постареть на несколько часов. Затем он спрашивает её:

– Ты долго отбивалась?

– «Да».

– Это была мучительная смерть?

– «Да».

– Где ты сейчас?

– «В серости».

30 декабря 1904 г. Жизнь Шарля Мовилля. Мари воспроизводит одну из фаз болезни, унёсшей его в могилу. Она словно демонстрирует все признаки болезни лёгких: стеснение в груди, приступы мучительного кашля. Она умирает и присутствует на собственных похоронах:

− Много ли пришло народу?

− «Нет».

− Что говорят о тебе? Мало хорошего? Припоминают, что ты был злым человеком?

Ответ, после долгих колебаний и совсем тихо:

− «Да».

Затем она погружается в «черноту»; полковник быстро проводит её через это состояние; она перевоплощается в Бретани. Мари видит себя ребёнком, затем девушкой, ей 16 лет и она ещё ничего не знает о своём будущем муже; в 18 лет она встречает его, выходит вскоре замуж и становится матерью. Здесь мы присутствуем при поражающей своим реализмом сцене родов. Субъект переворачивается в кресле, её члены напрягаются, лицо искажается от боли, её страдания делаются столь велики, что полковник приказывает ей быстро переместиться вперёд.

Ей 22 года. Её муж погиб в море, и умер ребёнок. В отчаянии она решает утопиться. Этот эпизод, который она уже воспроизводила на другом сеансе, так мучителен, что полковник приказывает ей быстро пройти мимо, что она и делает, не избежав однако при этом сильного потрясения. В «серости», в которой она видит себя, она не страдает, как то было с ней, когда она была в «черноте» после смерти Шарля Мовилля. Она воплощается в нынешней своей семье и достигает своего настоящего возраста. Изменение произошло посредством поперечных гипнотических пассов».

31 декабря 1904 г. «На этом сеансе я намереваюсь получить некоторые новые подробности о личности Шарля Мовилля и постараться перевести Мари в предыдущую жизнь. Поэтому посредством продольных пассов я быстро углубляю гипнотический сон вплоть до детства Мовилля. В тот момент, когда я его спрашиваю, ему 5 лет. Отец его − старший мастер на одной из мануфактур, мать одета в чёрное и носит чепчик. Я продолжаю углублять сон.

До рождения Мовилль находится в «черноте», он страдает. Прежде он был дамой, муж которой был дворянином при дворе Людовика XIV; её звали Мадлен де Сен-Марк.

Расспросы о жизни этой дамы. Она была знакома с мадемуазель де Лавальер, которой симпатизировала. Она почти не знает мадам де Монтеспан. Мадам де Мэнтенон ей не нравится.

– Говорят, что король тайно на ней женился?

– «Фи! она просто его любовница».

– А король, каким Вы его находите?

– «Гордец».

– Вы знаете г-на Скаррона?

– «Бог мой! он так безобразен».

– А Вы видели игру г-на Мольера?

– «Да, но он мне не очень нравится».

– Знаете ли Вы г-на Корнеля?

– «Это дикарь».

– А г-на Расина?

– «В особенности я знаю его произведения. Я их очень люблю».

Я предлагаю ей постареть, чтобы увидеть, что произойдёт с ней позднее. Она наотрез отказывается. Мои властные приказания ни к чему не приводят; мне удаётся победить её сопротивление лишь посредством крайне энергичных поперечных пассов, от которых она стремится уклониться всеми способами.

В тот момент, когда я останавливаюсь, ей 40 лет; она покинула двор; она кашляет и чувствует боль в груди. Я заставляю её высказаться о собственном характере; она признаётся, что эгоистична и завистлива, в особенности по отношению к красивым женщинам.

В 45 лет она умирает от чахотки. Я присутствую при короткой агонии, и она попадает в черноту». («Annales des Sciences psychiques», juillet, 1905; A.de Rochas, «Les Vies successives»).

Остановимся на минуту, чтобы по достоинству оценить как саму суть, так и всё количество этих фактов, определить гарантии достоверности и извлечь из этого должный урок.

* * *

Предоставим слово Леону Дени:

«Прежде всего нас поражает следующее: наличие в каждой новооткрываемой жизни постоянного повторения по ходу многочисленных сеансов всё тех же самых событий, следующих всё в том же порядке, в одну сторону или в обратную. И всё это происходит совершенно стихийно, без колебаний, ошибок и какой-либо путаницы.* Затем это единодушное утверждение экспериментаторов − в Испании, в Женеве, Гренобле, Эксе и т.д. − утверждение, в котором я и сам мог всякий раз убедиться, наблюдая феномены этого рода: в каждом новом существовании, развёртывающемся по ходу эксперимента, осанка, жестикуляция, речь субъекта меняются; выражение взгляда также изменяется, становясь более жёстким по мере продвижения вглубь времён. Присутствуешь при извлечении из небытия целого клубка мнений, предрассудков, верований, свойственных эпохе и среде, в которых данное существование протекало. Когда субъект, женщина, переносится в мужское существование, всё выражение лица её меняется; голос становится более громким и резким, в движениях также появляется резкость. Различия не менее ярко выражены, когда субъект попадает в детство.

Физические и умственные состояния всегда сцепляются, связываются в тесную общность, дополняясь одни другими и оставаясь нераздельными. Каждое вызванное воспоминание, каждая заново пережитая сцена вызывают целый рой ощущений и впечатлений, радостных или мучительных, весёлых или горестных (у каждого своё), но совершенно адекватных ситуации. Закон связи и соотношения, установленный П.Жанэ, Т.Рибо и другими, встречается и проявляется здесь во всей своей силе, с механической точностью как в том, что имеет отношение к жизни нынешней, так и к сценам, связанным с прошлыми жизнями.

* Другой исследователь, г-н А.Бувье, отмечает («Paix universelle» de Lyon, 15 сентября 1906 г.): «Всякий раз, когда субъект передвигается по той же самой жизни, тщетны оказываются все ухищрения обмануть его или заставить обмануться: он всегда остаётся той же самой индивидуальностью, с присущим ей персональным характером, которая при необходимости исправляет все заблуждения, вносимые вопрошающими». (*Л.Д.*)

Одного только этого постоянного соответствия было бы достаточно, чтобы гарантировать обоим родам воспоминаний характер достоверности. Если воспоминания о первичных фазах нынешнего существования, стёршиеся из обыденной памяти субъекта, при проверке всякий раз оказываются точными, то это, являясь доказательством их достоверности, равным образом становится сильной презумпцией в пользу достоверности и тех, проверить которые нет возможности.

С другой стороны, субъекты воспроизводили с абсолютной верностью, с неподдельной живостью впечатлений сцены столь мучительные, сколь и сложные: удушье при утоплении, агонию, обусловленную последней стадией чахотки, беременность, сопровождающуюся родами, со всей чередой физических явлений, им сопутствующих: дыхательными спазмами, болью и т.д.

Между тем, эти субъекты, почти все девушки от 16 до 18 лет, очень скромны по природе и мало сведущи в научных вопросах. По свидетельству самих экспериментаторов, один из которых врач семьи Мэйо, их неспособность симулировать подобные сцены не подлежит сомнению. Оне не обладают никакими познаниями в физиологии или в патологии и в нынешнем своём существовании не были свидетельницами никакого инцидента, способного дать им указания или сведения касательно фактов этого рода.*

Эти соображения вынуждают нас исключить любые подозрения в подлоге, мошенничестве или гипотезу об игре воображения.

Ведь какой талант, какое искусство, какое совершенство позы, жеста и голоса следовало бы употребить, чтобы в течение этих бесчисленных сеансов выдерживать столь невообразимо трудную роль, чтобы измышлять и разыгрывать сцены столь реалистичные, а нередко и трагичные перед лицом экспериментаторов опытных в развенчании обмана, практиков, постоянно дер-

* Это мнение было при мне высказано во время моего проезда через Экс г-ном Лакостом и д-ром Бертраном. (*Л.Д.*)

жащихся начеку от ошибки и плутовства? Подобную роль нельзя приписать де*в*ицам, не имеющим никакого жизненного опыта и получившим всего лишь сильно ограниченное, т.е элементарное образование.

И ещё: в сплетении этих рассказов, в судьбе фигурирующих здесь человеческих существ, в перипетиях их существований мы непрестанно находим подтверждение того высокого закона причинности или последствия действий, который правит нравственным миром. Разумеется, здесь нельзя усматривать какое-то отражение мнений субъектов, поскольку у них нет никакого понятия по этому поводу: среда, в которой они жили, образование, ими полученное, ни в коей мере не подготовили их к знанию о множественности существований, о чём и свидетельствуют наблюдатели.

Несомненно, многие скептики подумают, что факты ещё слишком малочисленны, чтобы можно было извлечь из них твёрдую теорию и окончательные выводы. Скажут, что следует дождаться накопления большего количества доказательств и свидетельств. Быть может, и достоверность многих наших опытов объявят сомнительной из-за того, что в них попадаются анахронизмы, противоречия и факты, которые нет возможности проверить. Скажут ещё, что эти фантастические рассказы производят такое впечатление, будто благосклонные наблюдатели в своём энтузиазме позволили разыграть себя и мистифицировать. Но как бы *такие* разговоры смогли снизить значимость столь серьёзных опытов? Злоупотребления, ошибки, случающиеся при опытах по недосмотру, здесь не имеют места, и потому никак не затрагивают исследования, проводимые в согласии с точным методом и в условиях жёсткого контроля.

В общем и целом, мы полагаем, что факты, приведённые выше, вкупе со множеством других фактов того же рода, которые было бы излишне приводить здесь, вполне достаточны, чтобы установить существование − в основании здания нашего «Я» − своеобразного огромного подвала, в котором собраны неизмеримые запасы знаний и воспоминаний. Всё длительное

прошлое существа нашего в целости и сохранности пребывает там, и лишь оно одно сможет сказать нам, в чём состоит секрет начал и эволюция жизни, и какова сокровенная тайна человеческой природы.

Процесс построения сознания, по словам Герберта Спенсера, двойственен: он включает усвоение и припоминание. Но при этом необходимо признать, что нормальное сознание, о котором он говорит, весьма непрочно и ограниченно. Оно колышется над краями бездны души нашей, словно мерцающий свет свечи над пропастью, едва освещая бледными отсветами целый таинственный мир, в котором дремлют сокрытые силы и образы и накапливаются впечатления, полученные существом с первоначального мига его сотворения.

И всё это, во время нашей жизни здесь сокрыто покровами тела и открывается лишь в трансе, выступая из тени с тем большей отчётливостью, чем более душа наша высвободилась из материи и чем больше она эволюционировала». (Léon Denis, «Le Problème de l'Etre et de la Destinée»).

* * *

«Было бы нетрудно добавить большое число фактов, сопричастных тому же роду исследований.

Князь Адам Вишневский, проживающий на Рю Дебаркадер в Париже, сообщил нам следующую историю. Её рассказали ему сами свидетели, некоторые из коих ещё живы и согласились быть названными лишь по инициалам:

«Князь Голицын, маркиз де Б***, граф де Р*** встретились летом 1862 года на водах в Гамбурге.

Однажды вечером, после довольно позднего обеда, они прогуливались в парке Казино. Там они увидели нищенку, лежащую на скамье. Заговорив с нею и расспросив, они пригласили её на ужин в гостиницу. После того, как она с аппетитом поужинала,

князю Голицыну, который был гипнотизёром, пришла мысль усыпить её. После долгих пассов это ему удалось. И каково же было удивление присутствующих, когда в состоянии глубокого гипноза, та, что изъяснялась накануне лишь на скверном немецком диалекте, вдруг начала очень правильно говорить по-французски и рассказала, что воплотилась в нищенку в наказание за то, что в прошлой своей жизни, в XVIII веке, совершила преступление. Она жила тогда в богатом замке в Бретани, на берегу моря. Заведя любовника, она захотела избавиться от мужа и столкнула его в море с высокой скалы. С большой точностью она описала и назвала место совершения преступления.

Благодаря этим указаниям, князь Голицын и маркиз де Б***, побывавшие позднее в Бретани, в Кот-дю-Нор, смогли, независимо друг от друга, заняться поисками, результаты которых оказались идентичны. Расспросив множество народу, они поначалу не смогли получить никаких сведений, пока наконец не встретили старых крестьян, вспомнивших, что их родители рассказывали историю о молодой и красивой хозяйке замка, которая погубила своего супруга, столкнув его в море. Так всё рассказанное нищенкой из Гамбурга в состоянии гипнотического сна в точности подтвердилось.

Возвращаясь домой проездом через Гамбург, князь Голицын расспросил тамошнего комиссара полиции по поводу этой женщины, и тот заявил ему, что она совершенно неграмотна, говорит только на просторечном немецком диалекте и существует лишь на скудный заработок солдатской потаскухи».

Как можно видеть, учение о множественности существований, преподанное великими философскими школами прошлого и утверждаемое в наши дни кардекистским спиритуализмом, получает прямым или косвенным образом новые и весьма многочисленные подтверждения в работах современных учёных и исследователей. Благодаря экспериментированию, самые сокровенные глубины души человеческой делаются доступны зрению нашему, и наша собственная история восстанавливается таким же образом, как геология смогла восстановить историю Земли,

ведя раскопки в её мощных напластованиях». (Léon Denis, «Le Problème de l'Etre et de la Destinée»).

* * *

К выше названным фактам следует добавить большое количество впечатлений, рассказываемых детьми. «Здесь феномен легко объясним. Адаптация психических органов ощущений к материальному организму производится с момента рождения медленно и постепенно. Она завершается лишь на седьмом году жизни, а у некоторых детей даже позднее.

До этого времени дух ребёнка, витая вокруг своей физической оболочки, до известной степени живёт ещё жизнью развоплощённого духа. Он обладает способностью воспринимать и видеть в духе, что порой передаёт некоторые смутные отблески этих впечатлений его физическому мозгу. Таким именно образом из детских уст иногда получали намёки на существование предшествовавших жизней, описания сцен и лиц, не имеющих никакого отношения к нынешней жизни юных созданий.

Эти видения и воспоминания обыкновенно исчезают у взрослого человека, потому что к тому времени душа вступает уже в полное владение своими земными органами. И тогда тщетно вопрошать человека о беглых детских воспоминаниях. Всякая передача периспритальных вибраций прекращается; глубинное сознание становится безмолвным.

До сей поры этим детским откровениям не уделялось должного внимания. Родители, взволнованные подобными рассказами, которые они считают странными и ненормальными, вместо того, чтобы поощрять их, стремятся, напротив, помешать их проявлению. Наука тем самым теряет полезные указания. Если бы ребёнок, когда он пытается перевести на свой мучительный и неясный язык ускользающие вибрации, поступающие от психического мозга, получал поощрение со стороны взрослых, если бы

его расспрашивали вместо того, чтобы прерывать и высмеивать, то в его прошлом наметились бы представляющие определённый интерес проблески, тогда как сейчас эта информация оказывается в большинстве случаев безвозвратно утерянной.

На Востоке, где учение о множественности существований имеет повсеместное распространение, этим воспоминаниям уделяют несравненно более внимания. Там их собирают, по мере возможности проверяют и зачастую подтверждают их истинность. Вот одно из свидетельств среди тысячи других подобных.

Корреспонденция, поступившая из Симлы (Восточная Индия) в «Дейли мэйл»* сообщает, что маленький ребёнок, родившийся там, признан воплощением г-на Такера, суперинтенданта провинции, убитого в 1894 году «дискоитами». Ребёнок помнил малейшие подробности своей прошлой жизни. Он захотел побывать в тех местах, где жил г-н Такер. На месте убийства суперинтенданта ребёнок задрожал и выказал все признаки страха. Эти факты довольно обыкновенны в Индии, Бирме и других странах этого региона, где перевоплощённые, вспоминающие о своей прошлой жизни, называются «вин-сас». (Léon Denis, «Le Problème de l'Etre et de la Destinée»).

* * *

Коли речь в этой связи зашла об Индии, то стоит отметить, что кастовая система, на протяжении стольких веков там господствовавшая, имела своим философским основанием именно учение о перевоплощении. В этой системе, рассматриваемой под углом множественности существований, содержится оправдание и обоснование неизбежной в человеческом обществе эксплуатации одного человека другим: слуга − это дух, стоящий внизу иерархии и мало воплощавшийся, его удел − физическая

* «Daily Mail» от 7 июля 1903 г.

работа; господин − это дух, стоящий в иерархии выше его, проживший много воплощений и тоже когда-то бывший слугою: теперь его задача − духовная работа в самом широком смысле этого понятия. Следовательно, идея о равенстве − химера, а в политике к тому же − всегда демагогия. Люди ни в чём не равны между собой, что и подчёркивает кастовая система. Более того, даже духи не равны между собой. В мире духов царствует истинная иерархия, отражающаяся, как в кривом зеркале, в иерархии земной. Духи и люди равны только по возможностям и только в перспективе. Реально же каждый находится на своём отрезке единого для всех пути, а отсюда неизбежность фактического неравенства.

По понятиям древних индусов в касте неприкасаемых воплощались души, предназначенные нести в жизни тяжёлые наказания за грехи своего прошлого. В касте ремесленников, купцов и прочая воплощались души, только начинавшие цепь человеческих существований и которым предстояло набираться опыта в этом новом для них состоянии. В касте воинов воплощались души, обладавшие уже значительным опытом, но которым требовалось теперь развить в себе духовные качества отваги, решительности и выносливости. Соответственно в касте жрецов, учёных, художников воплощались души многаждырождённые, прошедшие все предыдущие этапы развития и должные теперь служить высшим идеалам, ведущим человечество в область вечного и запредельного. Разумеется, подобная схема, предлагаемая кастовой системой, очень приблизительна, ибо жизнь намного сложнее всяких схем. Однако, как можно видеть, начало, лежащее в её основе, вполне здраво, и мы надеемся, что теперь читатель не сможет однозначно и упрощённо расценивать кастовую систему как некий «вредный пережиток средневековья», от которого необходимо избавиться как можно скорей и который ничему ценному научить нас не может. Тем более, что она существовала не в одной только Индии, а, по сути дела, во всём мире. Насаждение в человечестве идеи «равенства» привело к тому, к чему в огороде привело бы признание

равных прав за всеми произрастающими в почве растениями: сорняки неизбежно бы забили культурные растения, и добродетели овощей и ягод оказались бы поруганными.

* * *

Многие великие философы, писатели, поэты выражали свою убеждённость в реальности реинкарнации. Назовём Пифагора, Сократа, Платона, Аполлония Тианского, Эмпедокла, Овидия, Вергилия, Цицерона, Плотина или − ближе к нашим дням − Ламартина, Жозефа Мери, Амьеля, Виктора Гюго, Теофиля Готье, Александра Дюма, Понсона Дютеррайля, Гюстава Флобера.

Амьель писал: «Стоит мне только подумать о всевозможных наитиях, посещавших меня с самого отрочества, как мне становится ясно, что я прожил десятки, а может быть, и сотни жизней. Каждая из этих индивидуальностей внутри меня имеет своё мировосприятие, или вернее сказать, изменяет меня по своему подобию. Так я был математиком, музыкантом, монахом, ребёнком, матерью и т.д. В этих состояниях вселенской симпатии я был даже растением и животным».

Гюстав Флобер в одном из писем признаётся: «Я уверен, что был главою труппы странствующих комедиантов в Древнем Риме... Какие-то смутные воспоминания о той жизни возникают у меня за чтением комедий Плавта».

О Жозефе Мери «Журналь литтерэр» писал ещё при его жизни (в 1864г.) следующее:

«Он излагает престранные теории, каковые суть его убеждения. Так, он твёрдо верит, что жил многажды; он припоминает малейшие обстоятельства своих прошедших жизней и излагает их с такою силою убеждённости, что невольно начинаешь ему верить. По его словам, он был одним из друзей Вергилия и Горация; знал Августа и Германика; воевал в Галлии и Германии. Он был полководцем и командовал римскими легионами, когда они переправи-

лись через Рейн. В горах он узнаёт места, где войска его стояли лагерем, в долинах − поля сражений, в которых бился когда-то. Звали его тогда Минием. Вот эпизод, который, по всей видимости, свидетельствует, что воспоминания эти не суть плод его воображения.

Будучи в Риме (в нынешней своей жизни), он посетил Ватиканскую библиотеку. Там он был принят молодыми людьми − послушниками в коричневых рясах. Эти послушники принялись говорить с ним на чистейшем латинском языке. Мери был отменным латинистом во всём, что касалось до теории и писания, но у него ещё ни разу не было случая запросто беседовать на языке Ювенала. Когда он услышал речь сегодняшних римлян и пришёл в восторг от этого великолепного наречия столь созвучного с нравами эпохи, в которой оно было в ходу, и её памятниками, дожившими до наших дней, ему почудилось, что с глаз его спала завеса; и ему открылось, что он и сам в другие времена разговаривал с друзьями на этом божественном языке. И тогда с уст его полились готовые и безукоризненные фразы, он сразу же обрёл изящество и правильность, и наконец заговорил по латыни, как по-французски. Такая дивная лёгкость могла быть лишь плодом обучения − обучения, пройденного под руководством Августа − и жизни, прожитой в тот век великолепия латинской речи».

Далее в статье говорится:

«Следующая его жизнь на земле, по видимости, прошла в Индии. После опубликования его «Войны Низана» ни у одного из читателей не возникло сомнения, что он долго жил в Азии − настолько живы его описания, настолько подлинны нарисованные им сцены, каждая подробность словно схвачена глазом очевидца. Невозможно, чтобы он не видел того, о чём рассказывает; на всём лежит печать достоверности.

Он утверждает, что попал в Индию во время мусульманского вторжения, в 1035 году, и прожил там пятьдесят лет. Лучшие дни той его жизни прошли в Индии, и он обосновался в ней навсегда. Он снова был поэтом, хотя и не столь утончённым, как в Риме или в Париже. Сначала воин, затем мечтатель, он сохранил в душе захватывающие образы с берегов священной реки и из ин-

дусских поселений. У него было множество жилищ как в городе, так и в деревне, он молился в Храме Слонов, знал продвинутую цивилизацию Джавы, видал великолепные здания, о которых пишет, − сегодня руины, о коих всё ещё мало известно.

Нужно услышать, как он рассказывает свои поэмы, ибо воистину это поэмы − его воспоминания а ля Сведенборг. Будьте уверены, он говорит вполне серьёзно. Он и не думает разыгрывать своих слушателей. Он просто рассказывает всё, как есть, и рассказ его в конце концов убеждает».

* * *

Бостонская газета «Бэннер оф лайт» от 15 октября 1892 года опубликовала следующий рассказ, подписанный мистером Айзеком Дж.Форстером. Вслед за тем эта история была перепечатана многими другими американскими газетами.

«Двенадцать лет назад я жил в графстве Эффингем (Иллинойс), когда у меня умерла дочь, Мэри, едва достигшая зрелости. На следующий год я обосновался в Дакоте. Там девять лет назад у меня родилась девочка, которую мы назвали Нелли. Как только она начала разговаривать, она заявила, что её зовут не Нелли, но Мэри, что это её настоящее имя, которое мы ей дали когда-то.

Недавно я посетил графство Эффингем, чтобы уладить там некоторые дела, захватив Нелли с собой. Она узнала наш старый дом и многих людей, которых никогда не видела, но которых моя первая дочь, Мэри, прекрасно знала.

В миле от дома находится школа, в которую ходила Мэри. Нелли, никогда её не видевшая, точно её мне описала и сказала, что хочет снова её повидать. Я отвёл её туда, и, оказавшись там, она пошла прямо к парте, за которой сидела её сестра, и сказала: «Это моя парта!»

* * *

«Журналь де деба» от 11 апреля 1912 года в научной статье за подписью Анри де Вариньи приводит ещё один подобный случай, заимствованный из книги Х.Филдинга Холла, который долго занимался изучением этих вопросов:

«Где-то полвека назад, в Бирме, в один и тот же день, в одной и той же деревне родились двое детей, мальчик и девочка. Позднее их поженили, и они, обзаведясь семьёй и проявив в своей жизни все добродетели, умерли в один и тот же день.

Наступили тревожные времена, и двое молодых людей, юноша и девушка, должны были бежать из той деревни, в которой произошла первая история; они обосновались в другом месте, и у них родились два сына-близнеца, которые вместо того, чтобы называть себя своими настоящими именами, назывались именами той добродетельной четы, о которой речь была выше.

Родители сначала удивились, но потом поняли. Для них добродетельная чета воплотилась в телах их детей. Возникло желание проверить это. Родители отвезли своих детей в деревню, в которой родились. И те узнали всё: дороги, дома, людей, вплоть до одежды покойных супругов, которая непонятно по каким причинам сохранилась. Один из них вспомнил о том, что занял у одного человека две рупии. Тот ещё был жив и подтвердил этот факт.

Г-н Филдинг Холл, который видел обоих детей, когда им было 6 лет, нашёл, что один из них более похож на девочку; в нём, якобы, жила душа умершей женщины. До своего воплощения, говорят они, они жили какое-то время без тела в ветвях деревьев. Но эти отдалённые воспоминания становятся всё менее отчётливыми и мало-помалу стираются».

* * *

Память о прошлых жизнях, в порядке исключения, встречается также у взрослых.

Д-р Гастон Дюрвиль в «Сайик мэгэзин», номера за январь-апрель 1914 года, сообщает примечательный случай восстановления воспоминаний в состоянии бдения. Г-жа Лора Рейно, известная в Париже своими исцелениями посредством гипноза, давно утверждала, что она помнит о своей предыдущей жизни, проведённой в месте, которое она с точностью описывала и которое намеревалась посетить однажды. Она указывала особенности той своей жизни (пол, общественное положение, национальность и прочая) и заявляла, что развоплотилась столько-то лет назад вследствие такой-то болезни. По этому поводу были собраны точные указания.

Поехав в марте 1913 года в Италию, г-жа Рейно узнала страну, в которой жила прежде. Она объездила окрестности Генуи и нашла свой дом, который полностью соответствовал ранее данным ею описаниям. Д-р Дюрвиль говорит: «Благодаря содействию г-на Калауре, психолога-эрудита из Генуи, мы нашли в книге записей прихода Сан-Франческо д'Альбано акт о кончине, касающийся прошлого воплощения мадам Рейно. Все заявления, сделанные ею много лет назад касательно пола, общественного положения, национальности, возраста, причины смерти и прочая полностью подтвердились.

* * *

После относительно долгого периода забвения регрессия памяти вновь привлекла к себе внимание учёных. И нам пришло время вкратце показать читателям, что делается в данном направлении сегодняшней западной наукой, ни на секунду не упуская из поля зрения достижения предыдущих поколений исследователей.

С сентября 1986 года доктор Виннифред Люкас, врач-психоаналитик, в течение двадцати лет изучавший проблему реинкарнации, проводит в Калифорнийском Университете курс терапии посредством путешествия в прошлые жизни. Весьма известны

исследования феномена прошлых жизней, проделанные Грегори Паксоном, аналитиком из Чикаго. Йен Стивенсон из Виргинского Университета провёл с малолетними детьми ряд опытов и исследований, в ходе которых выяснилось, что в самом раннем возрасте у детей возникают спонтанные воспоминания, касающиеся по всей видимости того, что является прошлыми жизнями. Всё это описано им в книге «Двадцать случаев возможного перевоплощения». Д-р Рэймонд Моуди также в последнее время занимался проблемой регрессии, его исследования отображены им в книге «Жизнь до жизни».

Много и плодотворно работает над изучением реинкарнации современный французский исследователь Патрик Друо, физик по образованию, выпускник Колумбийского Университета в Нью-Йорке, знаток тибетской традиции. В своих книгах «Мы все бессмертны» и «От жизней прошедших к жизням грядущим. Бессмертие и перевоплощение» он подробно описывает проделанные им наблюдения, на которых нам бы хотелось остановиться особо.

Свой первый опыт личного переживания регрессии памяти, проведённый под руководством Грегори Паксона, он описывает так:

«Когда я в первый раз проделывал над собой этот опыт, в моём сознании возникло существование монаха, жившего в XI веке в пору покорения Англии Вильгельмом-Завоевателем, герцогом Нормандским. В малейших подробностях я описал не только аббатство, в котором жил, но также и то, каким образом Вильгельм составил свой огромный флот, переправивший впоследствии его армию на другой берег Ла-Манша. Я рассказал, как он реквизировал все суда, стоявшие в портах, вплоть до мельчайшего баркаса, находившегося на плаву, как он зафрахтовал у северян их корабли и их самих нанял для перевозки лошадей, фуража и людей. Я мог удостовериться, что всё это было описано мною в точности, когда после прослушивал кассету со своим рассказом, записанным во время регрессии. Глубоко потрясённый я сразу же бросился в библиотеку с целью проконсультироваться

по данному поводу в соответствующих сочинениях. И я нашёл там совершенно точное подтверждение подробностям, которые были изложены мною во время регрессии». (Patrick Drouot, «Des Vies antérieures aux Vies futures. Immortalité et Réincarnation»).

«Во время одного сеанса, также проведённого мною в 1984 году под руководством Грегори Паксона, во мне возникло воспоминание о моей жизни в образе кельтской жрицы по имени Говенка, жившей четыре тысячи лет назад. Я рассказал о простом и уединённом укладе её жизни, проходившей обособленно от деревни. Жрица была духовным проводником всему своему племени. Но я не ограничился только рассказом. Во время этого необычайного «путешествия» у меня возникло такое чувство, будто я переживаю одновременно с Говенкой все её ощущения. То, что она переживала когда-то, я «пережил» также в нынешнем своём состоянии. И всё же, я оставался Патриком Друо, в Чикаго, в 1984 году. Я сознавал всё это и вместе с тем был там − четыре тысячи лет назад: я жил буквально в двух эпохах одновременно. И надо сказать, что то, что я переживал в существовании этой жрицы, было из ряда вон выходяще. Я сопровождал умирающих не только в трудном переходе смерти, но и по ту сторону физического мира. Я был очевидцем появления на одной из полян некоего светозарного существа. Звали его Веда. Он явился, чтобы передать Говенке часть знания, идущего из тьмы веков и позабытого людьми, в частности это касалось применения кристалла и использования внутренних сил, причём эти энергии по их структуре казались частью самого Веды.

Когда поляна осветилась перед Говенкой и перед ней возник Веда, я в своём настоящем почувствовал себя совершенно парализованным, неспособным издать ни звука. Существо это на самом деле было там. Это не был образ. Я ощущал его присутствие и исходившую из него фантастическую силу. У меня появилось интуитивное знание, а позднее ещё и уверенность, что это исполненное энергии существо сообщило мне через посредство Говенки и за очень короткий отрезок времени − не более нескольких секунд − невероятное количество информации, которой хва-

тило бы, чтобы заполнить огромную библиотеку. Впоследствии я смог убедиться в этом, и к данному вопросу я ещё вернусь. Здесь же мне хотелось только сказать, что этот опыт придал моим исследованиям совершенно новый смысл.

У меня возникла глубокая внутренняя уверенность в том, что Говенка и я − одно и то же существо, одна и та же душа и что всякая душа содержит в себе все свои прошлые жизни. Я не задавался вопросом, реально ли то, что я пережил в этом сеансе. Я просто *знал*, что оно так. Как сказал мне однажды Пьер Уэйл, все те, кто прошли через это особое состояние пробуждения, когда сознание выходит за собственные пределы, именно так взирают на вещи: у них больше нет нужды в каком-то доказательстве истинности пережитого ими опыта. *Они знают, что это и есть настоящее.* (NB! *Й.Р.*) После такого переживания вопроса о том, «существует» перевоплощение или нет, больше просто не возникает. По крайней мере, в том смысле, как он задавался ранее. Единственный и огромный вопрос, который остаётся после того, как вы проделали поразительный, но доступный каждому опыт по одновременному преодолению барьеров времени и своего «я», это: *что такое сознание*? Каковы его истинные возможности и в каких всё-таки жалких пределах мы его заперли − и сами заперлись − в течение стольких веков?» (Patrick Drouot, «Des Vies antérieures aux Vies futures. Immortalité et Réincarnation»).

* * *

Изучение проблем регрессии помогло современным учёным установить, что погружение в воспоминания прошлых жизней, подобно погружению в воспоминания детства, обладает психотерапевтическим действием. Обнаружив это, целый ряд исследователей (назовём лишь самых известных, ибо нет возможности говорить обо всех: английский психиатр Деннис Келси, английский терапевт Джон Скрэнтон, американские доктора и психотерапевты Моррис Незертон, Эдит Фьоре, Эрни Печчи,

Хэзел Деннинг, Дайана Денхолм) независимо друг от друга разработали новую форму психотерапии, основанную на аналитическом «путешествии» по прошлым жизням. Эта тонкая терапия «нового времени» получила официальное признание весной 1980 г., когда, по заявлению Хэзела Деннинга, 52 специалиста по лечению регрессией съехались на конференцию в Калифорнии и основали там научную ассоциацию для обмена информацией и проведения исследований в данной области − Association for Past life Research and Therapy (Ассоциация по исследованию прошлых жизней и терапии).

Данная ассоциация прилагает усилия к тому, чтобы совершенствовать эту форму терапии, которая, по словам её приверженцев, «является наиболее эффективным из всех известных науке терапевтических инструментов». Сегодня Ассоциация насчитывает несколько сотен членов во всём мире. Они постоянно встречаются и дважды в году издают журнал «The Journal of Regression Therapy», в котором публикуются самые последние результаты исследований. Один раз в три месяца выпускается информационный бюллетень.

Установлена тесная связь, наличествующая между травмами, полученными нами в прошлых жизнях, и последствиями от них в настоящем. Д-ра Станислас Гроф и Моррис Незертон даже доказали, что существует сильная зависимость между травмами, пережитыми в прошлой жизни, и некоторыми травматическими особенностями, происходящими при рождении ребёнка. Патрик Друо, в частности, сообщает, что люди, родившиеся с пуповиной, обёрнутой вокруг шеи, в процессе регрессии вспоминают, что они были повешены или удушены в прошлой жизни.

Но пусть однако читатели не беспокоятся: вовсе не все погружения в прошлое приводят в жизни, исполненные страданий и горя. Есть среди них также и весёлые, мирные, счастливые − и оне тоже помогают нам понять некоторые черты нашего характера и определённые события нынешней нашей жизни.

Патрик Друо в этой связи разъясняет: «Вопреки ожиданию, достижение регрессивных состояний сознания ни в коей мере

не нарушает связи с нынешней повседневной жизнью человека. Напротив, вся его жизнь и окружающий мир приобретает действительный смысл − осязаемый и неосязаемый, постоянный и переменный, конечный и бесконечный. Ибо многие человеческие существа подобны той волне, которая бежит, чтобы увидеть море, и не сознаёт, что море − это она сама. Мы всё ищем вне себя то, что уже есть в нас самих.

Направить высшее сознание в нужное русло, войти в постепенное единение с высшей частью своего «Я» − всё это напоминает превращение гусеницы в бабочку. Как нельзя более это относится к вызыванию в сознании прошлых жизней. Надеюсь, мне вполне удалось дать понять, что возможность вновь обрести наши прошлые жизни − всего лишь часть тех сказочных возможностей, доступ к которым даёт раскрытие сознания. Но эта часть в полном смысле слова − чудесная.

На сегодняшний день я индивидуально провёл в прошлое более полутора тысяч человек и смог, таким образом, констатировать, что большинство их после нескольких сеансов коренным образом изменили ценностные ориентации своей жизни. Дело в том, что это переживание даёт возможность провести очную ставку с самим собой, без украшений и помех, увидеть суть своего существа − с таким переживанием, по моему разумению, ничто не может сравниться. Самое первое, с чем вы сталкиваетесь и что поражает вас при раскрытии предыдущей жизни, − это обнаружение того, насколько мы в ней походим на себя сейчас. Высшее сознание не ведёт нас в кино, чтобы показать какую-то отвлечённую историческую хронику. Сценарий наших прошлых жизней оказывается самым интимным образом связан с нашей личностью, нашей психологической структурой и даже − это не самая меньшая из неожиданностей − с нашей физической конституцией. Как в своих детских воспоминаниях мы находим события и обстоятельства, способствовавшие сформированию той или иной черты нашего характера и повлиявшие на нашу доминирующую манеру поведения, так и в воспоминаниях прошлых жизней мы находим

ключ к некоторым особенностям своего поведения, к нашим взглядам, вкусам и проблемам.

Приведу пример, чтобы пояснить свою мысль. Несколько лет назад мне встретился инженер, работавший в одной серьёзной государственной компании. Со множеством дипломов и отличий он закончил престижный колледж. Человек умный, утончённый, одарённый самой высокой культурой, в свои сорок лет, когда ему следовало бы стоять во главе какого-нибудь важного отдела, он занимал лишь второстепенный пост под началом руководителей куда менее квалифицированных, чем он сам. Он страдал от этого, но всякий раз, как ему предлагали более значительное место, отказывался. В такие мгновения он неизменно чувствовал, что в нём поднимается какая-то волна ужаса, сопровождаемая холодным потом, тахикардией, «ощущением узла» в солнечном сплетении.

В течение трёх сеансов в сознании этого человека возникала жизнь в Англии в XVIII веке. Он был тогда управляющим фабрикой. Однажды в мастерской вспыхнул пожар и начал быстро распространяться. Охваченный паникой наш знакомец не смог организовать эвакуацию работников с места аварии. По его вине погибло около десятка человек и он в их числе.

Пережив заново страшную катастрофу, сегодняшний инженер вдруг осознал, что после травмы, полученной в прошлой жизни, он нынче просто уклоняется от ответственности. Его подсознание рассуждает так: «Если я приму на себя ответственность, то умру». С минуты, как он понял это, он освободился от своих страхов и смог начать принимать на себя ту ответственность, которая соответствовала уровню его личной значимости и профессиональной компетентности».

Если говорить о парализующем влиянии отрицательного опыта прошлой жизни в настоящем и о целительном применении регрессии, то весьма характерны случай субъекта Жоржа*** и тот, что следует за ним, в описании Патрика Друо:

«Жорж − предприниматель, ему сорок пять лет, он возглавляет фирму. Уже двадцать лет он интересуется различными

спиритуалистическими учениями. Он посетил и несколько моих лекций. Так у него возникло желание проделать путешествие в собственное прошлое, дабы вновь пережить цикл рождений и смертей. Однажды он сказал мне, что у него с самого детства есть серьёзная проблема: пищеварение его никуда не годится. Ест он мало или не ест вообще, «сидит на диете» или нет − он ничего не может есть без неприятных последствий в конце еды. Ещё младенцем он не переносил ни сосок, ни каш, и его недомогания росли вместе с ним и достигли максимума, когда он стал взрослым. Поэтому он старался есть как можно меньше, но это создавало ему большие трудности, поскольку он, ведя очень активную профессиональную жизнь, значительную часть времени должен был проводить за банкетным столом на встречах, переговорах и т.п.

Когда он занял место на ложе и тело его расслабилось, я попросил высшее сознание Жоржа направиться к причине этих помех. И он принялся тогда рассказывать о жизни корсара на борту пиратского корабля в XVIII веке. В течение добрых двадцати минут он расписывал мне, как была устроена жизнь на борту корабля, как пираты преследовали встречные корабли, брали их на абордаж и как, захватив добычу, возвращались в своё логово на рейде, ведомом лишь им одним. Однажды в Саргассовом море их застиг штиль: ни малейшего ветерка, паруса бессильно обвисли. Корабль пробыл в таком положении много дней. Ветра всё не было, а продовольствие подходило к концу. Был введён строгий рацион. Камбуз был заперт на ключ, а оный доверен на хранение Жоржу-пирату. И вот в один из дней, когда на борту уже царил голод, Жорж, не в силах бороться с мучительным инстинктом, открыл камбуз и съел всё, что там было: мало для команды, но много для одного человека. Жоржа застали на месте преступления, и расправа была короткой: его выбросили за борт на корм акулам, кишевшим в тех водах и не заставивших себя долго упрашивать. С того дня, когда состоялся этот сеанс, Жорж, всё перепробовавший, чтобы излечиться, не исключая макробиотику и вегетарианство, постепенно совершенно выздоровел и мог спокойно участвовать в своих деловых трапезах.

Ещё один случай касается человека пятидесяти лет, родом из Берри. Руки его обладали целительным магнетизмом, но одна только мысль пустить их в дело вызывала у него безотчётный страх. Он рассказал мне, что когда один из его друзей вывихнул ногу и сильно страдал, у него возникло побуждение протянуть руки к повреждённому месту. Но второе побуждение, ещё более сильное, чем первое, заставило его немедленно отдёрнуть руки. Ему хотелось понять, почему он повёл себя таким образом.

После трёх сеансов мы узнали, что этот человек жил во времена крестовых походов. Он был тогда бедным рыцарем в Бретани, у него был подлинный дар лечить наложением рук, коим он изобильно пользовался, чтобы облегчать страдания раненым, вернувшимся из крестовых походов. Но Церкви стало известно о его даре, и она плохо отнеслась к этому известию, поскольку, как знает всякий, в те дни такого рода сила расценивалась как подарок дьявола. И вот его судит церковный трибунал, и поскольку принадлежность к знати не позволяет сжечь его заживо на костре как еретика, то его приговаривают к сожжению рук на раскалённой чугунной плите. Переживая эту жуткую сцену, человек наших дней несколько раз надрывно воскликнул: «У меня горят руки!» Но зато это позволило покончить с ужасом, возникавшим в нём при мысли пустить свой дар в дело. Отныне он пользуется им к большому благу тех, кто в нём нуждается. Был здесь дополнительно ещё один любопытный феномен: перед тем, как воспроизвести в сознании жизнь этого мелкопоместного рыцаря, наш знакомый вспомнил жизнь прокажённого, жившего в Средние Века на подступах к деревне, к которой он мог приближаться за пищей, лишь надев на себя колокольчик. И вот через несколько дней после этого сеанса мой пациент пережил появление многочисленных прыщей и угрей, которые впрочем долго не продержались. Таким образом, некоторые события прошлого могут мимолётно реактивироваться в настоящем.

В ряде случаев я наблюдал, что при проработке болей настоящего, имеющих причину в прошлом, эта причина возникает в сознании и боль может вернуться на несколько часов − прибли-

зительно на полдня − а затем постепенно сойти на нет. Словно перед тем, как навсегда исчезнуть, старая наболевшая проблема выходит из тени, чтобы в последний раз напомнить о себе.

Когда мы осознаём всё это, наши раны становятся нашей силой. И сами мы делаемся более терпимы к страданиям и физическим увечьям других. Ибо то и другое − у нас и у них − постоянно напоминает нам об эфемерности нынешнего нашего состояния. Это и зовётся на Востоке *уроками кармы*». (Patrick Drouot, «Des Vies antérieures aux Vies futures. Immortalité et Réincarnation»)

Важно отметить здесь и ещё одно. Мы полагаем, что использование прошедших жизней в рамках психотерапии представляет собой значительный шаг в постижении человеческой души и её сложности, который сделала западная наука. Но терапевтические рамки всё равно остаются «рамками», т.е. ограничением, и мы считаем, что никак не следует замыкать в них изучение прошлых жизней, поскольку целью науки должна быть не психотерапия, но постижение души человеческой.

* * *

Г-н Патрик Друо рассказывает о своей работе с субъектом Жераром***. «Жерар − тридцатилетний мужчина, обратившийся ко мне в 1986 году. Он хотел работать над своим духовным развитием, чтобы понять, кто он есть, и вместе с тем разобраться, почему у него были проблемы как в отношениях с людьми, так и в работе. Он работал на разных электронных фирмах. Вместе с тем он довольно далеко продвинулся в деле раскрытия сознания и проявлял интерес ко всем школам, проповедующим любовь и самореализацию. Он посещал лекции, участвовал без разбору во всех семинарах, вступил в различные группы медитации, но ни в чём не нашёл утешения, так как не ладил ни с самим собой, ни с другими. Много раз он менял работу, и всякий раз чувствовал, что началь-

ники его недооценивают. В личной жизни, при всём его желании установить прочные отношения с другими людьми и помогать им, дела шли не лучше. Ему хотелось бы встретить кого-нибудь, кто бы разделил его взгляды на мир, но все отношения, завязывавшиеся у него с молодыми женщинами, заканчивались мучительным разрывом, так как все оне предпочитали его бросить.

Всё это содействовало тому, что у него составилось весьма нелестное мнение о собственной персоне, и подпитывало в нём раздражение, усиливавшее его изоляцию. Я слушал его историю и был поражён манерой, в какой он описывал мир медитативных групп, которые посещал, равно как и его речью: за всем словно угадывалась какая-то затаённая зависть. Даже когда он повторял: «Я снова хочу попасть на свет. Хочу помогать другим». Тем более, что на нынешнем этапе жизни он был скорее исполнен горечи в отношении общества, которое, по его мнению, больше ничего не могло предложить ему − ни работы, на которой он мог бы проявить себя во всей полноте, ни спутницы, с которою он мог бы разделить свою духовность. Я подсказал несколько тропинок для размышлений. На каждую из моих фраз он отвечал: «Да, но я это уже знаю». Тогда я попросил его лечь поудобнее, надел ему наушники, велел закрыть глаза, дышать глубоко и расслабиться, просто «отпустить себя».

− Позвольте всей вашей горечи и грусти выйти из вас, − сказал я. − Посмотрите, куда это вас поведёт.

Он повиновался. Его тело также приняло участие: кулаки во время сеанса сжимались, он мотал головой в знак отказа.

− «Ты не права, − заговорил он минуту спустя. − Ты не права. Почему ты меня оставляешь?»

Я спросил у него, к кому он обращается.

− «К Колетт, моей последней подруге, − ответил он и продолжал. − Нет, Колетт, это несправедливо. Почему ты от меня уходишь? Я был так добр с тобой. Я всё для тебя делал. Почему ты меня покидаешь? Зачем ты это делаешь?»

− Повторите ваши вопросы ещё, − сказал я, желая увидеть, к чему это может привести.

– «Почему ты меня бросаешь? Почему ты от меня уходишь? – говорил Жерар. – Почему вы меня покидаете? Почему вы ничего не сделаете? Помогите мне!»

– Что там происходит? – говорю я, встревоженный внезапной переменой в собеседнике.

– «Они все... они меня бросили. Они ничего не делают. Они меня предали».

– Но что происходит?

– «За мной пришли солдаты».

– А Колетт?

– «Это уже не Колетт. Это люди из моей деревни. Солдаты пришли за мной, и никто меня не защищает».

– Солдаты угрожают?

– «Нет. Они просто пришли за мной, чтобы арестовать».

Жерар, в своём настоящем, разрыдался:

– «Никто ничего не делает, чтобы меня выручить. Они все меня бросили».

Оказывается, в памяти Жерара возникла его жизнь в XV веке в какой-то деревне. Он был травником, занимался целительством и часто уходил в лес собирать растения и травы. Жил он один, на краю деревни, которая так и не приняла его окончательно как своего, но у него со всеми были хорошие отношения. Однажды в дверь его хижины постучали: то были вооружённые люди в сопровождении священника. Они пришли арестовать его и бросить в тюрьму, основанием для чего послужило формальное обвинение в магии и колдовстве. Затем его допрашивали, но за отсутствием улик не казнили, а поместили в тюрьму. И он умер там после многих лет заключения, изнурённый недоеданием, дурным обращением и болезнью, один в своей темнице.

Этот первый сеанс, помимо того, что он помог Жерару излить сильные эмоции – в особенности печаль – позволил ему также понять, почему в своём настоящем у него было столь сильное желание помогать другим и почему в то же время он никак не мог ни с кем завязать прочных отношений. Мы всё же решили

вернуться к той жизни и во втором сеансе, чтобы попытаться узнать о ней побольше и лучше оценить её влияние на настоящее.

− «Они меня оставляют, − повторил Жерар, переживая тот же эпизод. − А ведь я был с вами, чтобы помогать вам. Вы меня предали...» и т.д.

Кармическая рана, явно, ещё не зажила. Стало быть, мы не нашли изначальную причину. Что же скрывалось за травником-целителем средневековья с его трагической концовкой? − Множество других жизней, в которых повторялся всё тот же сценарий, как мы это вместе обнаружили позднее. В конце первого тысячелетия Жерар оказался женщиной в маленькой деревне на берегу Сены. Деревню эту напрочь уничтожили варвары, пришедшие с севера. В ещё более ранней жизни в VI веке он был одним из первых христианских священников, крестивших язычников в стране, которая сегодня называется Германией. Он пытался учить их и заботился о них, но однажды утром непримиримые саксонцы его закололи. Это был всё тот же сценарий: я вам помогаю, а вы меня предаёте.*

* Читатель, наверное, уже заметил одну особенность, присущую трактовке и изложению темы у современных авторов, особенность, которая так невыгодно отличает их писания от работ Кардека и его последователей, именно: впечатление отсутствия нравственной эволюции в жизни души, а, стало быть, и отсутствие смысла и цели в её существовании и у её бессмертия. Старые авторы неизменно отмечали наблюдающийся у души в ходе её воплощений нравственный прогресс, который при движении вспять, происходящем при регрессии памяти, соответственно представляется как нравственный регресс. Из описаний же сегодняшних исследователей может составиться мнение, будто никакого прогресса в жизни души не происходит, и сегодняшнее её воплощение интеллектуально и нравственно может у них выглядеть намного ниже, чем в существовании, пережитом несколько тысяч лет назад. Читая описания современных авторов с их ссылками на карму − своеобразная дань уважения моде -, погружаешься в *бездушную* и *душную* атмосферу, в которой всё анонимно и безлично, в которой напрочь отсутствует малейшее понятие о Высшем Разуме, о Высшей Воле − всеблагой и справедливой силе, исполненной Доброты, Любви и Заботы к Своим созданиям.

Каждый может увидеть (в том числе и в этих исследованиях, занимаясь ими) лишь то, что он *готов* увидеть. И мы вынуждены снова сказать, что отсутствие должной философско-оккультной подготовки мешает сегодняшним исследователям видеть то, что на самом деле есть, и то, что им в своих исследованиях важнее всего увидеть. За частностями они теряют общее, за домами − не видят города. (*Й.Р.*)

Мы провели ещё последний сеанс, чтобы найти момент, когда это предательство произошло впервые, и узнать, когда, так сказать, был брошен первый камень, замутивший всю череду жизней моего пациента. С учётом всех известных нам звеньев этой цепи я попросил верховное сознание Жерара идти прямо к истоку всего этого. И вот суть того, что мы узнали на этот раз:

Жерар был врачом-иглоукалывателем в Китае во II веке при династии Хан. Он был учеником Лао-Цзы, основателя таоизма, и работал в соответствии с принципами китайской медицины, имевшей уже тысячелетние традиции. Это был врач, котировавшийся высоко, он стремился поддерживать здоровье людей, не допуская появления болезней, которые бы потом пришлось лечить. Жерар описал дом, в котором он жил, свою семью, окружение и способ, которым он обрабатывал акупунктурные меридианы, чтобы позволить жизненной энергии свободно циркулировать в теле. И вот однажды его призвали ко Двору Императора, чтобы он исцелил одного сановника, поражённого болезнью, которую Жерар не мог описать, но которая, по всей видимости, походила на болезнь перерождения вроде рака. Несмотря на все усилия врач-таоист оказался неспособен излечить сановника, и тот умер. И сразу же императорским указом врач был лишён всего имущества и всех прав, включая и право практиковать своё искусство, и брошен в тюрьму. И там, опять-таки, он умер с горьким чувством, что не нашлось никого, кто бы подал голос в его защиту, и что его покинули те, кому он всю жизнь помогал.

Здесь-то и находились кармические корни Жерара: его потребность помогать другим, а также его неспособность делать это из опасения, что такая практика обернётся против него.

Но именно этого ни в одной из своих предыдущих жизней Жерар и не понял. И вот почему он снова и снова, из жизни в жизнь, проходил через ту же схему, неизменно переживая ту же самую драму. В нынешней его жизни тяжесть накопившейся кармы подтолкнула его к духовному раскрытию, которое в конце

концов и позволило ему понять самого себя и выйти за пределы своей кармы.

Этот последний сеанс произвёл исключительно целительное действие на Жерара. Ему вдруг стала очевидна связь между своей нынешней жизнью и изначальной жизнью китайского врача. С плеч его свалилась непомерная и давнишняя тяжесть. С этого мига он начал открываться самому себе и другим. Если раньше он был как слепой, пытавшийся вести других слепых, то теперь он стал ясновидцем, стремящимся повести других к свету, который он различает вдали. У него начали появляться настоящие друзья, и он смог не только свободно общаться с другими людьми, но и жить в общности мыслей со своими единомышленниками.

Два месяца я с ним не виделся. Когда я снова его встретил, он уже значительно изменился. Я провёл с ним ещё несколько сеансов. На последнем он увидел себя рыцарем в Святой Земле. Ему было поручено оберегать от сарацинов странников, направлявшихся в Иерусалим. Он снова пережил свою смерть от стрел сарацинов: он отдал свою жизнь, чтобы защитить жизнь других. Глядя на своё тело, распростёртое внизу, он вновь испытал чувство благородной гордости. Эта жизнь, явно, служила противовесом горечи и отчаянию остальных его воплощений. Самый факт её проявления завершил процесс восстановления равновесия и целостности, который мы провели с Жераром.

Так Мудрость заслонила собой карму. Жерар мог также заняться другими вещами. Он больше не был обязан переживать повторения одного и того же сценария.

Можно заметить, что Жерар сначала увидел все предшествовавшие негативные переживания и только после нашёл что-то положительное. Именно так обычно и бывает в этой работе: первыми в памяти всплывают жизни, которые должны о чём-то сообщить нам. Остальные представятся позже. Это тем более понятно, что обращение к предыдущим жизням чаще всего делается с целью решить какую-то «проблему».

Есть пункт, который я бы хотел уточнить, потому что он не самоочевиден для нашей иудеохристианской ментальности: не следует смешивать карму и нравственность. Карма не наказывает. Она также не даёт воздаяния. Она просто восстанавливает и возмещает. Это закон полной справедливости. Для индусов, как и для тибетцев греха не существует. Бог, сама Любовь и источник всякой жизни, не наказывает созданий Своих. Они сами наказывают себя через своё невежество и незнание. Вся наша работа, стало быть, сводится к тому, чтобы положить конец своему неведению, стать сознательными». (Patrick Drouot, «Des Vies antérieures aux Vies futures. Immortalité et Réincarnation»)

* * *

«В состоянии расширения сознания большинство людей в определённые мгновения оказывается настолько захвачено вновь переживаемыми ими сценами, что совершенно забывает, где они, кто они и т.д. И всё-таки все сознают тот факт, что ощущения, переживаемые ими, не является частью их нынешней жизни. Этот феномен участия, одновременно всеохватного и дистанцированного, быть может, всего труднее для понимания тем, кто непривычен к опытам такого рода. Некоторым образом это напоминает присутствие на футбольном или теннисном матче, либо просмотр фильма. В некоторые мгновения мы оказываемся настолько увлечены происходящим, что совершенно забываем, с одной стороны, то, что сидим в данную минуту в зале или на стадионе, и, с другой, мы реально переживаем все волнения матча или фильма. Точно так же в некоторых особенно ярких сновидениях мы оказываемся способны понастоящему слышать, ощущать вкус, касаться и испытывать эмоции с такой силой, что по пробуждении удивляемся, обнаружив, что всё это было только во сне. Переживания с ощущением полного участия гораздо сложнее снов и

происходят лишь при ясности сознания. Вот, однако, что может помочь пониманию того, как оживают сцены прошедшего.

Читая описание этих сцен, имеющих порой устрашающий характер и завершающихся чаще всего кровью и смертью, можно с полным основанием спросить себя, не является ли сам по себе вызов в сознании событий прошлого травмирующим опытом, пусть бы даже после этого он и оказывал благотворное действие. Но всё как раз наоборот. Большинство людей, вернувшихся в своё прошлое, возвращаются оттуда с ощущением радости и мира. Некоторые сообщают, что почувствовали себя как маленькие дети и что у них было впечатление, будто во время своего путешествия они находились в присутствии чрезвычайно благосклонных существ. Другие говорили, будто у них возникло ощущение, что они совсем близко подошли к «источнику всего сущего», к Богу или к духовным существам. Многие ощущали себя постоянно погружёнными в атмосферу любви. И все эти впечатления нисколько не мешали испытывать отрицательные эмоции прошлого в минуту, когда вновь переживались определённые сцены, но эта минута всегда была всего лишь этапом в общем процессе раскрытия сознания.

Почти во всех случаях люди возвращаются из своего путешествия в сознание с лучшим пониманием самих себя, своих целей и задач в жизни. Некоторые говорят, что они действительно почувствовали, что существуют вечно, что некоторая часть их всегда существовала и будет существовать вечно. К другим тогда приходило сознание того, что у них есть душа и что именно эта душа побуждала их к прохождению через тот или иной опыт, придавая таким образом определённый смысл каждой из отдельных жизней. Такое осознание приходило к ним глобально и мгновенно, подобно вспышке молнии; по мнению всех, кто пережил такое расширение сознания, этот опыт радикально изменил их взгляд на жизнь, сделав его шире, глубже и прекраснее.

Через много недель после работы, которую мы с ним совместно проделали, Жорж, бывший пират, сказал мне, что теперь он ясно понимает, что у него есть душа. То есть ему, конечно,

говорили об этом с самого раннего детства, но всё равно душа оставалась для него чем-то смутным и совершенно абстрактным. И лишь во время путешествия в прошлое подлинное знание о своей душе пришло к нему во вспышке интуитивного озарения». (Patrick Drouot, «Des Vies antérieures aux Vies futures. Immortalité et Réincarnation»).

* * *

Однако обратимся снова к писаниям спиритов.

«Свидетельства, поступающие из мира незримого столь же изобильны, сколько и разнообразны. Множество духов в своих сообщениях не только утверждают, что неоднократно жили на земле, но есть среди них и такие, которые заранее рассказывают о своих грядущих воплощениях. Они указывают свой будущий пол и время рождения, дают указания касательно своего физического облика и моральных качеств, что и позволяет узнать их по их возвращении в наш мир. Они предсказывают или излагают особенности своего предстоящего существования, которые смогли быть впоследствии проверены.

В январском за 1911 год номере журнала «Filosofia della Scienza», выходящего в Палермо, напечатан в высшей степени интересный рассказ об одном из таких случаев перевоплощения, который мы сейчас и предложим Вашему вниманию. Пишет д-р Кармело Самона из Палермо, глава той семьи, в которой произошли описываемые события.

«15 марта 1910 года у нас умерла дочь, которую мы с женой обожали. Отчаяние моей супруги было таково, что я временами боялся за её рассудок. Через три дня после смерти Александрины моя жена видела сон, в котором, как она считает, наш ребёнок сказал ей: «Мама, не надо плакать, я тебя не покинула. Я не только сейчас с тобой рядом, но и вернусь к тебе снова как ребёнок».

Ещё через три дня повторение этого же самого сна. Бедная мать, боль которой ничто не могло ослабить и которая в ту пору не имела ни малейшего понятия о теориях современного спиритуализма, усматривала в этих снах лишь новый повод для обострения своих страданий.

Однажды утром, когда она по своему обыкновению предавалась горести, в дверь комнаты, в которой мы находились, постучали (три коротких сухих удара). Дети, бывшие тут же, подумали, что это пришла моя сестра, и побежали открывать дверь со словами: «Входите, тётя Каролина!» Велико же было удивление всех нас, когда мы убедились, что никого не было ни за дверью, ни в соседней комнате. Тогда мы и решили провести дома типтологические сеансы в надежде на то, что, может быть, так мы получим какие-то разъяснения по поводу таинственных слов и стука в дверь, мысль о котором не давала нам покоя. Как потом оказалось, нам предстояло прозаниматься этими опытами в течение трёх месяцев, причём с большой регулярностью.

Уже на первом сеансе у нас проявились две духовные сущности: одна назвалась моей сестрой, другая − нашей дорогой дочерью. С помощью стола эта последняя подтвердила нам своё появление в обоих снах моей жены и сказала, что в дверь тогда постучала тоже она. И ещё она повторила матери: «Не переживай, мама, ты родишь меня опять, и это произойдёт до Рождества». Предсказание было встречено нами с тем б*о*льшим недоверием, что несчастный случай, за которым 21 ноября 1909 года последовала операция, делал возможность новой беременности у моей жены невероятной. И однако 10 апреля у неё возникло первое подозрение в том, что она беременна. 4 мая наша дочь опять проявилась с помощью стола и дала нам новое предупреждение: «Мама, в тебе есть ещё и другая». Поскольку мы не поняли этой фразы, то вторая сущность, которая, по видимости, всегда сопровождала нашу дочь, подтвердила это, дав такой комментарий: «Малютка не ошибается: ещё и другое существо развивается в тебе, моя дорогая Адель».

Сообщения, последовавшие за этими, подтвердили данные заявления и даже уточнили их, объявив, что дети, которые родятся, будут девочками; что одна из них окажется похожа на Александрину и будет даже немного красивее, чем она была прежде. Невзирая на упорное недоверие жены, дело, по видимости, принимало обещанный оборот, ибо в августе доктор Кордаро, знаменитый акушер, предсказал рождение двойни.

И вот 22 ноября 1910 г. моя жена родила на свет двух девочек, совершенно не похожих одна на другую. Одна из них чертами воспроизводила весьма специфические физические особенности, характеризовавшие физиономию Александрины, а именно: гиперемию левого глаза, незначительную себорею правого уха, наконец, незначительную асимметрию лица».

В поддержку своих заявлений д-р Кармело Самона приводит свидетельства своей сестры Самона-Гардини, профессора Уили, г-жи Меркантини, маркиза Натоли, княгини Нискоми, графа ди Ранкилейле, которые все были в курсе событий по мере их развития и спиритических сообщений, полученных в семье д-ра Кармело Самоны.

По прошествии двух с половиной лет после рождения этого ребёнка д-р Самона писал в «Филозофия делла шенца», что сходство Александрины II с Александриной I за это время лишь подтвердилось, не только в физическом плане, но и в особенности в моральном. То же спокойствие и те же спокойные игры, те же ласки с матерою, те же детские страхи, выражаемые теми же словами, та же непреодолимая склонность пользоваться левой рукой, та же манера коверкать имена окружающих. Как и Александрина I она открывает шкаф для обуви всякий раз, как может проникнуть в ту комнату, где он стоит, она обувает тогда одну ногу и триумфально обходит комнату, как когда-то прежде. Словом, она полностью воспроизводит поведение Александрины I в соответствующем возрасте.

Ничего подобного не замечено у Марии Паче, её сестры-близнеца.

Нетрудно понять, каким весом обладает этот случай, в котором наблюдение на протяжении ряда лет проводится столь ком-

петентным исследователем, как доктор Самона». («Annales des Sciences psychiques», N7, 1913.)

* * *

Г-н Друо отмечает, что «те, кто любили друг друга в прошлом, часто встречаются из одной жизни в другую, снова и снова. Это одна из самых поразительных особенностей, с которой сталкиваешься, изучая прошлые жизни.

Люди, с которыми вы чувствуете себя связанными мощной связью в настоящем существовании, были близки вам в предыдущей (или предыдущих) жизнях. Вы могли быть родителями и детьми, друзьями, возлюбленными, и если вы чувствуете глубокую внутреннюю связь с другим человеком, если человек этот как бы продолжение вас самих, тогда велик шанс того, что вы любили друг друга прежде, что вы жили бок о бок ранее, шли по пути жизни, страдали и смеялись вместе − в другое время, в другом месте, в другой физической форме. Вибрации любви затрагивают самые основы нашего существа, ибо оне − самая могучая сила во Вселенной. Именно она заставляет вращаться солнца, движет соками в деревьях, благодаря ей ребёнок становится взрослым. И она беспредельна и вечна. Так и с любовью, соединяющей двух людей: она всегда была и будет всегда. Ни время, ни пространство, ни смерть над нею не властны и не могут разделить тех, кто познали друг друга и продолжают вновь и вновь встречаться в теченье веков. Они всегда будут единым целым. Все те, кто в состоянии расширенья сознания снова переживают старый союз со спутницей или спутником нынешней своей жизни, с необычайной силой ощущают и соответственно говорят, до какой степени здешняя воплощённая любовь всё ещё остаётся лишь бледной копией того соединения, что сочетает две их души в мирах потусторонних.

Нередко люди спрашивают меня: «Сколько жизней можно прожить рядом с любимым?» Мне хочется всегда ответить:

«Столько, сколь капель воды падает на землю, когда идёт дождь». Но я понимаю, что и это преуменьшение. И всё же не все наши жизни проходят рядом с близкой нам душою. Есть среди наших существований и такие, когда влюблённые не встречают друг друга, когда каждый продолжает свою эволюцию и, со своей стороны, завязывает глубокие связи с другими существами, другими душами. Но рано или поздно, извечные пары составляются вновь, души-близнецы снова встречаются, что между прочим нередко происходит в критические мгновения их жизни. Дело в том, что, как известно, каждый «выбирает» себе (в кармическом смысле) переживания и испытания, через которые он должен будет пройти в течение разных своих жизней, и это позволит ему мало-помалу преодолеть свои отрицательные установки и прошлые страхи. То же применительно и к переживаниям любви и брачной жизни. Мы «избираем» их, потому что они необходимы нам для продвижения нашего к цели человеческой любви: физическому и духовному союзу, основанному на безотносительной любви и уважении к Другому. Несовместимости, сцены, самые разрывы и расставания при таком взгляде предстают не как потерпленные неудачи, но скорее как этапы, можно сказать, временные периоды «ученичества», необходимые порой, чтобы преодолеть страх и мало-помалу понять глубокий смысл слов «союз», «единство».

Мне часто вспоминается одна пара с Востока Франции. Он и она были женаты уже десять лет, у них было два малолетних ребёнка. И они, как только познакомились, жили в странном отношении «любви-ненависти». Я провёл для них совместную регрессию в прошлое, что, надо сказать, делаю весьма нечасто, в результате они оказались в жизни, в которой любили друг друга в Древнем Риме. Он был патрицием, она − рабыней. Он соблазнил её, и в результате их преступной связи девушка произвела на свет ребёнка, которого она в конце концов бросила в колодец. Я не знаю, сколько совместных жизней они ещё прожили после Рима, но ясно, что между ними сохранялись остатки первоначальной связи. Факт осознания всего этого позволил им вскоре преодолеть отрицательные последствия их отношений в прошлом, углу-

бив при этом соединяющую их связь». (Patrick Drouot, «Des Vies antérieures aux Vies futures. Immortalité et Réincarnation»).

* * *

Не одни только влюблённые соединяются по ту сторону временных границ. Друзья, братья и сёстры, родители и дети − товарищи былых жизней − все они также обретают друг друга, светлые отголоски прошлого, звучащие в настоящем. Относительно часто оказывается, что члены одной и той же семьи воплощаются вместе, хотя при этом родственные связи зачастую и оказываются перевёрнутыми: отец или брат становится сыном, мать или сестра − дочерью, и т.д.

Г-н Варколлье, парижский инженер-химик, приводит следующий факт в февральском номере журнала «Ревю сьянтифик э мораль» за 1920 год.

«С г-жой де Б***, принадлежащей к аристократической семье роялистских взглядов, меня познакомила моя родственница, г-жа Виру. Во время войны мадам де Б*** потеряла горячо любимого сына; у неё остались ещё и другие дети, среди каковых дочь, вышедшая замуж и о которой и пойдёт речь в дальнейшем. Подробности, связанные с этим случаем, известны всем друзьям г-жи де Б***, так как оне сообщались им по ходу развития событий. Её сын, ушедший добровольцем на фронт в самом начале войны, быстро дослужился до звания младшего лейтенанта, но был убит в одной из атак. Мать видела сон, в котором ей было точно показано место возле железнодорожной насыпи, где было погребено тело её сына. Благодаря этому сну она смогла отыскать останки своего ребёнка и перезахоронить их на кладбище в соседнем селении.

Несколькими месяцами позже она увидела другой сон, в котором появился её сын и сказал ей: «Мама, не плачь, я скоро вернусь, правда, не у тебя, а у моей сестры». Она не поняла смыс-

ла этих слов; но у дочери был похожий сон, в котором она увидела брата, вновь ставшего ребёнком, за игрой в своей комнате. Ни та, ни другая не верили в перевоплощения и едва знали об этом. У дочери г-жи де Б*** не было детей, и она очень переживала из-за этого. Но вскоре после того сна она забеременела.

В ночь накануне родов г-жа де Б*** вновь увидела во сне сына. Он опять говорил с ней о своём возвращении и показал ей черноволосого младенца, которого она без труда узнала, когда несколькими часами позже взяла его на руки. Тысячи психологических мелочей и любопытные особенности характера убедили г-жу де Б*** в том, что этот ребёнок − действительно её перевоплотившийся сын. При этом она утверждает, что ранее никогда не верила в перевоплощения. Католичка с самого рождения и по своему происхождению, она, при всей своей симпатии к духовенству, до этого была, по её признанию, совершенно неверующей, чтобы не сказать атеисткой, и никогда не общалась ни со спиритами, ни с теософами». («Revue scientifique et morale», février, 1920).

* * *

Следующий пример гораздо длиннее прочих. Мы так подробно останавливаемся на этой истории, потому что она очень трогательна и поучительна: история эта свидетельствует о кармической силе любви, которая может соединять две души в течение бесконечного периода времени. Она, помимо того, показывает, как, собственно, действует карма. Итак, перед нами двое влюблённых, которые в последнем воплощении зовутся Пьером и Луизой.

Если придерживаться материалистических представлений о жизни, которые сегодня разделяет большинство человечества, то о каждом из эпизодов этой драмы можно было бы сказать строфой Шекспира: «Нет повести печальнее на свете...» − и слова эти

прозвучали бы как удары молотка по крышке гроба. Но знающие о законе реинкарнации и, соответственно, о разворачивающейся перед нами перспективе множественности существований, воспримут эту повесть совершенно иначе: они увидят в ней для двух влюблённых несомненный повод для надежды и обещание невыразимо и невообразимо счастливых дней, лет и жизней в бесконечном будущем. Патрик Друо поместил эту историю в своей книге «От жизней предшествовавших к жизням грядущим. Бессмертие и Реинкарнация».

Когда автор рассказа познакомился с героем своей повести, он не мог представить себе, во что выльется их знакомство. В ту пору автор был уже известным исследователем регрессии. И вот когда у него завязались с Пьером*** дружественные отношения, тот впервые и рассказал ему начало этой истории, вернее, тот кусок её, который перевернул его нынешнюю жизнь. Это была любовь, вспыхнувшая у него к женщине по имени Луиза.

− Я уже пять лет её не видел, но не перестаю думать о ней дни напролёт. Она всё время у меня в голове. Иногда мне кажется, что я вижу её на улице, и сердце у меня начинает бешено колотиться. Достаточно какой-то вещи или детали напомнить о ней, и в голове у меня тут же начинает прокручиваться целый клубок вопросов: где она сейчас? думает ли она обо мне? и т.д. И однако же я люблю свою жену. Я даже часто говорил себе: если б сегодня у меня была возможность начать всё с начала с Луизой, я сказал бы «нет». Я не хочу отказываться от того, что я мало-помалу построил со своей женой. Но мне хотелось бы понять истоки этого одержания, почему мысль о Луизе так неотступно меня преследует.

Г-н Друо высказал тогда предположение, что причина, должно быть, заключается в существующей между ними кармической связи.

− Значит, ты считаешь, что у нас будет шанс вновь встретиться в следующей жизни? − спросил Пьер.

− Души, соединённые кармической связью, зачастую воплощаются в одно и то же время, чтобы работать вместе и учить-

ся друг у друга, − ответил г-н Друо. − Это, как я считаю, относится не только к супругам, но и к друзьям, родителям и детям, и даже − к целым группам людей.

Пьер согласился, у него было смутное ощущение, что так оно и есть. Но он колебался, стоит ли предпринимать «путешествие» в свои прошлые жизни, чтобы отыскать там причину своей одержимости Луизой. Для начала он подробно рассказал свою историю.

− Случилось это шесть лет назад. Мне было тридцать лет, и я работал в одной фирме инженером-наладчиком реализованной продукции. Мы заключили выгодный контракт по продаже оборудования с концерном в Бургундии, и я часто приезжал туда, чтобы следить за сборкой и наладкой машин. Иногда мне приходилось задерживаться там на несколько дней. Так я и познакомился с Луизой. Дочь испанских переселенцев, она работала секретаршей у одного из патронов бургундского предприятия. Ей было ровно 19 лет. Она была необычайно красива: длинные чёрные волосы, смуглая кожа, большие глаза. Когда я в первый раз увидел её, у меня был шок. Я был уже женат: я женился, когда закончил инженерную школу. У меня был сын. Но у меня с женой не всё ладилось. Мы много и постоянно спорили: вкусы наши не совпадали, всё было проблемой и превращалось в драму: куда поехать на каникулы, когда вставать и т.д. Короче говоря, частые поездки в Бургундию стали для меня необходимой отдушиной. И вот однажды вечером, будучи там, я случайно встретил Луизу, когда она уходила с работы. Было довольно поздно. Она задержалась, чтобы закончить срочную работу. Я пригласил её в кафе на рюмку вина. Она немного поколебалась, а потом приняла моё приглашение. В кафе, как это водится, мы болтали о пустяках. Чем больше я с ней говорил, тем сильнее меня влекло к ней. Мы обнаружили, что у нас много общего. Нам нравилось одно и то же, мы смеялись в тех же самых местах... Я уже сказал, что мои отношения с женой складывались не лучшим образом. В течение многих лет моя супружеская жизнь была поводом для бесконечных разочарований, но несмотря на это, я ни разу не изменил

жене. Но в тот вечер, расставшись с Луизой, я заметил, что не могу перестать думать о ней. На следующий день я уехал в Париж, и всю дорогу, пока я вёл машину, образ Луизы стоял у меня перед глазами. И мне от этого было и радостно, и грустно.

Через две недели я вернулся в Бургундию, чтобы проконтролировать работы, которые вступили в завершающую стадию. Мы почти закончили монтаж агрегатов, и пора было приступать к испытаниям, которые предшествовали уже вводу нашего оборудования в действие. Я был страшно занят, и у меня совсем не было времени встретиться с Луизой, с которой я мог только обменяться парой слов у дверей её шефа. И всё-таки однажды я предложил ей позавтракать в кафе, и она согласилась. За завтраком я снова почувствовал глубокое и непреодолимое влечение к ней. Я вполне отдавал себе в этом отчёт: я был на пути к тому, чтобы безумно влюбиться в Луизу. Моя командировка должна была продлиться ещё две недели. Два-три раза я снова приглашал её вечером после работы в кафе. В один из таких вечеров, когда мы бок о бок шли по улице, я обнял её. И она сразу же ответила мне. И затем призналась: она разделяла мои чувства и тоже страдала от того, что не может свободно со мной встречаться, поскольку я женатый мужчина.

В субботу утром я вернулся в цех, чтобы пробыть там полдня, так как сборочная группа работала также по выходным. Вечером мы с Луизой наметили совместный ужин, и, конечно же, произошло то, что должно было произойти. Я и не представлял себе, что физическая близость может быть настолько сильным и сокрушительным переживанием. С этой минуты я проводил с Луизой каждую свободную секунду. Вскоре я должен был вернуться в Париж. Всё переменилось в моём сознании. На этот раз я встретил свою супругу с чувством, мне ранее не ведомым − чувством вины. Я стал тем, кто притворяется, − я, которому так хотелось кричать, что я люблю Луизу. В последующие недели я не раз отправлялся в Бургундию. Однажды, вернувшись в Париж, я во всём сознался жене. Меня мучили угрызения совести, и я смутно отдавал себе отчёт в происходящем. Жена уже и прежде

догадывалась, что что-то не так. Произошла сцена. Я был готов к этому. Затем она забрала с собой сына и уехала к родителям. Через несколько дней она вернулась, но потом опять уехала. Я не покидал Парижа, но каждый день звонил Луизе.

А в Бургундии в это время развёртывалась другая драма. Луиза открылась родителям, с которыми она ещё жила (как я сказал, это была совсем молодая девушка). В её глубоко католической семье испанских эмигрантов держались строгих правил. Родители Луизы крайне отрицательно отнеслись к случившемуся, а вместе с ними и всё ближайшее окружение Луизы − её братья, сёстры и даже подруги. Как? женатый мужчина, к тому же с ребёнком и на 12 лет старше её! И с той поры Луиза находилась под постоянным давлением. Она также не вполне отдавала себе отчёт в происходящем. А со мной было и того хуже. Моя супружеская жизнь превратилась в повседневный ад, но я был очень привязан к сыну и, в определённом смысле, у меня сохранились чувства к жене. Но я понимал, что в ней растёт неуверенность в завтрашнем дне. Мы не были богаты, но я в конце концов начал получать жалованье, которое позволило ей оставить работу и заняться воспитанием нашего сына. И если бы я ушёл от неё, то что с нею бы стало? Это никоим образом не могло оставить меня равнодушным. Но была Луиза. Каждый раз, как я вновь видел её, были те же объятия, то же единство, но теперь мы оба страдали от чувства вины, и мы стали задаваться вопросом, есть ли у нас будущее?

Был конец весны. Наладка машин заканчивалась, всё было готово. Я предложил Луизе уехать со мной. Мы начали бы вдвоём новую жизнь. Нужно было, чтобы она поехала со мной. Но в тот момент у неё не было душевных сил уехать. Я вернулся к своей парижской жизни. Через несколько месяцев, совершенно отчаявшись, я бросил всё и переехал жить на север Франции. Не для того, чтобы увеличить число километров, отделяющих меня от Луизы, так как это в конечном счёте ничего бы не дало: мысленно она постоянно была во мне, но я попросту надеялся, что там она согласится ко мне присоединиться. Но она не смогла сразу же решиться на такой шаг. Я ждал её. Мы почти каждый день пере-

званивались. Прошёл год. Мы с женой развелись. Подавленный и унылый я жил в своей квартире один. Это был какой-то кошмар! Тогда-то я и встретил ту, которая стала моей сегодняшней женой. Очень умная и великодушная молодая женщина. Я видел её несколько раз. Между прочим, на севере мне подвернулась очень интересная работа. Я больше не был таким несчастным. И я вдруг решил жениться на этой женщине. Мы были женаты не более месяца, когда мне позвонила Луиза и сказала, что она наконец решилась уйти из дома и что она теперь свободна. Слишком поздно! Смириться с этим было нелегко: несколько месяцев мы ещё продолжали перезваниваться. Затем начали звонить друг другу всё реже и реже... Но всеми фибрами души я оставался привязан к ней. Всякий раз, разговаривая с супругой, я думал о Луизе и о том, что мы могли бы жить вместе. Моя жена была беременна. Я прекрасно понимал, что не могу всю жизнь жить, оглядываясь назад. Затем Луиза сообщила мне, что она, в свою очередь, тоже выходит замуж. Больше я о ней почти ничего не слышал. Моя жена сильно помогла мне. Наши отношения прочные, но в глубине души я постоянно ощущаю грусть и горечь: почему мы с Луизой не смогли прожить жизнь вместе?

Несколько лет назад моя фирма направила меня на работу в свой парижский офис. Вот я снова здесь. Всё вернулось на круги своя. Мне сорок лет, и я сказал себе, что ещё есть время во всём разобраться. Потому что я чувствую, как эта история мешает мне углубить свои отношения с женой.

Таков был рассказ Пьера***. Г-н Друо встретился с Пьером через несколько дней, и тот был полон решимости предпринять путешествие в прошлые жизни. После обычной психофизической подготовки исследователь обратился к высшему сознанию субъекта:

− В своей нынешней жизни вы встретили, узнали и полюбили Луизу. Если вы уже встречались в какой-то другой жизни, в каком-то другом месте, то мы сейчас отправимся прямо туда.

И исследователь провёл субъекта сквозь временной туннель и, когда тот увидел себя в окружении белого света, спросил его:

– Что вы видите? Вы в помещении или на улице?

– «Это замкнутое пространство. Большой зал. Очень много света».

– Вы один?

– «Нет. Много народу. У меня такое впечатление, что я на торжественном приёме. Все люди одеты в вечернее платье. Повсюду подсвечники. Я слышу также музыку: похоже на клавесин».

Исследователь просит субъекта сосредоточиться на самом себе, мысленно пройтись по себе руками и узнать – мужчина он или женщина. Пьер выполняет приказание и говорит:

– «Я мужчина. Я чувствую, что у меня высокий рост и незаурядная сила. На мне надета какая-то униформа с брандебурами и чёрные сапоги».

– На какие мысли это вас наводит?

– «У меня впечатление, что я офицер в армии Наполеона».

– Есть ли с вами также другие офицеры?

– «Да, есть несколько офицеров».

– Я бы хотел, чтобы вы теперь сосредоточились на людях, собравшихся там. Каковы они из себя? Опишите их.

– «Мужчины во фраках, женщины в широких платьях. Среди них есть одна... Волосы у неё собраны на затылке в пучок. У неё матовая смуглая кожа и чёрные волосы».

– Что вы теперь чувствуете, описывая мне эту женщину?

– «Это Луиза! Я уверен, что это она».

– На какие мысли наводит вас этот приём? Где, по-вашему, вы находитесь?

– «В Испании. Мы во время войны с Испанией. Это приём у знатных испанцев. Здесь несколько офицеров Наполеона».

– И вы – один из них?

– «Да, именно так».

– Как, по-вашему, относятся к вам испанцы?

– «Они любезны, но несколько отчуждены. Мы для них – захватчики».

– Продвинемся во времени немного вперёд и посмотрим, что произойдёт в этот вечер.

– «Я разговариваю с той молодой женщиной».

– Как её зовут? Пусть имя проступит в вашем сознании.

– «Мария».

– О чём вы говорите?

– «Ни о чём особенно. Мы просто болтаем».

– Что вы чувствуете по отношению к этой особе?

– «Влечение. Она очень красива, но ведёт себя весьма сдержанно. С мужчиной не говорят в такой манере».

– В какой манере?

– «Женщина не может говорить одна с мужчиной. Мария была воспитана в самых строгих правилах. Как и все молодые знатные испанки».

– Но вы не одни! Вокруг вас полно народу!

– «Это не имеет значения. Она не может долго говорить со мной».

– Приблизимся к концу этого вечера. Что происходит теперь?

– «Люди уходят. Мы тоже. Я вижу, как Мария уходит вместе с родителями и старшим братом. Мы возвращаемся в казарму, я думаю только о ней. Меня поразила красота её лица. В нём есть что-то особенное».

– Продвинемся вперёд. Вы видели её ещё?

– «Я в маленьком тёмном переулке. Мария здесь, и в нескольких метрах от нас её дуэнья».

– Вы хотите сказать что она пришла на это свидание тайком, в сопровождении доверенного лица?

– «Да, именно так».

– Что вы говорите друг другу?

– «Я говорю ей, что люблю её и что хотел бы снова её увидеть».

– Как реагирует Мария?

– «Она очень волнуется. На глазах у неё слёзы. Она говорит, что между нами ничего невозможно».

– Что вы теперь будете делать?

– «Я не знаю. Я думаю только об одном: увидеть её опять. Снова и снова. Бежать с нею».

– Ещё немного продвинемся во времени, к концу этой истории.

Субъект начинает ворочаться на диване, по всей видимости, он сильно взволнован.

– «Мария больше не может выходить из дому. Мы больше не видимся. Родители её решили, что она уйдёт в монастырь».

– У вас были более личные отношения с нею?

– «Нет. Но мы любим друг друга, и она дома призналась в этом. Поэтому её и отправляют в монастырь».

– Что вы собираетесь делать?

– «Я хотел бы бежать с нею. Вернуться во Францию или ещё куда-нибудь».

– Но ведь вы офицер Наполеона, и вы на войне!

– «Да, именно поэтому я не знаю, на что мне решиться. Я во власти безумия. Я всё время думаю о ней, её образ преследует меня. И я не могу её видеть! Я пытаюсь передать ей записку. Она взаперти».

Г-н Друо говорит:

– Я буду считать до трёх, и мы окажемся в конце этой истории. Мы узнаем, удалось ли вам бежать вместе с Марией или в конце концов вам пришлось расстаться.

Оператор считает до трёх.

– «Ночь, – говорит субъект. – Я брожу вокруг дома Марии. Я очень часто прихожу сюда и смотрю на дом, в котором она живёт. Подходят какие-то люди. Их трое».

– Что вы чувствуете?

– «Я чувствую опасность. Но, странное дело, это не ночные грабители. Они подходят ко мне. Один из них быстро обнажает длинную шпагу. Я не успеваю защититься. Боль пронзает мне грудь. Это брат Марии! Я узна*ю* его. Я падаю на землю. Остальные убегают».

– Что вы чувствуете теперь?

Субъект плачет.

– «Я умираю. Всюду кровь. Мне плохо. Я совсем один. Она в нескольких метрах от меня, а я умру здесь, так и не повидав её!»

– Я буду считать до трёх, а вы оставите это тело там, где оно лежит. Вы совершите переход, после того как тело умрёт. Давайте, оставьте это тело. (Оператор считает до трёх.) Что вы теперь чувствуете?

– «Я парю в воздухе».

– А ваше тело?

– «Я вижу его. Оно внизу. Лежит недвижимо. Мне видно также бегущих к нему людей, а я всё поднимаюсь и поднимаюсь».

– Очень хорошо. Теперь вы можете найти связь между историей французского офицера с Марией и историей Пьера и Луизы?

– «В обоих случаях их разделила Испания: социальные и культурные принуждения. Им не было позволено любить друг друга».

Исследователь постепенно возвращает Пьера в его сегодняшнее сознание.

– Как ты себя чувствуешь? – спрашивает он.

– Какое путешествие! Это была она, я уверен! И всё-таки это не Луиза, у неё было совсем другое лицо. Единственное, что меня смущает, это то, что мы в конце концов не так уж много виделись и в этой жизни!

– Причина у этого, несомненно, кармическая. На следующем сеансе, если хочешь, можно попробовать проникнуть ещё дальше.

Затем Патрик спросил у Пьера, не видит ли он ещё каких-нибудь соответствий между своей жизнью и жизнью наполеоновского офицера.

– Нет, ничего особенного. Кроме, пожалуй, того, что меня всегда привлекала к себе наполеоновская эпоха. Я даже ездил в Бельгию, на поле Ватерлоо.

– А какие соответствия ты усматриваешь со стороны Луизы?

– Мария и Луиза – обе испанки! Но мне кажется, что есть и ещё что-то. Луиза получила очень строгое религиозное воспитание, и она говорила, что не выносит религии, потому что та ско-

вывает её свободу. А Мария, кажется, была заточена в монастырь. Может быть, в нём она и закончила свои дни?

Второй сеанс состоялся две недели спустя. Оператор говорит, обращаясь к высшему сознанию субъекта:

– Вы снова вернётесь назад во времени. Вы отправитесь очень далеко, в ту эпоху, когда вы и женщина, которую вы знаете в этой жизни как Луизу, встретились впервые. Идите к какому-нибудь важному событию, которое позволит вам твёрдо встать на почву в той жизни, если, разумеется, такая жизнь существует. Что вы видите? Где вы?

– «Я на корабле».

– В море?

– «Да, но совсем рядом я вижу берег».

– Есть ли рядом с вами на корабле и другие люди?

– «Да, нас приблизительно человек пятнадцать».

– Вы мореход или пассажир?

– «Я солдат. Это маленький корабль, перевозящий солдат. У нас копья. У меня на голове шлем со своеобразным белым гребнем, спускающимся на затылок».

– Как выглядит море? Как выглядит местность?

– «Всё очень красиво. Море и небо голубые. Прекрасная погода. Я чувствую себя очень хорошо».

– Вы на войне?

– «Нет, всё, напротив, очень спокойно. У меня впечатление, что это просто обычная дозорная поездка по морю. Мы возвращаемся. Я вижу белый город с какими-то низкими холмами и гаванью».

– Что это вам напоминает?

– «Может быть, Ближний Восток, а, может быть, Грецию».

– Приблизимся к минуте, когда вы причаливаете к берегу.

– «Царит большое оживление. Повсюду кипит жизнь! Торговцы, лавки, дети, собаки. Цвета очень живые, яркие. Очень похоже на ближневосточный базар».

– Что вы теперь делаете?

– «Мы идём по городу и входим в казармы. Там упражняются гоплиты».

– Постойте, вы сказали, будто вы на Ближнем Востоке. Откуда там гоплиты?

– «Мне теперь уже кажется, что мы в Греции. Я думаю об Александре. Да, я – солдат Александра».

– Но сейчас не идёт война?

– «Нет, но ходят слухи о готовящихся далёких походах. Александр собирается двинуть свою армию».

– Вы простой солдат или офицер?

– «Я не простой солдат, но и не офицер. Наверное, это можно назвать «унтер-офицером». Я знаю, что только что командовал баркасом с дюжиной солдат на борту».

– Как вы себя чувствуете?

– «Чувствую себя хорошо. У меня нет разлада с самим собой. Мне хорошо в этой жизни, в этом краю».

– Идите туда, где вы живёте.

– «Я живу здесь, в этом подобии казармы. Это моя семья. Я у себя дома».

– Я хочу, чтобы вы сосредоточились на себе и сказали мне, в каком периоде своей жизни вы находитесь.

– «Я чувствую, что молод, мне порядка 20-25 лет. Я чувствую себя в прекрасной форме. Всё хорошо. Здесь очень весело: люди, белые дома...»

Исследователь решает передвинуть воина Александра Македонского немного вперёд:

– Направьтесь к тому моменту, в который должно произойти нечто важное.

– «Я в маленьком городе у основания холма. Видно море. Очень красиво. Растут оливковые деревья. Я вижу, как люди поднимаются к храму».

– Что вы делаете?

– «Я вместе с двумя другими солдатами, и мы тоже идём к храму. Мне кажется, мы идём воздать благодарение богам. Толком не знаю».

– Подойдём к храму.

– «Я стою в группе людей у подножия ступенчатой лестницы. На верхних ступенях возвышается жрец. Он одет в длинную тунику и обращается к толпе. У него внушительный облик, это – верховный жрец. Он говорит о богах и о том месте, из которого мы пришли все. Он говорит также о Великом Переходе».

– Вы хотите сказать о «смерти»?

– «Да».

– Есть ли рядом с жрецом другие люди?

– «Да, молодые девушки, оне сидят. И тоже слушают великого жреца».

– Вы знаете, кто оне?

– «Это весталки. Оне воспитаны в храме. Оне заботятся о храме и чтят богов. Некоторые из них развили в себе дар ясновидения».

– Их много?

– «Порядка дюжины».

– Опишите их мне.

– «Оне все одинаково одеты, в белых туниках. У них распущенные волосы. Некоторые украсили себе волосы маленькими цветками. Это очень красиво».

– Что вы чувствуете по отношению к этим девушкам?

– «Ничего, кроме уважения. Это весталки из храма. Оне девственницы, посвящённые богам. Я вижу одну из них, сидящую возле жреца в глубокой задумчивости. Наши взгляды встретились. Это как удар молнии. У меня впечатление, что на какой-то миг мне открылся мир богов».

– Продвинемся немного вперёд и посмотрим, что происходит.

– «Осталось мало народу. Солнце клонится к горизонту, и мы начинаем спускаться с холма. Жрец всё время там, и весталки возле него».

– Оне проведут свою жизнь в храме?

– «Часть из них останется здесь, а другие уедут в иные храмы. Некоторые станут прорицательницами: боги будут говорить

их устами, и оне будут пророчествовать. Мне бы хотелось ещё встретиться взглядом с той девушкой».

– Вам позволено с ними разговаривать?

– «Да, мы можем говорить с ними, но не сближаться с ними, в обычном смысле этого слова».

– Посмотрим, не произойдёт ли ещё что-нибудь? Вы говорили, что ходят слухи о войне и походах. Направьтесь к событию, которое позволит нам глубже погрузиться в эту греческую жизнь времён Александра Великого. (Речь действительно шла об эпохе, когда произошло завоевание долины Инда войсками Александра Македонского.)

– «Я вернулся в храм и нашёл там девушку. И мы говорили».

– О чём вы говорили?

– «О том, о сём. Она очень красива. Она не похожа на других девушек и женщин, которых я знал прежде. От неё веет какой-то необычной силой и вместе с тем мягкостью».

– Каково её отношение к вам?

– «Немного странное. Такое впечатление, что ей непривычно разговаривать с мужчиной. Я рассказываю ей о себе, о своей жизни, о битвах, в которых участвовал. Я говорю ей, что мы очень скоро отправимся далеко-далеко, туда, где солнце садится за горизонт».

– Продвинемся ещё вперёд и попытаемся узнать, встретитесь ли вы ещё с этой девушкой.

– «Ночь. Мы сидим вдвоём у подножия оливы, совсем рядом с храмом».

– Есть ли вокруг вас люди?

– «Нет, у меня впечатление, что мы видимся тайком. Нас сильно влечёт друг к другу. Это сильнее нас».

– Что вы испытываете?

– «Чувство вины. Это весталка, святая девственница. Но я должен снова её увидеть. Мне это необходимо. Мы говорим о богах, о звёздах, о смысле жизни и других вещах, разговора о которых мне никогда прежде слышать не доводилось».

– А она? Как она держится?

– «Она немного смущена, но в то же время ей очень интересно то, что я рассказываю ей о жизни «внизу», о повседневной жизни. Я чувствую, что это очень её привлекает».

– Что вы теперь делаете?

– «Я беру её за руку, и она её не отнимает. Между нами словно пробегает дрожь. Я беру её в свои объятия и целую. Она испугалась, и я тоже. Сердце у меня бешено бьётся. Мне кажется, что мы сошли с ума. Если нас застанут, то нас обоих казнят. Но я знаю, что люблю её. И она тоже любит меня. Перед нами стена. Но я держу её в своих объятиях, и я счастлив».

– Пока она здесь, в ваших объятиях, мне бы хотелось, чтоб вы мне сказали, не знакомы ли вы с этой особой в нынешней вашей жизни?

– «О, да, я знаком с нею. Это Луиза. Это снова она».

– Что вы собираетесь делать?

– «Я не знаю. Думаю, мы собираемся бежать. Это безумие, но мы так и поступим».

– Ещё продвинемся в будущее.

– «Я вместе с ней. Не знаю где. Здесь жарче, чем раньше. Вижу деревья».

– Сколько времени прошло после предыдущей сцены?

– «Может быть, несколько недель, а может, месяц или два. Мы сбежали».

– Что вы делаете?

– «Мы входим в дом. Здесь мы нашли прибежище, немного в стороне от маленькой деревни».

– Как выглядит ваш дом?

– «Очень простой, сделан из соломы и извести».

– Что вы собираетесь предпринять?

– «Не знаю. Мы попробуем жить здесь».

– Продвиньтесь ещё в будущее.

– «Мы всё время в доме. У Арны девочка. Она счастлива».

– Кто это – Арна?

– «Моя жена. Я люблю её».

– Как вы зарабатываете на жизнь?

– «Я рублю лес и делаю деревянные скульптуры. Собираю травы. Мы живём очень скромно, но мы счастливы. Я немного занимаюсь также гончарным делом».

– Вам там спокойно? Вы не подвергаетесь никакой опасности?

– «Мы попрежнему очень осторожны, но я думаю, что опасность уже позади».

– У вас есть какие-то планы?

– «Мы ждём, когда дочурка подрастёт, а потом попробуем вернуться в более значительный город, где бы я мог найти настоящую работу».

– Вы далеко от «города на берегу моря»?

– «Думаю, что да. Мы очень и очень долго шли».

– Продвинемся в будущее и посмотрим теперь, что происходит. Вы всё попрежнему в этой деревне вместе с Арной или уже в другом городе?

Субъект в сильнейшем волнении заворочался на диване:

– «Солдаты! Они пришли за Арной. Их два десятка. Я не могу защищаться. Арна истошно кричит. Из рук у неё вырывают ребёнка. Я пытаюсь броситься к ней на помощь. Они осыпают меня ударами. Они связали Арну. Они уводят её! Я не хочу. Они меня держат. Их трое. Приближается ещё один. Он поднимает меч и пронзает мне грудь. Я падаю. Я кричу. Всё смешалось. Я вижу солдата с ребёнком, кричащим у него в руках, и Арну, которую они тащат. Я чувствую другой ужасный ожог в спине. Всё кончено. Я парю в воздухе над этой сценой. Арна, что они с тобой сделают? Ещё несколько мгновений я остаюсь там, а затем чувствую, что начинаю подниматься. Величайшее спокойствие и мир овладевают мною».

Таким образом, драма невозможной любви между Пьером и Луизой завязалась тогда, между солдатом Александра Македонского и Арной, весталкой, обещанной богам. Здесь и образовалась кармическая связь. Мы не хотим навязывать читателям свою интерпретацию этой истории – им стоит подумать над нею самим.

Завершая рассказ о трагической судьбе двух влюблённых, мы предпочитаем предоставить слово самому автору:

«Вернувшись в своё нормальное состояние, Пьер спросил меня: «Считаешь ли ты, что Луиза и я встречались ещё и в других жизнях, помимо этих двух?»

Я ответил ему, что обязательно должны были быть и другие. В самом деле, мой опыт говорит, что он и она более чем вероятно много раз воплощались в интервале между этими двумя жизнями. И в тех воплощениях у них также было много шансов встретиться. Может быть, в этих жизнях отношения их были иными. Может быть даже, они были тогда родственниками, друзьями или просто случайными попутчиками, а не влюблёнными. Вполне определённо, повидимому, лишь то, что сегодня Пьеру было назначено окончательно развязать свой кармический узел с Луизой.

Вот один из уроков кармы, который рискует показаться весьма суровым и потому заслуживает некоторых комментариев. Прежде всего касательно будущего: смогут ли наконец Пьер и Луиза свободно любить друг друга в будущей жизни или, изжив общую карму, им больше нечего делать вместе?

Я думаю, что, начиная с момента, как пошёл процесс понимания и осознания, есть все шансы для того, чтобы Пьер и Луиза наконец встретились в ближайшем воплощении для приобретения совместного положительного опыта. В конце концов, это то, к чему они стремятся уже столько тысячелетий!

Учитывая сходство положения Пьера и Луизы с положением французского офицера и Марии: он − француз и старше её, она − испанка и воспитана в строгости, в атмосфере, где авторитет семьи непререкаем, и т.д., можно задаться вопросом, а не является ли вся эта история призрачным порождением фантазии Пьера, не есть ли она проекция его настоящей жизни, вычурно выполненная его подсознанием?

Без сомнения, такой вопрос стоило бы задать, но здесь у него нет оснований. Когда человек страстно увлечён Египтом, его культурой, историей, когда он в состоянии расширения сознания рассказывает о своей жизни в Египте, то это не значит, что он

фантазирует, исходя из своих знаний и вкусов, но происходит как раз обратное: потому что он жил когда-то в Египте, он и проявляет в своей нынешней жизни страстный интерес ко всему, что имеет отношение к этой стране. И пока текут века и тысячелетия, люди, места и события встречаются и пересекаются до бесконечности.

Так, подобно Пьеру и Луизе, некоторые люди, которые любят друг друга, которые терзали друг друга в прошлом, продолжают терзаться и сегодня. Происходит это потому, что им необходимо ещё многое узнать, многое понять, чтобы смочь продолжить свою эволюцию. Другие уже совместно достигли точки, из которой сюда не возвращаются. Им предстоит узнать в иных мирах, рядом с другими существами, что такое сущностная вибрация Любви. Третьи продолжают искать друг друга. Но все, каков бы ни был наш личный путь и на какой бы стадии своей эволюции мы ни находились, мы призваны преодолеть свои страхи, чтобы научиться любви. В этом цель нашего существования и именно это искание безусловной любви побуждает нас рождаться ещё и ещё и снова надевать на себя покровы человеческой плоти. Большинство людей не сознаёт этого. И всё-таки многие отчаянно ищут смысла своей жизни. Дело в том, что, как показывает изучение циклов развития человечества согласно восточной традиции, мы в настоящее время завершаем последний век очередного цикла, век железа − мрачную эпоху, когда человек не знает и не желает признавать ничего, кроме земной материальной реальности и когда его судьба вечного влюблённого остаётся ему неведома. Это мир, в котором у любви нет своего места. И у женщины тоже. Вот уже века напролёт женщина, мать, супруга оказывается задвинутой на задний план и ограничена ролью зрительницы. Сколько раз, слушая, как мои «путешественники» рассказывают о «глубине веков», или сам отправляясь в прошлое, испытывал я грусть за наших подруг, матерей, которым мужчины причиняют столько страданий, начиная с войн, истребляющих племя людей, которое оне в таких муках производят на свет. И всё же в наш тёмный век постепен-

но вырисовывается пробуждение сознаний, начинается восхождение к свету, о котором говорят нам легенды. И эти же легенды рассказывают, как люди закрыли себя от духовного мира, рассказывают о порабощении женщины и пренебрежении ценностями, которые она в себе воплощает: легенда об Авалоне или родине женщин и легенда о короле-рыбаке и Граале. Все оне языком символов говорят нам, что возрождение человечества совершается завоеванием другого состояния сознания.

Похоже, что в эти кровавые эпохи человеческой истории решили совместно воплотиться множества существ, знавших друг друга в прошлом. Это истинно как в индивидуальном смысле, так и применительно к целым группам индивидуальностей, обозначаемых по этой причине «кармическими группами». Так оказывается, что все из тех, кто «узнают друг друга», находятся в сокровенном родстве с давно погибшими цивилизациями, к которым они когда-то принадлежали».

* * *

Вернёмся однако к книге Леона Дени «Человек и судьба его в мире этом и ином»:

«После пребывания в развоплощённом состоянии в пространстве,* душа вновь рождается в человеческом мире, принося с собой наследие − хорошее или дурное − своего прошлого. Она возрождается в облике младенца и появляется на земной сцене, чтобы сыграть новое действие в драме своей жизни, рассчитаться по старым долгам, завоевать новые способности и силы, которые облегчат ей её восхождение, ускорят её продвижение к цели.

* Продолжительность пребывания в развоплощённом состоянии бывает самая разная, в зависимости от состояния продвинутости духа. Она может охватывать годы. Как правило, духи одной семьи условливаются о том, что воплотятся вместе и составят аналогичные группы на земле. (*Л.Д.*)

Закон перевоплощения объясняет и дополняет принцип бессмертия. Эволюция человеческой души раскрывает некий план и цель. Эта цель, которая есть совершенство, не смогла бы быть достигнута в течение одного-единственного земного существования, сколь бы длинным и успешным оно ни было. Во множестве жизней души мы должны видеть необходимое условие её воспитания и развития. Через свои усилия, борьбу и страдания она высвобождает себя из состояния невежества и неразвитости и постепенно возвышается − сначала на Земле, а затем и в прочих бесчисленных обителях, рассыпанных по звёздному небу.

Реинкарнация, утверждённая голосами, звучащими из-за могилы, − единственное рациональное обоснование необходимости исправить совершённые ошибки, и лишь она может объяснить постепенность эволюции существ. Ничто без неё не имеет достаточной и полной моральной опоры, без неё невозможны никакие помыслы о Высшем Существе, по справедливости управляющем Вселенною.

Если мы делаем допущение, будто человек в нынешней своей жизни живёт в первый и последний раз, будто уделом каждого из нас является лишь одно-единственное существование на земле, то, чтобы быть последовательным, необходимо признать, что в распределении благ и бед, способностей и свойств, врождённых достоинств и врождённых пороков нет ни смысла, ни толка, ни справедливости.

Почему на долю одним выпадает богатство, постоянное счастье, а другим − нищета, неизбежное несчастье? Одним − сила, здоровье, красота, а другим − слабость, болезнь и уродство? Почему одним в наследство достались ум, гениальность, а другим − глупость и кретинизм? Как такое множество восхитительных нравственных качеств встречается бок о бок с подобным множеством пороков и несовершенств? Почему наблюдается такое различие в расах: одне несовершенны настолько, что кажутся граничащими с животными, а другие облагодетельствованы всеми дарами, гарантирующими им господство? А врождённые болезни, слепота, идиотизм, увечья, все физические, психические и нрав-

ственные безобразия и уродства, заполняющие собой богадельни, дома умалишённых и тюрьмы? Наследственность бессильна объяснить всё. В большинстве случаев все эти беды не имеют никакого объяснения, если замкнуться в рамках нынешней жизни. То же самое касается и «даров» судьбы. Слишком часто нам кажется, что справедливые переносят непомерно тяжёлые испытания, тогда как эгоисты и злодеи процветают и благоденствуют.

Зачем бывают мертворождённые дети, и за что другие оказываются приговорены к страданию с колыбели? Некоторые жизни завершаются за несколько лет, за несколько часов, другие же длятся около века. Или вот ещё вопрос: откуда берутся юные дарования: музыканты, художники, поэты, все те, кто с самых ранних лет выказывают чрезвычайные способности к искусствам и наукам, тогда как прочие всю жизнь, несмотря на отчаянные усилия, остаются посредственностями? То же самое с дурными наклонностями, врождённым чувством благородства или низости, находящихся порой в столь странном контрасте со средой, в которой они проявляются. − Как объяснить всё это?

Если жизнь индивида начинается только при земном рождении, если до этого ни у кого из нас ничего не было, тщетно искать объяснений ужасным несчастьям, странным аномалиям, а тем более пытаться примирить их с существованием мудрой, предусмотрительной и справедливой Силы. Все религии, все философские системы современности споткнулись об эту трудность. Ни одна из них не смогла разрешить её. В их понимании, которое ограничивает человеческое существование рамками одной этой жизни, судьба остаётся непостижимой, устройство Вселенной затемняется, эволюция останавливается, страдание делается бессмысленным и необъяснимым. Человек, понуждаемый верить в действие слепых сил рока, в отсутствие смысла и справедливости в распределении благ и бед, незаметно склоняется к атеизму и пессимизму.

И напротив, всё объясняется, всё освещается учением о множественности существований. Закон справедливости открывается в малейших подробностях жизни. Неравенство, нас

возмущающее, вытекает из различия положения, занимаемого душами в зависимости от степени их развития. Уделом человека тогда становится развитие сквозь века, осуществляющееся в долгой последовательности причин и следствий, порождаемых его делами и поступками. Ничто не теряется; последствия добра и зла накапливаются и вызревают в нас до момента, благоприятного для их раскрытия. Расцвет их бывает либо стремительным, либо случается по прошествии долгого отрезка времени, и тогда они переносятся из одной жизни в другую, отголосок их звучит в продолжении ряда воплощений в зависимости от того, насколько ускорено или замедлено было их созревание влиянием сопутствующих обстоятельств. Но ни одно из этих последствий не смогло бы исчезнуть само собою. Упразднить их может одно только искупление.

Каждый уносит с собой за могилу посев прошлого, а затем, с рождением, возвращает его назад. Посев этот в зависимости от своей природы способствует нашему счастью или несчастью, даёт плоды в новой начинающейся жизни и даже в дальнейших, если одного существования оказывается недостаточно, чтобы изжить отрицательные последствия наших прошлых жизней.

В то же время наши повседневные поступки, источник новых последствий, добавляются к старым причинам, смягчая или ужесточая их. Они составляют с ними вязь добра и зла, которая и составит канву нашей новой судьбы.

Таким образом, нравственность, представляющаяся столь маловажной, если рассматривать её из пределов одной-единственной жизни, приобретает абсолютную и первостепенную значимость при уразумении истины о множестве существований. Есть тесное соотношение между нашими поступками и нашей судьбой. Мы испытываем внутри самих себя, в нашем внутреннем существе и в событиях своей жизни ответные влияния наших действий. Наша деятельность, во всех её формах, составляет хорошие или дурные элементы, близкие или далёкие последствия которых грозовым дождём прольются на нас или воссияют над нами радостными лучами. Человек сам строит собственное буду-

щее. До сей поры в своей неуверенности и невежестве он строил его на ощупь и наобум и был вынужден претерпевать свою судьбу, не в силах ни объяснить, ни понять её. Но в скором времени, просвещённый высокими истинами Спиритизма, проникнутый величием Верховных Законов, он поймёт красоту жизни, красоту, которая кроется в смелом и честном усилии, и тогда он придаст своему делу более благородный и высокий импульс». (Léon Denis, «Le Problème de l'Etre et de la Destinée»).

* * *

«Рождаться, умирать, рождаться вновь и непрестанно итти вперёд − таков закон», − сказал Аллан Кардек. Благодаря ему, благодаря спиритической школе мысли, им основанной, вера во множественность существований души сделалась популярной, распространилась по всему Западу, где сегодня она насчитывает миллионы сторонников. Свидетельство самих духов пришло освятить её нам на правах закона. За исключением отдельных малоразвитых душ, для которых прошлое всё ещё окутано мраком, все духи в посланиях, полученных в нашей стране, утверждают множественность существований и неограниченный прогресс существ.

Земная жизнь, говорят они нам, не более как упражнение, подготовка к жизни вечной. Жизнь человеческая, сведённая лишь к одному-единственному существованию в его призрачной длительности не смогла бы подготовить нас к столь головокружительной перспективе. Перевоплощения являются этапами пути, которые проходятся всеми душами в их восхождении. Это загадочная, окутанная тайной лестница, по которой из областей мрака − всех этих вещественных миров − мы ступаем в царство света. Существования наши разворачиваются в веках, они проходят, сменяют друг друга и обновляются. В каждом из них мы оставляем частичку того зла, что в нас пребывает. Медленно, но мы про-

двигаемся, проникаем всё дальше по священному пути, пока не приобретём те достоинства, которые откроют нам доступ в высшие сферы, откуда извечно лучатся Красота, Мудрость, Истина, Любовь». (Léon Denis, «Le Problème de l'Etre et de la Destinée»).

* * *

В нашем очерке мы не могли сколько-нибудь полно осветить столь фундаментальную проблему Бытия, как реинкарнация. Мы лишь бегло коснулись её в тех ракурсах, в которых она на мгновение освещается нам регрессией памяти. Об этом предмете можно очень много говорить и писать, и мы не ставили перед собой дерзкой задачи исчерпать тему, а только − познакомить с нею читателя. Величие проблемы подавляет нас, и мы умолкаем.

Пусть читатель помнит, что духи и люди − существа духовные и физические − мы не отделены одни от других. Всякое разделение − на самом деле иллюзия. Истина же − это глубокое единство всего, что живо.

1995 г.

Нужно, чтобы вы сами добыли свои знания и своими собственными усилиями изменяли жизнь!

Слова Инопланетянина
в рассказе П. Вежинова
«Однажды осенним днём
на шоссе»

Часть Третья

Й о г Р а м а н а н т а т а

МАНИФЕСТ КАРДЕНИСТСКОЙ ФИЛОСОФИИ

Трактат о духах и бессмертии

в продолжение

«КНИГИ ДУХОВ» Аллана Кардека,
«ПОСЛЕ СМЕРТИ» Леона Дени
«НОВОГО ОТКРОВЕНИЯ» Артура Конан-Дойля
и других работ этих авторов

I

Здоровье − главнейшее качество Жизни, ибо где нет Здоровья, там болезни, вырождение и *смерть* как естественный итог утраты Здоровья. Чахнуть, болеть − значит, по Философии Йогов, уже не жить, так как в больном теле не может правильно работать Мысль. Больной человек не может здраво воспринимать мир и существующие в нём отношения, он слишком склонен мрачно смотреть на вещи, и ему совершенно невозможно понять оптимизм здорового. В наиболее чистом виде иллюстрацию того, о чём идёт речь, даёт такое заболевание, как *рак*, когда утрата Здоровья выражается в процессе перерождения клеток тела. Этот процесс вырождения весьма мучителен, на каком бы плане он ни происходил − физическом, ментальном или психическом, и мучения его усугубляются в геометрической прогрессии по мере развития самого недуга, покуда количественные изменения не найдут своего разрешения в качественном с наступлением смерти.

Болезней существуют тысячи и тысячи, и по мере всё большего вырождения земного человечества число этих болезней возрастает также в геометрической прогрессии, но Здоровье, о чём весьма полезно помнить, всегда было и может быть только одно. Медицина не может помочь Человеку. Её уже давно не интересует его здоровье и знание того, что́ делает его здоровым. Она изучает всё разрастающееся число болезней и в результате этого бесконечного раздробления перестаёт видеть за деревьями лес, за домами усматривать город. Такой подход принципиально неверен.

Вопрос Здоровья, как и все вопросы Жизни, очень сложный вопрос. Попытаемся раскрыть его, не вдаваясь в чрезмерные подробности. Так, Философия Йогов учит, что Здоровье − это жизнь в естественных условиях, в согласии со своей природой, с природой окружающей и с Природой великого Целого. Как только это согласие, эта гармония нарушается − тут же наступают болезнь, вырождение и смерть. Здоровье − это понятие качественное, вы-

ражаемое количественно. Количественность его заключается в том, что человеческое тело, состоящее из миллиардов клеточек, здорово только тогда, когда здорово большинство этих составляющих его клеточек. Далее, она заключается в том, что и сам человек этот является клеточкой, составляющей огромный организм, называемый человечеством, в каковом отдельные нации являются лишь различными его органами; этот организм также может быть признан здоровым лишь тогда, когда большинство клеточек, составляющих его органы, здорово, когда здоровы все его органы. Затем количественность проявляется в том, что земное человечество также есть лишь клеточка Бесконечного Организма, каким является Космическое Человечество, и так идёт оно далее. Качественность Здоровья заключается в том, что на всех своих количественных иерархических ступенях оно имеет две стороны: внешнюю (видимая физическая, материальная сторона) и внутреннюю (незримая нравственная, духовная сторона). По Философии Йогов, обе эти стороны диалектически связаны и пронизывают друг друга, но всё же главная, определяющая всему сторона − это духовная, нравственная, ибо вначале было Слово, т.е. Мысль. Мысль является движущей, направляющей силою Вселенной, а всё остальное создаётся ею как орудия для осуществления её жизнедеятельности. Из этого нетрудно понять, что всякое пренебрежение Нравственностью, Духовностью, т.е. Культурою Мысли, возможное лишь на низших ступенях Иерархии, неминуемо влечёт за собою физические страдания, вырождение и смерть. В этом проблема земного человечества.

Земное человечество больно, давно тяжело больно. Полагаем, что факт этот не нуждается в каких-либо доказательствах, ибо сегодня он виден уже и слепому. Всякие попытки излечить эту болезнь революционным путём, т.е. путём воздействия на мёртвую материю, ни к чему путному не привели и, разумеется, привести не могли. Оне лишь обострили всё возрастающее физическое и нравственное вырождение земного человечества. Но даже сегодня, при наличии доброй воли, ещё не поздно остановить этот про-

цесс и повернуть его вспять. С этим только надо спешить, потому что откладывать больше некуда: мы подошли к черте.

Ждать больше нельзя не только потому, что почти все люди больны, как порознь так и своими нациями, и здоровых нет, но и потому ещё, что больна вся среда обитания человечества, отравленная его варварской жизнедеятельностью, больна и отравлена вся планета. И исцелить планету возможно, только лишь очистив, изменив настрой своих мыслей − как каждому отдельному человеку, так и хотя бы *большей части* земного человечества (рассчитывать сегодня на *всех* уже нереально). Мысль − великая сила; пусть она вторична, эфемерна, несущественна для материалиста (она у него и в самом деле вторична), но в действительности, по самой своей природе, как это ни противно господам марксистам, мысль вещественна и первородна, ибо мысль правит миром, а всё остальное чепуха. Вибрации верно построенной, живой, честной мысли способны пробиться сквозь туманный океан мыслей посредственных, лживых и глупых, способны своей энергией дезорганизовать функционирование этих последних, и в конечном счёте − их уничтожить, претворив их в себя. Так одному непьющему атому под силу протрезвить всю пьяную вселенную. Мысленный Мир − состояние очень справедливое, и он − не область для тех, кто мыслит механистично.

Чтобы добиться успеха в переустройстве мира, начинать надо не с толпы, не с масс, а делать это так, как учили все Религии и все умные люди − с каждого конкретного Человека. Лишь познание и совершенствование своего «я» (пока что «я» лишь со строчной буквы), при том условии, что практиковать его будет бóльшая часть людей, действительно сможет спасти земное человечество. Если ещё хоть немного помедлить с культивированием Духовности, то спасать скоро будет попросту некого, ибо ПРОМЕДЛЕНИЕ здесь физической СМЕРТИ всего человечества ПОДОБНО. Не преступим предел! Сейчас, правда, много говорят и пишут о так называемой «духовности», но не дадим обмануть себя. Ведь о какой духовности, спрашивается, может итти речь у тех, кто не признают и отрицают самое существование *духа*?!

Надо полагать, что это с их стороны всего лишь метафора, к тому же довольно корявая.

II

На этих страницах часто будет итти речь о глупости и невежестве, этих двух воистину коренных недугах человечества. Что касается глупости, то она настоящая болячка человечества, его «больное место». Но о больное место, как известно, чаще всего и стукнешься. Так у преподавателей, чтецов и певцов наиболее уязвимое место − это голос. Профессиональный недуг пианистов и машинисток − это болезнь суставов пальцев. Повальное заболевание в литературной гильдии критиков и редакторов, переводчиков и журналистов − отсутствие литературного вкуса. У людей же профессионально думающих, как-то: писателей, учёных, казённых философов, это − слабоумие, неспособность к здравому суждению, кретинизм.

Что касается невежества, то оно не просто выдаёт глупость и посредственность за мерило умственного стандарта, но и связано с самым страшным на свете злом − жестокостью. Одно обусловливает другое: невежество происходит от жестокости, жестокость всегда невежественна. Поэтому невежда, как правило, жесток, а жестокосердый − невежествен. Между тем Природа не для того подняла Человека разумом над животным, чтобы он стал ещё более свирепым, чем дикие звери. Но ведь дикие звери, и те, жестоки только по необходимости: сытый лев никогда не убивает; а невежда − бессмысленно жесток. Жестокий невежда не позволяет в себе проявляться *разуму*. Поэтому он не только недостоин называться «человеком», но и быть внешне на человека похожим, что часто и происходит. Он просто тупое животное, вроде крокодила.

Взаимная зависимость Физического здоровья и здоровья Психического неоспорима. Но не менее неоспорима и очевидна связь психического Здоровья с мировоззрением, с мироощущени-

ем, которые Человек имеет. И здесь уместно отметить, сколь пагубным оказалось для человеческого сознания мировоззренческое господство материалистических идей, длящееся вот уже два века.

Естественно, что общество, построенное на атеистических и эгоистических началах, содержит в себе самом зародыши своего распада и что члены его должны пожирать друг друга, словно хищные звери.* Всё это очень хорошо понимали распутники и разного рода обосновали скотскости в человеке. Когда в конце XVIII века материализм во Франции вёл борьбу с религией, то с ним заодно, и философски более последовательно, выступали такие мыслители, как маркиз де Сад, Жакоб Верн и проч. В самом деле, лишь умственная слепота и непоследовательность позволяли материалистам и так называемым «гуманистам» строить свои человеколюбивые и обществоприятные теории. Эти мужи не в состоянии были с необходимой ясностью увидеть, что коль скоро нет Бога, (а это значит, что нет и души, нет Бессмертия), то тогда, выходит, всё дозволено, а всякие запреты и самоограничения − лишь нелепые предрассудки годные только на то, чтоб мешать человеку наслаждаться этой матерьяльной жизнью. С какой стати сдерживать себя, управлять собой и себя совершенствовать, если живём лишь раз и всё кончается для нас со смертью? Надо лишь стремиться прожить эту жизнь, сделав её − лично для себя − как можно более приятной, в соответствии со своими представлениями о приятности. И что заставит тогда людей, пекущихся единственно об ублажении себя, уважать права ближнего? Уж не страх ли перед жандармами? Но такой страх остановить может лишь робких умом и слабых духом. А среди последних сколько ещё раскольниковых полезет в наполеоны? Ну а коли так, то философски правы могут быть только маркиз де Сад, пародист Жа-

* Здесь надобно отметить, что «атеисты» бывают «гуманистами» только в первом своём поколении, когда они оказываются воспитаны и вырастают в лоне религиозной культуры. В последующем поколении атеистов гуманизм становится «абстрактным»; у внуков − это уже откровенный эгоизм, у правнуков же − не более и не менее как фашизм и садизм. Живя среди внуков и правнуков, отчего не раскрыть глаза и не оглядеться вокруг?

коб Верн, с одной стороны, и с другой − А.Шопенгауэр, Дж.Леопарди и Э.фон Гартманн. Третьего не дано.

Надо сказать, что у маркиза де Сада матерьялизм показан во всей своей беззащитной гнусности. Здесь, правда, нет места рассматривать этот вопрос сколько-нибудь подробно, поэтому коснёмся его лишь вскользь. Удовольствие, наслаждение − вещь отнюдь не безобидная, и в ней, если потерять точку опоры (а её теряет всякий, кто желает видеть в наслаждении самоцель, а не орудие), в ней очень легко дойти до извращений. И если для большинства людей самые сильные удовольствия не духовные, а именно телесные, и среди последних естественным образом выпирает секс, и если при всём том люди эти лишены всяких основ подлинной Нравственности, каковые отметаются материализмом, поскольку он неспособен разумно и логически обосновать их, то людскому большинству этому неизбежно остаётся лишь дорога, протоптанная маркизом де Садом, который создал единственно последовательную, сказавшую «А» и сказавшую «Б» материалистическую философию, который логично обосновал свои принципы и способен убедить всякого материалиста, если только тот согласится его слушать и если у него хватит ума понять сказанное. Следует помнить, что де Сад с восторгом приветствовал французскую революцию (не говоря уже о том, что это он − виновник разрушения Бастилии) и что философская основа у него в общем-то та же, что и у французских материалистов-просветителей (см. начало трактата в его «La Philosophie dans le boudoir»). И сам-то он почитал себя носителем свободомыслия и наиболее прогрессивных идей человечества, потому что от основы вольнодумских «просветителей» шёл далее, к логичным выводам, из неё вытекающим, и тем показал её конечную, не зримую ему самому гнусность. Есть всё-таки какой-то горький юмор в том, что во всяком безумии своя логика имеется!

Да, в отличие от этих просветителей, де Сад, без обиняков и эвфемизмов, взялся исследовать самую важную пружину человеческих действий и поступков и, анализируя её на принципе приоритета наслаждения, дошёл до таких ужасов, что никто не пожелал его понять. В этом выражается половинчатость че-

ловеческой природы, неспособной к крайностям даже в дурном. И всё-таки бескомпромиссный, последовательный, рассудочный материализм неотвратимо ведёт к садизму и прочей мерзости. Это дорога Мрака, по которой служители Тьмы желали бы тащить серое большинство. Все половые извращения ведут туда. И не пускает людей туда только то обстоятельство, что они, по слабости своей натуры, испытывают достойное обезьяны отвращение к Философии, как к истинной, так и к ложной, из-за чего аргументация учителей мрака остаётся пустым словесным фейерверком. Но ведь по этой же причине серость не идёт и к Свету, а продолжает жить полусознательной жизнью животного.

Если проникнуть в самую суть вещей, то можно понять, что борьба с «тёмной силой» есть в конечном счёте борьба с человеческой глупостью, ограниченностью, непониманием собственных интересов. В целом атеисты полагают, что они опровергают Бога. В действительности же они опровергают лишь свои примитивные о Нём представления. И примитивные-то свои представления они опровергают опять-таки примитивно. Истинная идея о Боге не может быть опровергнута, ибо она безгранична и не скована определениями. В самом деле, как было бы можно опровергнуть то, чему нет и не может быть *конечного* определения, что бесконечно, безгранично, беспредельно, безмежно, в отношении чего любое самое смелое определение − лишь ещё одна попытка понимания, не способная исчерпать то, что не может быть постигнуто и определено? Поэтому правы атеисты, когда они пишут о своём боге, достойном всяческого осмеяния, со строчной буквы, и правы мы и все те, кто исповедуют взгляды Беспредельности, когда мы говорим о Боге с буквы заглавной.

III

Надо признать, что наш век был веком механического суеверия. Но человек, чьё мышление заражено чисто механическим

в*и*дением мира, мыслит неполноценно. При этом, механическое понимание мира механизирует и самого человека, и хотя он и не становится роботом, но Человеком быть уже перестаёт. Отсюда желание вождей и теоретиков видеть в человеке лишь ничтожный винтик государственно-общественной машины и, соответственно, превращение человека в этот винтик, в орудие, а не цель. Если этот винтик добросовестен в своём ущербном мышлении, то он неизбежно должен притти к отчаянию пессимизма. Он похож на мокрого, перепуганного мышонка, стоящего перед огромным, голодным тигром.

Между тем ничто не совершается механически, сама Механика одухотворена. Она действует лишь постольку, поскольку одухотворена законами и сообщающей этим законам огненность Волей. Во всей *вселенной* Психика надстоит Физике, подобно тому как Дух надстоит Материи. Вернее даже сказать, что это – не подобие, а тождество. И человек, удовлетворённый матерьялистическим объяснением мира, подобен ребёнку, заворожённому игрой марионеток, не видящему ничего, кроме их и сцены, по которой оне двигаются, и не замечающему ниток, за которые их дёргают невидимые руки, и ничего не подозревающему о существовании этих *рук* и Того, Кому оне принадлежат.

Необходимо также сказать несколько слов и о так называемой «коммунистической мечте человечества». По сути дела в основе её лежит вера в то, что грядущие поколения будут жить лучше нас. Люди вообще всегда бессознательно верили, что их дети будут жить лучше их. По этому поводу можно вспомнить остроумное стихотворение Саши Чёрного «Потомки». Вера эта всегда была и есть одна из основ всякой эксплуатации, выжимания пота и выкручивания рук. Между тем она глубоко ошибочна: как жизнь последующих поколений зависит от жизни или смерти нынешнего поколения, точно так же и счастье последующих поколений зависит от счастья или бедствия поколения нынешнего; если нынешнее поколение выродится и не сможет дать потомства, то человечество исчезнет; если современное поколение не будет счастливо, то не будут счастливы и последующие поколе-

ния. Человеческому обществу следует не гнаться за химерами, не жить в постоянной гонке, устремлённой в призрачное и никогда не достигаемое им будущее, в завтра, не наступающее никогда, но заниматься деятельностью, обращённой к настоящему, стремясь при этом создать всем своим членам условия существования, достойные Человека.

Но вместо этого человечество захватила бесформенная и лишённая иной цели и смысла, кроме собственного неограниченного расширения, лихорадочная деятельность. Уже почти два века, как она носит название «прогресса», и при отсутствии живой и действенной Религии эта деятельность смогла стать чем-то вроде суррогата последней. Новейшим порождением этого «прогресса» стало современное индустриальное общество, общество потребления и духовной пустоты, основанное, как и встарь, на купле-продаже, а также воровстве, обмане и насилии. Духовная же пустота порождает в членах его алкоголизм, наркоманию, волну самоубийств, проституцию, всевозможную распущенность и преступность. Свами Прабхупада Бхактиведанта говорит: «Современная цивилизация значительно продвинулась в деле массового образования, но результатом этого явилось то, что люди стали ещё более несчастны, чем когда-либо прежде; из-за установки на материальное продвижение исключается наиболее важная часть жизни − духовная жизнь».

Симптомы этой болезни определились, правда, изрядно давно, и ровно сто лет назад Оскар Уайльд писал: «Материальную прибыль поставили выше духовного развития. Благодаря этому человек стал думать, что главное − это *иметь*, и упустил из виду, что главное − это *быть*. Истинное совершенство человека заключается не в том, что он имеет, а в том, что он собою представляет. В сущности ничто не должно бы озабочивать человека, кроме его внутреннего «Я». В действительности человек обладает лишь тем, что находится в нём самом. Всё же, что вне его, не должно иметь никакого значения».

Не раз указывалось, что вся эта суета содержит в себе неразрешимые внутренние противоречия и приводит к катастрофи-

ческим последствиям: всё возрастающему, уже не посильному для человека темпу жизни и её изменений, к отравлению и уничтожению окружающей среды, к утрате здоровья, нравственных ценностей и смысла жизни, к перенаселению планеты. А скученность, как известно, порождает человеконенавистничество; отсюда и самоистребительные идеи, которыми полна история человечества в XX веке.

На протяжении всей человеческой истории опекающие земное человечество Космические Силы всегда стремились ему помочь. Процесс этот не прекращался никогда, и также и сейчас он полным ходом идёт на глазах наших. Эти Силы вмешиваются как непосредственно, стараясь оградить земное человечество от тех бед, которые были бы для него необратимы, так и косвенно, влияя на отдельных одарённых Землян, являющихся их сознательными или бессознательными сотрудниками. Они совместно ищут и разрабатывают всё новые пути, которые могли бы свести земное человечество с тропы вырождения и смерти, которою оно, спотыкаясь, бредёт.

Мы намерены рассказать здесь об одном из этих путей, об одной из наиболее ярких попыток этих Сил вмешаться в человеческую историю посредством обращения Человека к его истинной природе, указания на его действительные корни. Мы имеем в виду спиритическое движение. Но попытка эта, как известно, временно захлебнулась в связи с первой мировой войной и октябрьским переворотом в России. И сейчас, когда пора Тьмы на исходе, приспело время вспомнить об этой попытке, понять заложенные в ней идеи и, пойдя предлагаемым ими путём, исцелиться.

IV

С середины XIX века по первую четверть XX земное человечество было свидетелем третьего, после Моисея и Христа,

Откровения, пришедшего к нам из Высших Сфер. И христиане разных толков и всех направлений, непрерывно грызущиеся между собою по пустякам, на все лады перевирающие «Евангелие» и не желающие признать это третье Откровение, данное нам Высшими Духами, всего более походят на древних евреев, ведших схоластические споры, косневших в пороке и чтивших, якобы, «Ветхий Завет», когда Живая Истина ходила по улицам среди них и была явна всякому, кто был способен исполниться доброй воли и чьи глаза и уши не были засыпаны мусором.

Церковь, запрещая вызывание духов, осуждая Спиритизм, формально опирается на запрет Моисея. Но этот запрет у него находится в той части его законов, каковые имеют временный, т.е. переходный и исторически-обусловленный характер, и связан с конкретной исторической обстановкой, в какой жили руководимые им евреи. В самом же «Евангелии», созданном в совершенно иных исторических условиях, нет не только ни одного запрета на всё это или хотя бы какого намёка на запрет, но и недвусмысленно указывается на важность этого дела, и вся последующая деятельность апостолов и святых, как ясно всякому знающему предмет, связана с применением Спиритизма, о чём они сами недвусмысленно и говорят в оставленных ими сочинениях. И, подводя итог сказанному об этом запрете, можно спросить, неужели Церковь ставит закон Моисеев выше закона Евангелического, т.е., иными словами, неужели же Церковь православных, католиков и протестантов есть церковь более иудейская, нежели христианская?

Наибольшее зло миру от полуправд. Священные Писания всех религий, взятые в отдельности, также суть такие полуправды, ибо они обусловлены национально и исторически. Чтобы писания эти и религии поднялись до Истины, необходимо соединить их вместе и дополнить без боязни и лицемерия, решительно исключив все прежние – произвольные и ложные – толкования символов. Только так человечество достигнет Блага. Всё это и является непосредственной обязанностью Спиритизма и только ему одному это под силу. Всякий, чьё религиозное чувство не искажено, способен понять истинность Спиритизма.

V

В наш век разочарованной иронии и поверхностного скептицизма, на поверку оборачивающегося самым беспомощным легковерием, слова быстро теряют свой первоначальный смысл. Не стало исключением из этого правила и такое слово, как «спиритизм». В течение этого столетия оно оказалось настолько сильно скомпрометировано всевозможными исказителями, шарлатанами и невеждами, что теперь, заслышав его, так называемый «средний», да и не только «средний» человек начинает снисходительно улыбаться, и в голове у него тут же выстраивается следующая ассоциативная цепочка: верчение блюдец − кручение столов − какие-то «разговоры» с «духами» − праздное времяпрепровождение − вздорные фокусы − всякие глупости... И всё же эта улыбка − лишь ещё одно свидетельство человеческого легковерия и отсутствия у людей собственного мнения по вопросу довольно важному. Итак, пусть слово это и утратило в обиходе своё первоначальное значение, тем не менее для человека знакомого с латынью оно всегда сохраняет свой изначальный и ясный смысл: «spiritus» значит «дух» и, стало быть, «спиритизм» означает «учение о духе», «учение духов» или, одним словом, «духоведение», «духовничество». Под этим углом зрения мы и рассмотрим вопрос.

Если жизнь, согласно Сенеке, лишь долгое размышление над смертью, то какой вывод можно нам из этого извлечь? Только ли гордыня и самолюбие понуждают Человека к отказу уверовать в то, будто он всего лишь труп, заряженный энергией? Только ли эти два чувства всегда приводили Человека к надежде на лучшую жизнь, к которой смерть − всего лишь преддверие? Все религии обещают Человеку жизнь лучшую. Все оне дают ему и Надежду, и Веру. Но «homo modernus», сформировавшийся на принципах Декарта, недоверчив и требователен. Надежды весьма маловато ему, Веры ему недостаточно. Он желает ещё *уверенности,* он желает точно *знать*, всё ли кончается для него со смертью, или,

напротив, это только начало другой, и более совершенной жизни. Новейший человек отверг обещания Веры − и в этом причина кризиса всех религий. Но он и не получил уверенности Знания − и в этом причина его безнравственности.

Почитание предков и некромантия воплощали в себе попытки древнего человека испросить защиты и совета у тех, кто предварили его в мире ином. И как ни противно слышать об этом господам атеистам и материалистам, но *были* у древних здесь реальные достижения. Пророки, прорицатели, жрецы − в Египте, в Индии, в Персии, в Греции, в Галлии и во многих других местах − отнюдь не порождения сказколюбивого и невежественного воображения, как то вдалбливали в людские головы новейшие учители человечества, и все они действительно имели доступ к онтологическим тайнам, даже и не мыслимым современному человеку. Практические приёмы и философские принципы Спиритизма, как ни коробит это слух охранителей сектантских культов, всегда присутствуют во всех религиях и оккультных учениях. И это неспроста, ибо Спиритизм существовал всегда в силу той причины, что Человек никогда не был *телом*, но всегда был *духом*.

Не составило исключения и Христианство. Христианство также возникло и укрепилось в этой духовной мистической традиции. Всё первоначальное Христианство буквально пронизано Спиритизмом. Ещё и сегодня, после всех искажений и затемнений посвящённый увидит в текстах христианских Священных Писаний (и в «Деяниях» и «Посланиях Апостолов» в особенности) указания на правила и законы практического Спиритизма. Уже сама молитва, должным образом творимая,* есть действие спиритическое, сопряжённое с тайнами Духа. Но Христианство, достигнув к V-VI векам монополии на духовную власть, переродилось и пожелало отрезать себя от собственных корней. Оно целиком уподобилось ветке, отсечённой от дерева, когда наложило вето на общение с потусторонним миром и когда в нём возобладала поначалу непопулярная легенда о Сатане. Это особый

* Об этом смотрите особо изданные нами «Молитвы Спиритической Веры».

и трагический вопрос в человеческой истории. С той поры вся мистика апостолов и святых была провозглашена «белой», а вся последующая мистика обычных смертных была духовенскими теоретиками объявлена «чёрной», т.е. идущей от дьявола и слуг тьмы. Спиритизм, таким образом, автоматически оказывался в глазах профана вотчиной нечистого. Встав раз на этот путь, Христианство фактически отреклось от Христа и совершило самоубийство, мучительная агония которого однако продлилась до сего дня и сможет длиться ещё долго, ибо парадокс в том, что в основе христианской религии лежат Вечные Истины, которые не могут умереть. «Самая опасная ложь − это истина, слегка извращённая», − говорит Лихтенберг.

И тогда мёртвые, гóлоса которых никто не желал больше слушать и с которыми живые считали себя в полном расчёте с помощью букета цветов и рассеянно проговорённых молитв, мёртвые, предоставленные самим себе и позабытые в суете беспорядочной «цивилизованной» жизни, стали мстить за себя безразличию живых, смущая их покой и будоража их жилища. Так появился «полтергейст».

VI

В последнее время много пишется и говорится о так называемом «полтергейсте», и может сложиться впечатление, будто это какое-то новейшее явление, которого никогда прежде не было. Но это не так. Полтергейст существует сейчас, существовал сто, двести, тысячу лет назад, существовал с самых незапамятных времён, существовал всегда. Также, говоря о полтергейсте, его по невежеству помещают в разряд «аномальных» явлений, между тем как он принадлежит к числу явлений вполне нормальных, ибо не может быть признано аномальным то, что происходит и происходило всегда, то, что происходит к тому же в согласии с законами, уже известными. Складывается впечатление, что боль-

шинство самодеятельных публикаций на эту тему имеет задачей посильнее напугать читателя. В действительности же все столь устрашающие гипотезы не имеют под собой ни малейшего основания и измышлены людьми, лишь «шапочно» знакомыми с этим предметом. Читать статьи, написанные бездарными фантастами, – не самое, как нам кажется, лучшее употребление, какое можно дать своему свободному времени.

«Всё действительно новое – это основательно забытое старое», – сегодня эта истина звучит совершенно избито – так часто её теперь повторяют. И всё же приходится произнести её вновь, поскольку ни к чему она сегодня с такой справедливостью не приложима, как к явлению, привлекшему к себе внимание под названием «полтергейст». Весьма забавно наблюдать нынешних учёных мужей, коих демонстрировали в одной из телепередач, посвящённой так называемому «Барабашке», слышать, что сам по себе феномен ими признаётся, и видеть их полнейшее недоумение и растерянность по поводу природы этого явления. Мол, да, всё это есть, а что это такое, мы пока что не знаем; или – что намного смешнее – слышать их заверения: «Да, мы всё это знаем, и у нас уже есть модели, в которые все эти вещи вписываются». Да полноте! не иллюзия ли, чтобы что-то живое вписалось в механическую модель? Ведь оно впишется – и всё же останется за пределами, ибо феномен Жизни не объясним механическими и атомическими причинами. Давать Жизни такие объяснения – это иллюзия решения проблемы, господа учёные, мираж успеха. Ещё один такой мираж – прятать вещи за непонятными словами, вроде этого «полтергейста».

Итак, полтергейст. Что он такое? Что скрывается за этим странным и неудобозвучащим для русского уха словом? Слово это отнюдь не новейшее изобретение, как то утверждалось авторами одной из недавних публикаций на эту тему, и в нём содержится ответ на вопрос о природе самого явления. Кстати сказать, признать за каким-либо явлением какое-то непонятное название, кем-то прежде данное, и после этого говорить, что природа этого явления неизвестна, и неумно, и нечестно. Так вот, слово это не-

мецкое, и в хорошем немецко-русском словаре можно прочитать, что «Poltergeist» значит по-русски «беспокойный дух», «домовой». Попросту говоря, речь идёт о *привидении.*

Таким образом, внимание общественности очередной раз, хотя и в замаскированной форме, было привлечено к вопросу о привидениях. В данном случае (мы говорим о «Барабашке») феномен этот происходил в присутствии многочисленных свидетелей и был даже записан на видеоаппаратуру. Остаётся лишь сожалеть, что при том не было никого из компетентных в данном вопросе лиц, которые сумели бы внести в дело ясность, ведь только задавая умный вопрос, можно получить умный ответ.

Какова же всё-таки природа этого явления, в чём суть его и к чему ведёт оно нас? Согласно учению Спиритизма, полтергейст − это физическое проявление души умершего человека в нашем материальном мире. Формы его выражения весьма разнообразны: стуки и специфические щелчки в мебели, стенах и полу, осязательные ощущения человека, подвергающегося воздействию (касания, удары и толчки), передвижение и зависание в воздухе (левитация) неодушевлённых предметов и живых существ, звуки человеческого голоса и речи и, наконец, различного рода вид*е*ния − от появления рук или головы до материализации полной человеческой фигуры (плотность этих материализаций может быть различна: от газообразной до осязаемо твёрдой).

Один из самых чрезвычайных фактов этого рода, рекордный по разнообразию и странности проявлений, без сомнения, тот, который имел место в 1852 году в Бергцаберне под Виссембургом (Рейнская Бавария). Он тем более примечателен, что объединяет в одном лице почти все виды самопроизвольных манифестаций: стук, будоражащий весь дом; опрокидыванье мебели; бросание предметов незримой рукой, левитацию, видения и появления фигур, сомнамбулизм, экстаз, каталепсию, крики и различные звуки, включая игру музыкальных инструментов, происходящую саму собой, без контакта с человеческими пальцами; письменные и вполне разумные сообщения, а также многое тому подобное. Не последней важности при этом было то

обстоятельство, что факты эти, имевшие место в течение почти что двух лет, засвидетельствованы и подтверждены многочисленными и авторитетными очевидцами, заслуживавшими доверия в силу их образованности и занимаемого ими общественного положения.

По поводу подобных явлений немецкий писатель И.Г.Юнг-Штиллинг писал ещё в самом начале XIX века: «Просто непостижимо, что столь серьёзные и ужасные, столь живо воздействующие на наши чувства свидетельства продолжения жизни нашей после смерти, производят на нас столь мало впечатления. Их боятся, как дети боятся пугала, и на этом всё остаётся. Вместо того, чтобы поразмыслить над этим, вывести из этого плодотворные выводы и принять решения к улучшению жизни, люди рассказывают друг другу истории о появлениях духов для развлечения, словно сказки, и направляют воображенье своё на муки отшедших собратьев. А великий просвещённый мир смотрит на всё невидящими глазами и не желает видеть, и видящих причисляет к мракобесам, принижает их и высмеивает. Не приведи Боже!»*

Явления такого рода − для тех, кто умеют правильно подойти к ним, − в высшей степени поучительны, так как благодаря им люди стихийно приучаются к занятиям *практическим спиритизмом*. Главный урок, который это явление помогает человеку извлечь, есть убеждённость в том, что жизнь наша продолжается и после смерти, ибо речь здесь, по словам Юнга-Штиллинга, идёт именно о «свидетельствах продолжения жизни нашей после смерти». Проблема индивидуального бессмертия, неужели же она представляется современным людям настолько уж незначительной вещью, что от неё позволяют себе отмахиваться словно от назойливой мухи? Тем более, что решается она здесь самым положительным образом. Помочь людям осознать реальность индивидуального бессмертия нашего − в этом единственное назначение явления, названного полтергейстом.

* Dr.J.H.Jung-Stilling, „Theorie der Geisterkunde", Nürnberg, 1808.

Сознание этого факта приводит Человека к более глубокому пониманию своей природы, и он вдруг уразумевает, что коль скоро он остаётся жив после смерти своего тела, то, значит, он есть не это тело, но что-то иное. Идя по этому пути, человек в познании себя, Жизни и Вселенной уходит очень далеко, и при таком подходе явление полтергейста оказывается преддверием в область Духовных Истин, Духовного Знания и всех Магических и Оккультных Наук.

Итак, философия Спиритизма учит, что жизнь Человека не заканчивается со смертью. Это возможно благодаря строению Человека, которое трёхчастно: физическое тело + энергетическое тело (перисприт) + душа (или дух). Все недоразумения происходят из-за того, что Человек, при нынешнем уровне его развития, не знает и не сознаёт своей действительной природы: он считает и верит, будто он есть физическое тело, тогда как на самом деле он − бессмертный дух, который поочерёдно пользуется разными телами, переходя из одной стадии своего существования в другую. При смерти тела пользовавшийся им как орудием дух попадает в мир иных законов и отношений и какое-то время отдыхает после материальной жизни, а затем, в очередной раз, выбирает себе другое тело и в него воплощается.

Некоторые из духов, временно лишённых тела, могут желать вступить в общение с нами, обитателями земного материального мира. Однако всякое общение, как известно, имеет свои законы. Имеет их и общение с миром духов. Главный из этих законов гласит, что для общения воплощённых и развоплощённых необходим переводчик, посредник, называемый «медиумом». Медиум − это человек, обладающий экстрасенсорными возможностями и предоставляющий часть своей психо-физической энергии в распоряжение проявляющегося духа или духов. Этот процесс взаимного превращения энергий очень сложен и лишь приблизительно понятен некоторым из тех, кто им пользуются, что, впрочем, нисколько не умаляет значения их действия. Ведь и пианист-виртуоз может иметь лишь самое общее понятие об устройстве рояля, о природе звука и законах акустики, а то даже и

вовсе не иметь его, и всё же это не помешает ему быть отменным пианистом.

Когда этот процесс претворения энергий происходит спонтанно, без нашего согласия и ведома, то имеет место то, что называется «полтергейстом». Когда же это общение происходит по нашему желанию и просьбе, то процесс общения, возникающий в результате этого, именуется «спиритическим сеансом».

Если дух проявляется самопроизвольно, то это может иметь только две причины: либо он желает напугать людей, являющихся невольными свидетелями этих странных и, как им кажется, противоестественных явлений;* либо он желает вступить с ними в общение. Как бы то ни было, полтергейста не следует пугаться, поскольку он *никакой* опасности для жизни и здоровья людей не представляет, в противном случае контролирующие этот процесс высшие силы не позволили бы ему проявиться. Возникающее у невольного свидетеля чувство страха, со всеми вытекающими из него последствиями, − это единственная опасность, но происхождение её в этом случае, как и во множестве других, субъективно и не может быть отнесено на счёт объективно данного явления.

Однако, совершенно неразумно и его игнорировать, поскольку это раздражает духа и заставляет его изобретать всё более впечатляющие способы воздействия на воплощённых. Лучше попытаться сразу вступить с ним в общение, ведь это, как правило, духи людей, умерших недавно и желающих передать что-то своим близким. Для этого надо умело задавать ему вопросы, предварительно договорившись с ним о его способах дать нам ответ. Так, например, если это дух «стучащий», то можно указать ему, что два удара значат «да», три − «нет», а один − «затрудняюсь ответить». Если же это дух-левитатор, то можно условиться с ним так: вертикальное движение висящего в воздухе тела («тело»

* Отсюда все стародавние страхи и суеверия, приписывавшие производство этих явлений «тёмной силе». Вера в существование «всякой нечисти» связана, таким образом, с незнанием действительной природы человека. Но Спиритизм даёт нам это знание − и «тёмные силы» перестают для нас существовать. Так свет солнца рассеивает туман, скрывающий действительные очертания предметов − и всякая таинственность исчезает.

здесь разумеется как термин физической науки, и под ним понимается любой материальный предмет от птичьего пера или листа бумаги до пудовой гири) означает «да» (по аналогии с кивком), горизонтальное же его движение, т.е. влево и вправо, а не вверх и вниз, как в первом случае, означает «нет» (по аналогии с качанием головой), и наконец вращение по кругу − соответственно − «затрудняюсь дать ответ».

После этого надо задавать вопросы, предполагающие ответом либо только «да», либо только «нет». Если вы будете достаточно умелы, то узнаете, чего хочет от вас дух. Исполнив, по мере возможности, его просьбу, вы наверняка избавитесь от полтергейста. Как можно видеть, никакой дурной «мистики» тут нет.

Те, кого у нас называют «учёными», как всегда оказались наименее подготовлены к признанию и осмыслению такого факта действительности. Объяснения, даваемые ими, не подпадают даже под рубрику «изобретательства велосипеда», они находятся пока что на стадии «открытия колеса», с той только принципиальной разницей, что те, кто дают подобные объяснения и довольствуются ими, колеса так никогда не откроют.

Человеческое невежество в данном круге вопросов поразительно, именно оно заставляет нынешних учёных изобретать какие-то теории и объяснения после того, как всё было понято и давно объяснено их коллегами в предыдущих поколениях. Достаточно лишь полистать некоторые из соответствующих работ великого английского физика и химика В.Крукса, французского астронома К.Фламмариона и многажды-многих других учёных, не забыв и русского химика А.М.Бутлерова, остановить особое внимание на книге Ф.Мейерса «Человеческая личность и её сохранение после смерти тела» (F.W.H.Myers, “Human Personality and its Survival of bodily Death”), почитать об опытах полковника А.Дероша по регрессии памяти, о более ранних опытах испанских исследователей Ф.Колавиды и Э.Мараты, начав общее знакомство с этими вещами с небольшой работы А.Конан-Дойля «Новое Откровение», − и тогда можно будет понять всё, что

имеет отношение к данному предмету. А предметом этим, угодно Вам того или нет, является Спиритизм − сложный комплекс Философии, Науки и Религии, комплекс, в котором извечная вражда этих инструментов человеческого познания прекращается и начинается их плодотворное сотрудничество. Повторяем, что «польтергайст» − лишь один из терминов данной области знаний. Однако никогда не судите о достоинствах бюста по отбитому носу, господа! И если Вам претит эта область, то хотя бы не надо поднимать на обсуждение один из частных её вопросов, ибо это так же нелепо, как изучать электричество, отрицая всю остальную Физику, или рассуждать о низком интеллектуальном уровне телепередач, валя вину за это на теорию распространения радиоволн.

VII

Итак, мы в XIX веке. Прошло уже пятнадцать столетий с той поры, как почитаемые некогда предки превратились в докучливых привиден*ий* (правильно именно такое склонение, поскольку привидение − предмет как раз одушевлённый). И вот 11 декабря 1847 года, на ферме Гайдсвилль, что возле Нью-Йорка, две девочки − Маргарет и Кэти Фокс − возобновляют диалог с тенями, прерванный искажённым Христианством.

Призрак, проявившийся с помощью *стуков* и *щелчков,* раздававшихся в стенах и предметах обстановки, нисколько их не испугал, а совсем наоборот. Желая его поддразнить, младшая из сестёр − Кэти − также принялась стучать, на что незримый собеседник ответил равным числом ударов. И тогда по какому-то наитию девочка сказала ему: «Кто ты? Если ты человек, то стукни один раз; а если − дух, то два». Тут же прозвучали два сухих удара, положивших начало той азбуке, которой стали пользоваться сёстры Фокс, а вслед за ними и спириты всего мира.

Весть об этом событии быстро разлетелась по миру, и явление повторялось так часто, что стало совершенно привычным. Общение с этим духом не замедлило повлечь за собой исключение семьи Фокс из лона методистской церкви. И семья переехала в Рочестер, куда её сопроводило и стучащее привидение, которое согласилось выступать даже на публичных сеансах, демонстрирующих медиумические способности обеих девочек. Их старшая сестра, Лия Фокс, устраивает им триумфальное турне, вслед за которым по маршруту их следования вспыхивает настоящая эпидемия медиумического подражания.

Семью годами позже, в 1854 году, в С.Ш.А. насчитывалось уже 10.000 медиумов и около 3 миллионов сторонников нового движения. Тем временем первый спиритический конгресс, собравшийся в Кливленде, решает послать миссионеров сначала в Англию, затем в Германию, откуда новое движение дошло наконец до Франции, в которой в самых различных кругах привлекло немало сторонников.

А спиритические феномены всё множатся и разнообразятся: к стукам добавились автоматическое писание, телепатия, телекинез, левитация, эктоплазмические материализации. Такой широкий спектр возможностей естественным образом дал ещё более широкий спектр результатов: от левитации столов и людей до написания на бумаге длинных посланий, трактующих самые сложные и тонкие вопросы Философии, Теологии, Морали, Науки и т.п. Из посланий со временем составилось настоящее нравственное учение, каковое мистические чаяния сторонников преобразовывают в Религию.

VIII

У всякой религии должен быть свой пророк, первая задача которого − начертать скрижали законов. С этой задачей и выступил во Франции Аллан Кардек (псевдоним маркиза Ипполи-

та-Леона-Денизара Ривайля (1804 − 1869), ученика и последователя Песталоцци), дело которого в новых исторических условиях продолжил Леон Дени (1847 − 1927).* С той поры всякий разговор о Спиритизме без благодарного упоминания имён этих двух французских мыслителей представляет собой всего лишь некомпетентное, дилетантское умствование, ибо именно им обоим обязаны мы тем, что бесчисленные, разрозненные факты и идеи составились в стройное, гармоничное, всеобъемлющее мировоззрение − Карденизм.** Игнорировать проделанную ими работу − это всё равно, что обсуждать проблемы Математики, не зная, кто такие Пифагор, Эвклид, Фалес, Ньютон, Эйлер, Гаусс, Лобачевский и что сделано ими. Скажем же несколько слов об Аллане Кардеке и Леоне Дени, этих двух воистину *светлых гениях* человечества.

В 1858 году Аллан Кардек основывает «Парижское Общество спиритических исследований» с собственным программным уставом и «Спиритское Обозрение» («Revue Spirite») − журнал, выходивший многие годы. Спиритизму Кардек предпослал особую нравственную концепцию и оформил его как «учение, основывающееся на существовании, проявлениях и наставлениях, данных духами». Всё это нашло достойное выражение в главной его работе − «Книге Духов», которая была продиктована ему духами высокого ранга в ходе сеансов автоматического письма (1857 г.).***

«Книга Духов» так же мало нуждается в рекомендациях, как и «Библия», как и «Бхагавад-Гита», как «Веды» или «Упанишады». Она посвящена самой загадочной и важной проблеме, волнующей человечество на протяжении всей его истории: есть ли жизнь после смерти? И если да, то какова она и что тогда та-

* Любопытно, что в имени основателя Учения − Ипполита-/Леона Дени/зара Ривайля уже содержались имя и фамилия его продолжателя − Леона Дени.

** Это название, как можно видеть, составляем из фамилий основателей Учения, дабы никто не смешивал их концепцию с собственными, либо ходячими понятиями о Спиритизме.

*** Полный текст её вышел в нашем переводе в московском издательстве «Ренессанс» в 1993 году. Новое переработанное и исправленное издание выходит в 2017 году «ИП Москвичёв А.Г.» в Нижнем Новгороде).

кое смерть? Для чего вообще мы здесь? Эти вопросы и многие другие подобные волнуют каждого нормального человека, мимо них нельзя пройти, от них нельзя отмахнуться, от них никуда не укрыться, они касаются и затрагивают всех и каждого. Ответы на эти вопросы можно найти, читая «Книгу Духов» Аллана Кардека и другие его работы.

«Книга Медиумов, или Руководство для Медиумов и Вызывателей Духов» была издана в 1861 г.* За ней последовали другие: «Спиритизм в самом простом его выражении» (1863), «Евангелие в разъяснении Спиритизма» (1864), «Рай и Ад, или Божественная Справедливость в объяснении Спиритизма» (1865), «Книга Бытия, чудеса и предсказания в объяснении Спиритизма» (1868) и иные.

Истинная Гуманность и самая высокая Духовность выражаются во всех творениях Кардека. Они пролили новый свет о Бессмертии Души и о посмертном существовании. При этом на стороне Кардека (и в этом отличие его работ от книг иных оккультистов) то неоспоримое преимущество, которое дают простота и ясность изложения, строгая логика, стройность замысла, изящество исполнения, чувство меры и отменный стиль.

Влияние его идей на умы современников и последующих поколений было огромно. Последователи учения Кардека имелись во всех странах мира, включая и Россию. В годы советской власти само имя учёного и философа находилось под запретом: столь серьёзную и реальную опасность для большевицко-коммунистического режима представляла его философия.

«Книга Медиумов» является самым авторитетным руководством в области практического Спиритизма. Спиритические феномены (полтергейст, апорт, левитация, автоматическое писание, материализация и т.п.), их причины и условия нашли себе здесь наиболее полное освещение. Эта классическая работа со времени её написания выдержала десятки изданий во Франции и была пе-

* Эта книга также была выпущена издательством «Ренессанс» в 1993 году. Её новое переработанное и исправленное издание равным образом выходит в 2017 году «ИП Москвичев А.Г.» в Нижнем Новгороде.

реведена практически на все культурные языки мира, на каковых также множество раз переиздавалась.

Перу Леона Дени принадлежат такие труды, как «После Смерти», «Христианство и Спиритизм», «Человек и Судьба его, в мире этом и ином», «Правда о Жанне д'Арк» и ряд других.

Французскому писателю Александру Геппу принадлежат такие слова: «Есть человек, написавший самую прекрасную, самую благородную и драгоценную книгу, какую я когда-либо читал. Зовут этого человека Леон Дени, а книга его называется «После Смерти». Читайте её и все другие его книги − и вы узнаете великую, освободительную и плодотворную радость, которая явится вам чрез все излиянья нашей скорби, сквозь наш страх смерти и великий траур по тем, кого мы считаем «умершими».

Леон Дени, благоговейно названный учениками и последователями «апостолом Спиритизма», в новых исторических условиях − в первой четверти XX века − продолжил развитие философии, основы которой были заложены Алланом Кардеком. Его труды, как и труды его предшественника, переведены на все основные языки мира и десятки раз переиздавались во Франции. Леон Дени − не только тонкий мыслитель, но и прекрасный художник слова. Поэзия и проникновенный лиризм сочетаются в его творчестве с тонким философским анализом и несгибаемой логикой. А.Конан-Дойль, переведший на английский язык его книгу «Правда о Жанне д'Арк», сказал: «Работа над переводом этой книги была для меня почётной миссией».

На страницах книг Леона Дени читатель найдёт всю правду о жизни и смерти и уразумеет тогда, что смерти нет, а есть только Бессмертие и Жизнь Вечная. Это не книги дурной и невнятной мистики, но книги великой Радости и Правды, которые заставят человека посмотреть на мир совершенно другими глазами. Прочтя их, он станет духовно богаче и внутренне преобразится. Невозможно не поддаться тайному очарованию великого мастера, задушевно и просто говорящего о сложнейших проблемах человеческого и космического Бытия.

IX

В свете спиритического Откровения все неясности ветхо- и новозаветных текстов, Священных Писаний всех религий устраняются и всё встаёт на свои места. Столь «странные» явления как чудеса, левитация, огненные языки, предсказания, предчувствия и многое другое обретают наконец своё истинное значение.

Страстная проповедь Кардека, Дени и их французских, английских, американских и немецких коллег привлекают к Спиритизму внимание и симпатии в научном мире, в мире литераторов и людей Искусства.

Среди писателей, например, в этом смысле высказались в своё время Виктор Гюго, Теофиль Готье, Александр Дюма (перечитайте в этой связи смерть Атоса в «Виконте де Бражелоне»), Р.Л. Стивенсон (бывший, кстати сказать, одно время секретарём Эдинбургского спиритического общества), Г.Р.Хаггард, А.Конан-Дойль − автор «Нового Откровения», «Жизненноважного Послания», двухтомной «Истории Спиритизма» и других работ, Александр Гепп, Шарль Ломон, Викторьен Сарду, Эрнест Бонмэр, Морис Лашатр, Огюст Вакри, изложивший свои взгляды на этот предмет в «Крохах истории», Эжен Ню − автор «Великих Тайн» и «Потусторонних вещей», и многие-многие другие; у нас, в России − А.Н.Аксаков и, в известной мере, Владимир Соловьёв. Любопытно в этой связи отметить, что если сам Лев Толстой и потешался всячески над этой новой ветвью исследований, то зато вся его мистическая философия и нравственность, особенно в том виде, как оне поданы в его «Круге чтения», целиком совпадают с мистической философией Спиритизма и его нравственным учением.*

* Здесь необходимо отметить, что в своей пьесе «Плоды просвещения», в каковой граф Толстой задался целью нещадно высмеять Спиритизм, он на самом деле высмеял всего лишь собственные упрощённо-поверхностные о нём представления. Печальный и назидательный казус, когда великий ум, возомнившись, считает себя в праве издеваться над тем, с чем едва знаком понаслышке.

Немалое число больших и всемирно известных учёных выразили свою убеждённость в истинности Спиритизма и занимались исследованиями в этой области. Можно назвать имена Вильяма Крукса, Альфреда Уоллеса, Фредерика Мейерса, Оливера Лоджа, Камилла Фламмариона, Шарля Рише, Чезаре Ломброзо, Александра Бутлерова, Гюстава Лебона, Пьера и Мари Кюри. Все они, каждый в своё время, решили подвергнуть тщательному контролю и анализу спиритические феномены, получавшиеся при содействии знаменитых медиумов (Д.Д.Хоума, Э.Палладино и др.), с тем, чтобы удостовериться в их реальности, вернее, *нереальности*, так как поначалу посчитали их вздорными фокусами, скорейшее разоблачение каковых отвечало интересам Науки и тогдашней философии. Но факты, как известно, вещь упрямая, и они переубедили скептиков, научная добросовестность которых заставила их публично признать свои первоначальные взгляды заблуждением. Должным образом засвидетельствовав реальность этих явлений, учёные занялись их классификацией. «Как бы ни относиться к спиритизму, нельзя не признать несомненность этого факта», − так высказался по этому поводу В.Ф.Войно-Ясенецкий. Да что там говорить! Сам насмешливый и скептичный Шопенгауэр не счёл в своё время для себя возможным сомневаться в реальности этих явлений, ибо прекрасно знал, что они не такая уж редкость.

Конечно, ничем непоколебимые скептики отмахнутся и от этого, решив про себя: «Пусть их! видно, в голове у этих учёных мужей есть какой-то изъян!» Тем более, что, с другой стороны, их современники − такие, как Ч.Дарвин, Ф.Энгельс, Г.Спенсер − откровенно потешались над этой областью исследований. Но скептикам следует знать, что у этих последних пренебрежение данным вопросом достигло такой степени, что они даже не пожелали ознакомиться с предметом, заявив о своём априорном неприятии его, а сам Энгельс написал какую-то, просим нас извинить, смехотворную чепуху в своей статье «Естествознание в мире духов». Объективному свидетелю, таким образом, должно быть совершенно ясно, что они хватили через край, что, как бы ни были

они велики, каждый в своей области, но в данном вопросе они выказали непростительную слабость, поскольку их подход в этом случае чрезвычайно догматичен и всего менее научен. И, соответственно, наоборот, те учёные и мыслители, которые не почли за труд изучить спиритические явления, которые, установив, что те действительно существуют, попытались вывести управляющие ими законы, пошли по истинно научному пути, пути знания и прогресса. Так логика может поколебать любой скептицизм.

Усилия и деятельность этих учёных дали рождение новой методе психологического исследования − метапсихике − и привели к созданию в Великобритании «Общества психических исследований». Параллельно такое же общество создаётся и в С.Ш.А. Знаменитые многотомные «Протоколы» этих обществ (так называемые «Proceedings») издавались в течение долгого ряда лет и приобрели всемирную известность.

X

И всё же увлечение чисто научным экспериментированием и анализом в отрыве от нравственно-философской концепции, определённой Кардеком и самими духами, дало в конце концов свои отрицательные плоды. Об опасности этого предупреждал уже Конан-Дойль, когда писал, что эти опыты, сами по себе, не имеют большого значения, что они важны лишь постольку, поскольку поддерживают собой и придают объективную значимость огромному множеству знаний, призванных глубоко изменить наши старые религиозные взгляды и дать человеку уверенность в его будущем, знание о его индивидуальном, личном Бессмертии. Но этого в серьёзном масштабе как раз и не произошло, форма, как это часто бывает в человеческой истории, заслонила собою суть. Нравственное учение, философия Бессмертия, торжество Духа над Материей и над смертью постепенно были забыты. Остались лишь механические эксперименты с механическими же, как полагали, *неживы-*

ми силами, воздействующими на такую же мёртвую материю. К началу этого века материализм восторжествовал как в мышлении людей, так и в их деятельности. В конце концов, как естественный итог этого разразилась первая мировая война, приведшая затем к роковому октябрьскому перевороту в России. Значение этих двух событий, и в особенности последнего, не получило ещё должной оценки у историков, и не было понято и прочувствовано их пагубное влияние на ход человеческой истории в XX веке. Само понятие Духовности было утрачено, и её заменила власть силы и количеств, когда численное равенство было отождествлено с равенством качественным, вопреки мнению древних, которые считали, что люди качественно не равны и что «один стоит многих тысяч, если он наилучший». И тогда «духовность» стала всего лишь неуклюжей метафорой на устах тех, кто не признают существование самого Духа. Как следствие, политика с её разнузданными страстями и аппетитами стала командовать Нравственностью, определять, что хорошо и что плохо. И вот мы получили то, что имеем.

Политические и идеологические условия в нашей стране долгое время находились на таком уровне, что сколько-нибудь серьёзно о вещах мистических и духовных говорить не представлялось возможным. Хочется думать, что теперь это время безвозвратно прошло и многое, если не всё, можно называть своими именами. «Оккультное», т.е. «скрытое», «потайное», сегодня должно наконец стать ясным, явным, понятным каждому, ибо только таков путь здоровой Цивилизации, восхождения человечества на следующую ступень Эволюции, а также залог нашего выхода из глубокого и затяжного духовного кризиса.

В нашей современной жизни, когда утрачены старые «идеалы» и многие мечутся в поисках опоры, не всегда верно отыскивая её в Религии, Церкви, представляется просто сверхважным помочь людям обрести правильное представление о Мироздании, о роли Человека, смысле и цели появления каждого из нас на этой несчастной Земле.

Не стоит сводить данный вопрос к Идеологии, как по слабоумию это делалось до сей поры, ибо он бесконечно шире

и глубже: всё это вопрос не столько Идеологии, сколько Гносеологии и Онтологии. Наибольшее заблуждение, наизлостный предрассудок − это злобное предубеждение. Оно надевает шоры на зрение Рассудка, и он одержимо смотрит тогда в одном направлении, отказываясь даже от попытки понять, что могут быть и другие направления для взгляда, и другие точки зрения, также имеющие право на существование. Не может быть признано здоровым общество с оголтелой нетерпимостью относящееся к иным взглядам на вещи и, к тому же, задавленное самоцензурой. Такая позиция всего менее научна и означает лишь несдержанность ложной мысли.

XI

Примирение Науки и Религии необходимо, это вопрос *жизни* и *смерти* для нашей Цивилизации. Примирение это исполнимо лишь на основе взаимных уступок и отказе от догматизма. Подобное примирение возможно лишь в Спиритизме и только благодаря ему, как бы оскорбительно ни звучало это на первых порах для слуха служителей механического знания и охранителей сектантского культа.

Сегодня не будет преувеличением сказать: засилье вздорной наукообразности и ложной науки привело к тому, что нынешняя думающая часть человечества охотно и вполне серьёзно изучает такие вопросы, как катары желудка у инфузорий или профилактика перелома ног у тараканов и блох, и предпочитает эти «исследования» размышлению о глубоких тайнах Души человеческой. В итоге нынешняя интеллигенция даже не знает, есть ли вообще у Человека *душа*, и склоняется к бездумному утверждению того, что её нет, и потому с достойной последовательностью изучает всякий недостойный вздор и предаётся унизительной глупости. Кризис духовного сознания человека XX века хорошо выражают слова А.Тарковского: «Мы так мало знаем о душе, в этом отноше-

нии мы похожи на бродячих собак. Мы хорошо себя чувствуем, когда говорим о политике, искусстве, спорте, женщинах, любви, но когда речь заходит о духовности − мы блуждаем. Нет у нас образованности в этой области. Мы не подготовлены к этому...»

Но в «Агрушада-Парикшай» («Индийской Книге Духов») сказано: «Первейшая из наук − это наука о человеке; человек же есть душа, а тело его − лишь средство сообщения с земною материей; изученье души ведёт к познанию всех зримых и незримых сил природы, к познанию великого Целого».

У Оскара Уайльда читаем: «Русский, живущий счастливо при существующей системе правления в России, должен думать, что у человека или вовсе нет души, или, если таковая у него имеется, то она не стоит того, чтобы её развивать». Сказано о России 80-90 годов XIX века, но насколько справедливо это ко всему, что творится у нас с октября 17-го года! Душу и Бога вычеркнули из жизни − и жизнь превратилась в скотство. Между тем, если б только, *хоть на мгновение*, наши зрение, слух и осязание сделались несравненно более совершенными, то мы убедились бы, что смерть не уничтожает Человека, но лишь делает его, *для нас*, невидимым, неслышимым и неосязаемым.

Самомнение европейской науки, когда она считает себя вправе подходить к любым явлениям Жизни, в том числе и к таким, как Йога и Спиритизм, со своими методами и мерками, весьма смахивает на самодовольство и самонадеянность школьника, которому бы вздумалось, будто он имеет право экзаменовать умудрённого знаниями и опытом жизни старца, да ещё ставить ему двойку! Неужто можно всерьёз рассчитывать, что этот старейшина удостоит своим ответом сего зарвавшегося нахала? И что из его ответов этот последний сможет понять истинно?

Некто скептик и ещё имеет дерзость гордиться этим. Он поступает крайне глупо, ибо весьма походит на человека, который, сомневаясь бы в том, что дважды два равно четырём, стал бы обращаться к тем, кто занимаются Высшей Математикой, чтобы они доказали ему сию интересную теорему. Но естественно, что эти последние просто в силу того, что они занимаются уже

именно *высшею* Математикою, совершенно равнодушны к скептику и его проблемам, ведь их-то самих азы более не занимают. И в итоге скептик умудряется стать ещё глупее, так как теряет интерес к этим азам, которые, по его убеждению, ему никто преподать не может. «Я в это не верю» или «Для меня это не убедительно, и потому всё это вздор!» − одержимо твердит он, священнодействуя в своём храме невежества.

Наука очень упрощает мир, и при наличии тех данных, какие у неё есть, она не может и никогда не сможет понять такое явление, как Жизнь, ибо данные эти однобоки и недостаточны; они всего лишь как бы скелет, на который не надета живая плоть, а эту живую плоть Науке взять негде, ибо она имеет дело не с Духом, но всего лишь с Материей, то есть прахом и шелухою.

Наши органы чувств, вернее, наше восприятие внешнего мира устроено таким образом, что мы не можем видеть окружающей нас действительности во всей её полноте, во всём её объёме, а видим *лишь малую часть* этой действительности. Поэтому *все* наши суждения о ней не могут иметь объективного характера, т.е. претендовать на *научность*, до той поры, пока каким-то образом мы не получим её полного, 100%-ного восприятия. Разумеется, для этого наших пяти или шести чувств вкупе с несколькими приборами, воспринимающими что-то в провале между слухом и зрением, ещё весьма маловато.

Строгому учёному вполне видны недостаточность и бессилие существующей Науки. «Когда дело идёт не о наблюдении мелких фактов, − говорит Шарль Рише, − а о том, чтобы проникнуть в глубь вещей, установить общие законы, дойти до причины явлений, то мы наталкиваемся на отрицательные решения или приходим к двум-трём гипотезам, одинаково невероятным. Посредством наблюдения мы ознакомились с довольно большим числом явлений природы и кое-как объяснили некоторые из них, но *не поняли ни одного*. А если мы столь бессильны и знаем так мало, то нам очень следует остерегаться излишней надменности и должно сознаться, что наука наша подвинулась еще весьма немного. Так что не станем назначать границ природе, не будем

говорить: «Это возможно, а то − нет». Нам остаётся лишь одно: наблюдать и делать опыты, делать опыты и наблюдать».

Но, делая опыты и, в особенности, наблюдая, следует всегда помнить, что «чудес» нет. И спириты карденистской школы не устают это подчёркивать. Есть лишь законы, управляющие всеми явлениями. Незначительная и низшая часть этих законов познана человеком, и он даёт таким образом объяснение явлениям низшего порядка. Но когда он, исходя из своих знаний, пытается объяснить явления более высокой природы, то он либо сознаёт своё невежество и своё бессилие сделать это, объявляя тогда явления эти «чудесами», либо же, возомнив себя всезнающим, или хотя бы многознающим, берётся объяснять явления, управляемые неведомыми ему законами, чрез законы, ему известные, и весьма грубые аналогии − и тогда он говорит глупости и пошлости.

У Камилла Фламмариона читаем: «То, что здесь горделиво называют «наукой», есть не что иное, как плод весьма ограниченной способности восприятия, обусловленной деятельностью ваших несовершенных органов чувств. Истинно сказываю вам, то, что вы знаете, и всё то, что вы сможете когда-либо узнать при посредстве ваших земных чувств, − ничто в сравнении с тем, что есть на самом деле. Правда этих слов столь основательна и глубока, что на Земле есть существа до такой степени различные от вас, что составлены они из материи, не воспринимаемой вами, существа, не имеющие ни глаз, ни ушей, ни каких иных ваших органов восприятия, но одарённые другими органами, способными воспринимать то, что не воспринимается вами, и существа эти, живя одновременно с вами в том же самом мире, что и вы живёте, знают то, что вы не можете знать, и составляют себе о природе и жизни понятье совершенно несхожее с тем, какое составляете себе о них вы».

Когда речь идёт о Человеке, то большинство создателей «новых» теорий и направлений в Науке, из-за того что они на свой материалистический лад перетолковывают то, что уже давным-давно было постигнуто и сформулировано древними, и выдают свои калечные идеи за нечто архисовременное, походят на

очередных изобретателей велосипеда, которые бы вдруг приделали своему детищу каменные колёса. Так, к примеру, некоторые из них берутся на материалистический лад переосмыслять Йогу, и из стройного мировоззрения, основанного на самых высоких откровениях Духа, у них получается нечто вроде утренней гимнастики, рассчитанной на то, чтоб немного взбодрить пьяного сантехника или перекурившегося чинушу. И вслед за тем, эти «открыватели новых идей в науке» выдают палец, отбитый ими у ноги античной статуи, за своё собственное изобретение, а это уже позволяет им из низины своего непонимания и варварства высокомерно судить о вещах, из коих они украли один лишь атом. Но сколь опрометчиво судить о достоинствах картины по гвоздю, на котором она висит!

Отставание психической науки от физической прямо-таки чудовищно: если физическая наука уже имела своего Ньютона и своего Эйнштейна, если биологическая наука находится на уровне Коперников, то психическая всё попрежнему блуждает среди Гиппархов и Птоломеев. Между тем Психология, построенная не на спиритуалистической, а на материалистической основе, подобна волу, которого используют в качестве племенного производителя. Конечно же, всегда следует ещё помнить, что официальная наука − не столько отражение умственных способностей человечества, сколько отражение тех политических условий, в которых оно живёт или вынуждено жить. Условия далеки от совершенства, Наука узка и раздроблена, а действительность широка и необъятна, и потому никак не укладывается в рамки такой науки.

XII

В Философии положение ничуть не более утешительное. Философия не так уж часто отвечает своему названию, ибо когда знакомишься со многими её детёнышами, то невольно поражаешься прозорливости авторов, которые, как то им кажется, об-

суждают вопросы весьма важные, но человеку беспартийному, к сожалению, столь часто напоминающие содержимое выеденного яйца. И тогда видишь, что всё это вовсе не «я люблю мудрость», но обычно и чаще всего − «я люблю глупость». Так, в частности, авторы, занимающиеся пописываньем «философских» сочинений, имеют сегодня твёрдую внутреннюю убеждённость в том, будто человек − просто мыслящий кусок недоброкачественного мяса, и, исходя из этой убеждённости, они строят столь же ценные дальнейшие свои теории. Им и невдомёк, что будь он таковым, то ему было б не под силу произвесть даже и эту кретинскую идею.

Камилл Фламмарион говорит: «Если души не существует, если способность мыслить всего лишь свойство мозга, то мы не имеем больше права говорить, будто *мы* имеем тело, потому что тогда *наше тело, наш мозг* имеют нас». Понимаете ли Вы это?

Ничем непоколебимая уверенность большинства нынешних людей в том, что Человек есть тело, наивна, как семь смертных грехов, и так же безобразна, как и они. Она вполне соответствует уровню самосознания животных, но совершенно неуместна у Человека и недостойна его. Вся современная партийно-официальная «философия» (да и не только партийно-официальная), по своим масштабам и значимости, − какая-то гипертрофированная гибель амёбы.

«Если философия хочет быть полезной людям, она должна сделать Человека своей центральной проблемой», − говорит Гердер, и это воистину так. Но Человек как центральная проблема Философии − это проблема Души и её бессмертия, а отнюдь не метаморфозы материи, не матерьяльное производство или борьба классов. Чтобы не понимать этого, надо быть либо марксистом, либо буржуа, либо бесчувственным и неодушевлённым предметом.

Борьба классов, теория прибавочной стоимости и тому подобное потому не могут быть исходной точкой для истолкования и познания сущего, что сущее есть не только там, где нет классов и их борьбы, нет прибавочной стоимости и даже самой её теории,

но и там, где нет носителя всей этой шелухи − земного человека. Проблема на самом деле заключается в том, что мы загипнотизированы действительностью, которая в действительности не действительна.

Марксистская философия внушает, будто мы живём лишь раз, что, разумеется, не так. Но даже, если и принять *это*, то довод ли сие в пользу того, чтоб жить по-скотски, как то всегда практиковалось в стране торжествующего марксизма-ленинизма? Человек смертен, он рождается и умирает − вот начало всякой Философии. Всегда только от этой печки и следует танцевать, чтоб притти к верным выводам. Кто знает о Грядущем Свете, у того есть силы и мужество томиться во мраке. Более того, для него Свет Грядущего рассеивает мрак настоящего. Мы же живём в мире, ничего не ожидающем от иного мира.

Один современный писатель утверждает, будто духовное величие человека в том, что он, зная, что он смертен и что смертны все остальные люди, живёт так, словно он и все вокруг него бессмертны. Утверждаю прямо обратное: человек, не понимая и не зная того, что он *бессмертен* и что все вокруг него *БЕССМЕРТНЫ*, живёт так, словно он и все остальные люди смертны. В этом его духовное ничтожество. Жалкие же вы философы, господа, если не можете положительно решить вопрос о Боге и бессмертии!

Великий русский философ XX века В.Н.Ильин в «Арфе Давида», в частности, говорит: «Идея Бога, особенно в связи с идеей богоподобия и принципиального всемогущества человека, идея веры, переставляющей горы, идея бессмертия души и вечной жизни и вечного совершенствования человеческой личности − всё это настолько дерзновенные, даже дерзкие, настолько беспредельно смелые, так много дающие пищи уму, сердцу и эстетическому чувству идеи, что сравнительно с ними противоположные им идеи безбожия, безверия, животности человека, его абсолютной смертности, а потому и неминуемой перспективы *полного* уничтожения рода человеческого в будущем, идеи ограниченности сил человека, всё это представляется робким, трус-

ливым, унизительным для человеческого достоинства, настолько уродливым и бездарным, что действительно упорно держаться за них могут либо только робкие умом и духом, совершенно лишённые эстетического чувства, или же, что ещё хуже, низкопоклонники, карьеристы, жалкие консерваторы, повторяющие давно заезженные азы материализма и безбожия».

«Неофициальным девизом всех материалистов, − считает Свами Анантананда, − является изречение Протагора о том, что человек есть мера всех вещей: существующих в том, что оне существуют, и несуществующих в том, что оне не существуют. Но ещё Платон показал полную несостоятельность такого утверждения, вложив в уста Сократа доказательство того, что данное положение равносильно другому, ему родственному − свинья есть мера всех вещей. И в самом деле, почему именно человек есть мера *всех* вещей? Здесь явный отход от истины, открытое нежелание признать стоящую над ним объективную действительность. И потому правомерно влезть в шкуру свиньи и заявить, что ни наук, ни искусств, ни ремёсел, ни вообще чего-либо, кроме жёлудей и того, что можно съесть или в чём можно выпачкаться, не существует».

Уместно напомнить, что формальным основанием всего старого материализма являлось догматическое утверждение о *неделимости* атома («атомос» − неделимое), утверждение, от которого Наука, развиваясь, вынуждена была отказаться, разрушив тем самым фундамент, на каковом извечно возводилось здание материализма. Теория неделимого и неразрушимого атома, которая 2000 лет служила основой в Физике и Химии, была наконец оставлена Наукой вследствие открытий Кюри, Беккереля, Лебона и других. В 1876 году Бертло в «Химическом синтезе» охарактеризовывает эту теорию как «роман хитроумный и изощрённый». «На этом примере, − говорит Лебон, − можно видеть, что некоторые научные догмы состоятельны ничуть не более, чем божества древних веков». Но ещё и до них сэр Вильям Крукс, великий английский физик, заявил: «Материя есть не что иное, как одна из форм движения». Таким вот образом сокрушилась единственная

точка опоры, на которой строилась вся материалистическая теория.

В самом деле, что такое Материя? Этот вопрос мы можем предложить материалистам. Жюль Сури, один из наиболее авторитетных в своё время писателей-материалистов, не колебался честно признать своё незнание природы Материи и оспаривал саму возможность такого знания. Другие, более самонадеянные сторонники материализма, время от времени давали различные определения Материи, которые однако ничего не объясняли в сути дела и часто противоречили одно другому, пока наконец не закрепилось надолго (разумеется, лишь в С.С.С.Р.) определение, данное Гольбахом, подновлённое по части «фотографии» Лениным и известное теперь как «ленинское».

Приведём это определение и объясним его несостоятельность. «Материя, – говорит Ленин, – есть философская категория для обозначения объективной реальности, которая дана человеку в ощущениях его, которая копируется, фотографируется, отображается нашими ощущениями, существуя независимо от них». Что ж, прекрасное и весьма внятное определение, единственное, чему остаётся удивляться, так это тому, что оно могло незыблемо продержаться столь долгое время, не будучи опровергнутым. Но в стране, где теорию охраняет тайная полиция, и не такое возможно.

Итак, удивимся его живучести, ибо определение это сводит всю объективную реальность лишь к нашей способности ощущения, т.е. к деятельности наших органов чувств, и тем самым как бы утверждает, что всё, что нами не ощущается, не имеет объективного бытия, или, попросту говоря, не существует. Иными словами, объективную реальность, от нас совершенно не зависящую и над нами довлеющую, желают ограничить нашей способностью её воспринять, поставить её в зависимость от нашей способности восприятия. Какой самоуверенностью надо обладать, чтобы выдавать эдакий вульгарный сенсуализм за науку и серьёзную философию! И ещё. Обратите внимание на слова:

«которая *дана* человеку в ощущениях его...» Спрашивается, КЕМ дана? Вот в чём вопрос.

Не правда ли, интересная нелепость, когда объективно данную реальность сводят к субъективно получаемым ощущениям, или когда, другими словами, часть считает себя больше целого?! Впрочем, не будем придираться к словам, пусть даже за этими словами и стоит очень многое: ведь если что-то берутся определить, то его тем самым берутся и ограничить, ибо всякое определение по природе своей есть уже ограничение.

Таким образом, по логике ленинского определения Материи (если следовать только этому определению, не вдаваясь в дальнейшие ленинские разъяснения − а так именно и вели себя его последователи, упивавшиеся одним лишь определением), по логике этого определения получается, что, например, стол существует, поскольку мы его видим и осязаем, звуки человеческого голоса или музыкальных инструментов существуют, поскольку мы их слышим, запах розы существует, поскольку мы его обоняем, варенье и яблоко существуют ещё и потому, что мы, помимо прочего, ощущаем также и их вкус, когда их съедаем, и т.д., и т.п. Но вот, к примеру, радиоволны в отличие от световых и звуковых волн и всего вышеперечисленного никак не существуют, поскольку ни одно из наших пяти чувств в отдельности, ни все они вместе взятые не могут их ощутить.* Человеку с такими убежденьями, должно быть, бесполезно подсовывать под нос радиоприёмник, объяснять, как тот работает, и показывать его в действии. Человек этот, надо полагать, будет упрямо твердить, что тут без обмана не обошлось, что это обыкновенное звуковоспроизводящее устройство вроде патефона, что радиоприёмника просто в принципе быть не может, потому что сами радиоволны нелепый миф и вздорная выдумка невежественных людей, памя-

* Мимоходом следует отметить, что выражение «органы чувств» представляет собой безграмотный штамп, которого хороший русский язык решительно не дозволяет. «Чувства» по-русски, это − любовь, ненависть, сострадание и т. д., а зрение, слух, осязание и прочая по-русски называются «ощущениями». Поэтому в целях улучшения терминологии о глазах, ушах, носе и т. п. стоило бы говорить как об «органах ощущений».

туя о том, что ощущения человека их никак обнаружить (тут уж не до копирования и фотографирования) не могут и т. д., и т. п. , а стало быть, нет и смысла тратить время и силы на всевозможные радиорассуждения, сиречь изучение спиритических явлений, но лучше посмотреть хоккейный матч или почитать газетку. Такова, образно говоря, узкая логика всех неподступных противников Спиритизма, вооружённых нашим Ильичом. Признать существование радиоволн такому человеку должна мешать либо его умственная ограниченность, либо же − и это ничуть не реже − какие-то личные интересы и материальные расчёты, так сказать, его «классовая ограниченность», если воспользоваться марксистской терминологией, и потому факты его не убедят. Ну да бог с ним, с этим человеком! это его трудности. Лишь бы только людей таких было поменьше и не они бы делали философскую погоду.*

Вы, быть может, скажете, что тогда, к ленинскому определению Материи, надо добавить то, что Материя дана человеку не только в ощущениях его, но и может восприниматься и регистрироваться специальными приборами? И Вы совершенно правы! Надо признать, это будет очень важное и ценное дополнение, поскольку благодаря ему наше восприятие объективной действительности значительно расширяется, но опять-таки никак не исчерпывается. Ведь если мыслить диалектически, то станет ясно, что наряду с радиоволнами и другими уже известными сегодня явлениями, которые однако обнаруживаются никак не человеческими органами чувств, но с помощью особых приборов, в природе существуют и *должны* существовать другие проявления Материи, не восприемлемые нашими ощущениями, но которые однако Наука сможет когда-нибудь обнаружить с помощью специально сконструированных приборов. А отсюда уже рукой подать до признания существования духов, ибо они, по учению

* Сейчас слово «бог» стало модным без разбору и толку писать с заглавной буквы. Мы так не поступаем, поскольку писать его с заглавной буквы в переосмысленных словосочетаниях типа «бог с ним!», имеющих откровенно уничижительный оттенок (в данном случае «ну его!», «пусть себе!») значит совершать богохульство.

Карденизма, с точки зрения вещественной представляют собой особую, утончённую материальную субстанцию.

Надо заметить, что материалисты, когда они наконец будут вынуждены признать существование духов, как они признали ранее делимость атома, станут учить тому, что духи суть также одна из форм Материи. Но мы считаем, и это принципиально важно, что сама по себе Материя есть не что иное, как бесконечно плотная и сгущённая, бесконечно грубая и утяжелённая форма существования Духа. Всё есть Дух, и Материя − самое незначительное проявление его.

Леон Дени, в частности, сообщает об этом следующее: «Материя, в сущности своей, по всей видимости является флюидом бесконечно гибким, эластичным, бесчисленные сочетанья коего дают рожденье всем телам. Невидимый, неосязаемый, невесомый в первородной сущности своей, флюид этот, чрез длинный ряд переходных состояний, обретает вес и создаёт, посредством сильнейшего уплотнения, твёрдые, непрозрачные и тяжёлые тела, кои составляют основу земной материи. Но это состоянье сцепления всего лишь временно, переходно, и материя, вновь пройдя все этапы своего преобразованья, может беспрепятственно распасться и вернуться к своему изначальному флюидическому состоянию. Вот почему существованье миров всего лишь временно, проходяще. Проступив из океанов эфира, миры вновь вернутся в него и растворятся в нём по завершении своего жизненного цикла». Вся материальная Вселенная по завершении своего жизненного цикла растворится в космической Беспредельности подобно тому, как плавится и испаряется снежинка, попавшая в пламя костра, и в Вечности останется лишь Вселенная духовная, по отношению к которой материальная была лишь приблизительным и черновым наброском.

Но сегодня Философия пока что не дошла до осознания этих реальностей. Официальная философия была и остаётся способом оправдать существующий порядок вещей и через оправданье это уютно в нём устроиться. И во всём этом заслуга материализма и безбожия, приведших к забвению души и ис-

тинной Духовности. Крупнейшим же двигателем материализма и безбожия явился в нашем веке тов. Ульянов-Ильин-Ленин. И вот мы вынуждены сказать, что подобно тому, как Поэт не тот, кто по заказу слагает патриотические вирши и вымучивает политические частушки, но тот, кто неустанно творит, следуя своему внутреннему призванию, так и Философом человек становится отнюдь не в зависимости от того, защитил ли он какую скучную диссертацию или же нет; более того, не предаваясь такой скуке, тем вернее становятся Философом, ибо Философ это − отнюдь не неуклюжий болтун, не схоласт, не софист, но Огненный Дух, опаляющий всё пыльное и нечистое. Философ, если он Философ, справедлив и беспощаден. В этом дело его и назначение.

А что имеем и что имели мы? − «Философия − служанка теологии» − твердил Фома Аквинский; и «философия − служанка идеологии» − бубнят фомы коммунистские. Увы! наказание глупостью − первая расплата за отказ от Духовности.

XIII

Равно и с Религией дела обстоят весьма неблагополучно. Неслучайно весь XX век прошёл под знаменем самой глупой из всех религий − атеизма.* Это является выражением глубокого кризиса всех иных сегодняшних религий − Ислама, Буддизма, Индуизма, Иудаизма и прежде всего − Христианства. Здесь не

* К.Преображенский в своей книге «Неизвестная Япония» справедливо пишет: «Нет отрицания без сущности. Невозможен был бы, к примеру, антифашизм, если бы не было фашизма, так же, как никогда не заводился антикоммунизм до возникновения идеологии коммунизма. Атеизм же, отрицая Бога, не признаёт Его бытия даже в условном допущении, пытаясь балансировать на одной только левой ноге. − Атеизм − это тень, отбрасываемая религией. Подобно ей, он тоже требует от своих адептов веры, но отрицательной, как бы с изнанки − в несуществование Бога. − Такая вера бесплодна. Разрушая старые храмы, она не способна построить новых, ибо лишена созидания. Сражающаяся за пустоту, она и нравственно никчёмна, и потому влияние атеизма на людские души пагубно, что подтверждает нынешний моральный упадок советского общества». (*Й.Р.*)

место разбирать этот вопрос подробно. Можно лишь сказать, что кризис Религии обусловлен её догматизмом, преобладанием в ней формы над сутью, Материи над Духом. Так, к примеру, остаётся только скорбеть об официальных формах современного Христианства, игнорирующих закон перевоплощения (реинкарнации), ибо именно это игнорирование ввергает их в бездны амартологии* и сатанизма.

В самом деле, ужасно всю жизнь искренно считать себя низкой, греховной тварью, являющейся к тому же что ни миг жертвою дьявольских козней. К чему путному может привести такое мироощущение? Человек вовсе не недостойная тварь, и первородный грех − лишь вздорно расшифрованный символ. Ведь младенец при рождении своём уже является, как правило, существом духовно чистым, невинным, на нём не лежит печать прошлой греховности, именно для этого у рядовых смертных напрочь и отключена память о ранее прожитых жизнях. И это временное отключение от прошлых ошибок и преступлений, эта вновь обретённая невинность позволяет духу начать всё с начала, частично или полностью искупить и исправить ранее содеянное, для чего, собственно, он и приходит в этот мир. Задача же родителей и окружающих − помочь ему в этом, дав достойное воспитание и указав верный путь, и нет первоначальной вины его в том, если родители и все окружающие вместо этого лишь развращают его и препятствуют исполнению его жизненного замысла: тому виной уже их невежество, порочность и глупость − невежество, порочность и глупость психического мира, который люди сами себе создали и не перестают поддерживать всеми возможными неправдами.

Нет ничего недостойного так же и в том, *как* Человек рождается в здешнем мире, нет надобности усматривать что-то действительно «греховное» в половом вопросе. Вообще говоря, ничто с такой недвусмысленной ясностью не свидетельствует нам о том, что земное человечество всё ещё находится в поре детско-

* Амартология − учение о «первородном грехе» и более широко − о греховности человеческой природы, выдвинутое христианскими богословами.

сти, как его отношение к вопросу о поле. Всяческие извращения мысли и действия в этой области говорят лишь о непроходимой наивности человечества. К сожалению, здесь не место подробно рассматривать и этот вопрос. Скажем только, что в этой связи полезно было бы помнить о Йоге, которая не усматривает ни в одной из функций тела чего-либо низменного или постыдного, и о Буддизме: в «Тибетской Книге Мёртвых» («Бардо Тодол») к духу покойника постоянно обращаются не иначе, как «О, Благороднорождённый!»

О дьяволе же вновь и вновь говорить, право, не представляется заслуживающим такой чести, Но увы! Люди, воюющие с Сатаною, спят наяву, видят сны и фантазируют на заданную им тему, вместо того чтобы очнуться и вырвать это зло с корнем. Воистину сон Разума порождает и плодит чудовищ. Ничто не иллюстрирует этой прописной истины лучше, чем сатанизм христиан и самих сатанистов. Ну и помимо того, люди обожают политику страуса из сказки, сунувшего голову в песок и воображающего, будто он славно спрятался от столь противных его взору охотников. Как ни убаюкивай он себя этими химерами, те всё равно приближаются и возьмут его голыми руками. Так и люди, по собственному невежеству, мысленной нечистоплотности и лени, населяют окружающее пространство гнусными мыслеобразами и вместо того, чтоб изживать в себе самих и в окружающих всё недостойное и мерзкое, предпочитают делать проекцию со всего этого во вне человечества, создавать в собственном воображении своего главнейшего объективного врага и имеют ещё нечестие приписывать действительное сотворение этой иллюзорно-аллегорически-балаганной фигуры самому Творцу! Сколько низости, малодушия и дури в подобной позе! Воистину, надо быть Вечным и Всеблагим, чтобы сносить от нас, глупых людишек, ещё и такое. А между тем действительный, невымышленный, хотя, правда, и не такой страшный, враг не дремлет и делает своё разрушительное дело − и человечество, само парализовав себя (говоря техническим языком, здесь происходит эффект реверберации), застывает на довольно низком уровне нравственного и культурного развития.

Итак, скажем несколько слов по этому, сделавшемуся довольно важным, поводу, дабы прояснить и очистить сознание наших современников.

XIV

Всякому человеку, понастоящему задумывающемуся над сущностью Христианской Религии, неизбежно бросается в глаза трагический разлад, вопиющее несоответствие, бытующее между словом и делом самого Христа, с одной стороны, и словами-делами его более поздних последователей, с другой. И проблема здесь не только в том, что на протяжении веков религия Любви и Всепрощения насаждалась огнём и мечом. Может быть, всего более важно во всеуслышание заявить сегодня о полнейшей несовместимости учения Христа с учением христианским, вернее, называющим себя «христианским». Насколько всё просто, ясно, цельно в первом, настолько же всё запутано, невразумительно и противоречиво во втором. Как вообще могло такое случиться, что учение Христа, столь цельное и целеустремлённое, раздробилось в практике и мыслях последователей на множество направлений, ответвлений и сект? Вот вопрос, которым стоило бы задаться.

Создатель, творец, носитель Света из множества разрозненных и противоречивых элементов составляет в творческом акте единое целое, в которое он *вдыхает* Жизнь. Это логика созидания, соединения, синтеза. Так поступают Светлые Силы. Поведение сил тёмных, естественным образом, совершенно противоположно: оне берут творение светлых, выхолащивают его и, изгоняя из него Духовную Искру, носительницу Жизни, его тем умерщвляют. Затем оне начинают препарировать оставшийся в их власти труп, вновь разлагая его на элементы, что высвобождает столь ценимую ими энергию распада и порождает хаос. Это логика разрушения, разъединения, анализа. Эти процессы мы можем наблюдать на всех уровнях нашего духовного и физического

бытия. Понимание их может объяснить нам также многое из того, что произошло с Христианским Учением.

Приблизительно ко времени крушения Римской империи созидательная, животворческая энергия Учения резко пошла на убыль. За спадом наступил застой, означивший собою его смерть. В данном случае речь, разумеется, идёт не о самом учении Христовом как таковом, а о его преломлении в головах тогдашних людей, об их способности его воспринять и о наличии у них с ним обратной связи. В эпоху раннего средневековья наступила такая пора, когда эта обратная связь прекратилась и когда люди, не понимая Христа, принялись подлаживать его Учение под себя, под свои нужды и возможности. Это уже и было энергией распада, когда тёмные силы, окончательно обосновавшиеся в лоне самой Церкви, целиком завладели мёртвой (т.е. чисто материальной) оболочкой Учения. Развитие этого процесса в течение долгого ряда столетий читатель, думается нам, может при желании проследить и сам. Здесь важно указать только на самый факт выхолащивания учения Христа. Факт этот выразился в том, что из христианской доктрины навсегда было изгнано *учение о перевоплощении души* − этот воистину краеугольный камень всякого подлинного Христианства, без которого всё в нём становится невнятным и противоречивым. Умерщвление же Христианства в сознании людей наступило с возникновением лжеучения об иерархии тёмных сил, персонификацией Духа Зла и с появлением грубых и варварских средневековых представлений о рае и в особенности об аде.

Эти проблемы и связанные с ними трудности опять-таки нашли своё наиболее полное и достойное разъяснение в работах великого французского философа Аллана Кардека, основателя новейшего Духоведения (или по-западноевропейски «спиритизма»), долго и плодотворно сотрудничавшего с высокими Духовными Иерархами. Его «Книга Духов» в самое ближайшее время выходит из печати в новом переводе, и мы советуем читателю не упустить эту возможность познакомиться с классической работой западного Оккультизма.

Рассмотрим же вопрос о самой большой религиозной мистификации, жертвой которой стало (и в значительной мере по сей день является) земное человечество. Мистификацией этой мы называем учение христианских богословов о личности Сатаны и иерархии тёмных сил. В самом деле, какое бы направление Христианства вы ни взяли − Православие, Католичество или Протестантство, − всюду эта тема присутствует и является доминирующей. Рассмотрим же её, но под несколько необычным углом зрения.

Прежде всего, подойдём к ней этимологически. Такой подход всегда наиболее эффективен, когда хотят проследить зарождение, развитие и дегенерацию какой-либо идеи. Для чего возьмём несколько самых распространённых имён, коими в избытке словесной щедрости духовенские теоретики наделили Духа Тьмы.

Если мы начнём с такого имени, как Сатана, то нам придётся сказать, что это никакое не имя, но просто древнееврейское слово, которое в переводе на русский язык значит «противник», «неприятель», «недруг», «супостат». Таким образом, в богословском контексте «сатаной» именуется всякий индивид, движимый богоборческими идеями. Именно в этом смысле, а не в каком ином, как противники Бога, «сатанами» являются все атеисты, материалисты и коммунисты. Всякий, отрицающий существование Бога, равно как и признающий его, но сознательно или бессознательно противопоставляющий себя Закону Божьему и Божескому Делу, будь он человек или дух, есть противник Божий, «сатана». Но, как говорят во Франции, «тридцать шесть маленьких белых кроликов никогда не составят одной большой белой лошади». Точно так же и многажды миллионы чёрных и красных «сатан», живущих сегодня и живших некогда прежде, никогда не составят одного большого чёрно-красного Сатаны.

Пойдём далее, возьмём другое наименование Духа Зла − «Демон». Это искажённое греческое слово «даймон». Первое его значение в том языке − «божество». Второе значение целиком соответствует спиритическому термину «дух», т.е. это лишённая физического тела человеческая индивидуальность, или душа умершего.

В этом смысле «демоны» по-гречески необязательно бывают злыми: сплошь и рядом они оказываются и добрыми. Речь, повторяем, идёт о душах умерших, или духах. Именно в этом смысле слово «даймон» и употребляется в «Евангелиях», когда там говорится об одержании «демонами» или об изгнании бесов. Мы настоятельно рекомендуем помнить об этом всем тем, кто станут теперь читать «Новый Завет»: только так они смогут правильно понять написанное в нём по этому поводу, и только в этом случае прочитанное ими действительно пойдёт им на пользу. Мы настаиваем на том, что Христос употребляет слово «даймон» именно в этом смысле, а не в том, который позднее ему придали христианские толкователи. Оспорить наше утверждение никому невозможно по той простой причине, что современным значением это слово в эпоху Христа не обладало. Переводчикам же следовало, чтобы была смысловая ясность, переводить все слова оригинала на язык перевода − так в этом языке не появится иноземных слов, смысл которых неясен, и не возникнет соблазна придать этим словам какое-то новое и произвольно выбранное значение. Третье значение греческого слова «даймон» − это «внутренний голос». Так, Сократ называл свой внутренний голос − обстоятельство, всегда ставившее в тупик церковных и марксистских комментаторов, − «даймоном». Это значение иногда встречается и в современной литературе.

Берём следующее имя − Дьявол. Оно происходит от греческого слова «диаболос», что значит «клеветник», «наговорщик», «исказитель». Так в Священных Писаниях называется дух, вводящий человека в искушение, каковое является для него испытанием на пути его духовного роста. Приведя эти три наименования, мы надеемся, что читатель начал уже улавливать своеобразную «логику» этих поповских номинаций, которая есть не что иное, как неумелая игра словами.

Возьмём, наконец, самый трагический в своей нелепости пункт нашей филологической экскурсии. Слово «Люцифер». Всякий, кто хоть немного знаком с латынью, без труда расчленит это слово на его составляющие. Так у него получится «носитель света», «светоносец». В римской мифологии Люцифер − это

божество, являющееся сыном богини утренней зари Авроры. У латинян это также одно из названий Утренней Звезды (сегодня мы называем эту планету Венерой). Как можно видеть, никакого отношения ко злу и исчадиям ада Люцифер не имеет. Духовенские теоретики, таким образом, в избытке латинской эрудиции сделали из «носителя света» носителя мрака. Казалось бы, невозможно довести до большей степени издевательство над словом и здравым смыслом, равно как и злоупотребить доверчивостью человеческой паствы.*

Такова филологическая сторона этой темы. В лексикологии не редкость такое переосмысление первоначального значения слова, его искажение и даже перечёркивание. За примерами далеко ходить не надо: назовём только такие слова, как «революция», «спиритизм», «республика», «фашизм», «демократия», «парламент», «социализм». Весьма бессовестно поступил бы тот, кто поставил бы знак равенства между словом «социализм», как понимал его Маркс, и социализмом в понимании, скажем, Сталина или Брежнева (если у последнего вообще было какое-то понимание). Ибо за этими совершенно одинаковыми словами стоят совершенно разные понятия и совсем иная реальность. То же самое когда-то давно произошло и в богословской терминологии со словами «демон», «дьявол», «сатана» и т.д.

Тот же произвол и подгонку старых и иноязычных слов под терминологию для доктрины о преисподней, наспех создававшейся в средневековье, мы найдём и во всех прочих именах, дарованных нечистому. Поэтому задерживать здесь на них вни-

* Много и возмущённо говорила по этому поводу ещё Е.П.Блаватская. В одном из писем сестре Е.П.Б. писала: «Что вы на меня напали за то, что я свой журнал «Люцифером» назвала? Это прекрасное название! Lux, Lucis − свет; ferre − носить: «Носитель Света» − чего лучше? Это только благодаря Мильтоновскому «Потерянному Раю» Люцифер стал синонимом падшего Духа. Первым честным делом моего журнала будет снять поклёп недоразумения с этого имени, которым древние христиане называли Христа. Эасфорос − греков, Люцифер − римлян, ведь это название звезды утра − провозвестницы яркого света солнечного. Разве сам Христос не сказал о себе: «Я, Иисус, звезда утренняя»? (Откров. Св.Иоанна, XXII, ст.16). Пусть и журнал наш будет, как бледная, чистая звезда зари, предвещать яркий рассвет правды − слияние всех несогласий, всех толкований *по букве*, в единый, *по духу*, свет истины!» (*Й.Р.*)

мание читателя мы больше не станем и перейдём теперь к философической, или, если угодно, богословской стороне этой проблемы.

XV

Согласно философии Карденизма, Сатана − не более чем аллегорический образ, не более как символ, обозначающий абстрактного носителя зла, ибо нельзя и помыслить, чтоб было злое существо, *на равных* борющееся с самим Богом и единственным занятием коего было бы расстраивать божественные замыслы. Поскольку воображение человека впечатляется лишь образами и символами, то он и обрисовал развоплощённых существ в материальной форме со всеми атрибутами, кои напоминают ему об их достоинствах и недостатках. Так, например, желая олицетворить смерть, её изображают в виде человеческого скелета с косой; образ живого, пышущего здоровьем человека или цветущей женщины был бы здесь бессмыслицей. Символизируя время, древние представляли его в образе старика с серпом и песочными часами. Аврора, богиня утренней зари, мыслилась им в виде молодой красивой женщины. В поэтическом языке такое восприятие дожило и до наших дней, но вряд ли кто сегодня станет полагать, будто заря − это некая привлекательная молодая дама, пробуждающаяся ото сна. Представлять сегодня зло в облике Сатаны ничуть не более разумно, чем увязывать все трудности сексуальной проблемы с шалостями мальчика Купидона, целящегося в людей из своего лука. То же самое и с аллегориями судьбы, справедливости и т.д. Христиане изобразили ангелов, или чистых духов, в виде лучезарной фигуры с белыми крыльями − эмблемой чистоты; Сатану же и демонов − с рогами, копытами и прочими признаками скотства и звериности как символами низких страстей. Но профан, всё понимающий буквально, узрел в этих символах реального индивида, как некогда он видел Сатурна в аллегории времени.

И Церковь, идя на поводу именно у профана, учила и по-прежнему продолжает учить, будто Сатана, этот вождь или царь демонов, является никак не аллегорическим олицетворением зла, но *реальным существом*, творящим исключительно зло, тогда как Бог делает исключительно добро.

Мы возьмём этого Сатану в том виде, в каком нам его дают, и спросим столь сведущих наставников: существует ли Сатана от веку, как и сам Бог, или же он появился уже после Него? Если он существует от веку, то, значит, он *не сотворён* Богом и, следовательно, равен Богу. Бог тогда не един, не единствен: есть Бог добра и есть Бог зла. Это логический нонсенс.* Если же Сатана возник после, тогда он − творение Божие. Поскольку он творит только зло и неспособен делать добро и раскаиваться, то Бог, оказывается, создал существо, навечно ввергнутое во зло. Пусть зло это не является делом самого Бога, но делом одного из созданий Его, всё равно получается, что первопричиною зла является Бог, поскольку существо, созданное Им, предназначено Им для совершения зла, и тогда Он не бесконечно добр и благ, и тогда Он − не Бог. Точно так же обстоит дело и со всем множеством злых существ, именуемых «демонами» или «чертями».

Далее Церковь учит нас, что Сатана и демоны первоначально были ангелами, т.е. верховно совершенными существами, но затем «пали» или восстали против Бога. Но опять-таки, если они были «ангелами», то, значит, они были *совершенны*. Как, будучи совершенны, они могли достичь крайней степени несовершенства, коль возроптали на Бога и презрели Его авторитет? И это-то, находясь в *присутствии* Его? Можно было б ещё как-то это понять, если б столь высокой степени совершенства они достигли лишь в итоге длинного ряда перевоплощений, пройдя через разные стадии несовершенства, и тогда сие было бы у них досад-

* Бог есть бесконечное совершенство, а оно предполагает бесконечную степень выражения всех положительных свойств, поэтому Бог в высшей степени благ и справедлив. Зло − одно из проявлений несовершенства и неразвитости; стало быть, в Боге не может присутствовать даже самой микроскопической доли зла, а идея о Боге зла − просто глупость, которая могла родиться только в тупом уме некультурного человека.

ным рецидивом.* Но вся эта сказка о «падении ангелов» оказывается полной бессмыслицей, из-за того что Церковь представляет их нам существами, которые изначально, т.е. сразу и вдруг, были созданы Богом совершенными.

Помимо того, говорят сведущие богословы, в «Библии» имеются косвенные указания на то, что этот Сатана находится с Богом в прекрасных отношениях, что уже окончательно превращает всякое серьёзное исследование этого вопроса в полнейшую нелепицу. Невольно приходят на ум слова Конан-Дойля, который писал: «Мой взгляд на «Библию», равно как и на все иные святые книги, состоит в том, что она представляет собой золото, лежащее в глине, и что нашему уму предоставлено право отделять одно от другой. При этом в *Ветхом Завете* более глины, чем золота. В *Новом* же значительно более золота, нежели глины».

Вывод из этой «благочестивой» истории можно сделать только один: всемогущий Бог, желая создать совершенных существ, наделил их всеми дарами, для этого необходимыми, и тем не менее просчитался. Получается, что Церковь ставит под сомнение всемогущество Божие, ибо там, где такая позорная неудача, не просто нет всемогущества, но даже и говорить о нём становится смешно. Эта чудовищная по своей глупости и нечестивости доктрина, в частности, утверждается Моисеем, когда он («Бытие», гл.VI, ст.6,7) говорит: «И *раскаялся* Господь, что создал человека на земле, и воскорбел в сердце Своём. И сказал Господь: истреблю с лица земли человеков, которых Я сотворил, от человека до скотов, и гадов и птиц небесных истреблю; ибо Я *раскаялся*, что создал их». (Курсив наш. – *Й.Р.*). Бог, который раскаивается в сделанном Им, ещё более далёк от совершенства и непогрешимости, нежели человек, впадающий в заблуждение потому только, что это свойственно его природе. Стало быть, Бог «Библии» не есть Бог истинный. Не видно также, что общего между животными и порочностью человека, из-за каковой жи-

* И всё равно это очень слабое допущение. Совершенство, как бы его ни достичь, не предполагает ни малейшей примеси низшего состояния, ведь если таковая имеется, то уже нет и совершенства.

вотные также заслужили истребления. И однако Церковь провозглашает слова эти как святые истины.

В основе всей нынешней *пседохристианской* цивилизации лежит принцип именно этой проекции: мол, не мы виноваты в том, что мы такие убогие и что так вот живём, но стоящий над нами враг всего рода нашего, могучий и непобедимый. И в результате люди в ослеплении своём не видят, что у них нет в мире этом и ином какого другого врага, кроме самих себя, и что, если б они сами себя физически и морально не истребляли, то ни у кого не было бы причин желать их истребления. Вечная Истина выражена во французской пословице: «Aide-toi, et le Ciel t'aidera!»*.

Тёмные «силы» действительно существуют, но природа их совершенно иная, не та, какой её полагают церковники и доморощенные оккультисты. Мы не находим возможным разбирать этот вопрос на данных страницах подробно (такой разбор опять-таки уклонил бы читателя от нашей цели, мы укажем только, что ключом к этой проблеме является учение о Духовной Иерархии, приведённое, в частности, в «Книге Духов» Аллана Кардека, к которой и отсылаем читателя). Мы ограничимся здесь в основном утверждением, что философия Карденизма даёт исчерпывающее и однозначное объяснение всем проблемам, имеющим отношение к этой области, и сообщим читателю лишь самое общее понятие о том, что такое Духовная Иерархия.

Нашим читателям, надеемся, теперь известно (ведь слишком много уже об этом написано и сказано), что со смертью тела жизнь Человека не прекращается, но что он переходит из этого мира в «иной» и продолжает какое-то время жить *там*. Однако мало кто задумывается над тем естественным фактом, что сам по себе переход этот не делает человека лучшим, чем он был ранее. Он живёт там с тем моральным и интеллектуальным багажом, который собрал себе здесь. Ни для кого не секрет, что земное человечество по составу своему далеко не однородно и что общий нравственный и умственный потенциал его при таком числе ин-

* «Помоги себе сам − и Небо тебе поможет!», что приблизительно соответствует русской пословице: «На Бога надейся, да сам не плошай!»

дивидуальностей весьма невелик. Мы не хотим никого обижать, но из этого печального факта следует тот вывод, что подавляющую массу в нём составляют люди глупые, злые, жестокие, ленивые и т.д., одним словом – *несовершенные*. Люди достойные, положительные, способные к Творчеству, являются здесь всего лишь приятным исключением: это меньшинство плохо вписывается в проблемы этого мира. Таким образом, естественно, что, попав туда, люди достойные и там продолжают совершенствоваться и творить Добро (в самом широком смысле слова), тогда как люди ничтожные, очутившись там, прозябают в мерзости и чинят Зло (также в смысле самом широком). Вот вам Силы Света, равно как и силы тьмы. Учтите при этом, что и те, и другие обладают властью влиять на людей, живущих в материальном мире на Земле. Опять-таки естественно, что у тёмных оказывается на нашей планете более широкое поле деятельности, чем у светлых, ибо земной материал им всего более благоприятствует. Светлые же оказываются вынуждены общаться только с ограниченным кругом лиц, достигших нравственной зрелости, в ожидании того, что и прочие когда-нибудь приблизятся к этому уровню. Вот вам и совершенно иная интерпретация того, что такое силы Добра и что такое силы Зла, и того, каков источник их. Таким образом, «сатанинские силы» не есть какие-то особые существа Творения, эдакие уродливые и могущественные «падшие ангелы», но просто души Землян и обитателей других, иерархически ещё более низких миров, не ведающие пока что ни истинных радостей, ни подлинных удовольствий и по невежеству своему и грубости противящиеся Делу Божескому. Помимо того, там, как и здесь, имеется огромное число душ, кои не хороши и не плохи, ибо совершённые ими добро и зло уравновешивают друг друга.

В Духовной Иерархии духи могут быть по большому счёту поделены на 3 ранга: низшие духи, духи высшие и духи чистые. Первые наделены всеми отрицательными свойствами и страстями, присущими и большей части земного человечества, но есть в них и задатки хороших свойств, призванных развиться со вре-

менем. Во вторых присутствуют все достоинства, свойственные лучшим из людей. Третьи суть те, которые достигли совершенства и потому не имеют более надобности воплощаться в мирах материального Космоса. Такова самая общая картина, за подробностями же и разъяснениями мы опять-таки отсылаем читателя к «Книге Духов».

XVI

Христианским мыслителям свойственно полагать, будто величайшее достижение Тьмы, величайшее завоевание Сатаны состоит в том, что он заставил людей думать, будто его нет. Утверждаем прямо обратное: величайшее достижение тёмной «силы», её величайшее завоевание заключается именно в том, что она убедила людей, будто она есть сила, «тёмная сила», тогда как в действительности она всего-навсего «тёмная немощь» − так правильнее всего будет её называть, и надобно ПОНЯТЬ, *разумом* и *сердцем* понять, что его сверхъимператорского величества Сатаны (Their Satanic Majesties) не существует и в принципе не может существовать, ибо утверждать обратное − значит либо быть не в ладах с логикой, либо же иметь о Боге помыслы слишком нечестивые, т.е. опять-таки быть не в ладах с логикой.

Если проникнуть в самую суть вещей, то можно понять, что борьба с «тёмной силой» есть в конечном счёте борьба с человеческой глупостью, ограниченностью, непониманием собственных интересов. Люди действительно, без всякой агитации и пропаганды, перестанут быть злыми, когда поймут, что вся их злоба происходит лишь от их собственной глупости, их собственного непонимания и незнания своих настоящих интересов и означает их действительное ущемление. Но такое понимание к земному человечеству придёт лишь после утверждения в его культурной жизни идей Карденизма или, как называет его сам Кардек, «спиритизма».

Ф.Мейерс, один из крупнейших авторитетов Спиритуализма, говоря о природе тёмных сил и об одержании и омрачении, этом одном из самых зловещих явлений человеческой психики, в частности, писал: «Дьявол не есть существо, признаваемое наукой. Явление одержания ставит нас лицом к лицу всего лишь с духами, которые были когда-то людьми, подобными нам, и которые всё ещё движимы теми же мотивами, какие вдохновляют и нас».

Такой взгляд на вещи даёт нам право сказать, что как ни антипатичны и ни противоположны друг другу приверженцы культа Сатаны и ортодоксально-догматичные служители Церкви, но у них всё же есть нечто общее. И это общее − сфера приложения их усилий, каковой является бремя собственного невежества и глупости. Вся разница между ними, при таком понимании, лишь в том, что одни, проявляя дурной вкус, своей глупости поклоняются, тогда как другие, не ведая, с какой стороны к ней подступиться, беспомощно и бесплодно с нею сражаются. Некоторая резкость тона, мы думаем, извинительна, когда указывают на позорную ошибку, в особенности, если эта ошибка в течение веков пагубно влияет на ход мысли и сковывает жизнь человеческого духа.

Стремление христианского сознания осмыслить зло в образе Сатаны по существу столь же ценно, как попытки фольклорно-поэтического сознания представить смерть в облике скелета, вооружённого косой. В обоих случаях сознание применяет один и тот же приём, в обоих случаях полученная картина и вытекающие из неё выводы смехотворно далеки от действительности. В обоих случаях практика противодействия осмысляемым таким способом явлениям оказывается чудовищно, гротескно нелепой. Человека, который бы вздумал на полном серьёзе понимать проблему смерти указанным способом, общество признало бы психопатом, и правильно бы сделало. Но почтенного облика седогривых и долгобородых мужей в клобуках и рясах, твердящих по сути дела ту же околёсицу, оно психопатами не считает и относится к ним сравнительно толерантно.

Много зла в мире, но, глядя на картину этого зла, сторонника и ратника Света радует прежде всего то обстоятельство, что и в рядах самого зла нет даже никакого подобия единства: силы Зла непрестанно воюют не только с силами Добра, но и бьются между собою. Нет единенья во Зле, и, биясь с самим собой, оно высекает во тьме своей искры Добра, которые, раз вспыхнув, становятся для него уже необоримы.

Тёмные на полном серьёзе воображают, будто они делают погоду; на самом же деле погоду делаем Мы, они же делают *непогоду*. Тьма много вредит Свету, но в конце концов Свет рассеивает Тьму. Только тёмные поддерживают выдумку о Сатане и мраке на лоне Беспредельного Света!

Чтобы можно было легко уразуметь действительное соотношение сил, соотношение Света и Тьмы, построим следующую аналогию. Всё воинство Света на этой планете может быть уподоблено светильнику, более или менее сильному, запертому в комнате, окна которой плотно завешаны тёмными шторами, в комнате, стало быть, наполненной совершенным мраком, тогда как снаружи весь мир залит ярким светом солнечным. Именно таково положение дел в масштабе целой Вселенной. Да, трудно, конечно, приходится этому светильнику: он действует в изоляции. Но ведь с ним весь мир и самое солнце, так что положение тьмы в этой комнате и дело её оказываются крайне незавидными: мало того, что свет светильника рассеивает её, но, если продолжить аналогию, самая участь тёмных штор, этого средоточия мрака, вполне предрешена: ведь, в уподоблении нашем, солнце этого мира никогда не заходит, но светит всегда, и в конце концов под действием лучей его мрачный цвет штор обречён выцвесть − и тогда свет, отбрасываемый светильником, сольётся воедино с наружным мировым светом. В отношении сил Света это уподобление несколько коряво и мрачновато, тогда как в действительности всё намного проще, ярче и радужней!

Не устанем повторять: сила Света в том, что он рассеивает Тьму. Мы − светильник, запертый сейчас в этой тёмной комнате, вне которой всё залито светом солнечным. Не бойтесь Света,

сколь бы ярок он ни был: он − ваше первородное право, ваша стихия, с коей вы в конце концов сольётесь. Не бойтесь и Тьмы самой тёмной, ибо вы − явление Света, а Свет рассеивает Тьму.

Итак, Карденизм освобождает, прямо-таки говоря, избавляет Человека от присутствия Сатаны − в этом его преимущество перед обычным Христианством. Он же указывает Человеку на его истинную природу, напоминает ему о её неуничтожимости и приобщает Человека к красотам Беспредельности и Вечности; и в этом преимущество Карденизма перед марксизмом и всякой иной доктриной, измышлённой человеком для самообмана и коснения в иллюзии. Карденизм, или Спиритизм, − это Учение о Духе, а стало быть, это − Учение о Бесконечности, о Беспредельности, о Безграничности, о Безмежности, о Безначальности, о Вечности.

Мы можем себе позволить сказать, что религии, с точки зрения Спиритизма, представляются весьма несовершенными. Оне адаптированы к убогому уровню человечества, видимо, только так способного воспринимать Высшую Истину. Материализм и атеизм, собственно, были очистительной реакцией человеческого духа на окостенелую, выродившуюся религию, мешавшую жизни развиваться по своим законам. Когда духовные искания человека заходят далеко, оттуда можно оглядываться на все эти реликты уже с улыбкой, удивляясь их наивности и тому, как, например, сегодня пытаются всё это реанимировать. Впрочем, так может создаться впечатление, будто мы ругаем Христианство. Это совершенно не так: все спириты − христиане в том смысле, в каком христиане являются последователями Христа, а не его заносчивых и невежественных интерпретаторов.

XVII

В представлении большинства людей Спиритизм − нечто до крайности несерьёзное, скандальное, неприличное, связан-

ное с верчением блюдечек и кручением столов. Ничего не может быть ошибочнее подобного понятия. Люди, в уразумении которых Спиритизм заключается лишь в верчении столов и которым это представление даёт мнимое основание почитать себя знатоками этого дела, пренебрегать им, судить о нём и снисходительно улыбаться, походят всего лишь на детей, которые бы, узнав, что дважды два равно четырём, возомнили себя знатоками Арифметики и, потеряв всякий интерес к Математике, исполнились бы снисходительного неверия в неё.

Начало новейшему Спиритизму (хотя Спиритизм, как таковой, существовал всегда в силу самой природы вещей, а не был каким-то изобретением XIX века, с ним же закончившимся, ибо Человек всегда был Духом и никогда не был *телом*) действительно положило вращение столов и всевозможные стуки в стенах и в предметах обстановки. Но о том, чтó последовало за этим, немногие, пожалуй, догадываются. И что, собственно, может быть унизительного для Спиритизма в стуках и вертящихся столах? Ведь вращение забавной детской игрушки − волчка − или падение яблока, которое, якобы, помогло Ньютону открыть закон всемирного тяготения, нисколько, надо полагать, не умаляют Физики? Не умаляют и Спиритизма вертящиеся столы, тем более что за ними последовали открытия гораздо более важные, чем все законы Физики, более важные, чем даже самая Физика − и это не преувеличение.

Попытаемся же здесь в сжатом виде, но насколько возможно полно, восстановить карденистское мировоззрение. Полагаем это очень важным: речь ведь идёт не о пустяках, а ни много ни мало о Бессмертии человеческом. Необходимо при этом подчеркнуть, что Спиритизм не есть ВЕРА, он есть ЗНАНИЕ, ибо строится на фактах и экспериментах, на анализе их, контроле и строгой ЛОГИКЕ. Благодаря ему Человек получает истинное знание о своей природе, он начинает понимать, что он не продукт Материи, столь же эфемерный как она, или, попросту говоря, «кусок мяса», должный сгнить в земле, сгореть в огне или раствориться в желудке акулы или тигра, но БЕССМЕРТНОЕ ДУХОВНОЕ СУ-

ЩЕСТВО, для которого тело лишь временная одежда, каковую он сбрасывает с себя после смерти. Именно сознание этого позволило Гёте однажды сказать: «Мысль о смерти оставляет меня совершенно равнодушным, ибо я твёрдо убеждён в том, что дух наш есть существо совершенно неразрушимой природы, продолжающее деятельность свою из вечности в вечность, оно подобно солнцу, которое нашим земным глазам кажется зашедшим, но которое в действительности никогда не заходит, но светит всегда».

И может ли оно быть иначе, если сознание, как на то недвусмысленно указывают опыты, сохраняется после смерти тела; сам по себе факт этот означает сокрушение всех враждебных Спиритизму теорий, и прежде всего − марксизма. Как говорит Конан-Дойль: «Просто само собой разумеется, что коль скоро дух может существовать и действовать без материи, то сам принцип материализма рассыпается во прах, повлекая за собой крушение всех вытекающих из него теорий». Именно поэтому, как считает Карл Дюпрель, «матерьялисты, с логическим чутьём, отрицают *всякую* мистику. Они чувствуют, что если б даже был установлен хотя бы *один* факт в*и*дения на расстоянии, то вся система их оказалась бы опрокинутой. Поэтому им ничего иного не остаётся, как отвергать всю мистику скопом».

Спиритизм, стало быть, дарует Человеку *бессмертие* − вдумайтесь только в это слово! Камилл Фламмарион в «Рассказах о Беспредельности» говорит: «Мы бессмертны и неразрушимы, а потому будем жить вечно. Ни одна душа не может состариться и умереть. Миллионы веков ничто в сравнении с вечностью. По истечении их, бесконечность времени будет попрежнему оставаться перед нами, и, в силу предвечных законов, наша жизнь должна будет продолжаться бесконечно».

Благодаря чему, спрашивается, возможна бесконечность нашей жизни? На ранних стадиях существования духовного существа она возможна благодаря перевоплощениям, тому то есть, что после смерти духовное существо берёт себе для последующих своих проявлений в материальных мирах новое тело. На дальнейших же, более продвинутых стадиях, достигнув достаточно

высокого уровня Культуры и не имея уже нужды в столь грубом орудии, как физическое тело,* бессмертное существо наше живёт исключительно духовной жизнью, наслаждаясь истинным и беспредельным Бытием.

Сэр Генри Р.Хаггард пишет: «Учение о перевоплощении, признанное четвертью обитателей Земного шара, не так-то легко отбросить в сторону, особенно если учесть то, что оно даёт человеку надежду. Оно в самом деле вполне достойно того, чтоб его рассмотрели внимательнее. Если мудрецы, проповедовавшие его, начиная от Платона, а в действительности − бесчисленные веки прежде него, ибо он несомненно позаимствовал его в учениях Востока, если только мудрецы эти правы, то мы, бедные человеки, по крайней мере не появляемся на свет и не исчезаем, словно мошкара летним вечером, но переходим при этой кажущейся смерти к вечно обновлённой жизни. Это как бы верёвочная лестница Иакова, устремлённая в небо, по которой мы мучительно взбираемся вверх. Правда, каждая перекладина её, едва только нога наша от неё отрывается, исчезает без следа. Внизу под нами − мрак и вся бездна Времени, а вверху − также темнота и мы не ведаем что ещё. И всё же руки наши держатся за верёвки, а ноги твёрдо стоят на перекладине, и мы знаем, что не падаем, но поднимаемся, равно как и то, что по природе вещей всякая лестница должна быть к чему-то прикреплена и должна вести куда-то. Невесёлое же занятие, могут сказать на это, особенно когда одна перекладина так похожа на другую, а всех их так много. И всё же, разве не лучше это, чем просто мыльный пузырь, который хотя и красив, но вот лопнул − и его нет? Право же, жизнь лучше небытия, особенно если это возрастающая, всё более полная жизнь, и если в конце концов она должна привести к некой невообразимой радости, к божественному свету, в котором нам станет виден весь пройденный нами путь и вместе с ним глубокие основания Жизни и Бытия, к которым лестница наша прикреплена, и врата Вечного Блаженства, в которые она ведёт».

* Именно поэтому Эпиктет имел обыкновение говорить, что земной человек − это слабая душа, обременённая трупом.

За пределами нашего узкого и ограниченного восприятия есть вещи и такие ощущения, цветы и плоды коих предназначена вкусить Вечность. А Вечность − это мы сами, если мы вышли из условностей и пределов Времени. Наша Душа − это мы сами: это наше прошлое, настоящее и наше будущее, это всё, что мы сделали, и всё то, что мы ещё создадим. Но главное не это, и не то, что она имеет, но то, что она *есть*. Потому что ей суждено не только *иметь* всё, но и стать *всем*.

Галлы были глубоко убеждены в том, что жизнь каждого человека есть лишь *звено* бесконечной цепочки его предыдущих и последующих жизней. В поэтических гимнах барды пели о том, что, существуя извечно, Человек не был рождён матерью от отца, но что он был сотворён стихиями Природы по воле Божества. Он был червём в земле, рыбой в море, змеёй в песке, птицей в небе, львом в саванне и т.д., пока наконец божественный дух Гвион не выделил его за заслуги среди прочих и не сделал человеком. И после этого он перебывал бессчётное число раз человеком в разных мирах и на разных планетах и освоил там разные науки и ремёсла, пока не стал наконец тем, кто он есть сейчас. Галлы считали, что сам Человек не есть *тело*, но что он есть *дух*, а тело его − это всего лишь *одежда*, в которую тот облачается для земной жизни, и что смерть тела − это просто очередное освобождение духа от стягивающих его одежд. Поэтому, когда было надо, галлы бесстрашно кидались в сечу, бились, не щадя жизни, и, к удивлению и негодованию врагов, оставляли тела своих павших воинов на произвол судьбы. Последнее, однако, совершенно логично, если учесть, что для галлов трупы эти были отнюдь не останками любимых и близких, но своего рода порванным тряпьём, от которого носивший его дух почёл за благо избавиться. Любопытен тот факт, что у галлов уверенность в грядущей жизни была настолько велика, что они давали деньги друг другу взаймы с правом отдачи в мире ином.

XVIII

Столетье − миг, и миг − столетье. Вечность их не различает, для нас же единицей масштаба является *человеческая жизнь* − мерка воистину средняя между столетьем и мигом, отсюда и способность наша различать всё, с точки зрения Вечности, равное вследствие своей бесконечной малости.

Свами Анантананда указывает: «В отношении нашей действительной, настоящей жизни вся наша земная жизнь, с самого рождения до смерти, − не более как один конкретный день нашей земной жизни, от самого утра до позднего вечера, в отношении всей нашей земной жизни. Теперь, когда вы усвоили это, я скажу большее: в отношении нашей действительной жизни земная наша жизнь бесконечно меньше одного конкретного дня: ибо в земной жизни количество таких дней ограничено и исчислено, тогда как в жизни вечной число её дней безгранично и неисчислимо».

Жизнь длинна, но она всего лишь мгновенье нашей вечности. Относительно того, допустимы ли какие-либо сомнения в реальности духовного бессмертия нашего, мы не можем не сказать, что такое сомнение обращает всю нашу жизнь в бессмыслицу. Нет никакой возможности усомниться в действительности бессмертия в Духе не только потому, что она является предметом *знания*, но и потому ещё, что сомневаться в ней значило бы признать, что жизнь наша есть дар не только напрасный и случайный, но совершенно бессмысленный. Пусть скептик *раскроет* глаза свои − и он увидит, что ничто кругом него не бессмысленно, всем правят и всё движут и созидают Ум и Воля. Бессмыслицу пусть скептик ищет в себе самом: в упрямой тщете своего сомнения!

Если бы после смерти не было жизни, то люди вполне бы имели право быть и оставаться той эгоистичной гадостью, какая они суть. Но поскольку жизнь души неуничтожима, то они обязаны − и обязаны в первую очередь в своих собственных интересах − меняться в лучшую сторону. Пока они не понимают реальности Бессмертия, их жизнь будет оставаться вечной эгоистической

мерзостью. Человеку следует иметь в виду, что за жизнью этой с него спросится не то, кем он был, но что он совершил, и спросится не только за то зло, которое он причинил, но и за то, которое произошло по причине добра, не совершённого им. Пусть же он не ведает меры в совершении добра!

Камилл Фламмарион говорит: «Возможность предчувствовать истину имеется у нас даже ещё при жизни. Мрак, в котором проходит земное наше существование, не до такой степени глубок, чтобы нельзя было путём рассуждения разгадать наиболее характерные черты нравственного мира. Нравственная истина, справедливость, мудрость и добродетель существуют в общей мировой жизни на таких же основаниях, как и вещественные реальности. Если бы вы могли видеть происходящее в нравственном мире так же ясно, как, например, вещественные явления, то узнали бы о существовании особых видов движения, чрез посредство которых сохраняются в беспредельном пространстве самые сокровенные наши помышления. То, что раз уже сделано, никогда не обращается в ничто. Никакие силы не могут уничтожить совершившегося факта. Блага духовные составляют для души неотчуждаемое вечное сокровище».

Именно поэтому Эразм Роттердамский в своих «Разговорах запросто» в частности писал: «Человеку ничто не достаётся без труда в этой жизни, и что бы мы ни приобрели, какими бы трудами ни приобретали, всё приходится оставлять здесь. Так как же может он лениться потрудиться ради мудрости, этой величайшей драгоценности, добрые плоды которой последуют за ним в будущую жизнь?!»

Философия Карденизма, таким образом, даёт исчерпывающий ответ на вопрос, справедливо поставленный Владимиром Соловьёвым. В своих «Трёх разговорах» он спрашивает: «Если бы победу смерти − этого крайнего физического зла, нужно было признать как окончательную и безусловную, то никакие мнимые победы добра в области лично-нравственной и общественной нельзя было бы считать серьёзными успехами. В самом деле, представим себе, что человек добра, скажем Сократ, восторже-

ствовал не только над своими внутренними врагами − дурными страстями, но что ему ещё удалось убедить и исправить общественных своих врагов, преобразовать эллинскую политию − какая польза в этой эфемерной и поверхностной победе над злом, если оно торжествует окончательно в самом глубоком слое бытия над самыми основами жизни? Ведь и исправителю и исправленным − один конец: смерть. По какой логике можно было бы высоко ценить нравственные победы сократовского добра над нравственными микробами дурных страстей в его груди и над общественными микробами афинских площадей, если бы настоящими-то победителями оказались ещё худшие, низшие, грубейшие микробы физического разложения?»

И вот мы с Вами, читатель, познакомившись с логикой, которая именно позволяет «высоко ценить нравственные победы сократовского добра», видим, что каждая минута уходит в Вечность, из которой она и вышла. Смотри же, читатель, что ты берёшь с собою в путь Беспредельности, дабы не пришлось тебе впоследствии раскаиваться в том, что ты взял что-то не то, не совсем то или совсем не то, что следовало бы, ибо у тебя нет возможности избавляться от того, что ты берёшь с собой!

XIX

Итак, если число «дней» в Жизни Вечной безгранично и неисчислимо, то смерть здесь, среди нас, не рубеж, не черта, не итог жизни Человека, а лишь трансформация, переход в иное состояние бытия. У Камилла Фламмариона вновь читаем: «Ввиду предшествовавшей вечности своего существования, душа, в пору своего воплощения на какой-нибудь планете, хотя бы, например, на Земле, не имеет никакого возраста. Она остаётся по отношению ко времени в неизменно том же положении и по окончании земного своего поприща. Точно так же и последующие воплощения на Земле или других планетах не делают её старее, чем она

была. Целая вечность не может заставить её состариться. Века и тысячелетия оставляют на ней меньше следов, чем дождевые капли на белых плечах мраморной статуи».

У Аллана Кардека в «Книге Духов» в частности сказано: «Если б какому-нибудь человеку, не пребывающему в крайней нужде, но всё же испытывающему лишения из-за скудости средств, сказали: «Вот вам огромное богатство, вы можете им пользоваться, но только для этого надо как следует потрудиться одну минуту», то будь он даже самым последним лентяем на свете, он скажет, не колеблясь: «Потрудимся минуту, две, час, целый день, если надо; невелика цена за то, чтобы провести остаток жизни в изобилии!». Между тем, что такое длина всей телесной жизни в сравненье с вечностью? меньше чем минута, меньше чем секунда».

Дух Дэвида П.Хотча в «Письмах живого усопшего» г-жи Баркер говорит следующее: «Если бы только вы могли схватить идею бессмертной жизни и крепко держаться за неё! Если бы вы мыслили себя как существа без начала и конца, − вы могли бы начать много нового, стоящего усилия. Это удивительное сознание − уверенность в вечности. Малые трудности кажутся на самом деле малыми тому, кто мыслит о себе в размерах миллионов лет. Можно прибавлять биллионы, триллионы − сколько хотите − идея останется та же. Цифры являются лишь символом большого количества, будь это годы или денежные знаки. Ни один миллионер не знает в точности, сколько у него денег в данное время; ибо следует причислить ещё и проценты, и потому величина его богатства всегда колеблется. То же самое и с бессмертием. Не думайте о себе, что вы прожили миллион или триллион лет, но думайте, что вы воистину бессмертны, без начала и без конца. Человек, сознающий себя богатым, богаче того, который определяет сумму своих денег, будет ли эта сумма велика или мала. Сохраняйте же сознание вечности и работайте в этом сознании».

Став на эту точку зрения, Человек своим взором начинает проникать и прошлое, и грядущее, расстояния для него исчезают, масштабы мира раздвигаются − и он из обитателя клочка земли

становится Гражданином Вселенной, со всеми вытекающими из этого последствиями. Беспредельность Пространства и Времени делается доступна ему; космические путешествия становятся одним из обычных его занятий. Но и это ещё не всё. Из миров высших он получает информацию, призванную способствовать возрождению и совершенствованию земного человечества: Высшие Духи, многие из которых некогда жили на Земле, были людьми и стали столпами и светочами нашей Культуры, самолично общаются с ним и в письменных посланиях своих обсуждают важнейшие вопросы Нравственности, Философии, Религии, Науки, Искусства, Права и т.п.; и теперь они рассуждают с большею свободою, ибо их познавательная способность более не ограничена пятью земными чувствами, а ум их совершенно свободен от земных предрассудков, условностей и ограничений. Так что им виднее, чем нам, и сказанное *ими*[*] должно приниматься нами за совершенную истину. Они же объясняют нам тёмные места, которых так много в Священных Писаниях, затемнённых не только временем, особенностями древних языков, несовершенствами перевода, но и тем ещё, что характер их сугубо эллиптичен. И духи в своих комментариях устраняют все недосказанности и разрешают любые двусмысленности. Через этих духов земной Человек устанавливает свою связь и единство с Высшим Разумом, правящим Вселенною, видимой и невидимой, и делается активным исполнителем Его приказов. И какова же тогда цель не ограниченного Временем и Пространством существования Человека? Цель эта вполне достойна его и выражает всю благость и любовь к нему его Божественного Создателя. Она состоит в том, чтоб постоянно развиваться, вечно совершенствоваться, всё улучшаться, восходить всё выше по лестнице Иерархии Духов, всё приближаясь к Высшему Разуму, и там сотрудничать с Ним, совместно с Ним работать над сотворением миров, руководить их развитием, бдеть над прогрессом человечеств, над исполненьем

[*] Нужно подчеркнуть, что здесь мы не говорим о духах *вообще*, но именно о *Высших Духах*.

предвечных законов. Гоголь пишет: «Будьте светлы, ибо светло грядущее, и чем темней помрачается на мгновенье небосклон наш, тем радостней должен быть взор наш, ибо потемневший небосклон есть вестник светлого и торжественного прояснения. Безгранична, бесконечна, беспредельней самой вечности беспредельная любовь Бога к человеку».

Свами Прабхупада говорит: «Бог присутствует в сердце каждого существа. Бог не далеко от нас. Он рядом. Он так дружествен, что остаётся с нами в нашей повторяющейся перемене тел. Он ждёт, когда мы обратимся к Нему. Он так добр, что когда мы Его забываем, Он нас никогда не забывает».

Истинно говорим Вам: Господь благ. Не смотрите на жизнь нынешнюю или прошедшую: это лишь строительный материал. Помните о Жизни Вечной: в ней Господь осуществит самые смелые Ваши надежды и исполнит самые лучшие Ваши чаяния, но даже и это не будет миллионной частью того блага, какое Он уготовил Вам всем. Ваша задача лишь в том, чтоб оказаться всего этого достойными: пусть не в этой жизни, но в одной из последующих. Помните, что Вас ожидает Вечность, а не уничтожение; бытие есть, а небытия нет.

У Конан-Дойля читаем: «Свыкнитесь с неоспоримой очевидностью и примите её. Расширяйте и одухотворяйте свои мысли. Плоды этого покажите в своей жизни. Отсутствие эгоизма − вот движущая сила всякого нравственного прогресса. Осознайте не как вопрос отвлечённой веры, но как осязаемый предмет, столь осязаемый и явный, как, например, улицы города, по которым вы ходите, тот факт, что мы ступаем в иную жизнь, в которой счастье станет доступно всем, и что счастье это может быть задержано или даже отнято у нас лишь безумием и эгоизмом в течение этих немногих скоротечных лет. Проникнитесь этой величественной истиной!»

Вот в немногих словах суть предлагаемого Человеку Спиритизмом, но за этими словами стоит, как можно видеть, слишком многое, из коего вытекают следствия бесконечно важные − благодатная пища для серьёзных размышлений, − следствия, на

перечисленье и объяснение которых потребовались бы многие пухлые тома.

XX

Как бы странно, как бы необычно или даже дико ни звучало всё это для профана, тем не менее это не бред сумасшедшего, но суть особого мировоззрения, созданного поколениями терпеливых исследователей. Так что сегодня, когда столько сделано и узнано, отрицать, игнорировать факты Мистики, Оккультизма значит демонстрировать тем отнюдь не свой здравый смысл и проницательность, как то многие почему-то полагают, но лишь показывать свою глупость, невежество и недомыслие. Конан-Дойль по этому поводу писал: «Мы достигли теперь такой точки, когда дальнейшие доказательства становятся излишними и когда вся тяжесть сомнений и опровержений целиком ложится на тех, кто отрицают существование этих явлений. Но как раз те люди, которые требуют доказательств, как правило, никогда не дают себе труда ознакомиться с теми многочисленными доказательствами, какие уже есть. Похоже, каждый воображает, будто весь предмет должен быть пересмотрен заново потому только, что лично ему требуются какие-то сведения».

В этой связи надобно ещё раз подчеркнуть, что в ту пору, когда эти явления действительно серьёзно изучались, вопрос о неподложности, вернее, о невозможности подлога спиритических явлений, был многократно в положительном смысле решён авторитетными учёными и целыми учёными комиссиями. При изучении этой проблемы следует учитывать то обстоятельство, что все учёные экспериментаторы, принимаясь за спиритические опыты, исходят из недоверия к медиуму, видя в нём замаскированного обманщика и считая, что причиной феноменов является его искусное фокусничество. И именно поэтому, поскольку эта подозрительность ведёт их к принятию всех возможных мер пре-

досторожности, ни у одного здравомыслящего человека нет причин сомневаться в верности результатов их опытов и в справедливости тех выводов, к которым эти исследователи на основании своих опытов приходят, особенно в тех случаях, когда скептичные исследователи начинают высказываться в пользу Спиритизма и из его противников, гонителей делаются его сторонниками и поборниками.

Тем более на таком фоне забавна незатейливая «логика» врагов Спиритизма: они полагают, что когда исследователи-практики не приходят в своих опытах ни к каким результатам и делают на этом основании отрицательные выводы, то они, оказывается, всегда правы и, стало быть, им можно верить; когда же они приходят к подтверждению феноменов, то тогда они всегда ошибаются и результаты их не внушают никакого доверия. То есть, если опыты не подтверждают того, что Солнце вращается вокруг Земли, как то говорят нам глаза наши, но, напротив того, утверждают, что Земля вращается вокруг Солнца и вокруг своей оси, то, стало быть, и долой эти опыты, то, стало быть, им нельзя оказывать никакого доверия. И это на полном серьёзе! И это называется «наукой».

Суеверие, предрассудок и невежество − близнецы-братья, препятствующие сегодня признанию и становлению Спиритизма как официально признанной науки. Но их, шаг за шагом, оттеснят свет Разума и стрелы Истины. Это − дело лишь ближайшего будущего, и научный мир вновь вступит в законное владение своим древним наследием. Для этого от нас теперь требуется лишь беспристрастное и точное исследование методов спиритической науки средствами различных других наук. И вовсе не потому, что спиритические истины нуждаются в подтверждении со стороны научных авторитетов, но просто из-за того, что некоторые учёные позволяют себе оспаривать их, не приводя при этом весомых доводов и фактов. Барон Рейхенбах оставил в этой связи весьма назидательную сентенцию: «Скептицизм иного учёного в своей глупости превзойдёт и тупость невежды». Профессор Баррет в той же связи писал: «Скептицизм, в высокомерии своём отказы-

вающийся признать существование множества фактов, происходящих у него перед глазами, никак не может претендовать на звание здорового. Такой скептицизм нуждается во вмешательстве врача».

В своей статье, насмешливо им озаглавленной «Естествознание в мире духов», Ф.Энгельс дал «уничтожающую», по словам его адептов, критику опытам В.Крукса и А.Р.Уоллеса; в действительности же критика, данная им, всего лишь поверхностна и предвзята. Что касается предвзятости, то, чисто по-человечески, она с его стороны совершенно естественна и понятна: ведь делом всей жизни Энгельса, равно как и Маркса с Лениным, было «научное» обоснование и победное утверждение материализма, материализма, который вместе со всеми своими теориями и выводами безжалостно побивается ненавистным и чуждым ему Спиритизмом; отсюда и понятное стремление найти какие угодно доводы против того, что перечёркивает дело всей вашей жизни; а это уже − подход субъективный, пристрастный, чуждый самому духу *научного* исследования, которое может состояться лишь в том случае, если вы с чистой совестью скажете себе, что вы не знаете ничего о том, что сейчас будете исследовать, и отметёте решительно в сторону все свои эмоции, склонности и интересы. Именно поэтому «уничтожающая» критика, о которой у нас идёт тут речь, поверхностна: ведь человек берётся «изучать» предмет, будучи заранее твёрдо убеждён в его ложности, а такая установка ума уже неизбежно не позволяет ему проникнуть в глубь рассматриваемой проблемы. «Нельзя познать вещи, исходя из ложности их», − как справедливо говорит Гегель, а, стало быть, такая критика несерьёзна и не имеет никакого значения.

Скажем более того: эту статью с нападками на «доверчивость» и «легковерие» названных учёных Энгельс написал в 1878 году, но и в 1909 году Крукс с не меньшей убеждённостью отстаивает свои взгляды. Если мы примем во внимание, какой это был добросовестный и требовательный исследователь, то мы поймём, сколь нелепо было бы утверждение о том, чтобы сэр Крукс был жертвой той же самой мистификации в течение *тридцати* лет! А

стало быть, не менее нелепо утверждать, чтобы и в ту пору, о которой говорит Энгельс, сэр Крукс мог стать жертвою каких-либо ловких фокусников, особенно если принять во внимание те строгие условия контроля, в которых он всегда проводил свои опыты. Здесь нет места устраивать подробный и последовательный разбор несостоятельности доводов и выводов, коими наполнена названная статья, здесь также не место восхищаться её плоским и довольно пошлым юмором, но мы полагаем, что если Вы внимательно прочтёте и поймёте то, что предлагается Вам узнать из этой и других подобных ей книг, то необходимость в таком разборе отпадёт для Вас сама собой, а плоский юмор исполнит Вас жалости к тем, кто смеётся над вещами в высшей степени серьёзными и опошляет их.

Несколько слов об опытах Крукса. Великий английский физик и химик посвятил долгие годы своей исследовательской деятельности изучению спиритических явлений. Для того, чтобы строго научными методами проконтролировать последние, им были сконструированы особые приборы небывалой чувствительности и неслыханной точности. Ассистируемый замечательным медиумом мисс Флоренс Кук и другими учёными, столь же строго методичными как и он сам, он проводил эти исследования в своей лаборатории в окружении специальной аппаратуры, коия делала невозможной всякую попытку мошенничества и подлога, о которых так любят твердить наши оппоненты. В своей работе «Исследования в области Спиритизма» Крукс анализирует различные виды наблюдаемых феноменов: передвижение тяжёлых тел в пространстве, исполнение музыкальных произведений без контакта человеческих пальцев с клавишами рояля, пневматографию (прямое письмо), появление рук при дневном свете, появление фигур и лиц и т.д. Вечерами, перед глазами исследователей, в течение нескольких месяцев появлялся дух молодой и миловидной женщины по имени Кэти Кинг, который приобретал на некоторое время все качества и свойства человеческого тела, наделённого органами и способностью ощущения, беседовал с Круксом, его супругой и со всеми присутствующими, позволял проводить

с собою все необходимые опыты, давал до себя дотронуться, себя аускультировать и фотографировать, после чего эта дама растворялась в воздухе, как лёгкий туман.

Сегодня положение дел в этой области таково, что наши незадачливые учёные, признавая уже реальность таких феноменов, как полтергейст, и прочего в том же роде, попрежнему желают дать им материалистическое, чисто механическое толкование. При этом надуманность, притянутость за волосы подобных теорий и соображений их не смущает. Между тем всё шито у них белыми нитками. Им попросту страшно и, может быть, стыдно да совестно после стольких лет обструкции вернуться к понятию *души*. Ведь их пыльная, мертвящая бездуховность, как бес ладана, боится возрождения Духовности, которая неминуемо вспыхнет с утверждением и возрождением этого понятия. А ведь ещё более ста лет назад барон Дюпрель дал достойную отповедь этой породе учёных. Он писал, что как бы ни были редки мистические, оккультные и парапсихологические феномены, они наблюдаются всё же достаточно часто, для того чтобы выглядели смешно попытки всех, кто полагает, будто в Природе перестало существовать то, что они исключили из диссертаций, учебников и своих пустых голов. «С таким же правом, − говорит он, − из истории литературы можно было бы исключить гениев под предлогом того, что они редки, из геологии − вулканы, потому что большинство гор не извергает пламени, или же ограничить минералогию гранитными булыжниками потому только, что драгоценные камни попадаются редко. К этому прибавляется ещё и то, что наши психологи со своим физиологическим ключом показывают себя всё менее способными объяснить людям, что же происходит на самом деле, и сами частично сознаются в этом. Ведь когда какой-то определённый ключ не подходит к данному замку, всегда вполне разумно попытаться подобрать другой. Однако наши горе-учёные, вместо того чтобы воспользоваться тем, что предлагает им трансцендентальная психология, всё продолжают навязывать физиологическое объяснение феномену Человека, что равнозначно упрямому желанию продолжать работу, уже давно ставшую никому не нужной».

Но главное, собственно, даже не в этом, а в том, − предоставим опять слово Конан-Дойлю, − что «психические явления, существование которых было вполне и всецело доказано с точки зрения всех, кто дали себе немного труда ознакомиться с действительными фактами, сами по себе не имеют никакого значения, и что их действительная ценность сводится единственно к тому, что они поддерживают собой и придают объективную значимость огромному множеству знаний, которые призваны глубоко изменить наши старые религиозные взгляды и которые должны, при верном понимании и усвоении, превратить религию в явление в высшей степени действенное, которое более не будет иметь предметом своим веру, но действительный опыт и истину».

Леон Дени говорит: «Мало что значат для Высших Сил формы культа и религиозный аппарат; то, что требуется от людей, это − возвышенность сердца и чистота чувств. Этого можно достичь во всех религиях, и даже вне и поверх религий. Мы, спириты, среди бесчисленных насмешек и трудностей идущие от лица Света, а не церкви, провозглашая истину, безо всякой иной опоры, кроме как поддержка существ незримых, никогда нам в ней не отказывавших, мы слишком хорошо чувствуем это».

В этой же связи необходимо ещё раз подчеркнуть, что всякий разговор о Спиритизме, где нет благодарного упоминания имён Аллана Кардека и Леона Дени, представляет собой некомпетентную, дилетантскую болтовню. Ибо именно им мы обязаны тем, что бесчисленные, разрозненные факты и идеи составились в стройное, гармоничное, всеобъемлющее мировоззрение.

XXI

Пойдём, однако, далее. Нам, слабым людям, к сожалению, настолько мило наше прозябание в теле, что если бы мы не старились и не были бы насильно принуждаемы с ним расстаться,

то мы согласились бы сидеть в нём целую вечность. Ничто более убедительно не говорит о нашем непроходимом невежестве. И потому мудр порядок вещей, не испрашивающий нашего соизволения и избавляющий нас от пут матерьяльной жизни тогда, когда для этого наступает наиболее подходящее время.

Всякий материализм (понимаем его просто как отрицание духовного и божественного начал) естественным образом сводится к самому беспросветному пессимизму, если только он (материализм) не впадает в чувственные или общественные иллюзии, каковые, однако, опять-таки неизбежно разрешаются самыми жестокими разочарованиями. Иначе оно и не могло бы быть. Свами Прабхупада говорит: «Чтобы истинно наслаждаться, человек сначала должен понять, что он не есть тело, он есть сознание. Но не просто сознание, так как сознание на самом деле лишь проявление нашей истинной сущности: мы − чистые души, сейчас связанные с этим телом. Современная материалистическая наука не знает об этом, поэтому учёные заблуждаются в своём понимании духовной природы. Но духовное существо − это факт, который каждый может понять по присутствию в нём сознания. Любой ребёнок может понять, что сознание является формой выражения духовного существа».

Материя, составляющая наше тело, целиком и полностью обновляется за определённый промежуток времени. Так атомы молекул, составляющих кровь, замещаются за период от нескольких мгновений до нескольких дней; молекул, составляющих различные ткани − за период от нескольких дней до нескольких месяцев; всего дольше поддерживается материальный состав костных тканей, на полное обновление которых требуется от нескольких месяцев до нескольких лет. Таким образом, выходит, что материя, составляющая тело Человека, обновляется целиком и полностью за средний срок в полтора года, т.е. за это время в его тканях не остаётся *ни одного атома*, бывшего в них эти полтора года назад. И если допустить, что Человек есть *тело* − а этому и учит современная материалистическая наука, то получится, что за срок в полтора года человек перестаёт быть самим

собой, превращается в совершенно другого человека, в другую личность. Неверное допущение в начале приводит материалистов к абсурдным выводам, впрочем сами до последних они не доходят, поскольку просто не думают над такими вещами. Возвращаясь к нашему предмету: хотя материя в человеке всецело обновляется, замещаясь другой, он тем не менее продолжает оставаться самим собой, ощущая себя некой постоянной личностной целостностью, что опровергает все теории материалистов и убедительно показывает, что Дух независим от Материи и что он стоит выше её. Всякий детский лепет материалистов о так называемой «постепенной адаптации» атомов, молекул и клеток к общей системе организма наивен и неуместен, поскольку он не может объяснить сохранение индивидуальности человеческого «Я».

Свами Анантананда указывает: «Если ты примешь во вниманье непрестанную текучесть материи в твоём теле, где атомы, его составляющие, текут словно вода в реке, то ты поймёшь, если только смерть это разрушенье тела, что ты умираешь каждое мгновенье и что за время своей жизни ты переживаешь − кто знает сколько их? никто их не считал − тысячи, миллионы тел и при этом остаёшься всегда самим собой. Не смешно ли тебе после этого бояться смерти: ведь совершенно же ясно, что коль скоро ты выжил в этих бесконечных и совершенно незаметных переселеньях из одного тела в другое, то ты будешь жить и тогда, когда переселенье это и вовсе прекратится? Долой же сомненья, бессмертный Дух, не позволяй себе более сомневаться в собственной реальности и по достоинству цени иллюзию окружающего, кое даже не способно увидеть тебя − единственную настоящую и несомненную реальность!»

У Камилла Фламмариона читаем: «Душа есть существо духовное, мыслящее, невещественное. Мир мыслей, в котором она вращается, невещественный мир. У души нет возраста. Она не стареется. Она не изменяется как тело в продолжении каких-нибудь двух или трёх месяцев, так как по прошествии месяцев, лет и даже десятков лет, мы сохраняем своё тождество, наше «Я»

остаётся тем же. Если бы у нас не было души и способность мышления составляла бы лишь свойство нашего мозга, то мы не могли бы более говорить, что мы имеем тело: напротив того, наше «Я» принадлежало бы тогда нашему телу и мозгу. Сверх того, чувство самосознания должно было бы тогда постепенно изменяться. Мы не имели бы не только уверенности, но даже и ощущения тождественности нашей личности в различные периоды её существования и не могли бы подлежать ответственности за поступки, обусловленные решениями, которые тогда представляли бы результат выделений частиц веществ, входящих в состав нашего мозга несколько месяцев тому назад».

Не душа для тела, но тело для души создаётся. Никогда не следует упускать из виду первородство души. Карл Дюпрель говорит: «Орган и функция органа не могут быть отделены, ни помыслены друг от друга раздельно. Воля, направляющая мою руку для того, чтобы она взяла какой-то предмет, есть та же воля, которая организовала эту руку для того, чтобы она брала. Сила, благодаря которой мозг художника создаёт представления, есть та же самая сила, которая организовала и сам этот мозг, которая, стало быть, самоё должна быть наделённой способностью представления, ибо слепое начало не могло бы само собою сделаться зрячим. Это было бы весьма похоже на барона Мюнхгаузена, который самого себя за вихор вытаскивает из болота − символ, могущий служить гербом и эмблемой всем матерьялистам».

Человеку, чтобы вступить в Бессмертье ещё при этой жизни, необходимо научиться видеть себя не в изменчивом теле, но в нетленном духе, необходимо перестать отождествлять себя с телом, но отождествлять себя единственно с духом, ему необходимо каждую минуту своего существования понимать и помнить то, что тело его, со всеми его органами, есть не он сам, а всего лишь вещь, ему принадлежащая, его орудие, которым он пользуется, пока оно в исправном состоянии, и которое он, по мере своих сил, поддерживает в этом исправном состоянии, но которое он оставит после того, как оно не сможет больше служить ему орудием. Пониманье всего этого жизненно важно для Человека, оно обе-

спечивает его действенный прогресс в жизни этой и подводит его к жизни иной совершенно к ней подготовленным. Свами Анантананда советует: «Чем больше ты будешь отчуждать себя от тела, тем более ты будешь делаться самим собою. Это есть важнейшее направление движения, которому ты следуешь, занимаясь Самопознанием. Чем дальше ты будешь от вещей этого мира и равнодушнее в отношении их, тем ближе ты будешь к тому состоянию твоего духа, коий ему присущ от природы и в коем тебе суждено будет жить вечно после того, как ты завершишь отроческую пору своей жизни, пору, которую духовное существо проводит в мирах матерьяльных».

У Леона Дени сказано: «Плоть есть гасильник, коий душит воспоминания; мозг человеческий, кроме случаев исключительных, может воспроизводить лишь те впечатления, что отмечены им самим. Но история всей нашей жизни остаётся вписанной в глубинах нашего сознания. Как только дух освобождается от своей смертной оболочки, связь воспоминаний восстанавливается, и с тем большей силой, чем душа была более развита, более просвещённа, более совершенна. Несмотря на временное забвение, прошлое всегда живо в нас; оно вновь обретается в каждой из наших земных жизней в форме усвоенных склонностей, способностей, вкусов, в чертах нашего характера и нашего мышления. Нам достаточно было бы со вниманием изучить самих себя, для того чтобы восстановить основные черты нашего прошлого».

Познавать себя значит заниматься собою. Но что значит заниматься собою? Поскольку Человек есть душа, то для него заниматься собою означает заниматься душою своею; заниматься же телом, поскольку тело не есть сам Человек, а всего лишь его орудие, значит для него заниматься не собою, а своею принадлежностью, что есть дело второстепенное; заниматься же деньгами, имуществом, хозяйством и прочими вещами значит для Человека заниматься принадлежностями его принадлежности, а это уж есть дело и вовсе третьестепенное. Поэтому Шамфор и говорит: «Добиваться житейского успеха ценой забот, тревог, пресмыка-

тельства перед власть имущими и пренебрегать ради него своим умственным и духовным развитием, не более разумно, чем ловить пескаря на золотой крючок».

XXII

Но, но и ещё раз но... Великое множество людей, несмотря на все мытарства этой жизни, всё же вполне удовлетворено «идеалами» материального существования и не в состоянии даже помыслить себе что-то иное и лучшее. Их положение, думается мне, всего более напоминает положенье свиньи, которая вполне удовлетворена своей жизнью, так как она всё время материально наслаждается: ест до полного пресыщения, тучнеет и непрестанно совокупляется со свиноматкой или, соответственно, с хряком. Свинья вполне счастлива, и её единственное желание − жить так целую вечность. Но если взглянуть на этот процесс не изнутри, а со стороны: постоянно жрать всякую гадость, в том числе и испражнения, всегда быть в грязи, не иметь никаких умственных и духовных запросов − какая ужасная, несчастная, жуткая жизнь! Так и люди, особенно же те из них, которые здесь почитаются «преуспевающими», изнывая от непосильной, отупляющей работы днём, развратничая по ночам, не зная истинных радостей и удовольствий, готовы признать себя вполне счастливыми, и их единственное желание лишь в том, чтоб им быть *телесно* бессмертными и чтобы тогда так оно продолжалось вечно. Как прекрасно то вышнее установление, которое не дозволяет подобной мерзости!

Право, глядя на ничтожный уровень запросов, убогость умственных горизонтов и на более чем скромные духовные достижения так называемого «среднего» человека, составляющего массу современного человечества, поневоле начинает казаться, не слишком ли многого Мы требуем и ждём от этого земного человека. Наши предложения ему не равнозначны ли тому, как если

бы Мы вдруг взяли и подошли к орангутангу и, положа руку ему на плечо, спросили его, глядя в глаза: «Слушай, друг, чего же ты это книжки-то не читаешь?»

Прежде чем человек сможет чему-либо научиться, что-либо усвоить, его необходимо к этому подготовить. Или вы думаете, будто даже взрослый человек сможет понять, к примеру, закон Бойля-Мариотта или закон Ома, или теорему Пифагора, если вы его к пониманию их не подведёте постепенно, а начнёте сразу с этих научных истин? Точно также обстоит дело и с Духовной Наукой: если вы человека не подготовите к ней постепенно, то он не сможет ни воспринять, ни осознать реальность вами даваемого. Более того, думаете ли вы, будто нормальный пятилетний ребёнок в состоянии понять и усвоить какие-либо из законов Физики и Математики? А между тем, в отношении к Духовной Науке, чем обычный взрослый человек лучше ребёнка в отношении того к Математике и Физике? Не будет ли и взрослый таким же пятилетним ребёнком − капризным, ленивым, не понимающим важности того, о чём ему говорят? И, с другой стороны, иные духовные учители человечества, не понимая этого, уподобляются уже ребёнку, о котором говорит Януш Корчак: «Как часто похожи мы на ребёнка, когда он, нацепив кошке бантик, потчует её грушей, даёт поглядеть картинки и удивляется, что негодяйка хочет тактично улизнуть или, отчаявшись, царапнет».

Можно спросить: каков в целом уровень Духовного Знания и истинной Философии на данной планете? Ответ неизбежно будет только один: предельно низкий. Положение в целом сводится к тому, как если бы отдельные люди желали заняться литературой, писали бы уже рассказы, романы и пьесы, сочиняли стихи, в то время как большинство прочих, не зная обо всём этом и с фанатической тупостью игнорируя всё это, задавались бы лишь вопросом: а возможно ли вообще выразить звук с помощью буквы? и если да, то можно ли тогда будет из этих букв составлять слова? Более того, громадное большинство этих людей почему-то пришло к выводу, будто буква звука выразить не может и что, соответственно, слов из букв составить нельзя, что все разгово-

ры о литературе, стало быть, досужие, вздорные домыслы и что в принципе ничего такого быть не может и не должно. Именно так в вопросах Духовной Науки, находясь на уровне отрицания буквы, тогда как другие уже слагают и читают стихи, поступают те, кто отрицают существованье души и её бессмертие, отрицают Бога и Его закон.

Участники Международного спиритического и спиритуалистического Конгресса 1900 года, собравшегося в Париже, единодушно подтвердили два следующих принципа: сохранение сознательного «Я» после смерти и наличие связей между живыми и мёртвыми. Единогласным принятием этот Конгресс утвердил следующие положения:

1) Бог, Высший Разум, первичная причина всего сущего – есть;

2) множество обитаемых миров существует;

3) душа бессмертна; она проводит ряд своих физических воплощений на Земле и в других мирах Космоса;

4) выживание человеческой души после смерти тела подтверждается на практике сообщениями духов, получаемыми медианимическим путём;

5) счастливые или несчастные условия протекания человеческой жизни зависят от достижений, осуществлённых душой в её предыдущие физические воплощения, от её достоинств и недостатков, от успехов, коих ей предстоит добиться;

6) сущее бесконечно в своём совершенствовании;

7) вселенские солидарность и братство представляют собою закон природы Целого.

Грустно видеть, сколь низко пала философская и научная мысль современности в сравнении с тем, что было сделано в начале этого века! сколь велико невежество и скудоумие большинства мыслящей части современного человечества! Положения, данные Конгрессом Спиритуалистов, представляют собою самоистины, аксиомы, которые всякому Землянину следует уразуметь и запомнить крепче, нежели таблицу умножения, как принято говорить о безотносительных ценностях в этом веке, или неже-

ли «Отче наш», как говаривали прежде. Ибо глубокое усвоение этих самоистин бесконечно важнее знания всяких теоретических и прикладных истин Науки и молитв всех Религий вместе взятых: в усвоении их залог индивидуального исправленья каждой слабой или тёмной души и коллективного спасения всего заблудшего земного человечества. Это путь преобразования земного мира, переустройства ада в рай.

В спиритическом послании Иоанна, ученика апостола Павла, сказано: «Когда люди забывают о долге, Бог посылает им посланца, помощника, для более лёгкого, но также и более активного исполненья людской задачи. Это их вы можете называть «мессиями». Они, в тягостный час, когда души терялись в ничтожестве, указывали своими вдохновенными голосами истину, зовущую людей. Заметьте, в самом деле, что они всегда появляются в часы упадка, когда всё, как кажется, рушится под ударами безудержной борьбы страстей и интересов, этих волн моря житейского. И посланцы свыше подобны вечернему ветру, приходящему во время бури земной умиротворить разбушевавшиеся за день мятежные волны. Мир вам, ищущим свой путь, вам, не имеющим больше достаточно силы, чтоб итти к Господу своему. Просите − и помощь Божественная будет оказана вам, как и обещал того наш Учитель. Но не отталкивайте посланца; умейте его понять; уважайте его мысль и его душу; он − посланный Бога, существо его одето светом Его истины, и вы должны ему вашу признательность. − Народы не всегда умеют узреть на челе этих высших существ сверхчеловеческое и благодатное сиянье, коим лучится их душа. Они созна*ют*, что мессии не таковы как все прочие люди во плоти, но они не понимают их, и вот почему вы всегда увидите, что посланец Господа завершает своё вышнее учение, подписывая дело своё верховной болью. Смотрите − и вы увидите, что все те, кого человечество наконец стало почитать, умерли в забвении, или вернее, были преданы и принесены в жертву. Дело в том, что ученье их должно было также показать величие боли, и их последним словом, коие вы найдёте на устах Учителя и всех великих мучеников, было: «Прощайте тем, кто не знает!». Страдание есть ещё и акт любви».

Есть люди, кои представляют собой как бы драгоценные струны космической арфы. В серой сумятице и невежественной сутолоке жизни они безмолвствуют, но стоит только коснуться их незримой руке Мира Идейного, как они начинают вибрировать под тончайшими переливами небольших и изящных мысленных пьес или даже целых монументальных концертов, наполненные Красотой и Гармониями ВЕЧНОСТИ. Такие люди, без сомнения, являют собой величайшее национальное и, более того, всечеловеческое достояние, и потому губление их − самое страшное преступление, какое только может совершить людское невежество. Поставьте себе целью счастье всего человечества и идите к ней через убийство всех инакомыслящих. В итоге вы обязательно будете иметь лишь кровавые зверства и собственную глупость. В этом трагедия большевиков.

И вот теперь всю планету сотрясает Великий Кризис, и причина его − прежде всего психологическая. Вообще главная трудность в том, как плачевно устроены современные люди, или, вернее, лучшие из них, потому что прочие не достигают и до таких «высот»: когда говорят им что-то справедливое, умное, ценное, то они хотят, чтоб изъяснялись с ними побыстрее, не тратя много слов и не повторяясь, как будто бы всё это было им уже давно и прекрасно известно и словно они всё это успешно претворяют. Когда же им невнятно твердят самую расплывчатую муть и совершенно беспросветную чушь, то эти же самые люди, столь нетерпеливые с Нами, делаются на диво снисходительны и к слогу, и к содержанию и способны бесконечно сносить любые длинноты, какою бы глупостью те ни были наполнены. Скучно на этом свете, господа!

XXIII

Быть может, читатель, имеющий знакомство с Оккультизмом, удивится: что здесь, собственно, происходит? Почему это автор приводит к общему знаменателю столь несхожие учения,

как Йога и Спиритизм? Разве у них есть или может быть что-то общее?

Пусть читатель не торопится с выводами. Изучение общности и различий между этими двумя направлениями Оккультизма − тема слишком большая и серьёзная для того, чтоб она могла быть рассмотрена на этих страницах, не уклонив и автора, и читателя от действительной цели данной работы. Цель же этой работы, надо полагать, нами уже достигнута: мы обратили внимание читателя на некоторые Духовные Истины и утвердили их в его сознании − остальное теперь в его области. Поэтому сейчас мы ограничимся лишь простым указанием на самый факт существования общности между всеми направлениями Оккультизма, сделав необходимые замечания общего характера.

Оккультизм, несомненно, выражает собою Истину, и возникновение всех его направлений − Йоги, Спиритизма, Астрологии и иных − теряется во тьме времён, ибо они дошли до нас как наследие самых древних цивилизаций, имена которых уже давно утрачены. Ничто ложное не могло бы поставить подобный рекорд долгожительства. Может ли читатель всерьёз полагать, будто табу, наложенное на эти знания в течение 70 лет большевицко-совецкой власти,* является сколько-нибудь значительной помехой их существованию или доказывает их неистинность? Во временном потоке эти 70 лет равны не более чем сантиметру в общей длине многокилометрового шоссе. И неужели же читатель может на полном серьёзе полагать, будто различные способы выражения Истины должны исключать друг друга, друг другу противоречить и враждовать между собой? Такая логика нам представилась бы весьма странною.

Поясним свою мысль с помощью такого образа: представим себе, что Йога, Астрология и Спиритизм суть три высочайших вершины горного массива, скрытого океаническими водами. И

* «Советский» правильнее писать как «совецкий», потому что не от слова «совет», а от «совы», т.е. хищной птицы, боящейся света и слепой в нём. Точно так же и «большевицкий»: все уважающие себя русские писатели, кворум парс парва сум, пишут это пакостное слово через «ц», а не через «тс».

тогда для глаза стороннего наблюдателя эти вершины, выступая из воды, представляются как три острова, лежащих друг против друга и ничем между собою не связанных. Однако на самом-то деле все три вершины эти составляют одно целое с горным хребтом, основная масса которого скрыта от взора наблюдателя водами невидения, неведения и непонимания.

Известным французским писателем Луи Жаколио была написана книга об оккультных явлениях в Индии. Жаколио был председателем Трибунала во французской колонии Чандернагор. В книге этой выразился довольно юридический склад его ума, а вместе с ним и определённая предубеждённость автора против Спиритизма. Наряду с прочим он описывает своё участие в ряде опытов с йогами, которые оказали ему доверие, потому что он был им симпатичен и разговаривал с ними на их языке. В своей работе он подробно расписывает всевозможные меры предосторожности, какие ему пришлось принять, дабы провести все опыты с истинно научным тщанием и оградить себя от всякой попытки обмана. Ему довелось наблюдать там все явления, которые в Европе и Америке проделывались лишь медиумами самого высокого класса. Жаколио был приобщён йогами к эфирному зависанию тел, управлению огнём, к ускоренному прорастанию семян растений (контрольные семена при этом помечались самим Жаколио), к передвижению предметов на расстоянии, к левитации столов и прочая. Сами йоги объясняли свои способности тем, что они обладали ими от *питри* (духов), и единственное различие между их способами и способами спиритов состояло, по мнению последних, в том, что йоги больше пользовались «прямым вызыванием», т.е. не имели нужды в медиумах, так как сами справлялись с этой ролью. При этом они утверждали, что способности эти были переданы им ещё в незапамятные времена и восходят к халдеям.*

Здесь же нужно сказать и ещё об одном возможном возражении. Внимательный читатель, наверное, заметил, что на этих

* См. Louis Jacolliot, «Le Spiritisme dans le Monde», A.Lacroix et Cie, 1875, Paris.

страницах цитировались всё довольно старые авторы. «Почему это? – спросит он, – неужели же с той поры в этой области ничего не было сделано?»

На это можно дать только один ответ: более поздние исследования, проделанные в данном направлении, исследования, в которых всё было начато с нуля и оказались проигнорированными все былые достижения нашей Науки, хотя и глубоко трогают своей наивной неуверенностью первооткрывательства, однако по сути дела представляют собой праздную попытку заново изобрести велосипед. Такова, например, чтобы не говорить о многих других, любопытная книга Рэймонда Моуди «Жизнь после Жизни». Поскольку достижения этой школы, в сравнении с тем, что уже было сделано прежде, следует рассматривать как шаг назад и беспомощное топтание на месте, то мы и не принимаем их здесь в расчёт, предпочитая ограничиться классическими текстами Спиритизма. Но всё же читателю следует постоянно помнить, что все эти новейшие исследования, начавшиеся на голом месте, без учёта ранее достигнутого в этой области, льют воду на ту же мельницу, что и те, речь о которых идёт у нас здесь.

Смысл данной нашей книги (как и других подобных) для современного читателя в том, что ему предлагается – прибегнем к помощи аллегории и аналогии – познакомиться с некогда разработанной оптимальной моделью велосипеда, которая однако впоследствии оказалась утеряна и совершенно забыта, в результате чего изобретательская мысль пошла по откровенно тупиковому пути, когда вместо надувных резиновых колёс велосипеду были приделаны колёса каменные, которые потом к тому же из круглых сделали восьмигранными и наконец квадратными. Таково именно истинное положение дел в современной парапсихологии, и вот пришло время осознать, что мы давно уткнулись головой в стену и топчемся на месте, тогда как следует повернуть к истокам, к той точке, где мы сошли со своего – и предначертанного нам – пути.

XXIV

Марксизм – самый последовательный и серьёзный материализм; спиритизм – самый серьёзный и последовательный идеализм. Сопоставим оба этих мировоззрения, чтоб увидеть, откуда они берутся и к чему стремятся, на чём они основаны и каков их идеал; словом, посмотрим, что тот и что другой могут дать человеку и насколько серьёзно можно принимать тот или другой, исходя из их происхождения.

Итак, спиритизм. Что предлагает он человеку? То, что он предлагает, слишком значительно и влечёт за собою столь важные и многие следствия, что всё это невозможно рассмотреть с какой-либо полнотой на одной или ста страницах; здесь можно лишь упомянуть самые фундаментальные вещи.

Во-первых, он дарует человеку *бессмертие* (вдумайтесь только в это слово!). Но не просто абстрактное бессмертие, но также и индивидуальное бессмертие для каждого из нас. Затем он объясняет ему, почему он бессмертен и в каком виде он (человек) действительно существует, и объясняет ему, что он (человек) такое есть. Одновременно он приводит его к пониманию необходимости существования Высшего Разума, творца всего сущего, и к признанию этого Разума. Человек вдруг уразумевает, что понятие об этом Разуме и признание Его нисколько не унижает его самого, как то считают материалисты и атеисты, но наоборот возвышает его и самого по себе, и относительно к животным или невежественным и скептичным людям, не достигшим ещё той ступени самореализации, с которой начинается Богопознание.

Далее, человек начинает видеть братьев по духу, происхождению и целям во всех людях, проникается любовью к ним и ко всему живому, начинает *бескорыстно творить добро*; значение этого обстоятельства трудно переоценить в смысле социального переустройства земного мира. Человек обретает сознание ответственности за свои дела и мысли и понятие о высшей вселенской

Справедливости. Одновременно он понимает причины, условия и необходимость зла, царящего сегодня в земном мире.

Он начинает сознавать беспредельность Эволюции и Вселенной, начинает понимать свои место и роль в природе великого Целого, частью коего он является, проникается гармонией и музыкой миров и пространств; короче говоря, приняв это мировоззрение и претворяя его на деле, человек из рабочей скотины и пушечного мяса делается Гражданином Вселенной – со всеми вытекающими из этого последствиями.

А какова тогда цель не ограниченного временем человеческого существования? Она, как было уже сказано не раз, состоит в том, чтоб всё улучшаться, постоянно развиваться, вечно совершенствоваться, подниматься в духовной Иерархии, всё приближаясь к Творцу, и там сотрудничать с Ним, совместно с Ним созидать новые миры, руководить их развитием, бдеть над исполненьем вечных законов и развитием космических человечеств. Такова в немногих словах суть предлагаемого человеку спиритизмом. Каждый волен понять, сколь многое стоит за этими словами.

А что предлагает человеку марксизм? (Не буду здесь затрагивать, оставляю в стороне обсуждение самóй по себе сомнительной возможности осуществить коммунистические идеалы, исходя из материалистических, т.е. по сути эгоистических воззрений.) Он предлагает человеку считать себя не БЕССМЕРТНЫМ ДУХОМ, но просто *куском мяса с костями*, который, пока жив, обязан заниматься лишь грубой материальной работой, а после того, как износился его организм, должен сгнить в земле, сгореть в печке или пойти на корм рыбам.

Вместо беспредельности Вечности – жизненное мгновение 20-90 лет, вместо бесконечности Космоса – всего лишь поверхность земного шара или (если говорить о жителях С.С.С.Р) территория одной страны, одного города. Вместо бесконечного совершенствования – грубая, отупляющая работа.

А каков идеал? К чему стремиться? Ради чего всё это? Ради какого-то там блаженного состояния, именуемого «коммунизмом», – идеального общества всё тех же несколько облагорожен-

ных кусков мяса, по сути вещей всё равно лишённых духовности и подлинной культуры.

Не разбирая здесь принципиальную возможность или невозможность реального достижения обществом идеального состояния материального процветания, посмотрим, в чём, собственно, заключается это состояние? Это, говорят нам марксистские теоретики, когда всего будет вволю, будет такое материальное изобилие, что бери сколько тебе хочется, а на складе всего всё равно много будет. При этом, правда, надо быть достаточно «культурным», «сознательным», т.е. *не хапать* больше, чем можешь съесть; надо разумно ограничить свои потребности. Например, ты можешь безвозмездно и совершенно бесплатно взять у общества в личное владение миллион автомобилей, можешь иметь тысячи дач, и никто от того не пострадает и не обеднеет; но только зачем тебе так много? Ты имей столько, сколько ты можешь с толком употребить, и тогда тебе, наверное, больше 10 машин и, ну скажем, 15 дач не нужно будет (именно на таком скромном уровне и пыталась ограничить свои аппетиты советская элита). А скучно станет тебе от этого изобилия всего у всех, так ты пойди и поработай на ещё большее благо изобильного общества, пусть в нём всего этого ещё больше будет!

Так прямо и хочется спросить вместе с Омаром Хайямом: «Ну и что?!» Не правда ли, какой варварский, первобытный, дикарский идеалишко – гарантированная возможность есть от пуза, иметь всё что угодно и при этом мало работать? А то, быть может, можно обойтись и вовсе без всякой работы?

Конечно же, сегодня не так-то просто наткнуться на этот документ эпохи – «XXII съезд К.П.С.С. Программа партии», но, если у вас окажется такая возможность, вчитайтесь-ка повнимательнее в упоённые строки партийной программы, воспевающей это сказочное блаженство и изобилие. Не правда ли, какое, говоря словами Бунина, «восторженное порождение хамской фантазии»?

Ну а теперь, на чём основаны эти два мировоззрения, откуда взялись они? Спиритизм основан на действительных фактах

появлений и проявлений духов. Реальность, достоверность и неподложность, вернее, невозможность подложности этих фактов была в ту пору, когда явления эти *серьёзно* изучались, десятки и сотни раз подтверждена авторитетными учёными и целыми учёными комиссиями, так что сомневаться в реальности этих фактов просто глупо. Что касается до их возможности и даже необходимости этой возможности, то она с исчерпывающей убедительностью доказывается теорией спиритизма, которую отличают безупречная логика, свобода поиска и исследования, творческий и недогматический подход ко всем вопросам и полнейшее безразличие к людской корысти. Само учение спиритизма не придумано каким-то отдельным человеком или группой людей, но продиктовано (не самое удачное слово для обозначения способа, каким оно было передано людям) сверхчеловеческими существами – Высшими Духами, духами высокого ранга, познавателями Истины, возможности познания у которых ограничены значительно меньше, нежели у земного человека. Вот как появился спиритизм. Он, таким образом, имеет внешнее, *объективное* по отношению к земному человечеству происхождение, так сказать, «дан ему свыше».

А откуда взялся марксизм? – Его измыслили сами люди, причём не самые прозорливые из них. Он, стало быть, представляет собой *субъективную* концепцию отдельных людей, которую тщетно выдают за объективно данную истину. Марксизм возник как гипотеза для объяснения явлений грубой материальной действительности. Затем гипотеза, ставшая задиристой теорией, принялась грубо игнорировать и отрицать всё, что не укладывалось в её достаточно узкие рамки. Марксизм оказался Прокрустовым ложем и для науки, и для философии, и для морали, и для религии. Затем Ленин основательно изувечил и марксизм, заставив его служить целям политического авантюризма. Поэтому, когда марксистская теория добилась политического господства в отдельных странах, она одурманила и отравила целые нации хуже, чем то в Средние Века сделал католицизм.

Мыслящему человеку невозможно понять, как ещё можно колебаться в выборе между этими двумя взглядами на мир – всевидящим и всепроникающим, и близоруким и подслеповатым, между объёмным отражением Истины и плоским искажением её? Свами Анантананда говорит: «Конечно же, если отказываться изучать эту уже более двух тысячелетий существующую литературу по оккультизму, как то делают все наши противники без исключения, априорно расценивающие источники, из коих мы черпаем и которых они сами совсем не знают, как недостоверные и ненадёжные, то на веки вечные так и останешься материалистом. Мы же, знающие литературу эту достаточно хорошо и имевшие личное знакомство с «оккультными» явлениями, видевшие, как они всем ожиданиям и будничным законам вопреки оправдались на деле, всесторонне размышлявшие над этими явлениями и глубокими проблемами философии и установившие логическую связь между ними в тех пределах, в каких позволительно сделать это человеку, мы вполне имеем право объявить общую весомость всех этих противников, ни разу не пожелавших сосредоточить должным образом свои мысли, непредвзято взглянуть на вещи и попытаться проделать самые простые опыты, мы, говорю я, позволим себе объявить общую весомость всей этой массы противников совершенно ничтожною».

XXV

Вернёмся, однако, немного назад. Фактом является и останется им уже навсегда то, что сегодняшней Медициной добыты новые данные, которые недвусмысленно показывают, что после смерти тела существование личности продолжается. Под «медициной» мы, естественно, разумеем никак не врачей совецких больниц и поликлинник или членов Академии медицинских наук СССР. Мы имеем в виду исследования учёных-медиков мирового класса. Всякий человек, следящий за достижениями современной

Медицины в этой области, назовёт имена Рэймонда Моуди, Элизабет Кюблер-Росс, Майкла Сабома, Джорджа Ритчи, Корлисса Озиса, Мориса Ролингза и многих других.

Точно таким же фактом осталось и то, что учёные, жившие в конце XIX века и серьёзно изучавшие проблемы в области, называемой ими «спиритизмом», пришли, среди многого прочего, к тем же самым выводам.

Факты эти и выводы, из них вытекающие, несомненны, касаются каждого из нас, и касаются весьма близко. Тем не менее большинство людей проявляет к этому очень мало интереса. И делается обидно за это большинство. Человек не понимает, не чувствует и не видит. Словно слепой проходит он мимо сокровища, которое теперь открыто, показано, доступно. Заметь, посмотри и возьми себе эту драгоценность, которую тебе дарят и которая сделает тебя лучше и счастливее (что одно и то же). Что тебе мешает? Что тебя задерживает? Сейчас не надо, как когда-то, вступать ради этого в тайные мистические общества и приносить страшные клятвы, не нужно, как прежде, этому «верить», а довольно только не полениться, посмотреть и малость подумать − и понимание (или, как говаривали в прошлые эпохи, − «вера») придёт неизбежно, придёт само собой. А без этого, человек может прожить всю жизнь, прожить её кое-как, и умереть, так и не узнав в своё время, какое сокровище он упустил.

«Всего убедительнее, всего важнее, по-моему, было бы для нас свидетельство человека умершего и затем воскресшего, если бы он сообщил нам, что в смерти нет страдания», − говорит Сенека. Свидетельства именно таких людей и собраны в трудах вышеназванных авторов, но обывательской самонадеянности недосуг взвешивать доводы учёных и мудрых, ибо она почитает себя мудрее и учёнее их. С древнейших времён люди верили в существование души, в её бессмертие и даже, как указывается в некоторых источниках, общались с духами «умерших». Скептик на это скажет, что человеку, якобы, во все времена нравилось верить в чудеса. Но, позвольте, что называет он «чудом»? Чудом он называет то, что «сверхъестественно», а сверхъестественно

для него всё то, что «противоречит законам природы». Он, видите ли, оказывается, знает законы Природы настолько хорошо, что может решать, что́ им соответствует, а что́ противоречит. Он даже не замечает, что подобным суждением ставит пределы могуществу самой Природы, а происходит именно это, когда он, исходя из своего «всеведения» решает, что́ Природа сделать может, а что́ ей сделать уже никак не под силу. Особый вес такие суждения приобретают, когда человек, выдвигающий их, носит звание «учёного». Но в действительности подобная установка всего менее научна и означает лишь несдержанность невежественного ума.

Для подобных критиков весь Спиритизм сводится к сомнительным сеансам с «кручением блюдец» и «верчением столов». И невдомёк многомудрым, что они всего более походят здесь на того простака, который бы искренно верил, будто вся Физика заключается лишь в падении яблока на землю, и считал бы это своё суждение по поводу физической науки не подлежащим дальнейшему развитию и истолкованию фактом. Именно такова логика наиболее воинствующего скептицизма, на поверку оборачивающегося самым беспомощным легковерием.

Подобному воплощённому критерию истины мы можем предложить только одно: пусть-ка он попробует *доказать* нам, будто существование духов и их общение с так называемыми «живыми» людьми противоречит законам Природы и что всё это не является и не может являться одним из её прекрасных и восхитительных законов! Но пусть он не пытается доказывать это одним только голым отрицанием, которое не является аргументом, или утверждениями типа: «этого не может быть, потому что это невозможно», ибо таковые ничего не доказывают, кроме бессилия самого теоретика. Увы! господа, после всех его попыток сделать это окажется, что он не в состоянии привести ни одного весомого довода. За все те годы, что существует эта проблема, никто из наших предшественников, ни мы сами не встретили скептика, рассуждения которого заслуживали бы серьёзного анализа. Поэтому в борьбе с нами они избрали не путь рассуждения,

а совершенно иной: более или менее искусную дезинформацию и силовое затыкание рта своим оппонентам.*

Мы утверждаем, что Спиритизм есть философия, выводы и гипотезы которой заставляют задуматься всякого образованного и серьёзного человека. Идея души, лежащая в его основе, неразрывно связана с идеей её бессмертия, и обе оне суть естественное следствие идеи Бытия Божьего. Преступление марксизма-ленинизма, равно как и всякого материализма, состоит в том, что он, чрез безбожие, пытается лишить Человека его духовной сути и его первородного права на бессмертие, с тем чтоб превратить его попросту в «кусок мяса». Но Спиритизм указывает Человеку на его истинную природу, говоря ему, что он есть не *тело,* но *дух.*

Если основа, т.е. существование души, допущена не в виде вероятия, но как нечто доказанное, неоспоримое, тогда не видно, как бы существованье духов совершенно естественно и логично не вытекало из этой основы. Поэтому нам остаётся только выяснить вопрос, может ли дух сообщаться с человеком, т.е. обмениваться с ним мыслями. В своих рассуждениях мы будем, разумеется, исходить из принципа существования души, который, как мы сказали, сегодня вполне бесспорен и ясен для каждого человека, который мыслит самостоятельно и непредвзято, т.е. человека с открытым и свободным умом, умом, чуждым рабства перед обычаем, привычкой или догмой.

На вопрос о том, возможно ли общение между людьми и духами, такой ум ответит: «А почему бы, собственно, и нет?» Что есть такое человек, если не дух, помещённый в тюрьму тела? Почему бы свободный дух не смог сообщаться с духом, пленённым в материи, как свободный человек − с тем, кто закован в цепи? Если вы допускаете сохранение души после смерти тела, то разве разумно не допускать сохраненье привязанностей и чувств? Поскольку души находятся всюду, то разве не естественно подумать, что

* До сего времени такая метода борьбы невежества со знанием давала прекрасные результаты, но мы намерены положить этому конец. Упразднение политической и философской цензуры сильно нам в том поможет.

та душа, которая любила нас при жизни, будет находиться рядом с нами и переступив порог смерти, что она пожелает общаться с нами и что для этого она воспользуется средствами, находящимися в её распоряжении? При жизни разве не воздействовала она на материю своего тела? Разве не она управляла его движениями? Почему же тогда после своей смерти, по соглашению с другим духом, связанным с телом, она не может позаимствовать у него это живое тело, чтобы проявить свою мысль подобно тому, как немой пользуется говорящим, для того чтобы дать понять себя?

На минуту отвлечёмся от фактов, которые, для нас, делают вещь неоспоримой, и предположим её просто в виде обычной гипотезы. Мы просим скептиков доказать нам, повторяем, не одним только голым отрицанием, ибо их личное мнение не может образовать закона и быть отражением объективной истины, но весомыми доводами, что *этого не может быть*, что это принципиально невозможно. Мы становимся на их почву, и поскольку они хотят оценить так называемые «спиритические» факты с помощью законов Материи, то пусть они, стало быть, найдут в этом арсенале какое-либо математическое, физическое, химическое, механическое, медицинское, физиологическое и вообще биологическое доказательство и докажут через A+B, всё время исходя из принципа существования и выживания души:

1) что существо, которое мыслит в нас при жизни, не должно мыслить после смерти;

2) что если оно и мыслит, то всё же не должно больше думать о тех, кого оно любило;

3) что если оно всё же думает о тех, кого оно любило, то не должно больше желать общаться с ними;

4) что если оно и может быть повсюду, где ему угодно, т.е. обладает даром «вездесущности» (а это одно из свойств развоплощённых духов), то оно всё же не может быть рядом с нами;

5) что если оно рядом с нами, то всё же не может сообщаться с нами хотя бы при помощи каких-либо знаков;

6) что своей флюидической оболочкой оно не может воздействовать на неживую материю;

7) что если оно и может воздействовать на неживую материю, то всё же не может воздействовать на одушевлённое существо;

8) что если оно может воздействовать на одушевлённое существо, то всё же не может водить его рукою, чтобы заставить его писать;

9) что будучи в состоянии заставить его писать, оно всё же не может ответить на его вопросы и передать ему свою мысль.

Когда противники Спиритизма докажут нам, что всего этого не может быть, причём доводы их будут настолько же убедительны, как, к примеру, те, которыми Галилей доказал, что не Солнце вращается вокруг Земли, но именно Земля вокруг Солнца, тогда мы сможем ещё сказать, что сомнения их обоснованны. Но всё дело, напоминаем, в том, что ни мы сами, ни наши предшественники в прошлых столетиях с такими доводами не встретились. К сожалению, вся аргументация наших противников до сего дня сводилась лишь к одной жалкой и бессильной фразе: «Я в это не верю, стало быть, это невозможно». Они, без сомнения, скажут нам, что это мы должны доказывать реальность спиритических феноменов. На это мы скажем, что мы *в состоянии* доказать им её фактами и рассуждением, что уже не раз и было сделано нами. Если же они не допускают ни тех, ни другого, если они отрицают даже то, что они видят, то тогда пусть всё-таки *они* докажут, что наше рассужденье ошибочно и что факты невозможны.

XXVI

У спиритического Учения имеются две стороны, как бы две части. Одна из них − это лежащая в его основе философско-нравственная концепция, выраженная в «Книге Духов» Аллана Кардека, а впоследствии продолженная и развитая в иных его работах и работах других исследователей. И вторая − это теория спиритических манифестаций, имеющая сугубо прикладное

значение; она была первоначально сформулирована в «Книге Медиумов» Алланом Кардеком и по ходу времени также дополнялась другими исследователями. Обе стороны Учения могут рассматриваться и как дополняющие одна другую, и в то же время – как самостоятельные. Так философско-нравственная концепция нисколько бы не пострадала, если бы теории манифестаций и вовсе не существовало; со временем однако, из одной только этой концепции, стала бы ясна возможность и необходимость существования этих манифестаций, и люди, пожелавшие бы применить теорию на практике, убедились бы в её справедливости. И, с другой стороны, люди, ничего не знающие о философской концепции, но успешно занимающиеся практикой, если бы они были достаточно внимательны и вдумчивы, в конце концов всё равно бы, в итоге весьма долгого ряда лет, пришли к созданию философско-нравственной концепции.

Вся спиритическая практика основана на признании того факта, что человек есть не *тело*, но *душа*, и что после смерти тела душа продолжает свою жизнь в иных, отличных от земных условиях. Помимо того, в основе этой практики лежит знание о том, что душа умершего с душами, временно воплощёнными в человеческое тело, общаться может *только* при строго определённых условиях, изучение которых представляет собой особый раздел спиритической теории и практики. Этого раздела мы пока что также касаться не будем, ограничимся лишь простым указанием на то, что в любом общении существуют свои законы, и один из этих законов выдвигает необходимость в посреднике. Так, когда вы говорите с собеседником, то такими посредниками вам служат ваши органы речи, воздушная среда и ваши с собеседником органы слуха. Если вы общаетесь с этим же собеседником на значительном расстоянии, то в роли таких посредников, помимо предыдущих, могут выступить два телефонных аппарата и сложная система кабелей, их соединяющая. Когда же вы желаете общаться непосредственно с обитателями мира иного, то вам также необходим посредник, и посредник этот называется «медиумом».

В «Книге Медиумов» Кардека, а также в работах Крукса и других исследователей перечисляются и объясняются самые разные по своему характеру спиритические манифестации. К ним относятся: вращение столов и иных предметов, левитация предметов и живых существ (в том числе и людей), принесение предметов (так называемые «аппорты», при этом расстояние и даже размер предмета не играют большой роли), телекинез, самостоятельная (без контакта с человеческими пальцами и каким иным агентом) игра музыкальных инструментов, чтение мыслей, предсказания, психография (или «автоматическое письмо», когда рука пишущего медиума находится под водительством проявляющегося духа и записывает мысли последнего, как если бы она была его собственной рукою), отпечатки человеческих рук и лиц в расплавленном парафине без контакта с участниками эксперимента, появление полупрозрачных и светящихся рук, лиц и фигур (эти феномены получаются обычно в полумраке), эктоплазмические материализации (это продолжение предыдущего феномена, когда появившаяся человеческая фигура начинает уплотняться, всё сгущается, пока не приобретает наконец все признаки реального человеческого тела, а затем в конце манифестации начинает всё разрежаться, покуда не растворится, не растает в воздухе, как уносимый ветром туман), «прямые голоса» и многое-многое другое.

Жюль Ренар в своём дневнике говорит: «Смерть плохо устроена. Нужно, чтобы наши мертвецы от времени до времени посещали нас по нашему зову, беседовали с полчасика. Как много мы не успели им сказать, пока они были здесь». Что ж, выясним, так ли уж справедлив этот упрёк в адрес смерти, и не идёт ли она навстречу как раз этому пожеланию писателя. А для этого рассмотрим, как собственно происходит феномен «прямых голосов» по словам самих экспериментаторов.

Английский писатель Г.Деннис Брэдли в своей книге “Towards the Stars” («К звёздам») описывает собственные впечатления на сеансе с сильным медиумом для производства «прямых голосов» Джорджем Вэлиэнтайном. Брэдли, находясь в деловой поездке по Соединённым Штатам, был приглашён своим другом

принять участие в медианимическом сеансе, и из любопытства согласился. Вот в каких выражениях описывает он свою первую встречу со спиритическими явлениями:

«Внезапно запала глубокая тишина, и тут же у меня возникло ощущение, будто в комнате присутствует кто-то пятый. Вслед за этим я услышал изящные интонации женского голоса, звавшего меня по имени. Голос дрожал от переполнявшего его чувства, звуки его раздавались поблизости от меня справа. Я держался холодно, спокойно, как и подобает бесстрастному наблюдателю. На призыв я ответил односложным: «Да!». Тогда моё имя было повторено ещё дважды, голос был всё более исполнен волнения, словно бы та, которая говорила, была вся во власти радости, вновь увидав своего обожаемого друга после долгой разлуки. Я ответил: «Да, это я и есть. Что вам угодно?». И голос: «О! я люблю тебя! я тебя люблю!». Слова эти были сказаны с наэлектризовывающими нежностью и красотой. Я слышал, как эти же слова произносят некоторые из величайших мировых актрис, но никогда не слышал, чтоб они были отмечены такою полнотою чувства... Я попросил: «Скажите мне, кто вы. Назовите своё имя». С этого мига началась долгая, проникновенная беседа между нами; и уже не вполголоса, а в полный голос, как между двумя людьми, живущими в этом мире. Наша взволнованная беседа, исполненная ликующей радости, разворачивалась в то время, как тут же сидело трое свидетелей, которые всё слышали. Никто из них не знал моих семейных дел, и ещё менее кто-либо из них мог знать, что у меня была сестра, умершая десять лет назад...

При жизни она обладала красивым голосом, который модулировал с чарующей гибкостью, а фразировка её отличалась необычайной грацией, и при этом она была «пуристкой» в выборе слов. Я никогда не встречал другой женщины, которая разговаривала бы с таким изяществом. Так вот: когда десять лет спустя после своей смерти она проявилась мне медианимическим путём, то говорила она с той же отличительной фразировкой, какую имела и при жизни, и каждый слог, какой она произносила, характеризовался теми неподражаемыми особенностями

каденций и интонаций, которые отличали её среди тысячи других женщин.

Мы беседовали четверть часа на разные интимные темы, которые могли быть известны только ей и мне... Затем я попросил её рассказать о своей спиритической жизни, и она ответила, что совершенно счастлива в той чудесной обстановке, в которой живёт; но в то же время она бесконечно рада, что наконец нашла способ говорить со мною. Мы так долго говорили о своих делах, что оба сразу почувствовали, как мы бестактны по отношению к другим, которые ждали своей очереди. Прежде чем расстаться, я спросил её, придёт ли она завтра вечером, и она обещала мне притти. Мы в последний раз поприветствовали друг друга, и перед тем как уйти, она послала мне звучный поцелуй, который был слышен всем... В этот вечер я пережил самое великое событие своей жизни. Именно с того мгновения, как я узнал голос своей сестры, всё показалось мне странным образом естественно; с того самого мига, как я *поверил*, сверхъестественное стало для меня естественным и разумным. Всякое сомненье исчезло пред подобным доказательством, и в один миг ум мой понял, как всё то, что до сей поры представлялось мне невозможным, было, напротив того, возможно... Всякое подозренье в чревовещании просто смешно. И никто на свете не смог бы имитировать ясный, чистый и нежный голос, который в тот вечер говорил со мною; ни один голос на свете не мог бы обладать теми индивидуальными свойствами, какие были присущи голосу Анни, с его особой интонацией, необычайными особенностями произнесения, отличавшими её при жизни; не говоря уж о том, что никто не мог бы обнаружить столь полное знание всех перипетий общего нам с нею прошлого...»

На втором сеансе, на котором присутствовал Брэдли, произошло ещё одно необычайное событие: состоялась оживлённая и сердечная беседа между кухаркой и её покойным мужем на *языке басков*. После этого Брэдли начал упражняться в медиумизме, с целью самому добиться осуществления феномена «прямого голоса», что ему и удалось. Однажды вечером, в октябре 1924 года, он

пригласил к себе г-жу Фрэнсис Карсон, знаменитую английскую драматическую актрису, и как только погас свет, некая сущность, назвавшаяся её мужем, окликнула её по имени. За этим последовала одна из самых волнующих и драматических бесед, какие только могут быть. Когда госпожа Карсон уходила, она заявила, что это свидетельство продолжения жизни близких представляет собой самое чудесное событие её жизни.

Вечером 18 марта 1925 года Брэдли пригласил японского поэта Гонноскэ Комаи, и к величайшему удивлению всех присутствующих проявилась сущность, принявшаяся говорить с Комаи по-японски. Этот последний сообщил, что он вёл разговор со своим старшим братом, тембр голоса которого он узнал и воспоминания которого вполне соответствовали тому, что было прежде.

Как можно видеть, опыты Брэдли, из которых мы приводим здесь только выдержки, имели результаты, без всякого сомнения, интересные и дающие богатую пищу для размышлений о Спиритизме, о смысле и назначении человеческой жизни. Они сосредоточены в двух книгах, имевших огромный успех в Англии, и когда подумаешь о том, что он месяцами подолгу беседовал с умершими родными и что то же случалось с теми, кого он приглашал на свои сеансы, и что сообщающиеся существа разговаривали также и на других языках, то не будешь удивляться тому, что Брэдли безоговорочно примкнул к спиритическому движению. «Я с полной ответственностью утверждаю, − пишет он, − что если Анни и Уоррен не являются живыми и реальными спиритуальными личностями, то тогда большое число личностей бесцветных и призрачных, с коими мне пришлось встречаться в местах светского общения, в театрах и клубах, либо также суть в свою очередь призраки умерших, либо суть не что иное, как фантазии воображения. Доказательства своей тождественности, которые представили мне мои духовные друзья, гораздо более впечатляющи, нежели те, что представлены мне большинством завсегдатаев светских гостиных. СМЕРТИ НЕТ: я написал два толстых тома, чтоб доказать это, и мне удалось непосредственно, на деле установить регулярные отношения с духовным миром.

И я должен сказать, что открытие это на много голов выше всех прочих открытий, так как оно знаменует собой крупный шаг на пути, ведущем к истинной науке о будущем!»

Пойдём, однако, далее. Невилл Уаймент, профессор языкознания в Оксфорде, будучи в Нью-Йорке, был приглашён принять участие в сеансе с проявлением прямого голоса, так как сообщающаяся сущность изъяснялась на каком-то непонятном восточном языке. Стоит познакомиться с изложением фактов в том виде, как его даёт сам Уаймент:

«Тот, кто пригласил меня, сообщил мне, что «прямые голоса» говорили на языках, не известных никому из присутствовавших, и что поэтому моё появление было желательно единственно ради перевода с этих языков, а не потому что кого-либо интересовало моё мнение по поводу самих явлений.

Я узнал, что экспериментаторы были убеждёнными спиритами и что в ряде сеансов они получили удивительные доказательства, удостоверяющие личность сообщавшихся... Мне было довольно приятно это неожиданное приглашение. Хотя я никогда и не был противником спиритических исследований, но у меня как-то никогда не выпадало времени заняться этим, и поэтому сеанс, на который меня приглашали, показался мне интересным развлечением, которое могло бы доставить отдых моему уму. И, говоря откровенно, я рассчитывал, что уж я-то, после того как услышу некоторые из этих «прямых голосов», сумею открыть, каким образом производилась столь ловкая и изощрённая мистификация. В указанное время я приехал в назначенное место. Один за другим проявлялись разные голоса, говорившие по-английски с разными членами группы. Некоторые из этих бесед затрагивали обстоятельства столь интимные, что я чувствовал себя до крайности неловко, ибо мне начало казаться, что я посторонний, вторгшийся сюда подслушивать секреты ближних. По счастью, в комнате царил полумрак, и никто не мог увидеть, что я краснею от стыда.

Вдруг раздался громкий голос, представившийся как Кристо д'Анджело, сказано это было с сильным итальянским акцен-

том. Вслед за этим голос начал говорить на подлинном итальянском языке. По-итальянски я не говорю, но понимаю довольно хорошо. Говорящий обратился ко мне со следующими словами: «Скажите синьоре Х. (одна из присутствующих на сеансе дам), что она не сдержала данного мне слова достаточно выучить итальянский язык, чтоб разговаривать со мною на моём языке. Она продолжает отвечать мне по-испански, а это меня сильно затрудняет». Дама, которой был адресован упрёк, искренне признала, что Кристо д'Анджело прав. Этот последний некоторое время ещё разговаривал со мной, выражаясь на каком-то тёмном итальянском диалекте. Позднее я узнал, что это было сицилианское наречие. Затем последовали другие голоса, говорившие по-английски; и вот неожиданно в полумраке раздались странные, расстроенные, скрипучие, но хорошо знакомые мне звуки, сразу же мысленно перенёсшие меня в Китай. Это звучала китайская флейта, но исполнение было довольно неважное. В Небесной Империи часто случается натолкнуться на флейтистов, чего несомненно не происходит ни в одной другой части света. И вот раздался глубокий бас, очень отчётливо произнёсший слово: «К'унг-фу-Т'цу».

В произнесении этого слова я обнаружил голосовые модуляции, заслуживающие самого пристального внимания... «К'унг-фу-Т'цу» – китайское произнесение имени «Конфуций»; это более чем имя, это титул. Он означает: «Высочайший Учитель философии К'унг». Фамилия К'унг ещё существует в Китае, и потомки великого философа более 2000 лет получают особую пенсию от китайского правительства.* И сам по себе факт прямого голоса, утверждающего, что он Конфуций, не очень-то примечателен, если учесть, что имя это самое знаменитое в китайской истории; но дело в том, что очень немногие люди на свете, если только они не китайцы, будут в состоянии правильно произнести его, как это сделал голос. Например, слог «Т'цу» или «Т'це» произнести правильно крайне трудно, и звук, наиболее приближающийся к

* Это было написано, разумеется, до водворения в Китае коммунистов.

этому – «ц», но всё же это не совсем то. Я тут же, стало быть, убедился, что тот, кто говорил со мной, несомненно, был сведущим востоковедом, ибо не только произношение, но и самые деликатные изгибы голоса были воспроизведены совершенно правильно. Я спросил: «Кто вы?». Тот же голос, с некоторым нетерпением, ответил: «К'унг-фу-Т'цу». Мысль о том, что это мог быть сам Конфуций, мне и в голову не пришла; я просто предположил, что нахожусь в присутствии кого-то, кто желал бы побеседовать со мною о жизни и философии великого китайского мыслителя. Я решил проникнуть в глубь тайны; для чего, соблюдая обычный китайский приветственный церемониал, спросил ещё: «Могли бы вы сказать мне, как вас звали при жизни?». – «К'ью», – был ответ. Правильно, но имя это хорошо известно востоковедам. И, стало быть, правильный ответ этот, как бы ни был он интересен, ещё не мог служить окончательным доводом, удостоверяющим личность говорящего. И потому я снова спросил: «Могли бы вы сказать, как вас звали в 14 лет?». Тут же получаю правильный и исчерпывающий ответ, сказанный к тому же со специфически китайской интонацией и голосовой модуляцией. Отмечу, что имя, которое на этот раз было мне названо, и среди самих востоковедов известно весьма немногим.

После этого я заметил своему собеседнику, что некоторые из классических стихотворений, им самим написанных или изданных, представляются непонятными современным читателям. Голос попросил, чтобы я указал какие-либо из этих стихов, дабы он мог внести ясность. Я выбрал третий стих в «Ши-Кинг», поскольку он наиболее тёмен из всех. Я помнил только первую строку и прочёл её ему. И тут же голос, с совершенной китайской фонетикой, прочёл мне всё стихотворение, которое известно сегодня, и после паузы в пятнадцать секунд прочитал его мне снова, но на этот раз в правильном варианте, что придало всему стиху совершенно иное значение. Сделав это, голос спросил: «Теперь, когда я всё исправил, понятен ли вам смысл?»...

В других случаях духи китайских деятелей говорили на своём языке *в отсутствии* профессора Уаймента, что таким об-

разом исключало возможность чтения мысли в уме консультанта. На сеансах присутствовал лорд Чарльз Хоуп, делавший запись звучавших голосов на диске (ибо в ту пору ещё не было магнитофонов). Когда затем Уаймент прослушивал записи, он признал, что голоса в совершенстве говорят на китайском языке.

Примеры такого рода можно было бы продолжить, но мы полагаем, что сказанного достаточно. Читателю следует самому оценить всю значимость таких фактов. Мы только позволим себе мимоходом отметить, что феномен «прямых голосов», самим фактом своего существования, полностью перечёркивает теории парапсихологов и доморощенных спиритов, силящихся объяснить разумные спиритические явления (и в первую очередь «автоматическое письмо») каким-то влиянием подсознательного «я» медиума, влиянием коллективного подсознания участников сеанса или неким вмешательством инопланетных сил. Все подобные гипотезы с упорством, заслуживающим лучшего применения, измышляются единственно для того, чтобы не признавать вещей, совершенно очевидных для непредубеждённого ума, а именно, что явления эти обусловлены непосредственным влиянием развоплощённых индивидуальностей умерших людей.

Не поколебленной этими фактами остаётся одна только навязчивая идея христианских теоретиков, каковые объясняют все эти вещи происками «нечистого», могущего (в согласии с тем, как они его понимают, и теми полномочиями, которые они ему вверили) до бесконечности менять свои личины, дабы легче ввести слабых человеков в обман для «погубления» их. Но подобная, с позволения сказать, аргументация всего менее научна, и вести полемику с выдвигающими её сегодня так же непродуктивно, как и возражать людям, которые в наши дни вздумали бы утверждать, что Земля плоская и что покоится она на четырёх китах. Единственное, что можно посоветовать господам ортодокс-христианам, это − всё же внимательнее читать «Новый Завет» и дорожить *духом* Христова учения, а не *буквами* вольного перевода его, в коих они склонны усматривать для себя высший авторитет. Это с одной

стороны. А с другой, желательно (и это же относится и к разного рода оккультистам, каковых теперь у нас имеется множество), чтобы они все основательно познакомились с предметом своей критики, поскольку без этого пока что получается, что они сражаются не с ним, а с собственными о нём представлениями. С последним обстоятельством, в частности, связано то, что столь многое, ставящееся ими Спиритизму в вину, им самим также никоим образом не приветствуется. И они, приписывая предмету критики то, что он сам решительно порицает, лишают тем свою критику всякого основания, а себя ставят в глупое и смешное положение.

XXVII

Скажем несколько слов и о таком важном спиритическом феномене, как «автоматическое писание». «Автоматическим писанием» или «ручной психографией» в Спиритизме называется писание, получаемое посредством руки медиума, когда тот держит в руке карандаш или ручку. Во время прямого писания медиум только *держит* пишущий прибор, но *не водит* им: тот движется без участия сознания медиума, как бы машинально, помимо его воли, побуждаемый к этому движению внешней по отношению к медиуму силой. Возможно ли такое? − тут же резонно усомнятся скептики. Давайте рассудим, исходя из принципа существования и бессмертия души, оспаривать который сегодня − уж совсем непроходимое невежество.

Если мы признаём принцип существования души и то, что она сохраняется после смерти тела, мы будем вынуждены также признать, что существо, думающее в нас во время нашей жизни в материальном мире, должно думать и после того, как мы этот мир оставим, т.е. после смерти нашего физического тела.

Если оно думает и после смерти, то оно естественно должно продолжать думать о тех, кого раньше любило и кого оставило на земле.

Если духовное существо думает о тех, кого раньше любило и кого оставило здесь, то оно должно желать с ними общаться.

Опыт показывает, что посредством своей эфирной оболочки оно может действовать на безжизненную материю: об этом говорят нам все факты телекинеза и левитации, связанные с полтергейстом или происходящие во время некоторых спиритических сеансов. Но если духовное существо может действовать на безжизненную материю и вызывать передвижение неодушевлённых и одушевлённых предметов, то что тогда, спрашивается, может помешать ему воздействовать на руку живого человека, управлять и водить ею?

Если, однако, оно может водить и управлять рукою живого человека, то какие причины, собственно, не дают ему писать ею?

А если оно может писать человеческой рукой, то что в таком случае мешает ему выражать свою мысль и отвечать на обращённые к нему вопросы?

При наличии исходной несомненной посылки о существовании и неразрушимости души ответить отрицательно хотя бы на один из этих вопросов, значит не иметь вовсе здравого смысла. Таким образом, в явлении прямого писания нет ничего логически невозможного. Когда Вы поняли это, Вы готовы к тому, чтобы наблюдать факты и делать соответствующие выводы. В этом случае наблюдение скоро убедит Вас в безусловной реальности всех подобных вещей. Забегая немного вперёд, скажем, что в этих же целях в наш технический век вместо ручки и карандаша могут быть употреблены пишущая машинка и персональный компьютор,* что некоторыми с успехом и делается.

---

* Удивительна та нелепая зависимость, то постыдное рабство, в которое по милости нынешних культуртрегеров русский язык попал у английского. Со знанием дела и учётом филологических законов заявляем, что, вопреки общепринятому, именно таково написание по-русски этого нелепого английского слова вместо подхалимского – *компьютер*. С какой такой радости «-тер»?! Нет в русском языке такого суффикса для слов этой породы. Есть только «-тор»: *конструктор*, *констриктор*, *архитектор*, *проектор*, *трансформатор*, *организатор* и пропасть прочих. Либо уж другая малочисленная семейка: *актёр, шофёр*, *режиссёр, лифтёр*, *боксёр, вахтёр.* Три последних словца совершенно уникальны, они свидетельствует об изощрённом чувстве юмора у русского

Говоря о писании, нельзя, разумеется, обойти такую проблему, как почерк. Почерк, получающийся в результате автоматического писания, оказывается всегда отличен от почерка медиума, когда тот пишет сам в нормальном своём состоянии. Как правило, характер психографического почерка весьма напоминает прижизненный почерк того лица, которое данный дух представляет. Карл Дюпрель в своей книге «Die Entdeckung der Seele durch die Geheimwissenschaften» («Открытие души потайными науками») в этой связи говорит: «Тождественность почерка, по видимости, свидетельствует в пользу непосредственного влияния руки. Если же почерки не совпадают, то назвавшийся автор послания всё равно может быть инспирирующим агентом, который ограничивается одним мысленным внушением, а почерк оставляет субъективности медиума».

Психографический почерк иногда бывает весьма разборчив, слова и буквы совершенно раздельны. У других же медиумов, кроме них самих, почти никто не может разобрать написанного. Нередко сообщения оказываются составлены из больших букв, иные слова могут занимать целую страницу: духи мало склонны беречь бумагу. Когда слово или фраза оказываются неразборчивы, то просят духа написать снова, что он обыкновенно исполняет охотно. Когда дух кончит то, что хотел сказать, или не желает более отвечать, рука остаётся неподвижной и медиум, сколь бы ни была сильна его воля и способность, ничего более не добьётся. Когда же дух ещё не окончил, карандаш, напротив того, двигается так, что руке почти невозможно остановиться. Медиум, впрочем, всегда чувствует в себе что-то такое, что ему как бы говорит, остановился ли дух на время или совсем закончил писать.

Ещё более сложным случаем, чем предоставление характера почерка субъективности медиума, следует считать то явление, когда получаемые сообщения целиком лежат вне круга представ-

человека: они не заимствованы не из какого языка, а просто составлены из английских и немецких корней с добавлением французского суффикса, и всё это для сугубо российской надобности.

лений медиума и далеко превосходят его способности. Сюда принадлежит тот частный медиум − одна малообразованная женщина, − с которою группа *критических* исследователей провела в 1875 году в Ньюкастле серию экспериментов из 35 сеансов, каждый из коих длился по 3 часа, когда эта женщина экспромтом давала письменные ответы на научные вопросы самого различного характера. Ни один человек в Англии, так полагал очевидец, не был способен ни на что подобное. Без малейшей задержки медиум написал тщательно разработанные очерки о свете, теплоте, электричестве, магнетизме, физиологии растений, анатомии и тому подобном. То же относится и к медиуму Джеймсу, человеку необразованному, который психографически завершил незаконченный роман Диккенса «Эдвин Друд». Вообще, надо сказать, на этом произведении спириты основательно поупражнялись: другие варианты окончания романа были написаны в первые десятилетия нашего века. Случаями этими занимался уже сам Конан-Дойль. Он же занимался изучением посмертных записок и других писателей: Дж.Лондона, О.Уайльда и Т.Гарди.

Другой спиритический авторитет − Эдмондс − упоминает автоматически написанные трактаты, авторами которых назвались Бэкон и Сведенборг. Примечательным при этом было то, что стиль написанных трактатов имел разительное сходство со стилем обоих этих писателей, довольно несхожих. Эдмондс говорит: «Каждый, кто знаком с их сочинениями, должен поразиться этому. Но это ещё не всё. Есть нечто характеристическое в их почерках. Всё, что утверждается исходящим от Бэкона, постоянно пишется одним и тем же почерком, и то, что приписывается Сведенборгу, пишется почерком другим, но опять-таки постоянным. Один почерк совершенно непохож на другой, и хотя оба они выписаны рукою д-ра Декстера, тем не менее они совершенно непохожи на его собственный почерк. При этом, находясь под влиянием, он с лёгкостью пишет множеством разных типов почерка, и некоторыми из них даже быстрее, чем он в состоянии писать своим собственным. Но он не может делать этого, когда не находится под влиянием... Эта особенность свойственна большинству, если не

всем пишущим медиумам, каких я видел, и временами случается совершенно точное подражание тому почерку, который отличал агента при жизни, хотя это происходит и не всегда».

По каким же признакам можно было бы признать подлинность феномена автоматического писания, т.е. то, что источник вдохновения здесь лежит вне медиума?

Сильный довод в пользу этого заключался бы в том, если бы контрольные опыты проводились с несведущим в письме медиумом. И действительно, Гартманн (ещё один исследователь Спиритизма), желая объяснить автоматическое письмо из медиума, говорит: «Писать невольно или автоматически сможет лишь тот медиум, который вообще умеет писать». Этому утверждению, однако, противоречит опыт. А.Н.Аксаков в «Анимизме и Спиритизме» сообщает, что ребёнок г-жи Купер писал в возрасте 2 месяцев, мальчик госпожи Йенкен в 5 с половиною лет, девочка барона Киркупа в возрасте 9 дней. Перти в «Спиритуализме» говорит, что трёхлетний ребёнок г-на Молля написал письмо двух умерших сестёр г-ну Кельсо. Однако также и у медиумов, которые умеют писать, обстоятельства могут говорить в пользу спиритического влияния, причём даже прямого влияния без примеси внушения. Внушение, повидимому, совершенно исключено в тех случаях, когда медиум активен, когда мозг его не есть tabula rasa, но деятелен. Медиум Менсфильд писал одновременно двумя руками сообщения разного рода на неизвестных ему языках и в то же время вёл разговор по деловым вопросам. (А.Н.Аксаков, «Анимизм и Спиритизм»). Нечто подобное сообщает и Крукс, когда говорит: «Я был у мисс Фокс, когда она автоматически писала послание одному из присутствующих лиц, тогда как одновременно второму лицу передавалось сообщение на другую тему посредством выстукивания букв алфавита, а сама она всё это время разговаривала с третьим лицом о вещах совершенно отличных от первых двух». («Протоколы» О.П.И.). Медиум аббат Р., положа левую руку на планшетку и взяв в правую карандаш, принялся писать обеими руками на двух языках на две разные темы, причём всё это время он оживлённо разговаривал. («Протоколы»

О.П.И.). Гейер, американский священник, рассказывает, что сам видел, как один медиум, штурман, говоривший только по-английски и немного знавший французский и несколько испанских слов, автоматически писал на семи языках, даже на восьми, поскольку многие иероглифические строки также, повидимому, имели некий смысл: по-английски, по-французски, по-испански, по-немецки, по-латински, по-гречески и по-древнееврейски. Почерки были вполне разборчивы и, как казалось, исходили от разных рук. Помимо того, медиум делал различные чертежи, как то бы стал делать привычный чертёжник, при этом они были выполнены с такой аккуратностью, словно чертились с помощью линейки и циркуля. За полчаса, почти в полной для присутствующих темноте, были исписаны десять больших ватманских листов, и медиум не переставал жаловаться на то, что в комнате «было слишком много света». Предварительно листы бумаги были, разумеется, исследованы и признаны чистыми.

XXVIII

В 20-е годы нашего века в Англии возникла любопытная психическая и литературная проблема, связанная с появлением рукописных текстов, претендующих быть посланием от Оскара Уайльда.

Летним вечером 1923 года, т.е. двадцать три года спустя после смерти писателя, в Англии собралась за столом небольшая группа исследователей, желавших заняться опытами в автоматическом писании. Одним из них была г-жа Трэверс Смит, урождённая Дауден, женщина большой культуры и высокого положения, уже и прежде добивавшаяся значительных результатов в общении с духами. На этих новых сеансах она была вспомогательным медиумом. Главный же медиум в опубликованных отчётах именовался «г-ном В». Так предпочёл назвать себя для печати С.Дж. Соул, учёный-математик, ставший впоследствии знаменитым па-

рапсихологом, автор «Современных опытов в телепатии», а также председатель Общества психических исследований в 1950-51 гг.

Первая попытка 8 июня чуть было не оказалась безрезультатной, если бы г-жа Смит слегка не коснулась руки Соула, державшего карандаш. Почти сразу же карандаш непроизвольным движением упёрся в лист бумаги и стал писать, в результате чего получилась короткая и неразборчиво очерченная фраза, подписанная девочкой по имени Лили. И вдруг характер почерка резко изменился, карандаш задвигался быстрее, увереннее, и рука Соула написала: «Нет, лилия не её, а моя».

Госпожа Т.Смит спросила: «Кто это говорит?». И карандаш тут же написал: «Оскар Уайльд». Всё послание, написанное этим вечером, выглядело так: «Нет, лилия была моей: кристальная нить − серебряный стебель, порождающий музыку утра. Сжальтесь над Оскаром Уайльдом − он в этом мире живое существо. Привязанный мыслью к колесу Иссионы, я должен в конце концов довершить круг моего опыта. Прежде я писал, что сумрак в моей камере, и сумрак в моём сердце; но этот последний сумрак − сумрак души. Я движусь в вечных сумерках, но знаю, что в вашем мире день сменяет ночь, что за порой сева следует время урожая и что после бордово-красного заката наступает яблочно-зелёный рассвет. Каждый год весна расстилает свой зелёный покров по земле, а вскоре за этим золотая краса осени освещается медово-жёлтой луною».

Исследователи отметили в этих строках ряд интересных особенностей. Прежде всего, стих «сумрак в моей камере, и сумрак в моём сердце» есть не что иное, как цитата из «De Profundis» − тюремной исповеди Уайльда, изданной посмертно. Между тем ни г-н Соул, ни г-жа Смит не были, как они утверждают, в достаточной мере знакомы с творчеством Уайльда, чтобы смочь правильно его процитировать. Соул вообще мало читал Уайльда, да и то, что он читал, было читано им давно, перед войной 1914 года. Г-жа Т.Смит сказала, что за исключением «Саломеи», за последние тридцать лет она «не прочла ни единой строчки Оскара Уайльда».

Интересно, помимо того, отметить значительное сходство почерка на страницах, автоматически написанных Соулом, и тех,

что были оставлены самим Уайльдом. Здесь следует учесть, что в последние годы жизни почерк его стал совершенно неразборчивым и утратил былую стройность и красивую форму. Предположив, что это автоматически написанное послание действительно исходит от духа О.Уайльда, пережившего смерть, мы должны также предположить, что он каким-то образом смог восстановить характер своего почерка и был, помимо того, способен передать его руке человека, который и не ставил перед собой задачи придать получающемуся почерку какие-либо черты сходства. В придачу к тому и сам Соул, и г-жа Трэверс Смит утверждают, что во время писания он держал глаза закрытыми.

Писавшиеся фразы поддерживали активный и остроумный разговор с присутствовавшими на сеансе лицами. Так, например, в один из вечеров на сеансе присутствовала некая миссис Л., также бывшая медиумом. В состоянии сильного возбуждения она сказала м-ру В.:

– Вы же знаете, что я не двигаю Вашей рукой! Честное слово!

Рука тут же написала:

– «Честность, сударыня, лучшая политика для аптекаря и наихудшая для женщины с прошлым!»

Г-жа Л.:

– Оскар Уайльд! Как Вы смеете! Что Вы можете знать о моей жизни?

– «Прошу Вас, не сердитесь!.. У очаровательных женщин всегда есть прошлое, а у искренних никогда не бывает будущего».

Г-жа Л.:

– Благодарю Вас за комплимент, но уверяю Вас, что всегда была умеренна в своих безумствах, пожалуй, даже слишком умеренна.

– «Ах, умеренность! Мы всегда умеренны, когда делаем что-то, что нам не нравится, и не знаем меры, когда то, что делаем, не нравится другим. Только и всего».

Не правда ли, всё это весьма напоминает высказывания Уайльда, в изобилии встречающиеся на его страницах или донесённые до нас его друзьями? Разумеется, «призрак Оскар» напи-

сал весьма занимательную речь по случаю присутствия на одном из сеансов Э.Дж.Дингуолла, бывшего тогда одним из руководителей О.П.И.:

«Быть мёртвым − самое скучное занятие в жизни, если только не считать семейную жизнь или обед в компании школьного учителя. У Вас есть сомнения по поводу того, что это действительно я? Ничуть не удивительно, я и сам порой сомневаюсь в этом. Но в ответ на Ваши сомнения в мой адрес я мог бы сказать: а в себе, простите, Вы нисколько не сомневаетесь? Я всегда восхищался Обществом Психических Исследований. Это самые невероятные скептики на свете. Их кредо − всегда во всём сомневаться. Они ни за что не удовлетворятся, пока не исследуют вас на свой лад: тип-видимость-образ-форма. Настоящее привидение должно было бы сильно их испугаться. Я иногда подумываю о создании здесь, у нас, некой Академии Райских Скептиков, которая могла бы стать для нас своего рода аналогией Общества Психических Исследований, бытующего среди живых. Туда бы не принимался никто моложе шестидесяти, и мы могли бы называться Обществом Теней Бездеятельных в связи с дряхлостью. Нашей первой задачей могло бы стать исследование, является ли, скажем, г-н Дингуолл тем, за кого он себя выдаёт? А также, фантазия он или реальность? Истина или выдумка? И если бы вдруг было решено, что он реальность, то мы, естественно, очень сильно бы в этом усомнились».

Если в присутствии Дингуолла писавшиеся фразы относились к «психическим исследованиям», то в присутствии других лиц оне затрагивали иные вопросы, представлявшие наибольший интерес именно для данных лиц. Так, с мисс Мак-Грегор, оккультисткой, дух Уайльда говорил о Теософии и её учении. Он должен был неплохо знать эту тему, поскольку его мать была страстной сторонницей Теософии, и Оскар мог многое от неё узнать. С Соулом, главным медиумом, который был учёным, разговор касался ботанических названий и фактов. При жизни Уайльда часто заставали за чтением и рассматриванием ботанических энциклопедий.

Уайльд был человеком с ярко обозначенной и своеобразной манерой мышления и образа выражения. По этому поводу А.Конан-Дойль говорит: «Можно подделать почерк, но манеру мыслить и выражать свои мысли вряд ли удастся скопировать полностью, ибо это означало бы, что копиист столь же умён, как и оригинал. Однако и образ мышления, и манера выражать свои мысли в этом послании выглядят вполне достоверно. Здесь есть места, которые и сам Уайльд уже не смог бы улучшить. При жизни он обладал удивительным чувством цвета, которое часто проникало в его сочинения, придавая им особенную яркость. Так, в частном письме ко мне он говорит об «осенней луне цвета мёда». Послание также достаточно хорошо демонстрирует это качество писателя: «Вспыхнувшие розами анемоны, будто звёзды, освещали лесные тропы». Или: «Уже май, подобно белому туману, пробирается по узким улочкам и сквозь живые изгороди, и год за годом боярышник приносит кроваво-красные плоды после белой смерти своего мая».

«Другой отличительной чертой Уайльда, − продолжает А.Конан-Дойль, − был его причудливый, парадоксальный юмор. И юмор этот явно присутствует в данном послании. «Быть мёртвым − самое скучное занятие в жизни, если, конечно, исключить семейную жизнь и обед в обществе школьного наставника!» Последние четыре слова чисто уайльдовские. «Моя жизнь походила на оплывшую свечу», − пишет он теперь. Хотел бы я посмотреть на человека с действительно критическим литературным чутьём, который бы, прочитав это послание, усомнился в том, что оно исходит от Уайльда. Можно имитировать черты лица, присвоить имя, но невозможно поддерживать обман в течение долгого общения, ведя его от имени великого писателя. Воистину уже не осталось такого доказательства под небесами, которое бы не было представлено нам, и находящиеся в мире ином должны временами испытывать отчаяние, пытаясь проникнуть в наш затемнённый ум!»

В присутствии дочери г-жи Смит, которая была художницей, дух предался чисто уайльдовской критике творчества

Дж.М.Уистлера, былая дружба с которым в своё время переродилась в знаменитый антагонизм. В одной из своих бесед на эту тему живой Уайльд как-то сказал:

«Джимми всё объясняет, как газета. Искусству же всегда следует оставаться таинственным. Художники, как и боги, никогда не должны сходить со своих пьедесталов».

Рукою же Соула по этому поводу было написано:

«Его живопись была действительно восхитительна. Но всё его очарование заключалось в том, что он был совершенно непостижим и тем создавал превосходную почву для критики. К сожалению, в минуту легкомыслия, напрочь позабыв максиму, известную любому фокуснику, которая гласит, что там, где нет тайны, не может быть и волшебства, он начал объяснять самого себя».

У Уайльда, на что часто и указывалось, было два различных стиля, каждый из которых ярко выражен и индивидуален и совершенно отличен от другого. Один − поэтический, полный украшений и вычурности с красивыми словесными эффектами и обильным использованием цвета. Всё это, как мы видели, вполне представлено в послании. Второй его стиль эпиграмматичен, остроумен, с налётом цинизма и полон парадоксов. К приведённому выше можно добавить ещё и такие его «спиритические» афоризмы: «Совет, который подают, всегда плох». − «Женщина, довольствующаяся тем, что имеет, всегда была бы очаровательна». − «Самому Богу неведомо, что делать с человеческим усердием».

«Трудно, заметив эти аналогии, столь близкое сходство, усомниться в том, что за этими фразами скрывается ум Оскара Уайльда, − говорит А.Конан-Дойль. − Идея о том, будто еженедельные литературные конкурсы с раздачей призов в состоянии произвести обилие «Барри» и «Стивенсонов», наделённых к тому же всеми отличительными качествами оригинала, несомненно не выдерживает критики и едва ли была рассчитана на то, чтобы к ней отнеслись серьёзно. В самом деле, нетрудно создать короткую комическую пародию с помощью преувеличения особенностей стиля, но для того, чтобы писать или говорить точно в том

же стиле и с соблюдением всех оригинальных черт автора, нужен уже ум, равный по силе своему прототипу, а такой ум, несомненно, предпочёл бы показать себя в чём-то более значимом, чем пародия».

Некоторые из английских критиков претендовали на то, будто им для всех приведённых примеров удалось определить «вероятные источники», послужившие медиумам основой для написания фраз уайльдовского послания. На это А.Конан-Дойль в своё время ответил так: «Когда дело касается человека, вся жизнь которого проходила на виду и который был одним из столпов литературы, то трудно представить, чтобы в его жизни могло оказаться что-то важное, нечто такое, что, возникая сейчас в его памяти, не было бы уже прямо или косвенно упомянуто ранее в том месте или ином». Здесь же *сэр* А.Конан-Дойль добавляет аргумент, который может показаться наивным в наш бесчестный век, но коий в действительности много значит в духовном мире. Вот он, этот шевальрескный довод, выдвинутый автором рыцарских романов, который и сам был рыцарем, но защищал честь и достоинство в соответствии с законами своего времени не мечом, а пером:

«Такое объяснение, помимо того, означало бы, что медиумы-автоматисты перерыли всю уайльдовскую литературу. У нас есть их заверение в том, что это не так и что их знакомство с ней было весьма ограниченным. Что касается выдвигаемого ложной критикой предположения, будто медиумы предварительно выучили значительные порции послания наизусть, то оно, разумеется, стало бы прямым обвинением в преднамеренном обмане, что ни в коей мере не может быть оправдано, если учесть характер и общественное положение данных медиумов. Такие предположения делать слишком легко, и они должны быть исключены из рассмотрения».

Свой анализ данной проблемы создатель Шерлока Холмса заключает в следующих выводах: «Приняв во внимание различного рода подтверждения, проступающие по мере анализа этого послания от Оскара Уайльда, а именно:

1) наличие его тяжёлого стиля;

2) наличие его лёгкого стиля;

3) воспроизведение особенностей характера;

4) воспоминание отдельных эпизодов его жизни, некоторые из которых совсем мало известны;

5) воспроизведение его почерка;

6) (и, на мой взгляд, далеко не последнее) сходство условий потусторонней жизни, описываемых им, с тем, что наше психическое знание определило бы такому человеку, как он,

− я склонен считать, что данный случай является свидетельством, обладающим исключительной силой. Я совершенно согласен, что «Жорж Пельгам» и «Дионисово Ухо»* действуют очень убедительно, но для меня эта уайльдовская история убедительна даже в ещё большей степени».

Количество записей, сделанных Соулом и г-жой Трэверс Смит под водительством Уайльда, очень значительно. Здесь только следует подчеркнуть: дело не в том, что появление на сеансах разных лиц с их разными интересами соответственным образом влияло на содержание сообщений − ведь индивидуальные интересы собеседников оказывают бесспорное влияние и на ход самой заурядной беседы между людьми, − а в том, что всякий раз, когда дух Уайльда писал по какому-либо поводу, то писал он, выражая чувства и образ мыслей живого Оскара Уайльда. Совершенно прав Конан-Дойль, говоря, что трудно себе представить, будто за всеми этими мыслями, тирадами и парадоксами может стоять какой-то другой ум, помимо того, который создал «Портрет Дориана Грея» и «Как важно быть серьёзным». И человек, знакомый с основами Спиритизма, не станет в подтверждение достоверности домогаться здесь каких-то ещё хитроумных доказательств, потому что в его просвещённом мнении данный случай говорит сам за себя.

* Здесь имеются в виду две книги: «Дионисово ухо» Джеральда Бальфура и «О некоторых феноменах транса» Ричарда Ходсона. Последняя была переиздана «ИП Москвичёв А.Г.» в 2020 г.

XXIX

Русский писатель Достоевский, ожесточённый противник Спиритизма, тем не менее писал в своём «Дневнике»: «Основная и самая высшая идея человеческого бытия − необходимость и неизбежность убеждения в бессмертии человеческой души. На мой взгляд, в большой части русской интеллигенции всё больше и больше, с прогрессирующей быстротой укореняется совершенное неверие в свою душу и её бессмертие. Без высшей идеи не может существовать ни человек, ни нация. А высшая идея на Земле лишь одна − идея о бессмертии человеческой души, ибо все другие высшие жизненные идеи, которыми может быть жив человек, лишь из неё вытекают. Любовь к человечеству совершенно немыслима, непонятна и невозможна без совместной веры в бессмертие души человеческой. Самоубийство при потере идеи о бессмертии становится совершенной и неизбежной необходимостью для всякого человека, хоть чуть-чуть приподнявшегося в своём развитии над скотами».

Тот, кто не имеет полной уверенности в вечности и сверхчувственном назначении человека, тот не имеет путеводной звезды своего существования на Земле. У него с корнем вырван источник всякой вдохновляющей силы, способности к самопожертвованию и цивилизации. Он становится тем, кем и должен быть в таком случае − эгоистическим, чувственным существом, погружённым исключительно в проблемы самосохранения и мало чем отличающимся от животного.

Свами Прабхупада говорит: «Материальное тело и ум являются плохой сделкой для духовного живого существа. Живое существо в живом духовном мире имеет свои истинные назначения. Этот материальный мир в действительности мёртв, но пока живые духовные искры будут руководить мёртвым комком вещества, так долго этот мёртвый мир будет казаться живым». И далее: «Страдания этого материального мира косвенно служат цели напомнить нам о нашей несовместимости с мёртвым веществом. Разумные живые существа обычно замечают эти напоминания и

принимаются за культивирование трансцендентального знания. Человеческая жизнь является наиболее благоприятной возможностью для культивирования духовного знания, и поэтому если кто-то упустит такой случай, то он называется «нарадхама», т.е. ничтожнейшим из человеческих существ».

Но, допустив реальность медиумических явлений, придётся признать, что они являются неопровержимым фактическим доказательством продолжения нашего личного осознанного существования. Подобное доказательство имеет огромную ценность для нашего времени, когда так мало верящих в бессмертие. Старый вопрос о назначении человека и его месте в мироздании был бы решён, и всё сознание человечества поднялось бы на ступень выше. Человек в таком случае точно знал бы то, что до сих пор открывалось ему лишь в области верований, предчувствий и надежд. Он знал бы, что является членом вечного духовного мира, в котором продолжится его жизнь, и только там к нему придёт понимание его назначения. Приобретя это глубокое убеждение, человечество обратилось бы к идеализму, а это могло бы привести к полному пересмотру взглядов на человеческое существование и деятельность.

Духоведение даёт практические правила, претворение коих на деле влечёт к открытию в себе богатой внутренней жизни, а открытие и развитие богатой внутренней жизни − самый верный путь к Духовному Посвящению. Ведать о Бессмертии и Духовности своей природы − это высший дар, какой предоставляется на земле Человеку. Вполне естественно, что ни глупец, ни лентяй, ни подонок не могут быть его достойны. Гёте говорит: «Лишь тот достоин жизни и свободы, кто каждый день за них идёт на бой!»

У Карла Дюпреля читаем: «Доказательства, взятые из трансцендентальной психологии, имеют тот недостаток, что они не могут быть общепризнаны, поскольку феномены этого рода не принадлежат к числу повседневных фактов, люди же в большинстве своём желают верить лишь тому, обо что они повседневно стукаются носом. Большинство людей могут попасть в область истины лишь путём зрения, а не путём мышления, и эта неспособность является главнейшею причиною сомненья». Да, Солнце

светит для всех и греет всем, но не для всех оно вращается кругом Земли. Очевидное не всегда истинное, но не все понимают это.

Ключом для отмыкания антропологической тайны является Спиритизм. Учение Духов служит стержнем, к которому должна прирастать ткань и плоть всех антропологических знаний. Спиритизм − единственно верная, истинная точка отсчёта, идя от которой мы можем решить все антропологические проблемы и, как минимум, недвусмысленно уразуметь, что такое человек, в чём его смысл и цель.

Смерти, в вульгарном смысле этого слова, для душ разумных существ нет. Смерть − всего лишь видимость и условность. На самом же деле она означает переход мыслящего сознания от низшей стадии существования, существования примитивно-изначального, в более высокую его стадию. Дух как бы зарождается в мире Материи и начинает здесь своё развитие − Материя и вся Вселенная для этого собственно и существуют − а затем, после смерти тела, переходит на чисто духовный план. На этом, уже духовном, уровне он также развивается, переходя из одной стадии существования в другую, и поднимается всё выше по Лестнице Жизни к вершинам Абсолютной Истины. Таково наше спиритическое кредо.

XXX

Подведём философские итоги, перечислим основоположения Учения Духов:

1. Божественный Разум правит мирами. С ним отождествляется Закон, пребывающий в самом себе, вечный, всенаправляющий закон, которому подчиняются все живые существа и неодушевлённые предметы.

2. Подобно тому как Человек, под своей материальной, непрестанно обновляющейся оболочкой, сохраняет свою духовную тождественность, это неразрушимое «я», это сознание, в коем он узнаёт себя и собой обладает, так и Вселенная, под своими изменчивыми

обликами, владеет собой и отражает себя в некой живой целостности, которая есть её «Я». «Я» Вселенной это и есть Бог, высшая целостность, к Коей стремятся и сводятся и в Коей гармонизуются все отношения, необъятный, безмерный, могучий очаг Света и Совершенства, из которого излучаются и распространяются на все космические человечества Справедливость, Мудрость, Любовь!

3. Всё развивается во Вселенной и стремится к высшему состоянию. Всё преобразуется и совершенствуется. Поначалу смутная, неясная, нерешительная, Жизнь поднимается из недр бездн, одушевляя бесчисленное множество всё более совершенных форм, и наконец расцветает в полную силу в Человеке, в каковом она обретает Сознание, Разум, Волю и составляет *душу,* или *дух.*

4. Душа *бессмертна.* Венец и плод слияния низших сил Природы, она содержит в зародыше все высшие способности; ей суждено развить их своими трудами и усилиями, перевоплощаясь в материальных мирах, и, со ступени на ступень следующих друг за другом отдельных жизней, подняться по необозримо высокой лестнице своей жизни к Совершенству.

5. У души несколько оболочек: самая низшая из них − это земное тело, орудие борьбы и испытаний, которая распадается после смерти; другие, менее грубые оболочки, природа которых полуматериальна, также лишь временны, и душа, через какое-то время после смерти физического тела, равно сбрасывает их с себя. И лишь одна оболочка её − флюидическое тело (перисприт) − постоянна. Флюидическое тело неотъемлемо от души и развивается и очищается вместе с нею.

6. Земная жизнь есть своего рода школа, некий способ воспитания и совершенствования Трудом, Учёбой, Страданием. Счастье и несчастье не вечны. Награда или кара заключается в увеличении или уменьшении наших способностей, в расширении или сужении нашего кругозора, что является следствием того, насколько хорошо или плохо мы пользовались свободой своей воли и тех стремлений и склонностей, которые мы в себе развили. Свободная и ответственная, душа носит в себе закон своих су-

деб: в настоящем она пожинает плоды прошлого и сеет радости или страдания грядущего. Наша настоящая жизнь есть наследие наших предшествовавших жизней и создание тех, которые за ней последуют. Дух просвещается, возрастает в умственной и нравственной силе соразмерно исполненной работе и побуждению, возникающему у него к свершению Добра и исканию Истины.

7. Цель появления каждого Человека на этой Земле − не страдание или наслаждение, но *работа над собой, нравственное самосовершенствование*. Страдание и наслаждение − лишь *средства*, помогающие ему этой цели достигнуть. Только проявив в себе совершенное, Человек может вступить в Высшее Бытие, т.е. в Огненный Мир, или Царство Божие. Таков именно смысл слов Христа: «Царство Божие внутри вас!»

8. Полная общность мыслей и интересов связывает всех духов, одинаковых по своему происхождению и целям и разных лишь по своему временному положению: одни из них пребывают в свободном состоянии в пространстве, другие же вновь покрыты тленной оболочкой; но они поочерёдно переходят из одного состояния в другое, поскольку смерть есть лишь пора отдыха между двумя земными существованиями. Происшедшие от Бога, их общего Отца, все духи суть *братья-сёстры* и составляют одну великую Космическую Семью. Вечная общность и сопричастность, а также постоянное общение связывают мёртвых с живыми.

9. В пространстве духи различаются по рангам в зависимости от плотности их флюидического тела, которая строго соответствует степени их продвинутости и очищения. Положение, занимаемое ими, определяется известными законами; в области Морали эти законы играют ту же роль, что в мире Физики отведена закону тяготения. Справедливость там царит так же, как здесь равновесие. Духи виновные и дурные окружены плотной флюидической оболочкой; она увлекает их к низшим мирам, в которых они должны воплотиться, чтобы освободиться там от своих несовершенств. Добродетельная же душа, одетая в тончайшее эфирное тело, участвует в ощущениях духовной жизни и возносится к счастливым мирам, в коих Материя имеет меньше

власти и где царят гармония и высшее блаженство. Душа, в своей высшей и совершенной жизни, сотрудничает с Богом, совместно с Ним работает над сотвореньем миров, руководит их развитием, бдит над прогрессом космических человечеств, над исполнением вечных законов.

10. Благо, Добро есть высший закон Вселенной и цель эволюции всех существ. Зло не имеет собственно бытия, оно есть лишь эффект контраста, свойство оттенения; это состояние неполноценности, *несовершенства*, переходная ступень, на которую становятся все существа в своём восхождении к лучшему состоянию.

11. Поскольку воспитание души является самоцелью жизни, то необходимо хотя бы в нескольких словах изложить её заветы:

− подавлять в себе грубые потребности и низменные инстинкты, материальные аппетиты; создать себе потребности возвышенные − потребности Ума и Духа;

− понимать, что Жизнь − это Искусство, процесс творческий, и потому относиться ко всякому Делу творчески и осмысленно;

− стремиться превратить свою жизнь в свободное Творчество, а самому стать Художником, созидающим её как неповторимое произведение Искусства;

− бороться, биться, страдать, когда это надо, за Прогресс людей и миров;

− приобщать себе подобных к великолепиям Истины и Красоты;

− любить Истину и Справедливость, проявлять ко всем Милосердие и Благожелательность.

В этом тайна грядущего Счастья и в этом наш Долг!

XXXI

Таковы идеи, заложенные в Третьем Откровении, данном человечеству. Но большинство как, и прежде, предпочло то, что попроще и погрубее − бесперспективную философию материа-

лизма − философию пессимизма, отчаяния, одиночества, телесных наслаждений и забвения души. Но Истине до этого нет дела; она нисколько не страдает от того, если её кто-то не признаёт, пусть даже это целый мир; для неё, как сказал Дидро, достаточный триумф, когда её принимают немногие, но достойные: быть угодной всем не её удел. Но она всякое мгновение торжествует над заблуждением, а заблуждающийся обманывает лишь самого себя. И настанет пора, а к ней идёт всё движение, всё развитие, когда Истина, скромно выписанная на страницах книг великими мыслителями, восторжествует в «этом безумном, безумном, безумном мире» окончательно, безраздельно и всеобъемлюще!

А пока эта пора не настала, не станем пытаться кого-либо убедить или переубедить и скажем вместе с Лабрюйером: «Нужно стремиться лишь к тому, чтобы мыслить и говорить согласно истине, без всякого желания привить наши вкусы и убеждения другим: предприятие сие и без того достаточно грандиозно».

Солнце мудрости никогда не уходит за горизонт. Главное, чтобы мы не прятались от лучей его в тени. Сколь бы ни был непрогляден кругом нас мрак, будем помнить, что «с тех пор, как стоит мир, за ночью всегда следует заря, и не было ещё случая, чтобы солнце, уйдя за горизонт, не появилось вновь».*

В конце концов, когда Человек последует совету Дельфийского оракула и действительно познает самого себя, то он, в частности, перестанет смотреть на себя как на тело, ибо поймёт, что он − дух. Но постараемся и сегодня усвоить простую и ясную мысль, как выражена она у Прокла: «Homo est anima utens corpore tanquam instrumento» − «Человек есть душа, пользующаяся телом как орудием». Будем больше думать о Вечном. Ради этого надо меньше увлекаться даже и развенчанием 70-летнего мрака. Сейчас довольно этого. Кто мог понять, уже давно всё понял, прочие же ни на шаг от того не подвинутся. У нас нет времени дожидаться их. Теперь надобно смотреть вперёд. Вперёд и вверх!

* Слова в кавычках принадлежат итальянскому оперному певцу и философу Дж.Лаури-Вольпи.

Вослед за Учителями мы говорим Вам:

Знамя, высоко водружаемое нами, есть знамя Христианского Спиритизма, Спиритизма Всего Человечества. К нему стекутся в свой день люди со всех концов земного шара, так как поймут, что это − якорь спасения, оплот общественного порядка, вестник новой эры для человечества.

Обращаем особое внимание Читателей на это словосочетание − *Христианский Спиритизм*. Помните? − «В начале было Слово». Так вот! в Мире Истинных Слов и Чистых Вибраций, т.е. в Мире Огненном, название Учения звучит по-латыни: Spiritus Christi (по-русски: Дух Христов). Таким образом, земное слово «спиритизм», стилизованное по модели «-измов» (в ряду с *коммунизмом*, *ревматизмом* и прочим) − всего лишь искажённое звучание, несовершенная транскрипция ***небесного*** названия Учения. Стало быть, слова Христианский Спиритизм и Спиритизм Всего Человечества означают собой *единение всех душ земного человечества в Духе Христа, Учение которого оказалось возвещено нам в середине XIX века Духом Истины − тем Утешителем, действенное вмешательство коего и было обещано нам Спасителем в самом начале новой эры*:

«Если любите Меня, соблюдите Мои заповеди, и Я умолю Отца, и даст вам другого Утешителя, да пребудет с вами вовек, Духа Истины, которого мир не может принять, потому что не видит Его и не знает Его, а вы знаете Его, ибо Он с вами пребывает и в вас будет. Утешитель же, Дух Святый, которого пошлёт Отец во имя Моё, научит вас всему и напомнит вам всё, что Я говорил вам». (Иоанн, гл.XIV, ст.15,16,17,26)

«Пошлю Его к вам, и Он пришед обличит мир о грехе и о правде и о суде. Ещё многое имею сказать вам, но вы теперь не можете вместить: когда же придёт Он, Дух Истины, то наставит вас на всякую истину: ибо не от Себя говорить будет, но будет говорить, что услышит, и будущее возвестит вам; Он прославит Меня, потому что от Моего возьмёт и возвестит вам». (Иоанн, гл.XVI, ст. 7,8,12,13,14)

Всё истинно так и сталося. Это было Третье Откровение, данное Землянам после эпох Моисея и Христа, и наша *неотложная* и *святая* Задача − понять Великие Наставления, в этом

Откровении изложенные, и, пройдя по предложенному Свыше *пути*, исцелиться и тем самым − спасти Нашу Планету и поднять её на более высокую ступень в Космической Иерархии Миров. Ибо сказано: Мир создан Радостью, и Мир придёт к Ней!

Мы приглашаем все серьёзные школы философской, оккультной, научной и религиозной Мысли, все серьёзные Общества и всех искренних искателей Истины содействовать этому подлинно Великому Делу и, забыв все свои мелкие и ребячливые разногласия, сплотиться вокруг этой великой Объединяющей Идеи. Пусть все Сотрудники Света братски протянут друг другу руки с одного конца мира в другой − и они заключат тем *зло* в нерасторжимые оковы!

Мы надеемся, полагаем и считаем, что эти мысли, указания и рассуждения помогут Человеку

раскрыть лебединые крылья своей души
поверх бурного бега времён над
сапфировым озером вечности.

Мы верим и − что гораздо ценнее − ЗНАЕМ, что за всем стоит не пустота, но Бог, и что все иллюзии − это испытание, которое мы сами на себя налагаем. Когда мы становимся *ВЗРОСЛЫМИ*, мы просто отбрасываем свои иллюзии − и всё встаёт на свои места. Не знать Учения Духов − значит всегда быть *ребёнком*. Spiritorum Philosophiam nescire, hoc est semper puerum esse!

МИР ВАМ!

Москва-Алабино, 1979-1991 гг.

ПРИЛОЖЕНИЕ

АФОРИЗМЫ СВАМИ ВИВЕКАНАНДЫ*

(1863 – 1902 гг.)

- Глупец может собрать в своей библиотеке все книги, какие на свете есть, но читать он сможет лишь те из них, которых он достоин. (1)

- Не нужно обращать внимания на слова людей. Никто не сможет достичь в жизни величия, если не будет равнодушно внимать хвале и хуле. (2)

- Человек, торгующий своим знанием, не является авторитетом. (3)

- Тот, кто преподаёт науку, позволяющую усилить чувственные наслаждения, найдёт множества, готовые внять ему. Но если кто-либо пожелает указать высшую цель, то он, напротив того, найдёт лишь самое незначительное число слушателей. Очень немногие способны постичь то, что есть самого возвышенного, и у ещё меньших хватит терпенья на то, чтоб достичь этих высот. (4)

- Любая теория, не находящая практического применения в жизни, представляет собою праздное кувыркание мысли. (5)

- Вы должны помнить, что между убеждением и простой болтовнёй разница, как между двумя полюсами. Гово-

* Настоящий раздел представляет собой максимальную (а не первоначальную и минимальную), но всё ещё не окончательную версию афоризмов Свами Вивекананды. Составление, редакция, а также перевод (частично): © Йог Раманантата.

рить может каждый, даже попугай; но разговор одно, а убеждение – совсем другое. Философские учения, концепции, доказательства, книги и теории, церкви и секты и тому подобные вещи хороши каждая сама по себе; но когда появляется убеждение, подкреплённое собственным опытом, они теряют всякое значение. (6)

- Почему мы не можем знать тайн Вселенной? Потому что занимаемся пустыми разговорами и удовлетворяемся чувственными предметами, а также потому, что увлекаемся желаниями и закрываем от себя действительность, словно неким туманом. (7)

- Желание не удовлетворяется исполнением его, пламя лишь ещё больше усиливается, когда в него льют масло. Таковы все попытки удовлетворения чувств и ума, все наслаждения, на которые способна человеческая душа. (8)

- Каждое побуждение нашего сердца постоянно влечёт нас к эгоистичным поступкам, и в то же время какая-то высшая сила предупреждает нас, что хорошо только бескорыстие. (9)

- Каждый ребёнок рождается оптимистом. Ему снятся золотые сны. В юности его оптимизм ещё больше усиливается. Молодой человек с трудом верит, что существуют такие вещи, как упадок сил, разрушение, смерть. Увы, приходит старость, и жизнь обращается в груду развалин. Грёзы разлетаются, и в старости человек становится пессимистом. (10)

- Человек, у которого вдоволь еды и питья – оптимист. Он просит не говорить ему о нищете; она его пугает. Не говорите ему о горестях и страданиях мира. Идите к

нему и скажите, что всё прекрасно. «Да, – скажет он, – я обеспечен: посмотрите на меня – у меня хороший дом, я не думаю ни о холоде, ни о голоде. Не рисуйте же мне этих ужасных картин. Если есть другие, которые умирают от холода и голода, идите к ним и проповедуйте им, что это в порядке вещей». (11)

- Человек-животное признаёт только физические удовольствия; его страдания и радости зависят от его органов чувств. Если у него нет достаточно еды или что-нибудь случится с его телом, он тотчас же становится несчастным. Счастье и несчастье для него начинаются и кончаются в его чувствах. Но как только человек начинает развиваться, как только его умственный горизонт расширяется, количество его несчастий также попутно увеличивается. (12)

- Дикарь в лесу не знает, что такое ревность, не знает, что значит быть привлечённым к суду, не знает материальных затруднений, не знает похвал и осуждений общества, не знает постоянной, в течение дня и ночи, тирании, на которую способна людская злоба, забирающаяся в тайники каждого сердца. Он не знает, что человек со всей его бесполезной образованностью, со всей его гордыней может стать в тысячу раз больше зверем, чем любое животное. (13)

- Когда мы освобождаемся от исключительного господства чувств, мы развиваем в себе бóльшие способности к наслаждениям, но в то же время и дополнительные причины страданий, так как наша нервная организация становится более утончённой и чувствительной. (14)

- В любом обществе человек неразвитый придаёт очень мало значения оскорблениям, а если и чувствует боль,

то разве что при палочных ударах, тогда как джентльмен не может вынести даже одного грубого слова, до того утончилась его психика. Его способность страдать увеличилась вместе с разнообразием доступных ему удовольствий. (15)

- Увеличивая нашу способность чувствовать себя счастливым, тем самым мы увеличиваем и нашу способность страдать, и, по моему мнению, если способности к наслаждениям возрастают в арифметической прогрессии, то способности к несчастью увеличиваются в прогрессии геометрической. Те, кто родился в лесу, мало зависят от общества, тогда как мы, ушедшие далеко вперёд, знаем, что чем больше мы развиваемся, тем больше чувствуем на себе его гнёт, и трудно сказать, не оттого ли получается три четверти наших сумасшедших. (16)

- Когда наш мир благодаря своему развитию и новым обстоятельствам требует известного переустройства, в нём появляются силы для осуществления этого, и так как человек действует в двух областях, духовной и материальной, то и эти силы появляются в обеих областях. (17)

- В наше время человек нуждается в известном духовном переустройстве; в наше время, когда материалистические идеи достигли в своём развитии необычайной силы, когда человек почти совсем забыл свою божественную природу благодаря своей всё возрастающей зависимости от материального плана бытия и скоро, повидимому, должен превратиться в простую машину для делания денег, в наше время перемена в духовной области должна быть произведена, и сила для этого уже народилась. (18)

- Как похожи люди на детей! Ребёнок уверен, что вся Вселенная только и думает, что о его кукле, только и желает, что обладать этим «сокровищем». Так и европейские нации уверены, что их богатства и всякие успехи в области материальной – всё, о чём только и мечтает мир, что именно это и называется прогрессом, цивилизацией и что, если есть народы, лишённые всего этого и совсем об этом не заботящиеся, то народы эти совсем не пригодны для жизни, что вся их жизнь бесполезна. (19)

- Машины не сделали людей более счастливыми и никогда не сделают. Счастье не в машине, а в душе человека. А это могущество машин, что оно такое, в конце концов? Почему человек, умеющий направить по проводам электрический ток, должен считаться очень великим, очень умным человеком? В природе каждое мгновение совершаются явления, в миллион раз более великие. (20)

- Что в том, если бы вашей власти подчинился весь мир, если бы вы покорили каждый атом во Вселенной? Это не сделает вас счастливым, если вы не обладаете способностью быть счастливым в себе, если вы не покорили себя. (21)

- Человек рождается, чтобы покорять природу это справедливо, но Запад под «природой» разумеет лишь физический, внешний мир. Справедливо, конечно, что эта внешняя природа, со всеми её горами, океанами, реками, с её бесконечными силами, с её бесконечным разнообразием, величественна, но есть мир ещё более величественный, это – внутренний мир человека, более высокий, чем это солнце, звёзды, земля и вся эта физи-

ческая Вселенная, мир, не вмещающийся в узкие рамки наших личных маленьких жизней. (22)

- Открыть тайны человеческой природы – это поднять завесу, за которой скрывается истинный человек, потому что за всеми мишурными материальными явлениями живёт истинная божественная природа человека, которую не может осквернить никакой грех, никакое преступление, не может убить никакая похоть, которую не уничтожает даже смерть. (23)

- Нас день и ночь окружают чудеса в таком количестве, что мы перестали обращать на них внимание. (24)

- Небытие никогда не порождает бытия. Прошлое и будущее, даже не проявляясь, существуют в тонких состояниях. (25)

- Нет предела человеческим возможностям, силе слова и силе ума. (26)

- Смысл философии в том, чтобы раскрыть величие человека. (27)

- Когда знание беспредельно, познаваемое очень мало. Вся вселенная, со всеми познаваемыми объектами, становится ничтожной перед душой. Обыкновенный человек ощущает себя ничтожным, потому что познаваемое для него очень велико. (28)

- Не спорьте с окружающими и не доказывайте никому разумность ваших стремлений. Что толку в пустых словопрениях? Они только выводят ум из равновесия и смущают его. Вашу цель надо осуществить, и разве вы достигнете этого болтовнёй? (29)

- Мысль человека прыгает подобно обезьяне, укушенной сотней скорпионов. (30)

- Как иначе, если не сосредоточением силы разума были достигнуты все виды знаний во всём мире? Мир готов раскрыть свои секреты, если только мы знаем, как постучать, как нанести нужный удар. Мощь и сила удара достигаются сосредоточением. Нет предела силе человеческого разума, и чем он более сосредоточен, тем большая мощь прилагается к одной точке. В этом и заключается секрет успеха. (31)

- Нет ничего такого, чего не могло бы достигнуть постоянство. Могу всякий день приносить корзину земли. И если я буду продолжать делать это, то наконец воздвигну гору. (32)

- Сосредоточенность всякий раз, когда к ней прибегают, приносит идеальный отдых душе и телу. (33)

- Хватаясь за идею только ради её новизны и потом бросая её ради другой, более новой, мы подвергаемся опасности растратить нашу энергию. (34)

- Принимайтесь за одно, исполняйте однажды уже заданное себе, стремитесь к цели и не оставляйте её раньше, чем увидите её осуществление. Только тот, кто может полностью сосредоточиться на одной идее, прозреет. Те, кто лишь понемножку хватает то здесь, то там, никогда ничего не достигнут. Они могут на мгновение напрячь свои нервы, но на этом у них всё и закончится. Они останутся рабами в руках природы и никогда не выйдут за границы чувств. (35)

- Раз и навсегда откажитесь от разбрасывания. Остановитесь на одной идее, думайте о ней, живите ею. Пусть каждая часть вашего тела будет полна этой идеей, и совершенно отбросьте все другие идеи. Это путь к успеху, и этим путём создаются великие гиганты духа. Все остальные только простые говорильные машины. (36)

- Самообуздание развивает гигантскую волю, такой характер, который может привести мир в движение. Глупые люди не знают этой тайны; они хотят управлять человечеством; глупец не знает, что он может управлять всем миром, если он будет ждать. Подождите несколько лет, обуздайте эту сумасшедшую идею власти, и если она совершенно исчезнет, человек осилит вселенную. Но мы глупцы! Большинство из нас не может видеть дальше нескольких лет, точно как животные не видят дальше нескольких шагов. Только небольшой тесный круг составляет весь наш мир. У нас нет терпения заглянуть дальше, и мы из-за этого становимся безнравственными и трусливыми. Это есть причина нашей слабости и бессилия. (37)

- Чтобы добиться успеха, необходимо обладать большим упорством и огромной волей. «Я выпью океан, – говорит настойчивая душа, – по моей воле раскрошатся горы». Обладай такой силой и такой волей, упорно трудись – и ты добьёшься цели. (38)

- Для достижения успеха необходима упорная настойчивость, железная воля. «Я выпью океан. По моей воле распадутся горы», – говорит настойчивая душа. Имейте подобную энергию, подобную волю, работайте упорно – и вы достигнете цели. (39)

- Силы души подобны рассеянным лучам света: когда оне сосредоточены, оне освещают. Это единственное средство познания. (40)

- Разбрасываясь и хватая от всего по крупицам, вы не достигнете ничего высшего. От того, что вы пройдёте только курс упражнений, не будет никакой пользы. Для тех, кто полон *тамаса*, невежествен и неумён, чьё сознание никогда не сосредоточивается на одной идее, кто жаждет чего-нибудь только для развлечения, для них религия и философия – простые забавы. Они обращаются к религии как к развлечению, и только развлечение и получают. Такие не обладают настойчивостью. Услышав что-нибудь, вначале они интересуются этим, а затем приходят домой и всё забывают. (41)

- Тот, кто действительно может быть йогом, должен раз и навсегда отказаться от полумер, «обгрызанных идей». Остановитесь на одной идее. Сделайте эту идею своей жизнью, думайте о ней, живите этой идеей. Пусть мозг, мышцы, нервы, каждая часть вашего тела наполнится этой идеей, и отвлекайтесь от других мыслей и идей. Это путь успеха, следуя ему создавались гиганты духа. (42)

- Человек рождён, чтобы побеждать природу, а не следовать за ней. (43)

- Если берёт верх атавизм, ты терпишь неудачу, если берёт верх эволюция, ты идёшь вперёд. (44)

- Тело есть мысль в действии. (45)

- Внешнее очищение – это значит содержать тело в чистоте; нечистоплотному человеку никогда не стать йо-

гом. Но столь же необходимо и внутреннее очищение. Естественно, что внутреннее очищение является более ценным, чем внешнее, но важно и то, и другое, ибо последнее бессмысленно без первого. (46)

- Человек должен стать сотрудником неба и земли. (47)

- Если Небеса создали человека, значит, у него есть какое-то предназначение. (48)

- Перед тобой лежит бесконечное будущее, и ты всегда должен помнить, что каждое слово, мысль или дело идёт тебе в зачёт и что, подобно тому, как дурные мысли и дурные поступки готовы, словно тигры, наброситься на тебя, существует вдохновляющая надежда, что добрые мысли и добрые поступки вызовут сто тысяч ангелов, готовых всегда и навеки тебя защитить. (49)

- Единство в разнообразии – это план творения. Как бы индивидуально различны ни были мужчины и женщины, всё-таки в основе лежит единство. Индивидуально различные характеры и классы мужчин и женщин представляют естественные вариации в законе творения. Поэтому нам не следует мерить их одним аршином или устанавливать для них один и тот же идеал. Наш долг одобрять каждого в его стараниях жить согласно со своим высшим идеалом и приближать этот идеал насколько возможно ближе к истине. (50)

- Разные люди поразному видят один и тот же объект, стало быть, объект не может быть плодом воображения человека. (51)

- Ещё никогда не существовало ничего, что было бы одинаково приятно для всех. Что одному нравится, другому не нравится. И так будет всегда. (52)

- Высший уровень потребностей увеличивает, с одной стороны, чувство счастья, а с другой – страдания. (53)

- Могут ли человеческие слова исцелить какое-либо человеческое горе? Нет и нет! Будем делать что можем, будем сочувствовать всем страждущим, но никогда не позволим себе отделываться пустыми фразами. Ничто в этом мире не излечит его зла. Поэтому мы должны научиться подняться выше его. (54)

- Везде мы находим одно и то же, потому что мы сами создаём себе наш собственный мир. (55)

- Пока человек не стал чистым, совершенно бесполезно для него уходить в пещеры или леса, в Бенарес или на небо. А если вы отполировали зеркало собственной души, вам безразлично, где жить, так как везде вы увидите действительность такой, какая она есть. Поэтому совершенно бесполезно уходить куда бы то ни было, тратя энергию, которая должна быть употреблена на очищение зеркала души. (56)

- Только когда человек достигает управления своими чувствами настолько, что они становятся слугами его души и не могут больше тревожить его ум, только тогда он достигает состояния, в котором может применять Йогу. (57)

- Если человек погружается очертя голову в роскошь мира, не познав истины, он собьётся с пути и не достигнет цели. Но и тот, кто проклинает этот мир, умерщвля-

ет свою плоть, уходит в лес и, подавляя чувства, превращается в бесплодную пустыню, также сбивается с пути. Это две крайности, два противоположных заблуждения, и впадающие в каждое из них теряют путь и не достигают цели. (58)

- Чем больше мы пытаемся найти средств для улучшения жизни, тем больше оказывается нового, ещё более утончённого зла. (59)

- Ваша ошибка заключается в том, что вы воображаете, будто то, что вы называете миром, и есть вся жизнь. Предмет ваших стремлений – чувственное удовольствие – преходящ. Он никогда не бывает неизменным и ведёт только к нагромождению бедствий на бедствия и приносит только вечное горе. (60)

- Откажитесь от мира, каким мы его знаем, каким он нам представляется, и познайте его таким, каков он в действительности. (61)

- Откажитесь от мира, каким вы его себе представляли, потому что ваше предположение основывалось не на опыте, но на жалких рассуждениях и было построено на ваших собственных недостатках. (62)

- Мир, которому вы придавали такое значение, к которому так долго были привязаны, – мир ложный, выдуманный вами самими. Отбросьте его. Откройте ваши глаза и убедитесь: он никогда таким не был; это всё было сном; это было майей. (63)

- Мы умираем от жажды, сидя на берегу огромной реки; сидя за пиршественным столом, умираем от голода. Вокруг нас мир блаженства, а мы всё ищем его и не можем

найти, потому что погружены в него. Он всегда окружает нас; но мы постоянно неправильно понимаем его сущность. (64)

- Только незнание и делает этот мир таким дьявольским. (65)

- Мы должны трудиться, но не так, как трудится обыкновенный человек, отдавшийся во власть своих желаний. Разве он знает что-нибудь о труде? Настоящим образом трудится тот, кто не руководствуется своими желаниями или какими-либо эгоистичными побуждениями, кто не преследует личной выгоды, кто ничего не стремится извлечь из труда для себя. (66)

- Не придавайте значения неудачам: оне вполне естественны, и прелесть жизни неощутима без них. Чем была бы жизнь без её неудач? Если бы не было борьбы, жизнь ничего не стоила бы. В чём бы тогда была её поэзия? (67)

- Не придавайте значения неудачам, маленьким отступлениям назад, но тысячу раз обращайте свой взор на ваш идеал, и если даже каждый раз будете терпеть недачу, делайте новые и новые попытки. (68)

- От избытка сердца уста глаголят, и от полноты сердца руки творят. (69)

- Мысль – это движущая сила внутри нас. Поэтому наполняйте ваш ум самыми высокими мыслями; внимайте им изо дня в день и сосредоточивайтесь на них месяц за месяцем. (70)

- Человек нуждается в сочетании ума и сердца. Сердце – великая вещь, так как через него приходят все высокие вдохновения, и я в сто раз больше желал бы иметь хотя бы маленькое сердце и никакого ума, чем один ум при отсутствии сердца. Жизнь и прогресс возможны только для того, у кого есть сердце, а кто может только рассуждать, но лишён способности чувствовать, тот неизбежно засыхает. (71)

- Но мы знаем, что человек, руководствующийся в своих поступках только сердцем, часто впадает в ошибки и оттого испытывает много бед. Поэтому нам необходимо сотрудничество сердца и ума. (72)

- Наиболее великие люди прошли в истории незамеченными. Каждый из них продумал несколько мыслей и передал их в ментальную сферу земного человечества. Оттуда эти мысли оказывают воздействие на духовность людей. (73)

- Достаточно нескольких сотен духовно проснувшихся людей, мысли которых изменили бы ментальность всего человечества. (74)

- Не многие понимают силу мысли. Если человек замурует себя в подземелье и умрёт там, исполненный действительно великой мысли, мысль эта пройдёт сквозь гранитную толщу подземелья и в конце концов охватит всё человечество. Такова сила мысли, поэтому не спешите передавать ваши мысли другим. Прежде чем давать, приобретите сами, прежде всего займитесь собой – это величайшая обязанность, которую только вы можете исполнить. Познайте Истину сами, а людям скажите о ней потом; они придут. (75)

- Сначала научись управлять самим собой, сначала достигни мира духовности и тогда результаты придут сами собой. Когда цветок лотоса раскрывается, пчёлы сами прилетают к нему за мёдом – пусть только расцветёт лотос вашей души, а о результате не беспокойтесь. Это великая истина. (76)

- Для того, чтобы быть совершенным, нужно совсем освободиться от идеи неравенства полов, так как дух не имеет пола. Пол – это принадлежность тела, и человек, стремящийся к жизни духовной, не должен знать и видеть половых различий. (77)

- Перед нами есть пути: путь познающих, предполагающих, но существует только один путь к истине, все другие ложны; и путь мудрецов, которые предполагают, что смотря по духовному сложению и различным уровням существования, на которых мы находимся, долг и нравственность могут быть различными. Очень важно знать, что существуют ступени долга и нравственности и что то, что в одном жизненном периоде при известных обстоятельствах есть долг, в другом периоде может совсем не быть долгом и стать безнравственным. (78)

- Каждый должен бы браться за свой собственный идеал и стремиться жить в его направлении, это гораздо более верный путь, чем брать чужой идеал, которого всё равно нельзя достигнуть. Возьмём для примера ребёнка и дадим ему задачу пробежать 20 миль. Ребёнок или умрёт от усталости, или, один на тысячу, измученный и полуживой доползёт двадцатую милю. Подобное этому мы обыкновенно и пытаемся делать в мире. Нет общества, в котором бы все мужчины и женщины были одинакового нрава, одинаковых способностей или имели бы одинаковый дар распознавания вещей, они должны

иметь различные идеалы, и мы не вправе осмеивать какой бы то ни было. (79)

- Каждый должен делать лучшее, что он может, для осуществления своего идеала. Меня не должно судить по вашему идеалу, и вас – по моему. Яблоню нельзя измерять меркою дуба, и дуб – меркою яблони. Для того, чтобы правильно судить о яблоне, необходимо её рассматривать с её собственной точки зрения, дуб же – с его; то же самое и со всеми нами. (80)

- На основании изучения характеров великих людей, я решаюсь высказать мнение, что в большинстве случаев несчастье и бедность научали людей больше, чем счастье и богатство, и что страдания успешнее вызывали внутренний огонь познания, чем похвала. (81)

- Радость и горе, проносящиеся в человеческой душе, оставляют в ней различные картины, и результатом всех этих объединённых впечатлений является то, что обыкновенно называют «характером». (82)

- Рассмотрите характер какого-либо человека и в сущности вы ничего иного не увидите, как только его наклонности – общую сумму его духовного направления; вы найдёте, что счастье и несчастье одинаково действовали на развитие его характера. (83)

- Добро и зло имеют равное значение в образовании характера, в некоторых же случаях нужда бывает лучшим учителем, чем счастье. (84)

- Слишком большое богатство или слишком большая бедность составляют огромную помеху развитию души. Великие люди мира выходят из средних слоёв

общества, где силы равномерно согласованы и уравновешены. (85)

- Мы постоянно стремимся выдать нашу слабость за силу, нашу сентиментальность – за любовь, нашу трусость – за мужество и так далее. (86)

- Любой дурак может в подходящее время быть героем. Наблюдайте, как человек совершает самые заурядные поступки, ибо это поможет вам уяснить истинный характер великого человека. Важные случаи жизни могут возвысить даже самое низменное человеческое существо; но действительно великим бывает только тот человек, характер которого всегда велик, всегда одинаков, в каких бы обстоятельствах человек ни находился. (87)

- Лицемерие не ведёт ни к чему хорошему. (88)

- Смерть день и ночь ходит крадучись по земле, а мы думаем, что будем жить вечно. (89)

- Малейшая частица счастья, которым мы наслаждаемся, сопровождается где-нибудь в другом месте равным количеством несчастья. В молодости люди могут этого не замечать, но у того, кто пожил довольно долго и достаточно упорно боролся, это не вызывает сомнений. (90)

- Нельзя ответить на вопрос, который невозможно логически сформулировать. В нём нет ни *как*, ни *почему*. Мы не можем остановиться на нём достаточно долго, чтобы ответить на него; не можем ни на один момент удержать его, он ежеминутно ускользает от нас. (91)

- Скрывать факты не значит найти выход из положения. Заяц, преследуемый собаками, прячет голову в землю и

считает себя в безопасности, и мы, думая найти убежище в оптимизме или пессимизме, похожи на этого зайца. Но это не выход. (92)

- Для каждого из нас мир таков, каковы мы сами. (93)

- Говорят, что христианство – самая лучшая религия и в доказательство указывают на удивительное богатство христианских наций. Но это плохое доказательство. Ведь богатство этих наций основано на несчастье других народов, на ограблении их; и если бы оно зависело от религии, то, допустив, что весь мир стал христианским, эти нации должны были бы обеднеть, так как не осталось бы никого, кого оне могли бы грабить. Очевидно, такое доказательство само себя разбивает. (94)

- Нам каждый день говорят, что со временем, в будущем, всё будет хорошо. Хотя это более чем сомнительно, но, допустив даже, что это так, почему же это будущее достигается таким дьявольским способом? Почему добро получается таким скверным путём, а не путём добра? Почему в моих настоящих страданиях меня должно утешать то, что мои потомки в каком-то будущем веке будут счастливы? (95)

- Понятие *майи* не предлагается как теория для объяснения мира. Оно представляет собой лишь утверждение того факта, что в самом основании нашего существования есть противоречие; что куда бы мы ни пошли, мы должны пройти через это ужасное противоречие: где есть добро, там должно быть и зло, а где зло, там должно быть и добро; за жизнью всегда, как тень, следует смерть; все, кто смеётся сегодня, будет завтра плакать, и кто теперь плачет, будет потом улыбаться. И это положение вещей не может быть изменено. (96)

- Конечно, мы можем вообразить в будущем существование такого места, где будет только добро и вообще не будет зла, где мы будем только радоваться и никогда не будем плакать, но грёза эта невозможна по самой природе вещей, так как условия везде и всегда останутся теми же. Где есть сила, заставляющая нас улыбаться, там сторожит также и сила, приносящая слёзы. Где есть сила, дающая нам счастье, там подле нас прячется сила, делающая нас несчастными. (97)

- Этот мир есть смешение добра и зла, счастья и несчастья. Увеличьте одно, и вместе с этим увеличится другое. Мир никогда не будет абсолютно хорошим, потому что в само́м выражении этой идеи заключается противоречие. Но он также не может быть и совершенно плохим. Путём анализа открывается великая тайна, что добро и зло вовсе не существуют как отдельные самостоятельные вещи. Нет вещи в нашем мире, которую вы можете назвать абсолютно хорошей, и нет такой вещи, которая только плоха. То же явление, которое сегодня кажется хорошим, завтра может оказаться дурным. (98)

- Та вещь, которая причиняет горе одному, может быть причиной радости другого; огонь, обжигающий ребёнка, может сварить пищу голодному; нервы, приносящие ощущение боли, приносят и чувство удовольствия. Остановить зло поэтому можно только одним способом – останавливая также и добро. Другого способа нет. (99)

- Чтобы остановить смерть, мы должны остановить и жизнь. Жизнь без смерти и счастье без несчастья заключают в самих своих определениях противоречие и не могут быть осуществимы, так как в каждом случае оба они – проявления одной и той же вещи. (100)

- То, что я считал хорошим вчера, я не считаю таковым сегодня. Когда я оглядываюсь назад, на всю мою жизнь, и вспоминаю те идеи, которые владели мной в разные времена, я всё больше в этом убеждаюсь. Одно время моим идеалом была езда на паре быстрых лошадей; теперь мне не надо этого. В то время, когда я был ребёнком, я думал, что буду совершенно счастлив, если выучусь готовить любимое лакомство. Потом я думал, что было бы счастьем иметь жену и детей и много денег. Над всем этим ребяческим вздором я теперь смеюсь. Настанет такое время, когда, оглянувшись назад, мы будем смеяться над нашими прежними идеалами, заставляющими нас бояться потерять свою индивидуальность. (101)

- Каждый хочет сохранить возможно дольше своё тело. Существует мнение, будто мы были бы очень счастливы, если б могли сохранить его на бесконечное время, но наступит день, когда мы и над этим будем смеяться. (102)

- Если единственный способ чувствовать себя счастливым заключается в труде для уменьшения страдания других, то вам и не остаётся ничего другого. К этому выводу раньше или позже приходит каждый. Образованный человек открывает это раньше, невежественный позже; глупому открытие это обходится дороже, умный заплатит за него меньше. (103)

- Способность работать увеличится вследствие понимания действительного положения вещей, так как при этом будет больше терпения. Вид несчастий и зла не выведет нас из равновесия и не заставит гоняться за призраками. Когда мы будем знать, что мир может развиваться только таким путём, у нас появится терпение. (104)

- Фанатики не могут трудиться. Они утрачивают три четверти энергии. Трудится тот, кого зовут уравновешенным, спокойным, практичным. (105)

- Чистота – это жизнь нации. Разве вы не видите из истории, что первым признаком умирания народа является безнравственность? Когда она появляется, конец нации близок. (106)

- Хотя мы знаем, что никогда не наступит время, когда Вселенная будет полна счастья и в ней совсем не будет несчастья, тем не менее надо стараться содействовать этому. И хотя бы при этом несчастье и увеличилось, мы должны делать своё дело. Обе эти силы, счастье и несчастье, будут содействовать жизни Вселенной, пока не наступит время, когда мы пробудимся от нашего сна и перестанем строить замки из песка, чем мы сейчас только и занимаемся. Это мы должны усвоить, и для этого нам потребуется много, много времени. (107)

- Верх невежества состоит в том, что бессмертный, вечно чистый дух считает себя маленьким умом, маленьким телом. Это заблуждение – причина всякого эгоизма. (108)

- Если хотя бы маленькая часть человеческих существ отбросит сегодня свой эгоизм, свою узость и ничтожность, эта земля завтра станет раем. Машинами же и улучшениями, основывающимися на материальном знании, такой результат никогда достигнут не будет; они только увеличат несчастья, как масло, подлитое в огонь, усиливает пламя. (109)

- Без знания духа материальное знание только прибавляет огонь, давая в руки эгоистов лишние возможности

забирать себе то, что принадлежит другим, делая их более способными жить за счёт жизни других, вместо того чтобы отдавать им свою жизнь. (110)

- Опасайся тех, кто учиняются скорее хвалителями добродетели, нежели её последователями. (111)

- Лицемерие есть порок ненавистнейший. Тот, кто прикрывается одной внешней добродетелью, похож на злодея, который днём показывается честным человеком, а ночью занимается похищением имущества ближнего. (112)

- Для познания людей, добры ли они или злы, нет лучшего способа, как смотреть на зрачок глаза; ибо зрачок глаза не может скрывать порока, таящегося в сердце. (113)

- Истина требуется нам не для удовольствия. Предоставим всякие наслаждения людям грубым, неразвитым; они их вдоволь используют. Человек есть разумное существо и должен бороться, пока он не покорит смерть, пока не узрит свет. Он не должен предаваться напрасной, бесполезной болтовне. Поклонение обществу и общественному мнению – то же идолопоклонство. (114)

- Если мы действительно хотим быть счастливыми и делать счастливыми других, мы должны уйти вглубь самих себя и с первого же шага не смущать сознания и не иметь общения с людьми, идеи которых вносят сомнения. Каждый из вас знает определённый род людей, мест или пищи, которые отталкивают вас; избегайте же их. Те же, кто хочет достигнуть самого высшего состояния, должны избегать всякого общества, и хорошего, и дурного. (115)

- Сначала выслушаем слово мудрости, потом поймём, и затем, отбросив всё, отвлекающее нас от цели, закроем наше сознание для внешних влияний и предадимся развитию истины внутри нас. Вот правильный путь. (116)

- Человек никогда не прогрессирует от заблуждения к истине более высокой. (117)

- Я никогда не слышал, чтобы корова лгала, но на то она и корова, а не человек. (118)

- Я – за истину. Истина никогда не заключит союза с ложью. Если даже весь мир будет против меня, а истина – за, она победит в конечном счёте, и я – с ней. (119)

- Истина едина, но идти к ней или выражать её можно поразному. (120)

- Истина может быть изложена тысячью различных способов, и все они могут быть истинны. (121)

- Всем можно пожертвовать ради истины, но истиной нельзя пожертвовать для чего бы то ни было. (122)

- Будьте мужественны и смотрите Истине в лицо. (123)

- Можешь быть уверен, что если ты служишь истине вопреки искушению отступить от неё, ты обретёшь небесную силу, перед лицом которой люди не осмелятся говорить тебе такие вещи, в истинность коих ты не поверишь. Люди будут верить тому, что ты им говоришь, если ты сможешь в течение четырнадцати лет строго служить истине, ни разу не отклонившись от неё. Тем самым ты окажешь величайшее благодеяние народным

массам, освободишь их от уз и обеспечишь духовный подъём всего народа. (124)

- Если бы кто-нибудь захотел ознакомиться со Вселенной по частям, он должен был бы познакомиться с каждой отдельной песчинкой; для этого потребовалось бы бесконечное время, и он никогда не узнал бы всего. Тогда какое же может быть знание? Какая возможность для человека стать всезнающим путём частностей? Возможность та, что за частными проявлениями есть обобщение; за всеми частными идеями стоит идея общая, абстрактный принцип. Овладейте им – и вы овладеете всем. (125)

- Души умерших существуют, но мы просто не можем их видеть. Стало быть, в мире могут быть сотни и миллионы живущих существ, которых мы не можем ни видеть, ни чувствовать, ни осязать. Мы можем постоянно проходить вперёд и назад сквозь их тела, не замечая их, и весьма вероятно, что они также не видят и не чувствуют нас. Это круг внутри круга, вселенная внутри Вселенной. (126)

- Привязанность к телесному есть величайшее проклятие человеческой жизни, поэтому первый признак того, что человек очистился, проявляется в его нежелании рассматривать людей как их тела. Одна только чистота помогает нам избавиться от идеи тела. (127)

- Единственное, к чему стремится йог, – это усиление убеждённости. (128)

- Не вступайте в споры, говорит йог; если вас втягивают в них, отмалчивайтесь. Не доказывайте свою правоту, уйдите спокойно, ибо споры тревожат ум. Интеллект

необходимо упражнять, а что толку зря возбуждать его? Интеллект – инструмент хрупкий, пригодный лишь для знания, ограниченного рамками наших чувственных восприятий. (129)

- Йог устремлён дальше, за эти пределы, где интеллект ему не нужен. Будучи уверен в этом, он избегает споров и предпочитает молчать. Споры нарушают равновесие, вызывают рябь на *читте*, что мешает йогу. Аргументация и поиск логических решений – на обочине пути, йог же движется к более высоким ценностям. (130)

- Жизнь не предназначена для школьных ссор, её нельзя прожить в дискуссионных клубах. Плоды труда должны быть отданы Богу, нам не причитается ни хвала, ни хула за содеянное, всё принадлежит Богу, и, отдав Ему всё, мы должны жить в покое. (131)

- Наше тело есть лодка, которая должна перевезти нас через океан жизни. О лодке следует заботиться. Нездоровый человек не может стать йогом. (132)

- Йога изменяет тело, оно меняется по мере того, как подвергается упражнениям, так что к завершению занятий ваше тело уже не то, каким оно было раньше. (133)

- Каждая новая мысль оставляет новый след в мозгу, прокладывает в нём новые каналы, поэтому мы обнаруживаем такое сильное физическое противодействие йоге в начале занятий. (134)

- Йога является совершенно новым набором представлений и мотиваций. И поэтому легче воспринимается тот аспект любой религии, который касается внешней стороны дела, а глубинный аспект, затрагивающий вну-

тренний мир человека, аспект философский или психологический, часто не берётся в расчёт. (135)

- Управляя своим телом, мы начинаем понимать, как оно прекрасно. (136)

- Настоящая цель упражнений – научиться различать подлинное и мнимое, зная, что *пуруша* существует вне природы, что душа не есть ни материя, ни ум, что, будучи внеприродной, она не подвержена изменениям. Изменяется только природа, составляясь и пересоставляясь в различные сочетания, непрестанно распадающиеся. (137)

- Научившись путём постоянных упражнений отличать истинное от неистинного, мы избавляемся от невежества, и душа проявляет свою настоящую светоносную суть – всезнание, всемогущество, вездесущность. (138)

- Поиски ничего не дают, пока мы не догадываемся, что знание – внутри нас и никто, кроме нас самих, не поможет нам найти его. (139)

- Учась различать подлинное и мнимое, мы приходим к состоянию, когда неудовлетворённость исчезает, что является первым признаком нашего приближения к истине. Возникает уверенность в том, что мы нашли истину, что ничем иным, как истиной, найденное нами быть не может. (140)

- Через различение истинного и неистинного мы приходим к освобождению от чувства долга. (141)

- Всё наше страдание – от невежества, от неумения отличить истинное от мнимого. Мы все принимаем зло

за добро, сон за действительность. Единственная реальность – это душа, а мы забыли её. Неумение различать и есть причина страдания. Всё из-за невежества. (142)

- Вершины философии Йоги основываются на том, что душа есть чистота, совершенство и единственно простая «цельность» во вселенной. Тело и ум составлены из множества компонентов, хотя мы себя постоянно отождествляем именно с ними. В это заблуждение мы впадаем из-за того, что не умеем различать. Когда же появляется способность различения, человек убеждается, что всё в мире составлено из многих компонентов, а следовательно, не может быть душой. (143)

- В этой жизни всё приходит в упадок. И лишь когда гибнет всё, даже любовь, человек вдруг осознаёт всю суетность и призрачность этого мира. Тогда он обращает свой взор к самоотречению, обращает взор к *потустороннему*. Иной мир открывается только тому, кто отказывается от этого мира, а не цепляется за него. (144)

- Причина страданий лежит в столкновении различных сил природы, одна тянет в одну сторону, – другая – в другую, а потому счастье не может быть постоянным. Не было ни одной великой души, которая не отказалась бы от чувственных удовольствий и наслаждений ради обретения величия. (145)

- Все мысли о том, что мы непременно нуждаемся для счастья в чём-то вне нас, являются преградами на пути к совершенству. Душа есть по природе и счастье, и блаженство, однако осознание этого затемнено прошлыми впечатлениями. Последние должны изжить себя. (146)

- Есть вещи, которые доставляют нам удовольствие, и наш ум испытывает тягу к ним. Тяготение ума к центру удовольствия и называется привязанностью. Мы стараемся немедленно отдалиться от того, что причиняет нам страдание. Мы никогда не привязываемся к тому, что не доставляет нам удовольствия. (147)

- Другое дело, что подчас мы находим удовольствие в вещах, достаточно странных, но тем не менее сохраняется всё тот же принцип: что даёт нам удовольствие, к тому мы и привязываемся. (148)

- Все радости, дарованные нам чувствами, в конечном счёте причиняют боль. Наслаждения вызывают в нас жажду новых наслаждений, а результатом становится страдание. Человеческим желаниям нет конца, человек будет желать всё большего, пока не дойдёт до невыполнимого желания, и будет страдать. (149)

- Вот почему йоги рассматривают совокупность впечатлений, как хороших, так и плохих, как болезненные препятствия; препятствуют же они освобождению души. (150)

- Болезненные препятствия – это невежество, эгоизм, привязанность, отвращение и цепляние за жизнь. Это пять видов страдания, пять цепей, нас сковывающих. Первопричина всех страданий – невежество, всё прочее отсюда вытекает. Невежество, по сути, единственная причина всех людских бед. Ничто больше не может сделать нас несчастными. Природа души – вечное блаженство. Что лишает блаженства нас, если не невежество, иллюзии, заблуждения? Для души любое страдание есть только заблуждение. (151)

- Волны внутри себя мы можем усмирить, лишь научившись распознавать их зарождение, прежде чем оне станут могучими валами, без этого нет надежды на преодоление страстей. Преодолевать страсти нужно у самых их истоков, у корней, только тогда можно сжечь и семена, из которых страсти произрастают. Обожжённое семя не прорастёт в почве – страсти больше не проявятся. (152)

- В призрачном, иллюзорном мире, мире слёз, стенаний и бед, люди толкутся вокруг мишуры. (153)

- Выход можно найти только через приобретение опыта. Опыт необходим, но лучше поскорей приобрести его, чтобы выпутаться из сетей, в которые мы попали. Мы сами запутали себя в сети, а потому сами должны и выбираться на свободу. (154)

- Никто не может быть истинно свободен до тех пор, пока не свободны все. (155)

- Даже желание личного спасения должно быть оставлено, и только неутомимая работа для спасения других может быть истинным признаком просветлённого человека. (156)

- Всякая религия содержит в себе выражение этого стремления к свободе. Оно составляет основу нравственности и бескорыстия, знаменующих собой отрешение от представления о тождественности человека и его ничтожного тела. Когда человек делает добро, помогает другим, он тем доказывает, что не может удовлетвориться тесным кругом «меня» и «моего». Этому освобождению от эгоизма нет границ. Все великие эти-

ческие системы проповедуют абсолютное бескорыстие как цель. (157)

- Предположим теперь, что это абсолютное бескорыстие достигнуто человеком; что же с ним тогда происходит? Отныне он уж не отдельная ничтожная личность; он расширился, распространился до бесконечности; его мелкая личность, которою он до тех пор обладал, исчезла навеки. Он стал безграничен; и достижение этого бесконечного распространения является истинной целью всех религий и всех нравственных и философских систем. (158)

- Ни на миг не забывайте, что всё вокруг – временное, а вам нужно поскорее пройти через это. Опыт – великий учитель; – и приятный опыт, и тягостный. Каков бы он ни был – это всего лишь опыт, не более того. С его накоплением вы шаг за шагом приближаетесь к состоянию, при котором всё становится мелким, а душа столь величественна, что в сравнении с нею и вселенная – капля в океане. (159)

- Человек должен накапливать многообразный опыт, но при этом не забывать об идеале. (160)

- Душа свободна, и её свобода подсказывает нам на каждом шагу, что и мы свободны. Мы же ошибочно приписываем эту свободу интеллекту и уму. Стараемся приписать свободу интеллекту, но тут же убеждаемся, что интеллект не свободен, стараемся приписать её телу, но природа тут же опровергает нас. Отсюда и возникает у нас одновременно чувство свободы и несвободы. (161)

- Управляющий своим умом управляет и природой. Внутренняя природа человека куда выше, чем природа,

окружающая его, с ней куда труднее справиться, куда труднее взять под контроль. Именно поэтому тот, кто покорил внутреннюю природу, правит всей вселенной, а она служит ему. (162)

- Когда идеал известен, остаётся только упражняться в методе его достижения. (163)

- Чем больше старается человек убежать от природы, тем упорнее она следует за ним. Когда же человек перестаёт обращать на неё внимание, она делается его рабой. (164)

- Изменением условий можно сдерживать желания. (165)

- Всякому действию предшествует стремление к счастью. Перводействия не может быть, ибо каждое действие строится на тенденции, созданной прошлым опытом, а потому у желаний нет начала. (166)

- Желания обусловлены причинами и следствиями: если желание родилось, оно не умрёт без последствий. К тому же их поддерживает ум, склад былых желаний, превратившихся в *самскары*, которые тоже не умрут, пока не исчерпают себя. Более того, будут возникать всё новые желания, пробуждаемые восприятиями внешних объектов. Желания исчезли бы только в том случае, если бы не стало причин, следствий, поддержки и объектов. (167)

- Нас со всех сторон окружают дураки, а мы думаем, будто мы – единственные исключения, будто только мы что-то понимаем. Видим, как непостоянно всё вокруг, но думаем, будто наша любовь прочна и постоянна. Разве так может быть? (168)

- Даже любовь своекорыстна, и йоги говорят, что в конечном счёте понемногу иссыхает любовь и супругов, и детей, и друзей. Всё в этом мире обречено на разложение. И лишь когда всё, включая и любовь, оказывается тленом, человек в миг озарения понимает, что мир этот призрачен, подобно сновидению. Тогда улавливает он отсвет *вайрагьи* – отречения от мира – и отсвет того, что вне. (169)

- То, *иное*, приходит только через отказ от этого мира, но никогда не через привязанность к нему. Не было ещё великой души, которой не пришлось бы отрешиться от чувственных радостей и удовольствий во имя иного и тем обрести величие. Причина страдания – вечное противоборство между разнонаправленными силами природы, влекущими человека и делающими невозможным постоянное счастье. (170)

- Мы подчинены в пределах интеллекта, мы свободны в беспредельности души. Подлинная натура человека – душа, и существует душа вне всех законов причинности. (171)

- Любой, кто предлагает кому-нибудь слепо верить во что-то или увлекает за собой людей, подчиняя их могуществом своей воли, приносит вред человечеству, хотя, может быть, и ненамеренно. Поэтому пользуйтесь своим собственным умом, управляйте телом и сознанием сами, помните, что, если вы не больны, никакая посторонняя воля не может действовать на вас, и избегайте всякого, кто велит вам слепо верить, как бы велик и добр он ни был. (172)

- Избегайте плохого общества, ибо вы несёте в себе шрамы от старых ран, и общение с дурными людьми как

раз и способствует тому, чтобы оне опять открылись. И точно так же общение с добрыми людьми пробудит добрые впечатления, которые в нас тоже есть, но они дремлют. (173)

- Нет в мире ничего святее, чем общение с возвышенным, ибо оно помогает проявиться всему доброму, что вы накопили в себе. (174)

- Получать дары от других – так же плохо, как воровать. На ум человека, принимающего дары, воздействует ум дарителя, а это подвергает опасности принимающего. Принятие даров способно повлиять на независимость мышления, привести к порабощению. Поэтому не принимайте даров. (175)

- Когда человек не принимает даров, он не попадает в зависимость от других, он сохраняет самостоятельность и свободу. Ум его очищается. С каждым же принятым даром человек рискует получить и зло из ума дарителя. Отказом от даров человек достигает большой чистоты. (176)

- Ум (или общий сенсорный орган) является агрегатом всех чувств. (177)

- Когда прошлое и настоящее сливаются и застывают, тогда ум действительно сосредоточен. (178)

- Правильно применяемое воображение служит нам лучшим другом; оно превышает рассудок; это единственный свет, ведущий нас повсюду. (179)

- Вдохновение исходит изнутри, и мы должны вдохновляться собственными высшими силами. (180)

- Всякая новая мысль должна по идее как бы проложить себе канал в мозгу, чем и объясняется поразительный консерватизм человеческой природы. Человеку легче пользоваться уже существующими каналами, вот он и предпочитает их. (181)

- Я никогда не говорил о мести, я всегда говорил о силе. Помышляем ли мы о том, чтобы отомстить попавшим на нас морским брызгам? Для москита же – это нечто крупное. (182)

- В силе индивидуума заложена сила нации. Нам нужны люди с железными мускулами и стальными нервами. (183)

- Нравственная сила должна вылиться в общенациональное воспитание. Нет той нужды и той нищеты, которых бы мы не смогли устранить сознанием силы своего духа. (184)

- Слабые не могут обрести *сущность*. Если нет силы в душе и теле, *сущность* не может быть воплощена. Сначала надо укрепить тело здоровой питательной пищей – без этого не будет крепкого духа. Дух – это не что иное, как неощущаемая часть тела. В твоей душе и твоих словах должно быть много сил. (185)

- Душа не имеет ни пола, ни родины, ни места, ни времени. (186)

- Размышляйте постоянно о своей истинной *сущности*. Освободитесь от всякого суеверия. Не гипнотизируйте себя мыслью, что вы недостойны, денно и нощно повторяйте себе, что вы в самом деле из себя представляете,

пока вы не осознаете – действительно осознаете – ваше единство с Богом. (187)

- Свобода есть отличительный признак высшего существа. Духовная жизнь начинается, когда вы освободились от влияния чувств. Тот, кем управляют его чувства, привязан ко всему мирскому, он раб. (188)

- Представьте себе душу не материальной, но такой, какая она действительно есть. Мы воображаем себе душу плотью, но мы должны отделить её от ощущений и мысли. Только тогда мы можем познать, что мы бессмертны. (189)

- Если бы мы могли окончательно прекратить колебания нашей ментальной энергии, то это уничтожило бы нашу плоть. Мы в течение миллионов лет так старались создавать эту плоть, что при этом усилии забывали нашу главную цель – стать совершенными. Мы привыкли считать, что наша цель состоит в создании плоти. Это – иллюзия и заблуждение. Мы должны освободиться от этого заблуждения и сознать, что мы не плоть, и что она нам – слуга. (190)

- Научитесь выделять ум и познайте, что он не связан с телом. Мы снабжаем тело чувствами и жизнью и затем воображаем, что оно живёт и существует. Мы так долго носили его, так долго были облечены в него, что забыли, что оно не тождественно с нами. (191)

- Духовные идеалы всегда являлись человечеству от тех народов, которые были попраны ногами. (192)

- Чтобы наводнить страну социальными и политическими идеями, наводните её идеями духовными. (193)

- Агитируйте сколько угодно за всяческие права и привилегии, но помните, что до тех пор, пока вы не возвыситесь сами, пробудив глубокое чувство самоуважения в нации, ваши надежды на получение от кого-то прав и привилегий – сон среди белого дня. (194)

- Страдания мира не могут быть устранены просто физической помощью; до тех пор, пока не переменится человеческая природа, физические потребности будут всплывать снова и снова; никакое накопление физической помощи не может освободить мир от бедствий. (195)

- Единственное решение вопроса о страдании мира есть очищение всего человечества. Незнание, неведение – мать всего зла и всех страданий, какие мы знаем. Дайте свет людям, дайте им духовно укрепиться, и когда всё человечество станет чистым, духовно сильным и воспитанным, только тогда, не раньше, кончатся бедствия мира. (196)

- Слово «любить» очень трудно понять: любви никогда не бывает, пока нет свободы. У раба нет любви. Если вы купите раба, закуёте его и заставите его работать на вас, то он будет делать это как рабочая скотина, но без любви. Если мы сами трудимся для мира как рабы, то в этом нет любви, и это не истинная работа. То же происходит с нашими действиями по отношению к родственникам и друзьям, и даже – к самим себе. (197)

- Представьте себе человека, любящего женщину, он желает один обладать ею и всё время ревнует её; она должна сидеть или стоять около него и по его приказанию есть и передвигаться. Он её раб. Это не любовь, но известный род болезненной влюбчивости раба, выдаваемой за любовь. Это чувство не может быть любовью,

так как оно полно страданий. Если женщина не делает того, что он хочет, то это причиняет ему боль. При любви же не бывает болезненных последствий. (198)

- Любовь может иметь только благодатные последствия, если же этого нет, то это уже не любовь, а нечто иное, принимаемое нами за любовь. (199)

- Если вам удалось полюбить вашего мужа, жену, детей такой любовью, которая не вызывает вслед за собой ни болезненных последствий, ни ревности, ни вообще никакого эгоистического чувства, то вы на пути к независимости и свободе. (200)

- Где бы ни обнаружилась привязанность или могущественнейшая приверженность, вы должны помнить, что она физического свойства, как бы род физического притяжения между различными частицами материи, нечто более и более сближающее тела, и если они не могут сойтись, то является болезненное чувство. Истинная же любовь не нуждается в физической близости. Другое тело может быть отдалено на тысячи вёрст, любовь остаётся та же. Она не умирает и никогда не вызывает болезненной реакции. (201)

- Бог свободен, потому что он любит. Истинная любовь освобождает нас. (202)

- «У меня нет обязанностей на всём белом свете», – говорит Кришна. Стань полностью отстранённым, полностью безучастным, только тогда ты сможешь сделать что-нибудь стоящее. (203)

- Упражняйтесь упорно; суждено ли вам жить или умереть, это неважно. Вы должны погрузиться в выполне-

ние вашей задачи и работать, не думая о результатах. (204)

- Великими святыми и наставниками стали те, кто победил мир внутри себя и потому обладали силой слова. (205)

- Заурядный человек действует по различным побудительным причинам; без мотива не может быть поступка. (206)

- Человек, действующий свободно, не спрашивает о результатах. Ведь не ожидаете же вы от ваших детей, чтобы они возвратили вам то, что вы им дали. Работать на них – ваша обязанность, и тем она и кончается. Что бы вы ни делали для человека, города или страны, делайте это так же бескорыстно, как делаете своим детям, не ожидая себе ничего. (207)

- Мотивы имени и славы редко имеют непосредственный результат, так как плоды их обыкновенно тогда приходят, когда мы уже стары и покончили с жизнью. (208)

- Мы имеем право на труд, но не на плоды его. Предоставьте плодам и результатам приходить самим. Кто беспокоится о результатах? Если вы хотите помочь человеку, то не думайте никогда о его отношении к вам, не старайтесь его узнать. Если вы хотите совершить большое и доброе дело, то не думайте о его последствиях. (209)

- Если ты можешь быть всегда дарящим, так что всё даваемое тобою миру будет свободным предложением ему, без мысли о возврате, то такая деятельность не влечёт за собой связанности. Связанность наша является только тогда, когда мы чего-нибудь ожидаем себе. (210)

- Человек, принимающий дары, находится под духовным влиянием дающего, а значит, на берущего можно оказать влияние. Принимая дары, мы отказываемся от духовной независимости и позволяем себя поработить. Поэтому не принимай даров. (211)

- Не давай чувствовать высокого положения твоего низшим, не покажи преимущества твоих заслуг равным. (212)

- Чем старше я становлюсь, тем глубже я понимаю смысл индийской идеи, что самое высшее из существ – это человек. (213)

- Общественная жизнь на Западе подобна раскатам смеха, заглушающим рвущийся из глубины души вопль. Смех переходит в рыдание. Забавы и увеселения – на поверхности; в глубине же скрыто нечто напряжённо трагическое. У нас же печаль и мрак – снаружи, а в глубине – беззаботность и веселье. (214)

- Не удовольствие, а познание есть цель человека. Удовольствие и блаженство конечны. Люди ошибаются, полагая, что удовольствие может быть целью. Причина всех страданий, существующих в мире, та, что люди ошибочно принимают удовольствие за идеал. Впоследствии они замечают, что идут навстречу не веселию, а познанию, что как радость, так и страдания великие учителя, и что учиться возможно как у добра, так и у зла. (215)

- Опыт – это единственный наш учитель. Мы можем толковать и рассуждать всю нашу жизнь, но никогда не поймём ни одного слова истины, пока сами не убедимся

в ней на собственном опыте. Вы не можете рассчитывать сделать человека хирургом, только дав ему почитать несколько книг. Вы не можете удовлетворить моё желание познакомиться с какой-нибудь страной, лишь показав мне её на карте; я должен видеть саму страну. Карта может лишь возбудить во мне интерес к получению более полных сведений, но большего значения она не имеет. (216)

- Познание живёт в самом человеке, никакое познание не приходит извне, но всё находится внутри человека. (217)

- На свете бесчисленное множество книг, а жизнь коротка, так что секрет учёбы в том, чтобы выбрать существенное. Выберите и постарайтесь вести себя соответственно тому, чему вы научились. (218)

- Для получения знания йог не нуждается ни в каких книгах; его собственное сознание стало книгой, заключающей в себе бесконечное знание. (219)

- Всё познание, какое когда-либо приобреталось миром, исходит из духа. Безграничная библиотека вселенной заключается в нашем собственном духе. Внешний мир есть только побуждение, повод, заставляющий нас изучать наш собственный дух. (220)

- Войди в себя и извлеки «Упанишады» из самого себя. Ты есть величайшая книга, которая когда-либо была и когда-либо будет, бездонная сокровищница всего сущего. Всякое стороннее обучение будет напрасным, если не пробудится внутренний учитель. Чтобы учение имело смысл, оно должно раскрыть книгу сердца. (221)

- Когда бы вы ни встретились с нелепыми утверждениями, которые противоречат человеческому рассудку и здравому смыслу, отвергайте их без всякой боязни, потому что настоящее вдохновение никогда не противоречит рассудку, но только дополняет его. Вы знаете изречение великого Пророка: «Я пришёл не разрушить, но дополнить». Совершенно так же и вдохновение всегда приходит, чтобы дополнить рассудок, и всегда строго согласуется с ним. Помните: всё, что противоречит рассудку, – это не вдохновение. (222)

- Если бы сознание было подчинено нашей воле, а не своим бессознательным рефлексам, люди не совершали бы множества неразумных дел, которые ввергают их в несчастия. (223)

- Результат управления сознанием состоит в том, что оно более не соединяется произвольно с центрами восприятия внешних ощущений, а, стало быть, чувства и желания зависят теперь от нас. (224)

- Если человек не хочет быть машиной, он должен доказать, что ничто внешнее не управляет им. (225)

- Нет ни греха, ни добродетели: есть только невежество. (226)

- Если и существует грех, то лишь один: сказать, что ты слаб или что слабы другие. (227)

- Вы божества на земле! Грешники? Грех называть так человека, это гнусная клевета на человеческую природу. Восстаньте, о львы, развейте заблуждение, будто вы овцы; вы есть бессмертные души, обладающие свободным духом, благословенные и вечные; вы не материя,

вы не тела; это материя подчиняется вам, а не вы подчиняетесь материи! (228)

- Постоянное недовольство собой производит больше пороков, чем какая-нибудь другая слабость. Человеку, начавшему ненавидеть самого себя, открываются все пути к вырождению, и то же самое бывает с народом. Ненавидеть себя не есть наш первый долг; чтобы идти вперёд, мы должны иметь прежде всего веру в себя и в Бога. Кто не верит в самого себя, никогда не сможет иметь и веру в Бога. (229)

- Не говорите о вашей греховности, но внушайте вашему сознанию, что вы чисты. Мы загипнотизировали себя мыслью о своём ничтожестве и о том, что рождены и должны умереть, и потому живём в постоянном страхе. (230)

- Судя о других, мы всегда судим о них согласно нашим собственным идеалам. Но этого не должно быть. Каждого следует судить по его идеалам, а не по идеалам других. (231)

- В отношениях с нашими ближними мы постоянно впадаем в эту ошибку, и, по моему мнению, огромное большинство наших споров и ссор происходит по той простой причине, что мы всегда стараемся судить о богах, идеалах и побуждениях других по нашим собственным идеалам и побуждениям. (232)

- Плачьте, что вы не можете не видеть везде греха, и если хотите помочь миру не осуждайте его. Не ослабляйте его ещё больше. (233)

- Что такое грех и что такое несчастье, как не результаты слабости? Людей с детства учат, что они грешны и

слабы. Мир постоянно ослаблялся такими мыслями. Учите же его, напротив, что даже самые незначительные в проявлении люди – прекрасны, что все они – дети бессмертия. Пусть положительная, сильная, целебная мысль с самого детства входит в их сознание. (234)

- Взваливать вину за наши слабости на других значит впадать в обыкновенное человеческое заблуждение. (235)

- Мы никогда не обращаем внимания на свои ошибки; наши глаза не видят самих себя, но видят глаза других. Мы очень плохо распознаём наши собственные слабости и ошибки, пока приписываем их вину кому-нибудь другому. Люди обыкновенно объясняют свои заблуждения как происходящие в зависимости от их ближних или от Бога или ссылаются на судьбу и клянут её. (236)

- Что такое судьба и откуда она берётся? Мы пожинаем то, что посеяли. Мы сами создаём нашу судьбу. Никто другой не заслуживает ни порицания, ни похвалы. Ветер дует всё время и гонит вперёд те суда, чьи паруса распущены, те же суда, у которых паруса сложены, остаются на месте или бросаются волнами из стороны в сторону. Но вина ли это ветра? (237)

- Те, кто обвиняет других, – а число таких, увы, с каждым днём увеличивается – вообще существа несчастные, которые своей собственной беспомощностью привели себя в это состояние и затем жалуются на других. Но это не изменяет их положения. Оно ни в чём им не поможет. Стремление свалить вину на других только ещё больше ослабляет нас. Поэтому не обвиняйте в наших собственных ошибках никого. Стойте на своих ногах и принимайте всю ответственность на себя. Говорите:

«Несчастье, которое я испытываю, результат моих собственных поступков, и из этого следует, что оно может быть устранено только мной». (238)

- Разные мысли вроде того, что «я мужчина» или «я женщина», «я болен» или «я здоров», «я силё»н или «я слаб», «я ненавижу», «я люблю», «я имею власть» или «я бессилен», – всё это только иллюзии. Устраните их! Что делает вас слабыми? Что заставляет вас бояться? Вы едины с высшим Существом Вселенной. Кто может устрашить вас? Встаньте с колен и будьте свободны. Знайте, что мысли и слова, которые вас ослабляют, – единственное зло, какое существует в этом мире, и их необходимо избегать. (239)

- Прежде всего сделайтесь хозяином самого себя; прежде всего воспряньте и будьте свободны. Поднимитесь выше сферы закона причинности, так как законы не распространяются на всю природу; им подчинена только часть вашего существа. Узнайте прежде всего, что вы не раб природы, никогда им не были и никогда не будете. (240)

- Выбросите всякую мысль о том, чтобы попасть на какое-либо из «вышних небес». Труд освобождения совершается не на этом или том небе, а здесь, в душе. Местонахождение ничего не значит. (241)

- Будьте смелы, будьте сильны! Берите ответственность за свою жизнь на собственные плечи. Знайте, что вы сами создаёте вашу судьбу. Вся сила и вся помощь, в которой вы нуждаетесь, внутри вас. Поэтому устраивайте сами свою будущность. Перед вами целая вечность. Помните всегда, что каждое ваше дело, каждый поступок, каждая мысль не пропадают бесследно и что

как дурные дела и дурные мысли при первом удобном случае набросятся на вас, подобно тиграм, так же точно добрые дела и хорошие мысли готовы с силой сотен тысяч ангелов защищать вас всегда и вовеки. (242)

- Отбросьте ослабляющие, парализующие идеи. Будьте сами открыты для великих мыслей. В вас сосредоточены беспредельные силы мира. Это истина. Гоните суеверие, до сих пор омрачавшее ваш ум. Будьте смелы. Знайте истину и осуществляйте её. Цель может быть далека, но проснитесь! Воспряньте! Боритесь и не останавливайтесь до тех пор, пока не достигнете цели. (243)

- Самая худшая ложь, какую мы когда-нибудь говорили себе, – та, что мы родились грешниками или злыми людьми. Только тот, кто сам грешник, видит грешника в другом. Злой смотрит на Вселенную как на ад, более добрый видит в ней небо, тогда как совершенные существа знают, что она – Бог. (244)

- Как можете вы видеть зло, если в вас самих нет зла? Как можете видеть вора, если его нет в глубине вашего собственного сердца; как можете видеть разбойника, если сами неразбойники? Будьте сами добрыми, и всё то для вас исчезнет. (245)

- Душа действительно не подчинена никаким физическим, умственным и нравственным законам. В законе – рабство, вне закона – свобода. Это правда, что свобода – прирождённое право души, её природа, что она просвечивает через все покровы материи в форме кажущейся свободы человека. В каждый момент нашей жизни мы чувствуем, что свободны, что не можем ни жить, ни говорить, ни дышать без того, чтобы не чувствовать, что свободны. (246)

- Свобода – первое условие духовного развития. Это следует всегда помнить. То, чему вы не даёте свободы, никогда не вырастет. Идея, что вы можете помогать росту других, всегда направляя их, руководя ими и сохраняя по отношению к ним роль учителя, – чистая нелепость, опасная ложь, замедляющая в этом мире рост миллиардов человеческих существ. Дайте людям свет свободы. Это единственное условие роста. (247)

- Всё общественное устройство основано на идее о сдержанности, и все мы знаем, что мужчины и женщины, которые не научились терпеть и уступать друг другу, ведут самую плачевную жизнь. (248)

- Если мы отбросим все идеалы и отдадимся исключительно борьбе за выживание, наше существование станет существованием животных, мы унизим себя и развратимся. (249)

- Несчастье – удел человека, довольствующегося чисто материальной жизнью, но в тысячу раз более несчастна судьба того, кто во имя истины и высших идеалов осмеливается выделяться из толпы и требовать чего-то высшего, чем чувственные удовольствия. (250)

- Предположим, что существует какое-нибудь зло. Простым отрицанием вы ничего не сделаете. Вы должны направлять ваши усилия на источник, корень зла и прежде всего найти его причины; тогда всё следствие исчезнет само собой. Все же вопли не приведут ни к чему, кроме несчастий. (251)

- Человек, полный сочувствия понимает, что мы должны искать глубинные причины несовершенства. (252)

- Мы никогда не создаём ничего нового, но только изменяем положение вещей; семя же вырастает в дерево само. (253)

- Мы должны осторожно и терпеливо направлять энергию общества к истине, дополняя истину существующую, а не стараясь создавать новую. (254)

- Свободная воля – название неправильное. Как воля может быть свободна? Воля начинает существовать не раньше того, как истинный человек становится рабом. Воля человека связана, но то, что проявляет эту волю, вечно свободно; и даже в состоянии рабства, которое мы называем человеческой жизнью, или божеской жизнью, или жизнью в небесах, или на земле, в нас всё-таки остаётся воспоминание о свободе, которая составляет наше божественное право, за которое все мы сознательно или бессознательно боремся. (255)

- Путь к свободе лежит через нравственность, а безнравственность всегда ведёт к рабству. (256)

- Загнать людей силой в узкие границы личных выгод невозможно, если вы не развратите их до состояния животных, не сделаете их массой, не способной думать. (257)

- Хотя добро и зло – условные проявления души, но зло – более внешняя, и добро – более внутренняя оболочка действительного человека, действительного «я». Если человек не проникнет через слой зла, он не достигнет слоя добра, и если не пройдёт через оба слоя, не достигнет сущности «я». (258)

- Пока дурные побуждения не вполне переработаны, пока прежняя нечистота не вполне истреблена, человек не может познать истину на собственном опыте. Когда же истина им постигнута, при нём остаются только позитивные впечатления прошлой жизни, только положительная жизненная сила. (259)

- Если такой человек продолжает жить в теле и трудиться, он трудится только ради добра, его уста произносят только благословение, его руки делают только добрые дела, в его уме возникают только хорошие мысли. Он весь – живое благословение. Такой человек, куда бы он ни пошёл, будет способен одним своим присутствием превратить самых порочных людей в святых. Если он даже не скажет ни слова, его появление среди людей будет счастьем для человечества. (260)

- Что такое радость и что такое печаль? Это величины, постоянно уменьшающиеся и исчезающие. Все мы должны постараться понять, какое удовольствие нам особенно дорого. Оно будет одним из последних заблуждений, от которых нам следует освободиться. У каждого свои удовольствия. Я видел человека, который был несчастен, пока не получал порции опиума. Вероятно, и рай он представлял себе как место, где сама почва создана из опиума. (261)

- Даже в течение одной жизни понятие человека об удовольствии постоянно меняется. Молодой человек, мечтая о рае, думает при этом о прекрасной женщине. Но в старости он уже не пожелает жены. Мы создаём себе представление о небесах, исходя из наших потребностей, и с изменением последних меняется и наш рай. (262)

- Философия требует не отказываться от удовольствия, но знать, что такое наслаждение в действительности. (263)

- Все удовольствия собаки заключаются в еде и питье. Она не может понять счастья человека науки, готового отказаться от всяких удобств и жить, может быть, на вершине горы, чтобы наблюдать положение звёзд и планет. Собака подняла бы на смех такое понятие об удовольствии. Учёный может быть почти нищим, он может не иметь денег, чтобы приобрести дом или завести семью. Он может жить на вершине горы, питаясь только хлебом и водой. Как посмеялась бы над ним собака! Но учёный, со своей стороны, мог бы сказать, что собака смеётся только потому, что для неё немыслимо удовольствие, возвышающееся над плотскими чувствами, тогда как для него бесконечно интереснее его суровая жизнь, и у каждого – свои понятия об удовольствиях. (264)

- Наша ошибка заключается в стремлении навязывать другим свои собственные представления и в попытках применять мерки своего ума ко всей Вселенной. Кому-то чувственные удовольствия, может быть, доставляют величайшее наслаждение; но из этого не следует, что другим требуются удовольствия того же рода; и когда вы настаиваете на этом, я могу не соглашаться с вами. В этом различие между утилитаристом и человеком религиозным. (265)

- Этот мир действительно ужасен, и если какой-нибудь человек может достигнуть в нём счастья каким бы то ни было способом, не обижая своих ближних, да поможет ему Бог. Но когда тот же человек приходит ко мне и говорит: «Делай так, как я делаю, или признайся, что ты глуп», я отвечу: «Нет, ты ошибаешься. Те самые вещи,

которые доставляют тебе удовольствие, убили бы меня, если бы я был вынужден их делать. Если бы я должен был посвятить свою жизнь добыванию нескольких горстей золота, моя жизнь не казалась бы мне стоящей того, чтобы иметь её. Я предпочёл бы умереть». Это единственный ответ, который может дать религиозный человек. (266)

- Религия возможна только для тех, кто покончил с низшими желаниями. (267)

- Существует идея – постоянно имеющая приверженцев и встречающаяся во всех религиях, – что наступит время, когда останутся только радости и наслаждения в жизни и эта земля сделается Небом. Я этому не верю. Наша старая земля всегда останется такой же, как и теперь. Трудно говорить об этом; и всё-таки я не вижу выхода из настоящего положения. Страдания человечества похожи на ревматизм. Выгоните его из головы, он перейдёт в ноги; выгоните отгуда, и он окажется в каком-нибудь другом месте. То же и с несчастьем. (268)

- Нет такой вещи, как движение по прямой линии. Всё движется по кругу, потому что прямая линия, бесконечно продолженная, становится кругом. (269)

- Более сильная раса может поработить слабую, но станет ли она от этого счастливее? Нет, потом эти расы поменяются местами и растерзают друг друга. (270)

- Увы, я не вижу как этот мир можно сделать счастливым. Все факты говорят против возможности этого. Теоретически рассуждая, эта идея также невозможна. Совершенство всегда бесконечно. Это бесконечное совершенство уже в нас есть; наше усилие должно со-

стоять только в проявлении его. Вы, я и каждый из нас стремимся проявить это совершенство. До сих пор рассуждения ясны. (271)

- Весь этот мир – ничто. В лучшем случае он только скверная карикатура, только тень Действительности. И в нём глупцы кричат о чувственных наслаждениях. Бежать в сбруе чувств легко, и легче всего ограничиваться постарому едой и питьём. И новые философы рекомендуют именно эти утробные идеи и ставят ни них клеймо религии. (272)

- Такие учения неверны. В чувствах – смерть, а мы должны стать выше смерти, потому что она не есть Действительность. Только отречением мы можем достичь Действительности. Отречение проповедуется во всех кодексах нравственности. Оно есть сила, проявляемая в каждом шаге, в каждое мгновение, когда мы не думаем о себе. Когда мы узнаём, что мы как бы мертвы, что маленькое «я» в нас умерло, только тогда мы достигаем Действительности, и эта Действительность, которая, по словам Веданты, есть Бог – она не что иное, как наша собственная истинная природа! (273)

- Бог всегда в вас, всегда с вами. Живите же и вы в Нём и оставайтесь в Нём. Это хотя и кажется трудным, будет постепенно всё легче и легче, и вы увидите, что такое состояние – единственное радостное состояние, всякое же другое – смерть. Жизнь в сфере Духа только и есть жизнь. Во всех же других сферах – только смерть. На весь этот мир и на время, которое мы обречены проводить в нём, следует смотреть просто как на место и время обучения. Только поднявшись выше его, можно наслаждаться настоящей жизнью. (274)

- Человек божествен, и эта божественность есть сущность нашей природы. Всё прочее в нас – просто наслоение. (275)

- Предполагая, что свобода не ваша природа, вы никакими способами и никогда не сделаетесь свободными. (276)

- Свобода означает независимость от внешних обстоятельств, т.е. что ничто извне не может действовать на неё как причина. Душа не имеет причины, она беспричинна и вне закона причинности. (277)

- Я вполне уверен, что свободен по природе, и ни на секунду не могу допустить, что рабство это действительность, а моя идея о свободе – иллюзия. (278)

- Примем дух и отвергнем материю. Доказательства в пользу того и другого почти одинаковы, только в пользу духа, быть может, несколько весомее. Никто ведь никогда не видел, что такое материя. Мы чувствуем только себя, а материя вне нас. Никогда не существовал человек, который бы стоял вне своей души. Поэтому аргумент несколько сильнее на стороне духа. (279)

- Говорить или думать, будто бы мы несвободны, опасно: это заблуждение, самогипноз. Как только вы сказали: «я связан», «я слаб», «я беспомощен», горе вам: вы сковали для себя новую цепь. Никогда не говорите этого, никогда не думайте этого. (280)

- Станет ли лучше для нас, если мы вернёмся к старым суевериям? Будет ли это полезно, если, не имея возможности достать нектар, мы станем пить яд? Поможет ли нам,

если, не будучи в состоянии познать истину, мы предпочтём обратиться к темноте, слабости и суевериям? (281)

- Я знаю, что только истина даёт силу, только она даёт жизнь. Ничто, кроме стремления к истине, не делает нас сильными, и никто не достигнет истины, пока не стал сильным. Поэтому каждая система, ослабляющая ум, делает человека суеверным, заставляет его цепенеть во тьме и желать всякого рода болезненных невозможностей и таинственностей. Такие теории я осуждаю. Оне бесполезны и опасны для людей. Оне никогда не ведут к добру. (282)

- Никогда мы не работаем так хорошо, никогда не остаёмся так долго в самом лучшем и высоком положении, как тогда, когда вся ответственность лежит на нас. (283)

- Когда нам не у кого искать поддержки, не на кого сваливать вину, когда у нас нет ни дьявола, ни личного Бога, которым можно было бы приписывать зло, когда только мы сами за всё ответственны, тогда мы достигаем всего для нас самого лучшего и высокого. (284)

- Иногда самые разумные люди бывают способны предлагать в высшей степени неразумные идеи. Ведь совершенно верно сказано, что ещё не было такой бессмысленной идеи, для защиты которой не нашлось бы философов. (285)

- Чрезмерное пристрастие к книгам только ослабляет человеческий ум. Можно ли представить себе более ужасное богохульство, чем сказать, что полное знание о Боге заключается в этой или той книге? Как смеют люди называть Бога бесконечным и в то же время пытаться заключить Его в переплёт какой-то книги? (286)

- Узнаем истину о Божественной Сущности от тех, кто сам постиг её. В устах других это будет лишь праздная болтовня. Постижение стоит выше добродетели и порока, выше будущего и прошлого, выше всех противоположностей. Чистый и безупречный человек видит *сущность* во всём, в его душе царит вечное спокойствие. Ни разговоры, ни споры, ни чтение священных книг, ни полёт разума, ни даже «Веды» не способны дать знание о *сущности*. (287)

- Единственный способ достичь цели – сказать себе и сказать всем остальным, что мы божественны. И чем чаще мы повторяем эти слова, тем сильнее становимся. Тот, кто поначалу запинается, станет всё увереннее и увереннее, а голос его будет звучать всё громче и громче, пока эта истина не овладеет нашим сердцем, не вольётся нам в вены и не войдёт в наше тело. Свет будет светить всё ярче и ярче, рассеются заблуждения, канут нагромождения невежества, и наступит время, когда исчезнет всё и будет сиять одно лишь Солнце. (288)

- Когда ты понимаешь, что ты есть Бесконечное, страх должен умереть. Всегда говори: «Я и Отец мой – это одно и то же». (289)

- Нельзя молиться Абсолюту, но лишь проявлению Абсолюта. Иисус имел человеческую природу. И он стал Христом. Мы тоже можем и *должны* это сделать. Христос и Будда – это названия состояния, в которое необходимо прийти. Иисус и Готама были людьми, которые являлись проявлениями этого состояния. (290)

- Лишь твоя собственная воля отвечает на молитвы, но каждому она является в обличье различных религиозных идей. Мы можем назвать её Буддой, Иисусом,

Кришной, Иеговой, Аллахом, Агни, но это всего лишь Сущность, всего лишь Я. (291)

- «О *сущности* сначала нужно слышать». Слушай днём и ночью, что ты и есть *сущность*. Днём и ночью повторяй про себя эту мысль, пока она не войдёт в твои жилы, пока не станет петь в каждой капле крови, пока не превратится в твои плоть и кость. Пусть всё тело проникнется этим идеалом: «Я не знаю ни рождения, ни смерти, я блаженная, всезнающая, всемогущая, вечно славная *сущность*». Сама сила этой мысли возвеличит, преобразит, обожествит все твои поступки. (292)

- Если материя могущественна, то мысль всемогуща. (293)

- Человек, обретший высшую степень очищения, достигает большего, чем целый полк проповедников. Источником слова, несущего силу, являются чистота и тишина. (294)

- Не следует заранее готовить текст своей речи. Глубоко убеждён в том, что духовный контакт с аудиторией лучше всего устанавливается именно посредством импровизации, когда речь возникает спонтанно и выражает нынешнее, а не появившееся когда-то в прошлом, хотя бы и не очень отдалённом, состояние мыслей и чувств говорящего. (295)

- Вы должны освоиться с той мыслью, что вся человеческая деятельность на то только и нужна, чтобы вызвать наружу уже существующую духовную силу человека и разбудить его душу. Сила живёт внутри каждого человека, и познание находится в нём. Различные человеческие дела – только толчки, вызывающие её и заставляющие богатыря проснуться. (296)

- Подобно огню в кремне, познание заключено в духе, побуждение же есть тот удар, который извлекает этот огонь. (297)

- Нельзя что-нибудь получить, не потрудившись для его приобретения, – это вечный закон, и если мы сомневаемся в этом, то с течением времени нам приходится в истине этой убедиться. Человек может всю жизнь стремиться стать богатым, он может для этого обманывать тысячи людей, но если под конец ему станет ясно, что он этого не заслужил, то жизнь для него сделается мучением. (298)

- Сколько бы мы ни захватывали земных благ, нам принадлежит только то, что мы заслужили. Дурак может скупить все книги мира и поставить их в своей библиотеке, и всё-таки он в состоянии будет читать только те, которые он заслужил, и эта заслуга обусловлена кармой. Наша карма определяет то, что мы заслуживаем и что мы можем сделать своим. (299)

- Любовь, правда и самоотверженность представляют собою не только хорошие слова, но и высший идеал, так как оне являются столь очевидными проявлениями силы. Самое главное – это то, что человек, действующий 5 дней или 5 минут без какого-либо эгоистического мотива, не думая о будущем, о небесах, наказании и прочая, становится исполином. Действительно, поступать так трудно, но в глубине души мы сознаём ценность самоотверженной деятельности и то добро, которое она несёт с собою. Это наибольшее приложение силы и огромное самообладание. (300)

- Самообладание есть проявление большей силы, нежели весь вытекающий из него поступок. (301)

- Идеальный человек тот, который среди глубочайшей тишины находит для себя истинную деятельность и среди высшей деятельности находит тишину пустыни. Он научился тайне самообладания, он поборол самого себя. Он проходит по улицам столицы среди её сутолоки, и дух его остаётся таким же спокойным, как если бы он находился в пещере, и при этом он напряжённо работает. (302)

- Современное общество слишком уж склонно много говорить о труде и порицать всякую мысль. Труд – вещь очень хорошая, но он не более как результат мысли. Слабое проявление энергии, начавшееся в мысли, вытекает через мускулы, и это называется работой. Где нет мысли, там не будет и работы. Поэтому наполняйте сознание высокими мыслями, высшими идеалами и имейте их перед собой день и ночь. Это принесёт в результате огромные достижения. (303)

- Человек, дающий волю гневу, ненависти или любой другой страсти, не может трудиться, он лишь разрушает себя и не делает ничего полезного. Больше всего работы выполняет спокойный, великодушный, уравновешенный, сбалансированный дух. (304)

- Спокойствие – это величайшее проявление силы. Деятельным быть легко. Отпусти поводья, и лошадь понесёт. На это способен каждый, но силён только тот, кто может остановить скачущих коней. На что требуется больше силы: на то, чтобы отпустить или удержать? Спокоен не тот, кто неповоротлив. Спокоен тот, кто способен сдерживать душевные порывы. Деятельность – это проявление внешней силы, спокойствие – внутренней. (305)

- Всякий раз, как мы поддаёмся ненависти или злобе, мы причиняем огромный вред уму. Любая злая мысль или поступок, от которых мы сумели удержаться, идёт на пользу нам. (306)

- Сдерживаясь, мы ничего не теряем, мы обретаем, и гораздо больше, чем нам кажется. Подавляя в себе ненависть или злобу, мы накапливаем положительную энергию, которая впоследствии превратится в силу высшего порядка. (307)

- Говорю ли я неправду, заставляю говорить неправду другого или одобряю чужую ложь – всё это в равной степени дурно. Сколь невинной ни была бы ложь, она всё же остаётся ложью. (308)

- Всякий дурной помысел получит воздаяние, каждая злобная мысль, если даже она пришла вам в голову в пещере, закрытой со всех сторон, уже не исчезнет, и настанет день, когда она с огромной силой вернётся к вам же в форме страдания. (309)

- Если вы несёте ненависть и ревность, оне тысячекратно скажутся на вас же, и нет силы, способной помешать этому. Что вы привели в действие, то возвратится к вам. Постоянная мысль об этом остановит вас от совершения злых дел. (310)

- Укрепившись в правдивости, человек уже не может сказать неправду, даже во сне. Он правдив в помысле, слове, деянии, и всё, что он изречёт, будет правдой. Он может сказать: «Будь благословен», и тот, кому это сказано, будет благословен. Он может велеть больному: «Выздоровей», и тот сразу поправится. (311)

- Дурные дела воздвигают преграду проявлению природы души, добрые – устраняют преграды, и величие души обнаруживается. Сама же душа неизменна. Что бы вы ни делали, вы не в силах умалить своё величие, своё собственное естество, ибо душа не поддаётся воздействиям, воздействовать можно только на покрывало, скрывающее её совершенство. (312)

- Встань! Проснись! Что ты делаешь? Если телу положено двигаться, то пусть оно работает. Пробуди божественное и в себе и в других – вот в чём заключается идеал. (313)

- Духовное познание есть единственное, которое может утолить наше страдание навсегда; всякое другое знание удовлетворит наши желания только на короткое время. Только тогда, когда перерождается природа человека, исчезают навсегда и его вожделения. (314)

- Если нужды человека могут быть отдалены на один час, то ему уже оказана помощь; если он не знал нужды в течение года, то ему помогли ещё больше; если же нужды его могут быть совершенно удалены, то это наибольшая помощь, какая может быть оказана человеку. (315)

- Только через познание духа исчезает навсегда способность желания, и потому наибольшая помощь человеку оказывается тогда, когда ему помогают духовно. (316)

- Кто даёт человеку духовное познание, тот величайший благодетель человечества, и всегда могущественными людьми были те, которые помогали людям в их духовных нуждах, так как это есть основа всех других дел в жизни. (317)

- Передача человеку духовного познания стоит гораздо выше, чем подача ему пищи и одежды, она даже ценнее, чем дарование жизни человеку, так как истинная жизнь человека состоит в познании. Незнание есть смерть, знание – жизнь. Жизнь очень мало стоит, если это жизнь в темноте, ощупью бредущая между неведением и бедствованием. (318)

- Помощь, укрепляющая нас духовно, есть наивысшая помощь; за нею следуют просветительная и лишь после – физическая помощь. (319)

- Высший идеал есть непротивление, оно есть наивысшее проявление силы, и то что называется «противлением злу», есть только шаг на пути высшего развития силы, на пути к непротивлению. Прежде чем мы достигнем высшего идеала, наш долг – противиться. Пусть мы работаем, пусть боремся, пусть сражаемся. Только тогда, когда мы приобрели силу для сопротивления, непротивление станет нашей добродетелью. (320)

- Будда отрёкся от престола и отказался от своего положения, он совершил действительное отречение. Но ни о каким отречении не может быть речи у нищего, которому не от чего отказаться. (321)

- Бездеятельности всегда надо избегать. Деятельность же всегда значит сопротивление. Противься всякому злу – и духовному и физическому. И если ты будешь успешен в этой борьбе, то придёт покой. (322)

- Умерщвление плоти – это для аскетов. А тем, кто трудится, нужны хорошо развитое тело, железные мышцы и стальные нервы! (323)

- Бросайся в мир, и тогда, после известного времени, когда ты вкусишь всего, что он может предложить тебе, придёт отречение и с ним покой. Поэтому удовлетворяйте свои прихоти и страсть к власти и другим вещам, и когда вы удовлетворите вашим желаниям, придёт время – и вы сознаете ничтожность этих вещей. Раньше, чем вы удовлетворите эти желания и пройдёте через всё это, для вас невозможно вступить в состояние покоя и ясности. (324)

- Не давайте сбить себя с пути и не стремитесь к власти. Единственная власть, которая остаётся у нас и всё увеличивается, это – любовь. (325)

- Каждое действие состоит одновременно из добра и из зла. Мы не можем совершить ни одного действия без того, чтобы в нём не содержалось чего-либо доброго, и ни одного, которое бы кого-нибудь не обидело. Каждое действие по необходимости должно быть смесью добра и зла, и тем не менее мы должны непрестанно действовать. Как добро, так и зло будут оба иметь свои последствия, создавая свою карму: доброе действие принесёт нам хорошее последствие, злое же – злое. Зло и добро суть оба оковы души. Помнить следует, что если мы сами не связываем себя с поступками, они не производят на нас никакого действия. (326)

- Если человек постоянно слышит дурные слова, думает злые мысли и совершает злые поступки, то душа его переполняется этими отпечатками, и они бессознательно овладевают склонностью его деятельности. Действительно, эти впечатления работают беспрестанно, и их воздействие будет злое. Такой человек должен быть злым; он не волен в этом, общая сумма этих впечатлений является для него сильной побудительной причи-

ной для дурных поступков. Человек становится машиной в руках своих впечатлений, и они заставляют его делать злое. (327)

- Подобное же случается и с человеком, думающим добрые мысли, делающим добрые дела, общая сумма этих впечатлений будет добра, и они тем же порядком принудят его, даже против его воли, делать доброе. Если человек сделал и передумал так много доброго, что в его природе, даже против его воли, образовалось непреодолимое стремление к деланию добра, то душа его в общей сумме своих наклонностей, даже если бы он пожелал делать зло, не позволит ему совершить его. Склонности предотвратят это: он в их власти. В этом случае характер человека называют твёрдым. (328)

- Чем старше я становлюсь, тем больше всё сводится для меня к мужеству. Это – моё новое евангелие. (329)

- Нам нужна религия, которая формирует людей! Нам нужны люди! Люди с железными мышцами и стальными нервами. (330)

- Если мы обладаем тремя величайшими «божьими дарами»: человеческим телом, страстным стремлением к свободе и помощью того, кто достиг этой цели и может указать нам путь, – тогда наше освобождение неизбежно. (331)

- Сознание, человечность и мужественность являются тремя мировыми качествами, и чтобы приложить их, нужна искренность. (332)

- Духовно сильный человек будет силён во всех отношениях, если он того пожелает; и даже физические по-

требности не могут быть удовлетворены раньше, чем в человечестве найдётся духовная сила. (333)

- Нет той нужды и той нищеты, которых бы вы не смогли устранить сознанием силы своего духа. Уверуйте в эти слова – и вы будете всемогущи. (334)

- Этот мир – огромный гимнастический зал, куда мы пришли, чтобы стать сильными. (335)

- Тело сотворено мыслью, которая лежит в его основе. Тело есть мысль в действии. (336)

- Всё в этом мире взаимосвязано: и хорошее, и плохое. Если ваш организм находится в известной степени напряжения, он будет иметь тенденцию вызвать аналогичное напряжение в других. Если вы сильны и здоровы, те, кто живёт рядом с вами, будут также становиться сильнее и здоровее. Но если вы больны и слабы, окружающие вас люди будут склонны стать такими же. Вибрации вашего тела будут оказывать воздействие на состояние тела другого человека. (337)

- Слабый никогда не достигнет свободы; отбросьте всякую слабость, говорите вашему телу, что оно крепко, говорите вашему уму, что он силён и имейте безграничное доверие к себе. (338)

- Ты одновременно свободен и не свободен, ты никогда не свободен на земной плоскости, но всегда свободен на духовной. Выйди за пределы как свободы, так и стесняющих тебя уз. (339)

- Свобода – это отсутствие иллюзий. (340)

- Говори, что твоя «природа» требует от тебя этого поступка; никогда не говори, что твой «долг» требует от тебя какого бы то ни было поступка. (341)

Чем более обстоятельства против нас, тем сильнее и ярче проявляется наша внутренняя сила. (342)

- Если твоя свобода наносит вред другим, ты не свободен. Ты не должен причинять другим вред. (343)

- Зло — это железная цепь, а добро — золотая. И то, и другое — цепи. Будь свободен и знай, что для тебя нет цепей. Возложи на себя золотую цепь, чтобы сбросить железную, а потом сбрось обе. (344)

- Если вы говорите, что вы связаны, то вы останетесь связанными. Если же вы дерзаете заявить, что вы свободны, то в этот миг вы свободны. (345)

- Материализм утверждает, что голос свободы – это заблуждение. Идеализм утверждает, что голос, говорящий об оковах, – это заблуждение. Веданта утверждает, что ты одновременно свободен и несвободен; всегда несвободен на земной плоскости, но всегда свободен на духовной. (346)

- Вы не можете верить в Бога, если не верите в самих себя. (347)

- Религия – это идея, превращающая животное в человека, человека – в Бога. (348)

- Всякая часть подобна целому: всё возникает из целого, из Бога. (349)

- Если невозможно достичь совершенства в нашем мире, нет никаких доказательств, что его можно достичь в какой-то иной жизни. (350)

- Вещи не улучшаются, но мы делаемся лучше, изменяя их. (351)

- Материальная цивилизация, более того, даже роскошь необходимы для того, чтобы дать работу бедным. (352)

- Предлагать религию голодным – оскорбление. (353)

- В этом злосчастном мире человек может себе позволить утешаться, как найдёт нужным. (354)

- Я уйду, но я не вернусь прежде, чем не разорвусь над обществом, как бомба, а оно последует за мной как пёс. (355)

- Хлеба! хлеба! Я не верю в Бога, который вместо того, чтобы накормить меня, обещает вечное блаженство в раю. (356)

- Если есть Бог, мы должны видеть Его; если есть душа, мы должны ощущать её, иначе лучше не верить. (357)

- Верить во что-то потому, что организованный класс священников призывает верить, потому что так написано в каких-то книгах, для современного человека неприемлемо. Неправильно верить слепо, вы должны упражнять свой разум и развивать способности к рассуждению. (358)

- Если религия рушится, когда её исследуют с помощью разума, то, значит, она всегда была бесполезным, ли-

шённым ценности суеверием, и чем скорее тогда она исчезнет, тем лучше. Я полностью убеждён в том, что абсолютное уничтожение её в этом случае – лучшее, что может случиться. (359)

- Представьте себе, что коровы вдруг начали бы философствовать и решили создать собственную религию. Вначале оне бы разработали понятие коровьей Вселенной, а затем пришли бы к соответствующему решению задачи. Оне никогда не сочли бы необходимым создать такое понятие о Боге, каким Его представляет себе человек. Подобным образом философы-кошки смотрели бы на Вселенную, с кошачьей точки зрения, и объяснили бы её в понятиях, свойственных их собственному сознанию, считая, что она управляется огромным котом. Обычное человеческое представление не может охватить всего вопроса, а тем более разрешить его, это несомненно. Было бы большой ошибкой принять за окончательное решение ту ужасную эгоистичную позицию, которую может занять в этом вопросе человек. (360)

- Любое разрешение мировых проблем, основывающееся на изучении внешних явлений, способно привести к ошибочным заключениям – во-первых, потому, что Вселенная, которую мы видим, есть наша собственная Вселенная, наш личный ограниченный взгляд на действительность, и, во-вторых, потому, что саму действительность мы не можем ни воспринимать нашими чувствами, ни обнять нашим умом. Мы видим мир, с точки зрения существ, обладающих только пятью чувствами. Если бы у нас было ещё одно чувство, всё для нас изменилось бы. (361)

- Если бы мы приобрели чувство магнетизма, мы смогли бы обнаружить существование миллионов сил, о кото-

рых мы до сих пор не имели никакого понятия. Наши чувства очень ограничены, и то, что мы называем Вселенной, воспринимается нами строго в пределах этого ограничения. Бог же наш есть лишь способ осмысления этой Вселенной. Очевидно, такое частичное обьяснение никогда не раскроет всего вопроса. (362)

- Всем известно, что религия требует от нас слепой веры. Как ни неприемлемым может казаться такое требование, под ним, однако, скрывается великая истина. Ум не следует беспокоить напрасными рассуждениями, потому что рассуждения никогда не приведут нас к познанию Бога. Это познание требует опыта, а не рассуждений. (363)

- Человек должен не только иметь веру, но и быть разумным в своей вере. Заставить его принимать всё на веру значило бы сделать его сумасшедшим. (364)

- В наше время невозможно считать, что верны только наши фантазии или религия наших предков, все же остальные религии, исходящие из других источников, ложны. Подобная точка зрения показала бы только слабость нашего ума. (365)

- Все доказательства, все рассуждения должны быть основаны на известных фактах. Без фактов не может быть никакого суждения. Рассуждение есть способ сравнения известных фактов, которые нами уже непосредственно восприняты. Если таких, уже известных из жизни, фактов нет, не может быть никакого рассуждения о них. И, будучи правильным относительно внешних предметов, почему это не должно быть верным относительно внутренних? Это одна из огромных ошибок, в которые мы постоянно впадаем. (366)

- Всеми признано, что знание, даваемое внешними ощущениями, основано не на логических рассуждениях, а на действительном опыте. Никто не требует, чтобы вы верили одним лишь утверждениям. Законы ощущения установлены жизненным опытом в форме не рассуждения, но прямого восприятия. А между тем все мы способны утверждать, что религия основана только на теоретических рассуждениях. Все наши доказательства исходят из того, что мы воспринимали. (367)

- Всё человеческое знание вытекает из опыта и представляет собой не что иное, как гармонично связанные прежние опыты. (368)

- Химик соединяет известные вещества и получает определённые результаты. Это факт; вы его видите, ощущаете и принимаете за основание, на котором строите ваши выводы. То же делает физик, и то же самое происходит во всех других науках. Всё знание основано на восприятии известных фактов, на которых мы строим наши теории. И довольно странно, что огромное большинство людей в настоящее время полагает, что в религии подобных восприятий не бывает, что она может быть реализована путём одних ни на чём не основанных рассуждений. (369)

- Не следует беспокоить ум пустыми аргументами. Религия есть вопрос фактов, а не разговоров. Мы должны проанализировать нашу собственную душу и найти то, что в ней есть, должны понять и воочию убедиться в том, что нами понято. Это, и только это, и есть религия. Сколько бы мы ни вели разговоров, они не сделают нас религиозными. Вопрос, есть ли Бог или Его нет, никогда не может быть разрешён путём аргументации, пото-

му что аргументы можно приводить в подтверждение как того, так и другого. (370)

- Вы видели, что вопрос, существует ли мир или не существует, не разрешён до сих пор и что споры между идеалистами и реалистами будут продолжаться бесконечно, хотя мы знаем как факт, что мир существует и что все наши споры не более как обмен не имеющими смысла словами; совершенно то же и с этим жизненным вопросом о душе и Боге. Мы должны обратиться к фактам. (371)

- Как в науке, так и в религии в некоторых вещах необходимо убедиться на личном опыте. Определённые факты должны быть восприняты, и только на таком основании могут строиться религиозные убеждения. (372)

- Чрезмерное требование, что вы должны верить всем догматам данной религии, конечно, абсурдно и унизительно для человеческого ума. Человек, требующий, чтобы вы чему-нибудь слепо верили, унижает себя, а если вы подчинитесь такому требованию, это унизит также и вас. (373)

- Единственное основание, опираясь на которое, великие мудрецы мира утверждают открытые ими истины, заключается в том, что они исследовали свой собственный ум, открыли истины, о которых говорят, и могут доказать, что если мы сделаем то же, что сделали они, то также непосредственно воспримем те же истины. Только тогда мы будем верить, но не ранее. В этом всё основание религии. (374)

- Но вы должны всегда помнить, что в действительности 99,9% из тех, кто рассуждает о религии, никогда не ана-

лизировали собственного сознания и никогда не старались убедиться в действительных фактах. Их аргументы против религии имеют поэтому не больше значения, чем заявления слепого, который утверждает: «Никакого солнца не существует! Только сумасшедшие верят, что оно светит!» Совершенно такое же значение имеют для нас и доводы тех, кто никогда не пытался анализировать свой внутренний мир, но тем не менее отвергает религию. (375)

- Мы должны настойчиво стремиться к познанию истины опытом. Все наши волнения и споры по поводу религии прекратятся только тогда, когда мы поймём, что её нельзя найти ни в книгах, ни в храмах, ни в чувствах. Её можно постичь лишь непосредственным восприятием, и только тот человек понастоящему религиозен, который способен к непосредственному восприятию Бога и души. (376)

- Что касается всех остальных, не имевших такого восприятия, то, будь они самыми почитаемыми духовными лицами, проповедующими религиозные истины массам людей, или самыми примитивными и невежественными материалистами, между ними в религиозном отношении нет никакой разницы. (377)

- Надо сознаться, что по большому счёту все мы атеисты. Простое интеллектуальное развитие не делает и не может сделать человека религиозным, будь то христианин, магометанин или последователь какой бы то ни было другой религии. (378)

- Все мы на самом деле атеисты, хотя и нападаем на тех, кто открыто признаётся в этом. Все мы ходим в потёмках; для нас религия не имеет никакого значения; мы признаём её умом, но служит она только предметом

пустых разговоров. Один говорит о ней очень хорошо, другой плохо; и в этом, и только в этом, и состоит наша религия. (379)

- В определённом смысле слова я тоже материалист, ибо верю, что существует только одно, как раз то, во что нас призывает верить материализм. Только он называет *это одно* материей, а я – Богом. (380)

- Части существуют только для того, чтобы стремиться стать одним целым. (381)

- Всемирная религия, цель которой удовлетворять каждого, должна проповедовать не такого Бога, Который может быть признан только частью человечества, но такого, Которого могут признать все. (382)

- Все мелкие несогласия, которые мы встречаем между одной религией и другой, – только глупая борьба за слова. Простая разница в выражениях влечёт за собой все наши ссоры. Один выражает известную мысль одним способом, другой ту же мысль высказывает несколько иначе, а затем, желая быть оригинальным или получить похвалу, прибавляет: «Это моя собственная идея». С этого обыкновенно и начинается между ними борьба. (383)

- Космический Разум есть то, что теологи называют Богом. (384)

- Наша громадная ошибка в том, что мы замечаем эволюцию поклонников Бога, но упускаем из виду эволюцию их понятий о Боге. (385)

- Слово «Бог» перешло к нам от незапамятных времён, и с ним связано всё великое и святое, всё, что обознача-

ется словосочетанием «всемирный разум». Думаете ли вы, что мы должны его оставить, потому что несколько глупцов говорят, что оно неправильно? Придут другие и скажут: «Используйте термин, который я придумал», другие предложат свои варианты. И если мы будем слушать их всех, не будет конца придумыванию глупых названий. Пользуйтесь старыми словами, но пользуйтесь ими разумно, очищая свой ум от суеверий и давая себе ясный отчёт в том, что под этими словами и древними выражениями понимается. (386)

- Если вы усвоили то, что понимается под силой закона ассоциации, вы должны знать, что с этими словами связано бесконечное число величественных идей огромной силы, что они употреблялись миллионами человеческих душ и что миллионы людей почитали эти слова и называли ими всё самое высокое и лучшее, всё разумное и достойное любви, всё, что есть великого и высокого в человеческой природе. Таким образом, они пришли к нам, наполненные силой всех этих ассоциаций, и не могут быть отброшены. (387)

- Задача человека видеть Бога во всём; но если вы не можете видеть Его во всех вещах, старайтесь сначала видеть Его в чём-нибудь одном, в том, что вам больше всего дорого, а затем в другом. Так вы будете продвигаться вперёд. Перед душой бесконечная жизнь. Не торопитесь, и вы достигнете того, к чему стремитесь. (388)

- Беда человека в том, что он склонен ставить телегу перед лошадью: человек сам наполняет храм святостью, а потом причина превращается в следствие, и человек, пришедший в храм, черпает оттуда святость. Если бы ходили в храм одни плохие люди, храм скоро стал бы

не лучше других мест. Храм – не здание, а люди в нём, о чём мы часто забываем. (389)

- Отворачиваться от чего-нибудь без надлежащего исследования ещё не признак беспристрастного научного ума; и такие учёные заслуживают не меньшего порицания, чем люди, думающие, что их молитвы исполняются одним или несколькими существами, обитающими над облаками, или верящие, что своими молитвами они могут побудить этих существ изменить ход мировых событий. Таким людям может служить извинением их невежество или ложная система воспитания, вследствие которой они с детства привыкли во всём полагаться на помощь таких существ, и эта привычка стала частью их ослабленной натуры; у людей науки же нет и такого оправдания. (390)

- Старые понятия мира могут быть суевериями, но во всей этой массе суеверий рассыпаны всюду бесценные самородки золота истины. Нашли ли вы средство удержать это золото, отбросив весь мусор? (391)

- Человеческий язык представляет собой стремление выразить во внешних символах находящуюся внутри нас истину. (392)

- В древней мифологии часто встречается настоящая суть истины, а за современными изящными и отшлифованными фразами, приходится с грустью сказать, часто нет ничего, кроме бессмыслицы. Поэтому мы не должны отбрасывать что бы то ни было только потому, что оно облечено в форму мифологии и не похоже на понятия какого-нибудь учёного новейшего времени. (393)

- Принимать теорию следует только ту, которая объясняет если не всё, то большую часть фактов и не противоречит другим известным фактам. (394)

- Сила, которая воздействует на материю и образует из неё тело, – та самая, которая проявляется через это тело. Говорить, что мысли, проявляющиеся через тело, являются результатом расположения его молекул и вообще не имеют независимого существования, – бессмыслица. Никакая сила, развиваемая материей, не может быть силой мысли. Скорее можно доказать, что не существует то, что мы называем материей, так как оно – только некоторое состояние силы. Можно сказать, что твёрдость, плотность и другие его свойства суть результаты движения. (395)

- Теперешний человек представляет собой только один проблеск той бесконечной дальности, которая скрыта за ним, одну искру того бесконечного огня, который есть Всё; истинная же его природа – сама Беспредельность. (396)

- В нынешнее время мы вообще всё измеряем пользой, проще говоря, числом фунтов, шиллингов и пенсов. Но по какому праву кто бы то ни было может требовать, чтобы истина оценивалась на деньги или выгоды? Предположите, что пользы нет, разве истина от этого уменьшится? Полезность – не доказательство истины. (397)

- Истина не обязана преклоняться перед каким бы то ни было обществом, древним или современным. Общество должно преклониться перед истиной или умереть. (398)

- Любые сообщества и любые существа должны основываться на истине, но истина не должна приспосабли-

ваться к ним. Если такая высокая истина как бескорыстие не может осуществляться в обществе, то лучше бросить это общество и уйти в лес. Этим человек проявит своё мужество. (399)

- Каждый добивается счастья, но большинство ищет его в вещах преходящих и нереальных. Ещё никто и никогда не находил счастья в чувствах или чувственных удовольствиях; счастье может быть найдено только в духе. Стало быть, самая высшая польза для человечества состоит в том, чтобы найти духовное счастье. (400)

- Зачем толковать о вашей физической силе и указывать на ваши западные учреждения, если вы не можете согласовать ваше общество с истиной, устроить его так, чтобы в нём нашлось место для высочайшей истины? Что значат ваши хвастливые рассуждения о вашей силе и величии, если ваше первое и последнее слово об истине: «Это непрактично»? Разве практичны только фунты, шиллинги и пенсы? Если так, то почему вы хвастаете вашим общественным устройством? (401)

- То общество самое великое, в котором самые высшие истины оказываются наиболее практичными. И если общество ещё не приспособлено к осуществлению в нём высших истин, сделайте его таким. Сделайте его таким, если можете, и чем скорее, тем лучше. Воспряньте духом, осмельтесь верить в истину, осуществлять истину! (402)

- Мир нуждается в нескольких сотнях смелых мужчин и женщин. Конечно, истинно мужественным быть очень трудно, в животной же храбрости тигр и волк, одарённые ею от природы, вам не уступят, и крошечный муравей далеко превзойдёт вас. Но к чему говорить без

конца об этой физической храбрости? Проявляйте храбрость человека, который радостно встречает смерть, утверждает, что он дух и что во всей Вселенной нет руки, которая могла бы его убить, нет грома, могущего его поразить, нет огня, могущего сжечь его; храбрость того человека, который смеет знать истину и осуществлять её в жизни. Это свободный человек, истинная душа. И такое бесстрашие можно проявлять и в нынешнем, и в каком угодно обществе. (403)

- Жизнь ваша – это миг; подёнщик ли вы или император, царствующий над миллионами. Жизнь эта – только миг; обладаете ли вы самым цветущим здоровьем или больны. И разгадка жизни только одна, и разгадка эта – религия, Бог. Это объясняет смысл жизни, и она становится лёгкой и радостной. Без этого же жизнь – лишь ненужная тягота. (404)

- Что побуждает вас действовать? Каковы ваши мотивы? Твёрдо ли вы убеждены, что это не жажда наживы, не жажда славы, не стремление властвовать? Действительно ли вы убеждены, что будете защищать ваши идеалы и продолжать вашу работу, если бы даже целый свет обрушился, чтобы раздавить вас? Действительно ли вы уверены, что вы знаете, чего хотите, и исполните свой долг, и только долг, хотя бы ценою жизни? Уверены ли вы, что будете биться до последнего вздоха? Да? Тогда вы истинный реформатор, вы учитель, вы благословение для человечества! (405)

- Чем выше каста, тем больше всяких ограничений. Люди, принадлежащие к низшей касте, могут есть и пить всё что угодно, но по мере того, как человек поднимается по общественной лестнице всё выше и выше, он подвергается всё большим и большим ограничени-

ям, и жизнь высшей касты, браминов, очень стеснена во всём. Если сравнить их жизнь с жизнью людей Запада, то их жизнь будет постоянным аскетическим подвигом. (406)

- Человек так нетерпелив, так близорук! У него нет терпения ждать, нет способности видеть впереди. Он хочет управлять всеми, он хочет немедленных результатов. Почему? Потому что ему хочется пожать плоды самому, потому что на самом деле он не заботится о других. (407)

- Это обычное явление: если человек отбрасывает от себя прочь тщету мирскую, мир зовёт его сумасшедшим. Но такие люди – соль земли. Именно из такого безумия исходила всегда сила, поднимавшая наш мир на высшую ступень, и только из такого безумия явятся в будущем силы, которым надлежит явиться. (408)

- Весь мир безумен: одни помешались на богатстве, другие на удовольствиях, третьи на славе и на тысяче других вещей. Блажен человек, безумный о Боге! Мало таких людей на земле. (409)

- Мы должны чувствовать Бога, чтобы быть убеждёнными, что Бог есть. Ничто и никто, кроме нас самих, не может сделать это ясным и доступным для нас. (410)

- Цель всех религий одна, все оне учат одному и тому же, вся разница лишь в методах и языке. В самой же сущности своей все религии преследуют одну и ту же цель. (411)

- Одна из наиболее жизненных, одна из наиболее дивных истин состоит в том, что все религии мира не

противоречат, не враждебны одна другой, ибо все оне только различные проявления Одной Вечной Религии. Одна Бесконечная Религия существовала вечно и будет вечно существовать, и эта Религия выражается в различных странах поразному. Поэтому мы должны относиться с уважением ко всем верованиям и пытаться принять все их, насколько только это для нас возможно. (412)

- Религия это не выдумка, а действительная связь с Божеством, которую можно чувствовать, ощущать несравненно более сильно, чем внешний мир. (413)

- Религия не в воздвигании храмов, не в посещении церковных служб, не в книгах, не в словах, не в лекциях, не в организациях, религия – в связи между душой человека и Богом, в осуществлении этой связи. (414)

- Как бы мы ни рассуждали, как бы много рассуждений других мы ни слушали, удовлетворит нас только одно – личный опыт, личное осуществление, и опыт этот доступен каждому, если мы только захотим попытаться. (415)

- Первый шаг на этом пути – это самоотречение. Мы должны отречься от своей личности, насколько только это возможно. Свет и мрак, мирские наслаждения и блаженство общения с Богом несовместимы: «Не можете служить Богу и мамоне». (416)

- Отречение – это основа всякой религиозной мысли, и вы всегда можете видеть, что, по мере того как ослабевает эта идея отречения, область религии захватывается земными чувствами и желаниями и духовность в такой же степени слабеет. (417)

- Отречение необходимо в наши дни, когда люди уверены, что все они и месяца не проживут без того, что они называют «самым необходимым», причём «необходимости» эти у них растут в геометрической прогрессии. (418)

- Перестаньте говорить о любви к ближнему, а доказывайте эту любовь делами. (419)

- Ныне настало время для самоотречения и осуществления великих заветов. Вступив на этот путь, вы увидите согласие и гармонию между всеми религиями мира, вы увидите, что нет нужды ни в каких спорах и раздорах, и только тогда вы будете в состоянии помочь человечеству. (420)

- Религия проявляется не только в зависимости от времени и места, но и в зависимости от личных свойств человека. В одном она проявляется как энергичная деятельность, в труде, в другом в глубокой набожности, в третьем – в мистических исканиях, в четвёртом – в его рациональной философии и т.д. И мы будем не правы, если скажем другим: ваши методы ошибочны. (421)

- Это только грубое суеверие, будто бы между религиями есть разница. Бог один у всех, и ни вы, ни я, ни какая-либо группа людей не могут быть ответственными за спасение душ людских. Это – дело Божье. (422)

- Нужно ясно понять эту важную мысль: Истина может быть и одна, и не одна в одно и то же время, мы можем видеть одну и ту же Истину различно с разных точек зрения. И тогда вместо вражды у нас будет бесконечная симпатия ко всем. (423)

- Нет резона верить, будто соперничество – необходимое условие прогресса. Вначале человек был заключён в

животном, но вырвался из него, едва только приоткрылась дверь. В человеке заключён бог, закованный в цепи невежества. Бог проявляется в человеке, когда познание сокрушает цепи и решётки. (424)

- Король на троне своём не более велик и славен, чем обыкновенный метельщик. Снимите его с трона, дайте ему исполнить труд метельщика и посмотрите, что будет с ним. Возьмите метельщика и поглядите, как он будет царствовать на троне. Глупо говорить, что человек живущий вне мира более велик, чем живущий в нём. Гораздо труднее жить в мире и чтить Бога, чем отрешиться от мира и вести свободную и лёгкую жизнь. (425)

- Если кто-нибудь покинет мир для того, чтобы служить Богу, то он отнюдь не должен думать, что живущие в мире и работающие на благо мира не чтут Бога. Так же точно, живущие в мире для жены и для детей не должны думать, что отрешившиеся от мира люди просто-напросто бродяги. Каждый велик на своём месте. (426)

- Реалистические идеи более соответствуют слаборазвитым умам, которым оне дают очень удобные, естественные и здравые объяснения. (427)

- Проявление, или более плотное состояние, всегда следствие, а более тонкое состояние причина. Следствие никогда не отличается от причины. Оно – только воспроизведение последней в более плотной форме. Причина – то же, что следствие, та же причина, только воспроизведённая в другой форме. Ничто не может быть без причины, и сама причина должна находиться в следствии, в его более тонкой форме. (428)

- Не смущайтесь философскими терминами; если слова пугают вас, вы не годитесь быть философами. (429)

- Человеческий ум имеет естественную склонность познавать; он постоянно стремится, так сказать, выйти за пределы тела и войти в соприкосновение с предметами познания посредством органов чувств. (430)

- Как тело то прогрессирует, то приходит в упадок, совершенно так же и у ума бывают периоды силы и слабости. Поэтому ум – не душа, так как душа – нечто нетленное и не может испытывать ни ослабления, ни разрушения. (431)

- То, что способно светить собственным светом, не может уничтожиться. Заимствованный свет может приходить и исчезать, но то, что само является светом, неизменно. (432)

- Душа не знает, но *сама* – знание, не существует, но *сама* – существование, не счастлива, но *сама* – счастье. То, что счастливо, заимствовало это счастье; в нём это качество лишь отражается. То, что имеет знание, получило это знание; это свет заимствованный. То, что имеет относительное существование, не существует само по себе, но отражает существование чего-то другого. Везде, где есть различие между веществом и качеством, качество только отражено в веществе. Но душа не имеет ни Знания, ни Существования, ни Блаженства как своих свойств – всё это её сущность. (433)

- Всё знание и вся чистота уже есть в душе, и разница между душами только в том, что знание и чистота выражены в них смутно или ясно. (434)

- Душа по своей сути чиста и совершенна, и человек, делающий зло, обманывает самого себя; он не знает своей истинной природы. (435)

- Для души нет ни рождения, ни смерти; она только открывает себя в этих фактах. Она медленно и постепенно проявляется в разных формах, начиная от более низких и до высших, и на разных ступенях выказывает своё величие. Воплотившись в одно тело, она действует на него посредством ума, охватывает им внешний мир и научается понимать его, а использовав и истощив его, переходит в другое и т.д. (436)

- Мы существовали от вечности и будем вечно существовать, и ни под солнцем, ни над ним нет силы, которая могла бы лишить меня существования или сделать нулём. (437)

- Идея о перевоплощении не только не заключает в себе ничего страшного, но, безусловно, необходима для нравственного благосостояния человеческой расы. Она представляет собой единственное логическое заключение, к которому люди могут прийти. Если вы должны существовать вечно, то должны были вечно существовать и в прошлом. Иначе быть не может. (438)

- Научись ощущать себя в телах других, воспринимать всех нас единым целым. Отбрось всю прочую глупость. Расскажи о своих поступках, добрых и дурных, и никогда о них больше не вспоминай. Что сделано, то сделано. Отбрось предрассудки. Не поддавайся слабости даже перед лицом смерти. Не кори себя, не переживай из-за совершённых дел и не вспоминай добрые дела. Будь свободен. Слабые, боязливые, невежественные никогда не достигнут сущности. (439)

- Только вернувшись обратно в море, волна может стать беспредельной, но не тогда, когда она волна. Затем, вновь став морем, она может вновь стать волной, сколь угодно большой волной. Перестань отождествлять себя с собой нынешним и узнай, что ты свободен. (440)

- «Я должен проявлять высшее, я не могу удовольствоваться меньшим» – вот ваш девиз. Другими путеводными мыслями для вас должны быть: «Помогай, но не сражайся. Усвоение, но не разрушение. Гармония и мир, а не вражда, голод и распри». (441)

- Займи выигрышную позицию: зная о своей единой природе, мы должны взирать на мир с полным спокойствием. (442)

- Всякая душа потенциально божественна. (443)

- Цель жизни состоит в проявлении в себе этой божественности путём подчинения своей внутренней и внешней природы. (444)

- Достигайте этого трудом, молитвой, психическим управлением или философией – одним из этих способов, несколькими из них или всеми – и вы достигнете духовной свободы. (445)

- В этом вся сущность религии; учения, догматы, обряды, книги, храмы, уставы – всё это только второстепенные детали. (446)

- Предоставьте всё Богу. Среди этого огромного огненного горнила, где пламя долга всех обжигает, пейте нектар из сладостной чаши и будьте счастливы. Мы просто ис-

полняем волю Бога, и ни награды, ни наказания нас не касаются. (447)

- Кто хочет награды, тот должен также получить и наказание; единственная возможность избегнуть наказания состоит в отказе от награды. Единственная возможность избегнуть горя лежит в отрешении от идеи счастья, потому что и счастье и горе связаны между собой. (448)

- На одной стороне счастье, на другой несчастье, с одной стороны жизнь, с другой смерть. Преступить смерть можно, лишь отказавшись от любви к жизни. Жизнь и смерть – одно и то же явление, только рассматриваемое с разных точек зрения. (449)

- Представление о счастье без горя, о жизни без смерти прекрасно для школьников и для детей; но мыслитель понимает, что это лишь противоречие в терминах, и отказывается и от того, и от другого. (450)

- Общий итог страданий и радостей на земле останется всегда неизменным, мы лишь перемещаем его с места на место, но он от того не увеличивается и не уменьшается. Этот прилив и отлив, подъём и падение присущи самой природе мира; думать иначе столь же нелогично, как представлять себе жизнь без смерти. Это совершенная нелепость ввиду того, что сама идея жизни подразумевает смерть и сама идея радости подразумевает страдание. Светильник беспрестанно выгорает, и в этом состоит жизнь. Если вы хотите приобрести жизнь, вы должны каждую минуту умирать за неё. (451)

- Жизнь и смерть составляют только различные выражения одного и того же явления, рассматриваемого с

различных точек зрения; оне представляют подъём и падение одной и той же волны и образуют одно целое. Один человек смотрит на аспект падения и становится пессимистом; другой смотрит на аспект подъёма и становится оптимистом. Когда мальчик ходит в школу и отец и мать заботятся о нём, ему всё кажется прекрасным; потребности его просты; он большой оптимист. Но старик, с его разнообразным опытом, становится спокойнее, и пыл его несомненно охладевает. (452)

- Не ищите ни похвалы, ни награды, что бы вы ни делали. Совершив что-нибудь хорошее, мы сейчас же требуем награждения. Отдав деньги на какое-нибудь дело благотворительности, мы хотим, чтобы имена наши были напечатаны в газетах. Такие желания приносят в результате горе. (453)

- Величайшие в мире люди умерли неведомыми. Известные нам великие люди – это только второстепенные герои в сравнении с величайшими людьми, оставшимися неведомыми миру. Сотни их жили в каждой стране, работая в тишине. Молча они живут и молча уходят; и со временем мысли их находят себе выражение в умах «гениев» и «талантов», и этих последних мы только и знаем. (454)

- Высочайшие люди не ищут славы и громкого имени в награду за своё знание. Они оставляют миру свои мысли, но ничего не требуют для себя и не основывают систем и школ своего имени. Природа их чуждается этого. Они принадлежат гармонии и не могут делать никакого шума, а только растворяются в любви. (455)

- Высший разряд людей молчаливо собирает истинные и благородные мысли, а другие – ходят с места на место, проповедуя их и работая ради них. (456)

- Величайшие люди спокойны, молчаливы и безвестны. Это люди, воистину знающие силу мысли; они уверены, что даже если они войдут в пещеру, закроют двери и просто подумают пять хороших мыслей и затем умрут, то эти пять мыслей будут жить вечно. Такие мысли пронизывают горы, переплывают океаны и обходят весь мир. Оне глубоко западают в человеческие сердца и умы и порождают людей, которые дают им практическое применение в человеческой жизни. (457)

- Люди гармонии слишком близки к Богу, чтобы быть активными, бороться, работать, проповедовать и делать добро, как его понимают здесь, на земле. (458)

- Активные работники, как бы они ни казались совершенными, имеют всё же в себе остатки незнания. Мы можем работать только до тех пор, пока природа наша содержит в себе некоторые остатки нечистоты. В самой природе работы лежит побуждение к ней, вызванное какой-нибудь причиной или пристрастием. (459)

- Как можно придавать какое-нибудь значение своей работе в присутствии вечно деятельного Провидения, отмечающего даже смерть воробьёв? Не кощунство ли думать о своей заботе, когда мы знаем, что Бог заботится о мельчайших вещах в мире? Нам остаётся только стоять в благоговейном трепете, говоря: «Да будет воля Твоя!» (460)

- Высочайшие души не могут работать, потому что оне бесстрастны. Для всех людей, чьи души ушли в Истинное «Я», чьи желания сосредоточены в этом «Я», кто соединился со своим истинным «Я», для этих людей работы не существует. Они воистину высочайшие люди в мире; но, за исключением их, все должны работать. (461)

- Лучше всего работает тот, кто работает без всякого личного мотива, не из-за денег, не из-за славы, не из-за чего-либо другого. И, когда человек может работать так, без всякого пристрастия, он становится новым Просветлённым, и из него исходит такая сила труда, которая может изменить весь мир. (462)

- Встань, лучезарный! Встань, исполненный вечной чистоты! Встань, кто никогда не рождался и никогда не умрёт. Встань, всемогущий, прояви свою истинную природу. Эти низменные проявления недостойны тебя. (463)

- Есть только один способ достичь цели: сказать себе и сказать всем остальным, что мы божественны. И чем больше мы повторяем эти слова, тем сильнее становимся. (464)

- Встань, пробудись и не останавливайся, пока не достигнешь цели. (465)

- Наша задача — нести весь свет в мир. Пусть свет прольётся на каждого. Несите свет богатому, потому что он нуждается в нём больше бедного. Несите свет невежде, но ещё больше света несите образованному, ибо тщеславие образованных в наше время безмерно! Так несите свет всем! (466)

- Лишь для души, достигшей созерцательного состояния, мир становится действительно прекрасным. Для того, кто ничего не желает и не отождествляет себя ни с чем, бесконечные изменения природы представляют одну сплошную панораму красоты и величия. (467)

2019 г.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ *(Йог Раманантата)* 3

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Й О Г Р А М А Ч А Р А К А
КУЛЬТУРА ПАМЯТИ: НАУКА НАБЛЮДЕНИЯ, ЗАПОМИНАНИЯ И ПРИПОМИНАНИЯ

Глава Первая
ПРЕДСОЗНАНИЕ 11

Глава Вторая
ВНИМАНИЕ И ВНИМАТЕЛЬНОСТЬ 18

Глава Третья
ПОЛУЧЕНИЕ ВПЕЧАТЛЕНИЙ 24

Глава Четвёртая
ЗРИТЕЛЬНЫЕ ВПЕЧАТЛЕНИЯ И ПАМЯТЬ. 34

Глава Пятая
УПРАЖНЕНИЯ ДЛЯ ВОСПРИЯТИЯ ЗРИТЕЛЬНЫХ ВПЕЧАТЛЕНИЙ 42

Глава Шестая
ВОСПРИЯТИЕ СЛУХОМ И ПАМЯТЬ 50

Глава Седьмая
УПРАЖНЕНИЯ В ПОЛУЧЕНИИ СЛУХОВЫХ ВПЕЧАТЛЕНИЙ 55

Глава Восьмая
АССОЦИАЦИЯ МЫСЛЕЙ 63

Глава Девятая
ВСПОМИНАТЬ, ПРИПОМИНАТЬ И УЗНАВАТЬ 68

Глава Десятая
ОБЩИЕ ПРИНЦИПЫ ОТНОСИТЕЛЬНО ВПЕЧАТЛЕНИЙ 73

Глава Одиннадцатая
СИСТЕМА НАКОПЛЕНИЯ ЗНАНИЙ 83

Глава Двенадцатая
СИСТЕМА ДЕСЯТИ ВОПРОСОВ 90

Глава Тринадцатая
ПАМЯТЬ НА ЧИСЛА, ХРОНОЛОГИЮ И ЦЕНЫ 96

Глава Четырнадцатая
ПАМЯТЬ НА МЕСТА 101

Глава Пятнадцатая
ПАМЯТЬ НА ЛИЦА. 105

Глава Шестнадцатая
ПАМЯТЬ НА ФАМИЛИИ И ИМЕНА 108

Глава Семнадцатая
ИСКУССТВЕННЫЕ СИСТЕМЫ ЗАПОМИНАНИЯ. 115

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Й О Г Р А М А Н А Н Т А Т А
ПАМЯТЬ ПРОШЛЫХ ЖИЗНЕЙ И МНОЖЕСТВЕННОСТЬ СУЩЕСТВОВАНИЙ
РЕГРЕССИЯ И РЕИНКАРНАЦИЯ

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Й О Г Р А М А Н А Н Т А Т А
МАНИФЕСТ КАРДЕНИСТСКОЙ ФИЛОСОФИИ
ТРАКТАТ О ДУХАХ И БЕССМЕРТИИ

ПРИЛОЖЕНИЕ

АФОРИЗМЫ СВАМИ ВИВЕКАНАНДЫ 333

ГИПЕРМАРКЕТ ЭЗОТЕРИКИ

Море эзотерических товаров с доставкой на дом

WWW.MAGIC-KNIGA.RU

КНИГИ

- Книги по практической магии, эзотерике, оккультизму.
- Восточные практики и учения. Новинки издательств.

КАРТЫ ТАРО

- Огромный выбор карт, оракулов и коллекционных колод.
- Книги по Таро, самоучители, мешочки, гадальные скатерти.

АТРИБУТИКА

- Амулеты и талисманы
- Славянская символика
- Натуральные камни
- Восточный Фэн-Шуй, поющие чаши, шары здоровья
- Биолокационные рамки

ГАДАНИЯ

- Спиритические доски
- Наборы Рун
- Хрустальные Шары
- Гадальные скатерти
- Магические свечи

Доставка заказов по России (почтой, курьером, пункты выдачи заказов) и по всему миру.

Телефон: 8 (499) 703-18-18 (многоканальный)

КНИГИ ЙОГА РАМАНАНТАТЫ

АРТИКУЛ: 35002 «УПРАЖНЕНИЯ ЙОГИ ДЛЯ ГЛАЗ»

Переплет: мягкий, 400 стр.

Не секрет, что зрение людей становится всё хуже и хуже. Чем это вызвано и как бороться с данной бедой, Вы сможете узнать, читая книгу Йога Раманантаты «Упражнения Йоги для глаз, или Глаза – Зеркало Души». Эта книга не просто излагает взгляд йогов на данную проблему, но и показывает, что такой взгляд во многом совпадает с точкой зрения некоторых учёных на Западе. К достоинствам книги, бесспорно, принадлежит и то, что о самых сложных вопросах такой специальной области, как офтальмология, в ней говорится языком простым и понятным каждому, а несколько упражнений, которые надо проделывать ежедневно, не потребуют ни много времени, ни специального тренировочного зала.

АРТИКУЛ: 30333 «КАРМА-ЙОГА»

Переплет: мягкий, 406 стр.

Карма-Йога – важное направление учения йогов, но авторы обычно обходят данный раздел стороной, и практически нет сочинений, отдельно посвящённых этому удивительному и доступному, более того, совершенно необходимому для «мирского человека» методу «достижения эффективности» в деловой и повседневной жизни. Карма-Йога означает «путь праведного действия». Для этого нам не требуется оставлять «мирскую жизнь». Йогическая традиция утверждает, что если человек выполняет праведные, т.е. правильные действия, он достигает той же самой цели, что и последователь Джньяна-Йоги или Раджа-Йоги. Самое удивительное, что очень многие люди на Западе, в силу их умственных установок, являются настоящими карма-йогами.

АРТИКУЛ: 40777 «ДЖНЬЯНА-ЙОГА. ПРОДВИНУТЫЙ КУРС ФИЛОСОФИИ ЙОГОВ»

Переплет: мягкий, 424 стр.

Сборник работ Свами Вивекананды по Джньяна-Йоге и Раджа-Йоге – бесспорно, одна из самых лучших и необходимых книг о йоге и самопознании. «Джньяна-Йога» составлена из записей выступлений Свами Вивекананды. Джньяна-Йога исходит из положения о тождестве индивидуальной души человека с Высшей Реальностью, и путь выхода человека из мира соотносится с его же собственным правильным мышлением. «Если бы только, хоть на мгновение, наши зрение, слух и осязание сделались несравненно более совершенными, то мы убедились бы, что смерть не разрушает и не уничтожает человека, но лишь делает его невидимым, неслышимым и неосязаемым.

Гипермаркет Эзотерики

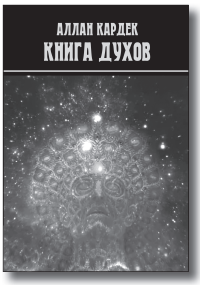
www.magic-kniga.ru ■ Тел.: 8 (499) 703-18-18

при заказе по телефону называйте номера (артикулы) товаров

КНИГИ ЙОГА РАМАНАНТАТЫ

АРТИКУЛ: 24300 «КНИГА ДУХОВ»

Переплет: мягкий, 488 стр.

Аллан Кардек выпускал свои труды, как и многие писатели всех времен под псевдонимом. Его настоящее имя Ипполит Леон Денизар-Ривайл, родился во Франции в городе Лион в семье юриста.

В 19 веке в Европе было повальное увлечение спиритизмом. Книга Духов представляет собой сборник вопросов и ответов на них. Вопросы были составлены автором сборника, представляющие собой главы, разбитые по различной актуальной и по сей день тематике. Считается, что ответы на вопросы получили посредством так называемого ченнелинга, иными словами, через медиумов. В ней даны ответы на практически все вопросы, касающиеся нашего мира и смысла человеческой жизни, которая раскладывается на составляющие и временные этапы.

АРТИКУЛ: 33333 «ЗАПИСКИ О СПИРИТИЗМЕ»

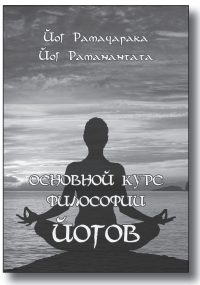
Переплет: твердый, 358 стр.

Наверное, нет человека, который бы не читал Конан-Дойля, но нет и человека, который бы прочитал всего Конан-Дойля. Эта же книга открывает русскому читателю совершенно неведомую ему сторону жизни и творчества этого человека. На её страницах Конан-Дойль предстаёт как тонкий мыслитель, которого глубоко волнуют фундаментальные проблемы Бытия: душа, бессмертие, Бог, религия, психические исследования, человечество, его судьба и предназначение. «Записки о спиритизме» выходят далеко за рамки «столоверчения», столь популярного в те времена. Читайте в книге: Искания Спиритизма. Спиритизм и психика человека. Личная переписка А. К.-Д., открывающая глаза на его истинное отношение к спиритизму.

АРТИКУЛ: 32200 «ОСНОВНОЙ КУРС ФИЛОСОФИИ ЙОГОВ»

Переплет: мягкий, 272 стр.

Текст является введением в целую серию книг, изданных Йогом Рамачаракой в начале прошлого века. Эта книга может быть очень полезной русским читателям, особенно тем из них, кто совершенно незнакомы или имеют «шапочное» знакомство с идеями нематериалистической психологии. Эта работа является начальной книгой для тех, кто желают познакомиться с мистической мыслью Востока. Она именно стремится ввести читателя в круг идей, доселе ему неведомых, и поэтому имеет характер энциклопедический. Мы уверены, что наши читатели оценят, насколько автор справился с этой своей задачей, потому что после знакомства с его книгой читатель сможет ориентироваться в сложных вопросах философии и психологии.

Гипермаркет Эзотерики

www.magic-kniga.ru ■ Тел.: 8 (499) 703-18-18

при заказе по телефону называйте номера (артикулы) товаров

Йог Раманантата

Упражнения йоги для развития памяти

Главный редактор: Демакова А. А.
Технический редактор: Комиссаров М. Ю.
Компьютерная верстка: Комиссаров М. Ю.
Дизайн обложки: Иванова Н. А.

Подписано в печать: 25.09.2020
Формат 60x84$^{1/16}$.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 24,76

16+

Тираж 120 экз.

ISBN 978-5-6044808-9-2

ИП Москвичев А. Г. 603001,
г. Нижний Новгород, а/я 49
Отпечатано в АО «Т 8 Издательские технологии»
(ПАО «Т 8»)
г. Москва, Волгоградский проспект, дом 42, корп. 5